

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА
ВРЕМЕНА ГОДА
БЕЛАЯ
ВЕСНА

Annotation

Третья часть нашумевшего цикла Галины Гончаровой "Белая весна" рассказывает о продолжении приключений Яны и Ани в борьбе со Смертью и судьбой...

Яна продолжает свое путешествие. Сына она нашла, замечательно. Теперь надо вывезти ребенка из разоренной войной Русины, надо найти для него друзей, сопровождающих, опекуна, безопасное место... хочется очень многого. Но получится ли?

В условиях гражданской войны, когда брат идет на брата и войска немногих верных императору рвутся к столице, когда нельзя доверять никому, когда человеческая жизнь становится дешевле куска хлеба... Главное – выжить и сберечь детей. Задача нетривиальная, но Яна справляется, и даже то, что в ней опознали императрицу, не помешает.

Свои беды и горести есть и у Анны. У нее угрожают отобрать ребенка. Воспитанница постоянно влипает в неприятности. Да и любовь... ох уж эта любовь, которая обрушилась, завертела, закружила... и так хочется кусочка простого человеческого счастья!

А время, данное Хеллой, уже на исходе...

Прочитав эту книгу, вы сможете:

– Увидеть, как затейливо складывается мозаика из военных действий и жизненных ситуаций, как сплетаются судьбы и воспитываются характеры.

– Узнать, как отражаются друг в друге две разные судьбы, два времени, две души.

– Выяснить, можно ли найти в нашем обществе место для девушки начала двадцатого века, а в том сложном времени – место для современной девушки.

– Еще раз убедиться, что бесполезных знаний не бывает. Даже если не пригодятся сейчас – выползут в нужную минуту!

– Получить полезные сведения о том, как использовать насекомых в борьбе с назойливыми женихами, а также где водятся упыри и как с ними бороться.

– Понять, что страшнее: иметь и потерять – или не иметь и не знать.

- [Галина Дмитриевна Гончарова](#)
 -
 - [Глава 1. Женщина там на горе сидела.](#)
 - [Глава 2. Травы ли, ветром склоненные...](#)
 - [Глава 3. Ты не видала? Что-то шептала... руду унимала?](#)
 - [Глава 4. Или сердце свое горячее?](#)
 - [Глава 5. Чтото она заговаривала – зелье, быть может, заваривала?](#)
 - [Глава 6. И курился пар – и калился жар – и роса пряла... и весна плыла...](#)
 - [Глава 7. Ты не слыхала? Ветер, наверно, знает, что она там шептала](#)
 - [Глава 8. Ветер слова качает – я их слыхала](#)
 - [Глава 9. Мимо, мимо идите! Рвите неверные нити!](#)
 - [Глава 10. Ах, уплывите, обманы!](#)
 - [Глава 11. Вырыта здесь на холме без вести могила](#)
 - [Глава 12. Саван весенний мне время уж свило](#)
 - [Глава 13. Ах, растекусь я рекою отсюда, буду лелеять, носить облака](#)
 - [Глава 14. Ах, не нужно зеленого чуда – небу я буду верна](#)
 - [Глава 15. Мимо, мимо идите, вечные, тонкие нити](#)
 - [Глава 16. Солнце меня не обманет, сердце меня не затянет](#)
 - [Эпилог. Ветер развеял слова... Хочет молчать тишина.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
-

Галина Дмитриевна Гончарова

Времена года. Белая весна

*Женщина там на горе сидела.
Ворожила над травами сонными...
Ты не слыхала? Что шелестело?^[1]*

Аделаида Герцык. «Весна»

© Гончарова Г.Д., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Женщина там на горе сидела. Ворожила над травами сонными... Ты не слыхала? Что шелестело?

Яна, Русина. Синедольск

План писали на бумаге, но забыли про детей. А те быстро перевели оную бумагу в туалетную. Судьба такая.

Когда у тебя на руках четверо малышей, когда ты женщина, когда ты находишься в городе, а город в стране, охваченной революцией... да и с деньгами у тебя не так чтобы очень и весело. Нет у Яны миллионов и не... ладно. Были. Но фамильные драгоценности она сама отправила с сестренкой и сейчас даже гадать не станет, где они все находятся.

А деньги...

Деньги таяли.

Вы знаете, сколько стоят продукты?

Скоро за паршивую курицу будут сотню драть бумажками, и то – не достать. Золотом, понятно, меньше, но тут есть еще одна тонкость. Та самая, от которой погибла несчастная Аксинья.

Женщина. Деньги. Смутное время.

Дальше – объяснять или дураков нет? То-то и оно, что грязи много лезет. Яна подумала, да и договорилась с трактирщиком, что будет к нему пару раз в день приходить за продуктами.

Когда?

А это уж она сама скажет, чтобы не примелькаться, в одно и то же время. И все равно...

Жить в трактире? Матвей предлагал, но Яна не решилась. Четверо. Детей.

Трое – маленьких. Подвижных. У которых только на время болезни есть определенные проблемы, а так... шилохвостики! И нет иного слова!

Это нереально. Она за ними уследить не сможет и уберечь тоже не сможет. Это трактир, а не монастырь... хотя в монастыре она тоже побывала. Хватит нам таких радостей! Только закрытая территория! Своя!

А насчет стресса она чуточку ошиблась.

Сначала заболел Гошка. И провалялся в кровати чуть не десять дней. Яна строго следила за состоянием сына. А как тут иначе? До антибиотиков – как до мирного времени, далеко и долго, а Хелла... она вообще не по лечебной части. Были у Яны подозрения, что если она у сына болячку запустит, так ей никакая богиня не поможет. А еще догонит и добавит. И права будет.

Что ей стоит выдержать сына в кровати подольше? Чтобы все симптомы ушли, в том числе и кашель? Тяжелый, нутряной, выматывающий...

В таком состоянии она мальчишку никуда не повезет, это ясно. Зима... загнется же на дороге! А у нее другая цель! Так что дней десять Гошка лежал. А когда Яна порадовалась, что ему можно хотя бы по дому бегать (в теплом свитере и шерстяных носочках), свалились на пару Мишка и Машка. Где-то она не уследила.

Или инфекция какая?

Все возможно, здесь и сейчас не определить. Анализ крови нужен, а кто его сделает? Доктора найти можно, но... Яна тупо боялась вести его в дом, к детям. По той же печальной причине.

Она знала, что творилось в России в девяностые. Чтобы врач спокойно практиковал в тяжелые сложные времена, ему что нужно? Правильно, крыша.

Не та, что на доме, а та, что поможет, охрану предоставит, защитит... ну и посмотрит, кто пришел, чем отблагодарил...

Поэтому Яна плюнула и положилась на свои знания. Лес же! Кордон! Фитотерапия? Да, практически – это наше все. Чабрец, душица, лишайник, который пармелия, зверобой, лист малины и земляники...

Ненаучно? Скушай, деточка, таблеточку?

Ага... к Янину отцу на кордон за барсучьим жиром приезжали. И платили золотом по весу. И так платили, сколько Петр просил, хоть он и не жадничал. Один из мужчин для матери брал, говорил, что только это и помогло. А Петру все было в радость. Ему и траву было

запасти несложно, Яна еще и охотно помогала, и засушить правильно – это ж тоже важно! А то скосят лопух косою, чуть ли не под забором, а потом плачутся!

Чтобы трава помогала, думать надо! У нее есть свое время сбора, свой срок, свои правила, и сушить ее надо по-разному, и употреблять тоже... на все умение нужно!

У Яны оно было. Барсучьего жира она, конечно, здесь не нашла, пришлось гусиным обходиться, ну так хоть что-то!

Настойки, отвары, мази...

На ноги она детей поставила, заодно и Топычу для профилактики досталось фитотерапии, но времени прошло... едва не месяц! А может, и к лучшему. В не испорченной промышленностью и демократией Русине погода разыгралась не на шутку. Кружило, пуржило, вьюжило... и сугробы навалило до второго этажа, без всякой экологической катастрофы!

Ехать куда-то?

Яна и одна бы по такой погоде не рискнула. Сугробы были – неубиваемые и непобедимые, по улице не пройдешь, только с лопатой наперевес! На первом этаже даже днем темновато было. Да оно и к лучшему, пожалуй. Те окна, что во двор, Яна отчистила, там дети и играли. А так...

Через такой снег никто лишних огоньков не увидит, даже если поймут, что дом жилой... не поймут ни кто живет, ни сколько человек внутри. А значит, и не полезут.

В логике шакалам смутного времени тоже отказать нельзя. Ни один отморозок не полезет в клетку, не зная, кто его ждет.

Мышь? Корова? Крокодил? Голодный ягуар, приветливо облизывающийся на твою печенку? Проверять – себе дороже, лучше поискать добычу попроще и полегче. Себе по зубам.

Хотя учить детей законной самозащите Яна уже начала. И начала с простенькой игры: ножички. Расчертил круг, кинул нож, если тот воткнулся – отсекаешь у соперника кусок территории. Упал? Пропуск хода...

Яна под это дело целую комнату выделила. И плевать на деревянный пол! Ей здесь не век вековать! А ножи...

Пусть учатся.

Под присмотром Топыча, под приглядом самой Яны, но учатся. Потому как поди метни нож – правильно.

А еще праща и мишени, нарисованные на стене. И приз за лучшее попадание.

Города, скамейки, бабки-дедки, танчики... [2]

А морской бой с ножиками? А футбол с ними же?

Дети были счастливы. Дети были заняты. Яна была довольна. И энергия расходуется, и по делу, не просто так... Машка крутилась рядом с ней на кухне, спрашивала про травы, потом опять удирала играть с мальчиками. Раньше не давали, а так интересно было! И никакого вышивания!

Зато сказки по вечерам! И какие!!!

Дети слушали, открыв рты. Уж что-что, а книг Яна прочитала достаточно, сериалы смотрела, было о чем поведать малькам. Скука их не мучила, одного Льюиса с его Нарнией можно было год рассказывать. А вот безденежье...

Потому и стояла сейчас Яна на темной улице. И ждала подходящего момента. А началось это дело незаконное с самого обычного разговора.

* * *

– Благодарствую, Матвей Игнатьевич.

– Что вы, тора, это я вам благодарен. По нашим-то тяжким временам...

Яна вздохнула:

– И то верно. Может, скоро и ходить к вам не смогу.

– Деньги, тора?

– Деньги.

Матвей возвел глаза к небу:

– Да, тора, в страшное время мы живем. Когда у благородных людей последние медяки заканчиваются, а всякая мразь жирует да еще пальцы облизывает.

Яна подняла брови:

– Это ты про Комитет Освобождения? Или кого поближе нашел?

Дело нехитрое, если человек заводит разговор в духе: «это не вы, а обстоятельства», значит, у него и имя есть, и адрес, и даже подробности о личной жизни «обстоятельства». Это в любые времена так.

– Чего там искать, тора. Есть в Синедольске такой... Поганец.

– Это имя или прозвище?

– По имени-то он уважаемый Егор Михайлович, а вот по фамилии и впрямь – Поганец. Нарекли их род, значит, и не промахнулись.

– И что?

– Вот он долю малую собирает. Где с тракторов, где с чего...

Предок рэкета? Крышуем за деньги, несогласным вырываем фундамент по самый чердак?

Яна прищурилась:

– Матвей Игнатьевич, ты ведь не просто так этот разговор завел?

– Нет, не просто так, тора. Не хотите наверх подняться, по кружечке сбитня выпить?

– Кроватями поскрипеть? – прищурилась Яна.

– А хоть бы и ими...

– Пожалуй, можно...

* * *

Понятно, никаких сексуальных отношений между Яной и тракторщиком как не было, так и не было. Но уж больно прикрытие хорошее.

Уединились баба с мужиком? А зачем?

Подходит кто к двери, а оттуда и слышно, как кровать поскрипывает. Ну... понятное дело. Житейское.

Разговоры?

Да помилуйте, кто ж с бабой о делах разговаривает? Она ж БАБА!

Яна идеалы феминизма отстаивать не собиралась. Ей эта бредятина даром не нужна была! Сначала феминизм, а потом шпалы укладывать и асфальт? Разбежалась!

Поэтому – да, она баба! Тупая и глупая. И хорошо разбирается только в том, как картошку варить. А шпалы пусть умный мужчина укладывает.

В небольшой комнатке было чисто и уютно. Яна уселась на кровати и принялась ею поскрипывать. Жом Матвей устроился рядом, на стуле.

– Тора Яна, плохие времена наступают. Черные.

– Согласна. Уже наступили. На... это самое.

– В такие времена без денег плохо.

– В любые времена без денег плохо.

– Кому плохо, а кто и сейчас не бедствует. Вот этот самый Поганец. Ему с каждого трактира, с каждой лавочки долю несут. Небольшую, я пару серебряных в десять дней плачу, а только трактиров много. И лавочек много. Так вот и набирается не одна сотня в месяц.

– А тебе откуда это известно? Да еще в подробностях? Неужто он тебя с попом перепутал и исповедался?

Жом Матвей насмешки и не заметил.

– Не мне, тора. Племяшка у меня, Сонька. Девка красивая, да не шибко везучая. Муж был, да зимой в полынью попал, поморозился. А бабе без мужика хозяйство поднять, что петуху на колокольню взлететь. Хоть все перья оставь – не получится.

– А ты не помог, что ли?

– Обижаете, тора. Я ей говорил, приходи, к себе возьму, а как обтешешься, в хороший дом пристрою.

– И пристроил?

– Если бы... у меня в трактире ее Кабан увидел.

– Кто?!

– Он дань для Поганца собирает.

– Ага... Потребовал приложить чего-нибудь к дани? Кого-нибудь?

– Сонька гулящей не была. Но иногда случалось... жизнь такая.

Яна кивнула.

Бывает. Здоровье – оно в любом мире здоровье. И молодое тело своего требует, что ж теперь – монашкой жить? Вдова – это не покойник, ей много чего надо!

– И с Кабаном случилось? По доброй воле?

– Почти что по доброй. Он предложил, а она отказываться не стала. Чего, мол, ломаться, не сотрется. Я Соньке говорил: уходи, а ей вот красивой жизни захотелось. Расстаралась племяшка, попала сначала к Кабану, от него к Поганцу...

– А потом?.. – догадалась Яна.

Чего уж там, и не такие истории слышала.

– А потом пропала. Как не бывало. Но про Поганца рассказать успела. И что на красивых баб он падок. И что деньги ему привозят, а уж он в конце месяца их в банк относит...

Яна задумалась.

– Считай, конец января на носу...

– У него и без денег, наверное, поживиться можно. В доме сам Поганец, двое слуг да двое охранников.

– Слуги?

– Муж да жена. Она кухарит да убирает, он по хозяйству всякое разное делает.

– Понятно. Все, кроме одного: с чего ты мне это рассказываешь.

Темные глаза Матвея сверкнули тяжелой, неизбывной яростью. Из тех, что и за сто лет не потухнет, и за двести не рассеется. Такую и смерть не закроет.

– Сонька хоть и дура, а все ж... двое детей сиротами остались.

– На тебе?

– Ейная мамаша, моя сестрица, их забрала, а все одно, без мамки несладко. И я в том виноват.

– Ага, ты ее в постель подкладывал.

– Не я. Но убивать все ж не стоило.

Яна вздохнула.

А то у них такого не бывало. Как вообразит себя очередная метелка невероятной красавицей да умницей, так и вляпается. По уши. Сколько таких красивых по лесу находили... подснежники называются. На Янином счету три штуки было...

Как по ним потом родные убиваются...

Зато пожилы красиво. Месяца два. Или даже полгода. Дуры.

– А от меня ты что хочешь?

– Половину, тора. Сведения мои.

– А риск мой. Там может больше людей оказаться...

– Без меня вы о том никогда не узнаете, ни дома, ни адреса...

Яна вздохнула.

Тоже верно.

– А еще... – Матвей улыбнулся краешком губ. – Говорят, у Поганца возок есть хороший! И кони что ветер. Сейчас они дороже

золота.

Все.

Ради такой информации Яна готова была продаваться.

Возок! Фактически – карета на полозьях!

Она может погрузить всех своих обормотиков! Может погрузить запас продуктов. А лошадь...

Справится. Обязана. Ну и с Топычем посоветуется.

– Дай мне время подумать, Матвей.

– Месяц на исходе, тора.

– Авось до завтра не закончится.

– И то верно. Ежели что – за байки головой не платят...

Платят, вообще-то. Но Яна не стала заострять на этом внимание. Поскрипела еще немного кроватью, расстегнула пару пуговичек, попрощалась, да и пошла себе.

Чтобы дома поговорить с Топычем.

* * *

– Возок? Яна, это ж...

– Лошадь. Топыч, лошадь...

– А что с ней не так?

– Ты сможешь ее запрячь?

– Ну да... Чего там не смочь?

– А что надо лошади на день пути? Что она жрать будет?

– Энто... овес, сено...

– Энто – сколько в килограммах?

– Чего?

Яна вздохнула.

Как-то не сильно она с лошадьми возилась. Да, бывало и такое на кордоне, но не слишком часто – «уазик» был куда как удобнее. И не гадил.

Совместными усилиями выяснилось, что лошади на день надо примерно двадцать – двадцать пять килограммов корма. Примерно пять кило овса, вдвое больше сена, а то и втрое, как работать будет, по паре килограммов отрубей и моркови. Соль нужна, вода нужна...

Воду придется топить в ведре, на костре. Потому как пьет взрослая лошадь до восьмидесяти литров в день. Воды, не водки.

Лошади нужно отдыхать – и кратко, и длительно. Лошадь нужно вываживать. Зимой, правда, лошадь пьет меньше. Но все равно – возня.

Это на картинах все так красиво и вальяжно, а в жизни... она еще и гадит. И растирать ее надо, и накрывать на ночь. Но выбора все равно нет.

Или они пробуют выбраться из города и добраться до деда Мишки и Машки, или...

Еще не факт, кстати, что Федор Михайлович Меншиков не уехал. Что дождется их...

Что им повезет...

Марфа, конечно, говорила, что отец ждет. Ну так... сроки-то все, небось, прошли! Прохор и свою семью погубил, и ей хомут на шею нашел... ладно! Что Мишка, что Машка – два солнышка. Ради таких и задержаться не жалко, Яна б себе в жизни не простила, пройди она мимо. Но их отца это ни капельки не оправдывало.

Топыч был настроен вполне уверенно, фуражом Яна собиралась разжиться в доме у Поганца, там и в сани погрузить. Вот как коня запрячь...

Черт его знает! Но есть другой вариант. Если все складывается – рысью за Топычем, а уж с ним и запрягать, и все остальное...

Яна отлично понимала, что если они возьмут этот куш... уходить придется сразу. И быстро. Разве что трактирщику его долю завезти.

Матвея тоже понять можно: Яна для него идеальный вариант. Крови не боится, одиночка, мало того, скоро из города вовсе уйдет, никто и не узнает от нее ничего.

Кстати, о Матвее...

Яна почесала кончик носа и решила навеститься к Матвеею за маленьким мастер-классом. А чего?

Пусть он ее научит, как правильно запрягать лошадь! Вот и решится проблема, и за Топычем бегать не надо будет.

Лошадь Яна запрягала раз двадцать. Потом поняла, что не запутается во всей этой сбруе, и выдохнула. Теперь она не перепутает чересседельник с седелкой, а шлею с трензелем. Который, кстати, надо согреть в ладонях, а то железо холодное, а рот у лошади нежный.

ТЬфу, блин!

Зачет по философии получить легче, чем лошадь заседлать! А еще эта коняга любит брюхо надувать. А этого никак нельзя делать, сбруя свалится...

А еще лошадь лягается, кусается (больно) и толкается крупом (пóпом! Исподтишка!!!). Скотина! Еще и на ногу наступить норовит...

Определенно, Яна не любила лошадей.

А сейчас стояла, смотрела на симпатичный такой домик в два этажа, крепенький, каменный, на основательном (еще три этажа надстрой – выдержит!) фундаменте, и думала, что ломиться в ворота плохая идея. И лезть через забор – тоже. Там во дворе три собаки. Здоровущие...

Можно перетравить, но жалко. Сонного зелья подсыпать? Так пока еще подействует, дурак не всполошится...

А если...

Идея была шальной и дурной, но почему бы ей не сработать? Ежели что?

И Яна закопалась в барахло, которое было в доме.

Вот когда настала пора вспомнить добрым матерным словом троих бандитов. Вещи, которые они нашкалили, Яна как в одной из комнат свалила, так и забыла. А там было кое-что нужное. Ей.

Крытая шубка, в самый раз.

Ну и шмотки кое-какие... юбка точно была... была велика раза в два. Яна плюнула, пробила ее дырками и утянула ремнем. Ушивать?

Идите вы, граждане! Она потом эту юбку Топычу отдаст! Лошадь укрывать! Принципиально!!!

Шитье она терпеть не могла. Но для первой стадии операции необходим был приличный внешний вид.

* * *

Собаки беспокоились.

– Канава, поди выйди? Глянь, чего твои шавки бесятя?

Бандит с лирическим прозвищем Канава, в девичестве – Фролка, лениво зевнул.

– А... их знает!

– Сказано тебе – глянь! – нахмурился хозяин.

Повод для беспокойства у Егора свет Михайловича был! Денег в доме хранилось... много. Очень много. Да не бумажками, а серебром, золотом... Опасно? А каждый день в банк не наносишься, да и где тот банк сейчас! Надо в соседний город ехать, а погода-то разгулялась, вот и пришлось задержаться.

А за деньги боязно.

В такие страшные времена живем... тут и ограбить могут, и красного петуха пустить... ничего святого у людей нет! Совсем Единый забыл о чадах своих!

Егор благочестиво сотворил знак Единого.

И в церковь-то сейчас не сходишь... воистину, горе! Раньше-то как! Придешь, с батюшкой честь по чести побеседуешь, милостыньку раздашь, колокола послушаешь... говорят, колокольным звоном душа очищается. А сейчас... ох и тяжело жить на свете!

На улице хлопнул выстрел.

Потом еще один.

Тут уж мужики не стали чесаться, а накинули кто что – и вылетели наружу. Бесились, лаяли собаки. А потом послышались быстрые шаги по тихой улице и отчаянный голос:

– ПОМОГИТЕ!!!

Женский голос.

Молодой!

– Хелп ми!!! Эдэ муа, силь ву плэ!

Мужчины переглянулись. Егор кивнул одному из подручных, и Кабан выглянул за калитку.

Прямо на них бежала женщина. Явно молодая, красивая, в дорогом полушубке.

– Эдэ муа...

Не добежав пары шагов, она рухнула прямо в сугроб. Кажется, потеряла сознание.

Мужчины переглянулись. Ну был, был у Егора такой недостаток, падок он на красоток. А уж в нынешние времена, когда настоящих

прелестниц днем с фонарем не сыщешь...

– Заноси. Посмотрим, что за штука.

Кабан пожал печами и поднял женщину из сугроба. Ему это было несложно.

Егор пригляделся.

Ну... не идеал. Но красивая. Правильное лицо, густые волосы, дорогая шуба, юбка тоже недешевая... и руки такие холеные. Видно, что тора.

Шапочка эта дурацкая... кто в такой – да зимой? Похожа на кружок из меха на самой макушке! Сразу видно, дама из экипажа.

– Силь ву плэ...

– Это по-каковски?

– Кажись, по-ламермурски, – почесал нос Егор. – Тора, вы в себя пришли?

– Уи... нуа авон кондью... нуа аттак...

– Аттак... понятно. А сколько их было?

– Труа...

– Тоже понятно, трое...

– Мон пьепль се бат куражьюсьмен...

– Чего?

Яна прекратила коверкать ламермурское наречие и перешла на нормальный язык^[3].

– Помогите, умоляю...

– Чего случилось-то, тора?

– Мы ехали к дяде... мой дядья Феодор Меншиков. На нас напали. Мои льюди храбро сражались...

– Федор Меншиков? Купец, жама?

– Тора, тора Сильен, его сестра, моя мать, вышла замуж в Ламьермур...

– Ага...

– Мой экьипаж...

– Понятно. Кабан, ты тору в дом неси. Канава, погляди вокруг, чего тут произошло...

– Умоляю!

Хелла его разберет, какой акцент получался у Яны, но местные бандиты тоже университетов не заканчивали. Авось и сойдет для сельской местности. Главное она донесла.

Дамочка ехала к дяде, купцу, миллионщику... напали, она умудрилась удрать...

В принципе – бывает.

Что требовалось Яне?

Попасть в дом, минуя собак. А дальше...

Даром ли она практиковалась на гопниках? Заветная фраза работает, хоть ты ногами к потолку приклейся и ее произнеси. Все одно враг к Хелле отправится.

Жалко? Бандитов? Шутить изволите, господа? Яна б их и в мирное время – без конвенций, одними танками. Потом помыть гусеницы и забыть про сволочей! А уж в годину бедствий для отчизны и вовсе таких миловать грешно! Больше тварей перестреляет – больше людей спасет. Так-то!

И явно тут хозяин не добром свои капиталы нажил. Даже сейчас в доме тепло и уютно, жареным мясом пахнет, все окна горят, ничего он не боится, клоп. И смертей у него за душой много... откуда-то Яна это точно знала. Благословение Хеллы?

Может, и так. Кому, как не богине Смерти, душегубов видеть?

Сильно Яна не заморачивалась. Изображала полудохлую маргаритку, обвисала в лучших традициях романов, а сама оглядывалась. Хотя хозяева и расслабились чуток.

Что такое одна баба?

Да ничего! Не было в этом мире Лары Крофт! Или, если брать историю, кавалерист-девицы. Не ждали здесь подвоха от БАБЫ! Ну и оружие убрали.

Яна стреляла глазками по сторонам, пока не дошли до гостиной. А потом, когда ее опустили на диван, нежно прошептала:

– Благодарю... же санс мерси...

– Не за что, тора.

– Ви... уи... как есть ваше благородное имья?

– Егор Михайлович я, – не стал называть фамилию Поганец. И убирать оружие – тоже. Хотя Яна и так не сомневалась, что по нужному адресу пришла. Осталась последняя проверка.

– Денежку в банк вы еще не отвезли, любезнейший?

Судя по вспыхнувшим глазам – нет. А значит...

– Умри, во имя Хеллы.

Тихо-тихо, едва слышно... только вот фраза все равно сработала. Жрице Хеллы – достаточно. Поганец осел, как подрубленный, а Яна встала с дивана, избавилась от шубы и юбки – и завизжала.

Первым в двери влетел Кабан. Он первую пулю и получил. Вторым – незнакомый пока Яне слуга. Вторую.

– Именем Хеллы!

Меткость у девушки не пострадала, и расстреливала она людей, как в тире. Страшно? Ну так... сколько она уже прошла! Все границы стерлись уже.

Непорядочно это?

Сложный вопрос. Она не бедняков грабит, она фактически девушка Робин Гуд. Которая у богатых брала, а бедным давала.

Яна едва не хихикнула, вспомнив пошлый анекдот, но сдержалась.

Кто должен остаться?

Правильно, служанка и второй охранник, который послан за пределы дома. Ну, коли так... пошли причинять справедливость и вершить добро!

Со служанкой они встретились в коридоре. Прихватив оружие производства – чугунный сковородник, женщина храбро спешила на выручку мужу и хозяину.

Зря.

– Стоять!

Ага, остановить словом разогнавшуюся бабу? С тем же успехом, что и разогнавшийся поезд. Нереально!

Яна плюнула, да и выстрелила. Тетка осела на пол и завыла. Пуля разорвала ей мягкие ткани бедра, на пол обильно полилась кровь.

– Перетяни рану, – Яна кинула ей пояс от шубы, – и отвечай. Сколько человек в доме? Всего? С хозяином?

– П-пятеро...

Не соврал Матвей.

– Кто?

– Я, Пашка, Кабан, Фролка... ну и хозяин, да...

Яна дождалась, пока тетка перетянет себе ногу, кстати, вполне умело, и прицелилась.

– Вытяни руки за спину, не то еще одну дырку сделаю.

Сделать петлю из прихваченной с собой веревки, захлестнуть на полных запястьях и затянуть. Не совсем то, что хотелось бы, таких

надо по рукам-ногам увязывать, но хоть как...

Второй конец петли Яна захлестнула на дверной ручке так, что тетка оказалась полусогнутой. И тихо завывала.

– Неудобно? Зато жива, – бессердечно успокоила ее девушка.

И подумала, что стала законченной сволочью на этой войне. С другой стороны, не сиротский приют грабит. Чай, не от голода тетка опухла.

– Кабан! Ты где?!

О, а это Фролка, надо полагать?

Бандит пробежал к крыльцу, что тот лось.

– Кабан! Девка врет!

– Правда? – вежливо спросила Яна, появляясь из-за двери. – Умри, во имя Хеллы.

Тело мягко осело в снег.

Яна поежилась. Вот тебе и «Авада Кедавра». Когда она читала про Гарри Поттера, она не понимала, что такого ужасного в этом заклинании. Чисто гипотетически – выстрел из пистолета даст те же результаты. Но... действительно страшно.

Когда хватает одного твоего слова, чтобы убить человека.

Брр!

И ледящим холодом по позвоночнику: Хелла, что ты с нами делаешь?

А что можно делать с живым мертвецом? Яна ведь УЖЕ умерла. Ее вернули на время, даже не в родной мир, она просто выживает в это тяжелое время, как может. И выживет! И детей вытащит! Так что девушка с чистой совестью вернулась в дом. Благо собаки на тех, кто выходит из дома, не нападали. Яна ведь не по двору шла, просто на крыльце стояла. Это для них было нормально.

Чего пустолаять?

Если человек в доме, если его туда хозяева провели, значит, без приказа его рвать не надо. Они умные. Ученые...

Но Яна сейчас думала не о собаках, а о кухарке. В сугубо практическом контексте.

Поговорим?

Две женщины ведь должны найти общий язык, верно?

Спустя двадцать минут Яна уже не была в этом так уверена. И жалела, что не оставила никого из мужиков для допроса. Баба колоться не желала, а пытаться женщину...

До такого Яна еще не дошла. Она бы и тех троих не тронула, просто убила, но тут уж... сорвало!

Поэтому девушка покрепче связала тетку и принялась обшаривать кабинет Поганца.

Перерыла письменный стол, быстро нашла приходную книгу, посмотрела порядок сумм, присвистнула...

Потом еще раз.

– Не ту страну назвали Гондурасом.

А что вы еще хотите услышать? Ежели этот умный и одаренный человек записал прямо на обложке тетради код от сейфа. Да, именно так: «Код сейфа» и набор цифр.

И хранил это все вот так, в письменном столе. А впрочем, кто бы рискнул к нему прийти?

На памяти Яны на кордон приезжал милейший человек, тихий такой старичок, без единой наколки на виду, улыбочивый... Яна к нему пару раз ездила, копчености отвозила. Случалось... какой хамон?! Вы копченый кабаный окорок пробовали? Да вы б на тот хамон и не посмотрели потом!

Дом у старичка был – олигархам на зависть. Снаружи вроде и скромно, но внутри...

Кто поверит, что у него висели Шишкин, Репин, Левитан, Айвазовский... просто на стенах висели. И не репродукции... такой экспозиции позавидовала бы половина государственных музеев. А финансированию, наверное, и все сразу. Включая Третьяковку и Эрмитаж.

Яна тогда поинтересовалась по наивности, не боится ли он ограбления, и очень насмешила старичка. Крупного уголовного авторитета. Вора в законе.

Видимо, Поганец тоже ничего не боялся. Но сейф все равно открывала тетка, под прицелом.

Нет, ловушки не было. Металлическая дверца щелкнула и отворилась.

Хм, а неплохо у нас криминал заколачивает в смутное время! Сейф просто был битком забит. И, надо полагать, не собачьим кормом.

Яна пнула к тетке заранее запасенный рюкзак, лично ею сшитый (ГРРРРР!) из плотного покрывала. Рюкзак получился в желтых шелковых розах, ну и что? Важна не форма, а содержание...

Ох...

Килограммов сорок.

И это наверняка еще не все. Яна не стала бы хранить все яйца в одной корзине. А потому...

Тетка была привязана снова, так, чтобы ни до чего не дотянулась и не отвязалась, Яна всунула ей кляп, чтобы не слышать угроз, которыми сыпала героиня, и отправилась по особняку.

Барахло?

Ни к чему!

Не устояла Яна только перед меховыми полостями. Соболь!

Бог мой! Легкие, пушистые, теплые... ей самое верное дело, с детьми-то! Так что меха она сгребла не глядя. Запаслась продуктами: окорока, копчености, несколько кусков мяса – ей детей кормить в дороге, а больше ничего брать и не надо.

Ну, оружие.

Немного.

Пару ножей Яна прикарманила. Не кухонных, понятно. Роскошных, из булатной стали, с идеальной балансировкой, с такой острой кромкой, что на ней волос распадался! Понимать надо!

Грабеж?

После того как Яна обшарила подвал, угрызения совести у нее исчезли раз и навсегда.

Ключи она позаимствовала у тетки. Подвал был под всем домом, добротный, крепкий, хорошо оборудованный, с отдельными комнатами для солений, копчений, сыров...

С кучей всякого добра, которое Яна даже перекапывать не стала.

А еще...

Говорите, БДСМ? Говорите, пятьдесят оттенков? Двадцать первый век?

Черта с два! Извращенцы во все времена были! И оборудованная по последнему писку моды пыточная Яну лишний раз в этом убедила.

А что для извращенцев...

А зачем иначе козлы бархатом оббивать? И крест тоже... похожий, и, пардон, разные имитаторы запчастей организма на полочке

разложены. А в той маленькой комнатке что?

Яна приоткрыла дверь.

И сильно об этом пожалела.

Там... пахло. И она знала этот запах. Кладбищенский, могильный, и пол там земляной, и словно... неплотный такой. Неутоптаный. Яна готова была дать ухо на отсечение, что это – могильник. Но раскапывать и проверять она точно не станет.

Ох-х-х...

А ведь может и так быть. Допросили – и в расход. Заигрался – и доигрался. Всякое бывает... и здесь закапывали тех, кто участвовал в играх. Добровольно ли, нет ли...

Впечатление было откровенно жуткое.

Еще рядом доски стояли. Если кто придет, такие на пол бросить – дело минуты. И все прикрыто... страшно? Больше, чем страшно. Бесчеловечно. Это уже не люди. Нелюди. И жалеть их – последнее дело. По трудам и награда вам будет...

Яна посидела несколько минут прямо на пыточной скамье, приходя в себя, и медленно, словно к каждой ноге гирю привязали, выбралась из комнаты.

Тайники?

Да пошло все к..., в... и на...! По свободному выбору! Не могла Яна больше оставаться в этом подвале, не могла!!! Кое-как вылезла в кухню – и ее вывернуло наизнанку.

Хватит им с Матвеем и найденного. А еще... она трактирщику скажет самому здесь порыться. Что найдет, что унесет... да хоть бы и все выгреб! Только с собаками надо решить вопрос.

Яна вернулась к тетке.

Та времени не теряла и активно пыталась освободиться. Ага, размечталась! Это не кино, где из любых наручников выворачиваются. Не освободят тебя люди добрые, так и подохнешь. А они – не освободят, потому как Яна вернулась.

– Ты знала о пыточной в подвале?

Вопрос был задан чисто для проформы. Тетка знала, Яна это отчетливо видела. И испытывала желание убить.

Неудержимое.

Спуститься в пыточную и устроить ей сессию. В кои-то веки она понимала бэдээсэмщиков! Аж руки чесались взять палку, или плетку,

или все сразу, ну и применить по назначению! Без всяких стоп-слов. Но некогда. И нельзя...

– Если привяжешь собак – я тебя не убью. Не привяжешь – пеняй на себя.

Освобожденная от кляпа тетка сплюнула на пол.

– Да пошла ты... все равно убьешь!

Яна качнула головой:

– Сыном клянусь. Его здоровьем.

Тетка задумалась, но пожить ей еще хотелось. Так что Яна развязала ей руки и держала под прицелом, пока та накладывала собакам еду, пока их привязывала... Собак Яне было жалко, но...

Людей жалеть не успеваешь!

Куда там бедным песикам!

* * *

Запрягать Яне пришлось самой.

Кажется, это называется «двуколка»? Или двуконка? Когда две лошади в одной упряжке?

Яна материлась, шипела, скрипела зубами, но кое-как разобралась. Хорошо еще, кони попались добрые и смирные. Казалось бы, как в двадцать первом веке бандюки заводят себе породистые «Мерседесы», так и Поганец должен был поставить в конюшне ахалтекинца или араба, кто тут в моде?

Ан нет.

Стояли в конюшне два битюга, которые обладали флегматичным нравом и явно высоким коэффициентом интеллекта.

А может, им понравился сахар, который Яна щедро скормила лошадам? Или подсоленный хлеб? Памятуя, что разные лошади любят разные вещи, кто соленое, кто сладкое, она и то и другое с собой захватила.

Коняшки слопали все и, кажется, были не против продолжения банкета.

Сани тоже стояли в сарае.

Вроде бы это называется «возок». Небольшой, крытый, на полозьях, а внутри... Яна оценила! Проблем с ночлегом у нее не будет.

Малявок будем укладывать спать прямо в возке. Обитом изнутри натуральным бархатом! А сиденья тут!

Рессоры!

Окна, забранные толстым стеклом и открывающиеся движением пальца, висячие лампы, место для багажа под сиденьем, для обуви... даже мини-бар есть. И не пустой.

Бутылки Яна выкидывать не стала.

Роскошь!

В чистом и откровенно вульгарном виде. Соболиный мех сюда отлично вписался, кстати.

Яна фыркнула. И подумала, что все получается забавно. Как-никак она имеет право на подобную роскошь. Она здесь и сейчас...

А кто – она?

Руки сами собой укладывали багаж, а Яна вдруг задумалась. Бросила взгляд на перстень с черным камнем. А правда – кто?!

Ответ у нее был. Но – неприятный.

Петер Воронов перед смертью передал ей перстень... и наследство? Ох, похоже.

Но тогда она здесь и сейчас... императрица? М-да... но ведь вполне вероятно. Или это считается только после коронации?

Кажется, да. До коронации она наследница, после... а вот что собой представляет коронация?

Миропомазание, церемония на глазах у толпы, принятие регалий... Хелла, твои шуточки?!

Богиня!!!

Регалии Яна получила. Церемония в храме в глазах Хеллы никакого веса не имеет. А что – имеет? Яна порылась в памяти Анны и нашла ответ.

Фамильная часовня, в которой император проводил ночь после коронации. Всегда.

Один.

Аделина Шеллес-Альденская еще очень сердилась, что ей не удалось переломить упрямство Петера в этом вопросе. Надо было ее тоже взять с собой, а он был один... часовня?

Или храм Хеллы?

Что-то Яна подозревала подобное.

И что ей с этим делать?

Да ничего! До конца лета найти того, кто снимет эту ношу с ее плеч, и не думать о всяких глупостях!

Русина, Звенигород

Ох, нелегкая это работа – выполнять приказ идиота!

Классик не так сказал, конечно, но классик и не видел того, что сейчас творилось в Звенигороде.

Жом Пламенный решил воевать с символами прошлого царствования, а именно с Царь-колоколом и Царь-пушкой. Время как раз подходящее, праздники прошли, никому до символов и дела нет, надо работать. И начать ему восхотелось именно с колокола. Пушка помалкивала, а вот эта колокольная сволочь звонила, как будто его кто за язык тянул! Вот и надо его...

Что можно сделать с колоколом?

Снять и скинуть вниз. И лучше это сделать ночью, потому как утром...

Народ у нас тупой, народ может не понять, что это для его блага, народ может начать протестовать. Колокольня, святость и прочие глупости! Тьфу!

Потому Пламенный распорядился снимать колокол ночью. Это же должно быть несложно?

Правда же?

Чистая правда!

Все удалось овобожденцам! На колокольню залезли, до колокола добрались, ручки протянули, полезли... доски подломились. Шестеро сразу вниз загремели костями, четверых кое-как снять удалось. Без колокола, конечно.

Убрали трупы, закинули веревки, крючья, опять полезли...

Минус четыре веревки и еще четверо человек.

Пламенный только зубами заскрипел.

– Вы что – издеваетесь?! Не могли нормальные взять?!

Следующую партию веревок он проверил лично.

Опять закинули крючья, полезли...

Показалось Пламенному – или в вышине мелькнуло что-то белое? Сова? СОВА?!

Минус еще четверо людей. Потому как крючья повывлетали из стен. Пламенный приказал принести их и лично принялся осматривать. Выругался в три этажа с чердачком, приказал прекратить работы и ушел. Куда?

Его дело... освобожденцам не до того было. Трупы надо было убирать...

* * *

– Пламенный, ты не о... полоумел? – нежно поинтересовался Тигр, к которому жом Пламенный ворвался ночью, наплевав и на время суток, и на приличия, и даже на охрану. Благо Комитет Освобождения сейчас весь квартировал в императорском дворце, в Звенигороде. Места хватало.

Поди удержи такого!

Глаза, что у бешеного таракана, изо рта только пены не хватает, и размахивает чем-то непонятным. Вроде как веревки какие-то...

Допился? Простите, перенапрягся, думая о судьбе Русины?

Жом Пламенный ответил восьмиэтажным.

– Ты знаешь, что это такое?!

– Веревки?

Изо рта Пламенного опять полились матерные выражения.

В адрес нехорошего колокола, нехорошей Хеллы, Русины, жизни, ночи...

Тигр послушал-послушал, да и опять лег. А чего? Ночь на дворе, колыбельную поют, а спать он и не под такое может! В опере засыпал пару раз! А уж какие там голоса!

Пламенный потянул с него одеяло.

– Руки убери и давай по существу, а то пристрелю, – рыкнул Тигр.

– Пристрелишь – сам все это... разгребать будешь!

– Авось и разгребу. Так все же?

Пламенный рыкнул не хуже самого Тигра и коротко обрисовал ситуацию с колоколом. Тигр послушал-послушал, да и поинтересовался:

– А чего ты туда полез-то?

Простите, не удержался.

Ответом ему был злобный мат, и Пламенный наконец успокоился. Присел на край кровати.

– Ты понимаешь, получается, богиня – не шутка.

– А ты сомневался?

– Обычно они в дела людей не вмешиваются.

– А колокол в твои дела и не вмешивался. Висел себе и висел. Ты к нему полез – ты и получил по заслугам.

– Я не рассчитывал на такое...

– Пламенный, а на что ты вообще рассчитываешь? Что удрать успеешь? В стране – бардак, и это мягко сказано. Страна разделена фактически на несколько частей, и мы контролируем только центр. На периферии возникают местные правительства, разные шайки и банды. Борхум облизывается со стороны, почему не лезет – сам не знаю. Зато Валежный ждать не будет, нападет.

Пламенный скрипнул зубами.

– Я надеюсь разбить Валежного.

– Допустим. А потом?

– Если мы это сделаем, считай, власть мы удержим. А банды потихоньку передадим за пару-тройку лет. Куда они денутся? Часть еще к нам на службу придет, кто поумнее, так друг друга и перережут.

– А крестьяне? Им сеять-жать надо, а не бандитов гонять.

– Перетерпят! Мы и за их свободу...

– Хватит нести мне эту ахиною, я в нее отродясь не верил, – огрызнулся Тигр. – Жене ее рассказывай, может, даст?

– Ты...

– Пламенный, давай конкретнее. То, что ты рот на всю страну раззявил...

– Ну, всю не получится. Что-то придется упустить, но со временем мы эти окраины опять к себе подтянем. Тут и голод пригодится.

Тигр только вздохнул.

Безнадежен.

Сидящий перед ним человек был попросту безнадежен. И сейчас можно было легко сформулировать разницу между ними. Пламенный любил власть, тянулся к ней, болел ею, словно наркотиком.

Для Тигра она была только средством сделать лучше. Как лопата: если ты видишь, что кто-то не умеет копать, забери, да и сделай сам.

Авось быстрее получится!

– Пламенный, я это понял. А теперь ответь – на кой тебе колокол? Ты бы еще с монетами повоевал, на них же императорский профиль!

– Свою монету мы тоже чеканить начнем, даже не сомневайся. Дай время...

– А колокол оставь в покое.

– А символика?

– Там лестницы сломались? Вот и не лезь туда.

– Может, взорвать эту колокольню к Хелле?

Тигр качнул головой:

– Я тебя не поддержу.

– Почему?

– Специалистов не хватает. Сам понимаешь, эта башня в центре Кремля торчит, как больной зуб. А мы все вокруг нее ютимся. Что не так – и рухнет она на какое из зданий? Тебе оно надо, тут все чинить? Учти, это Кремль, надежный, более-менее защищенный, здесь можно задержать врага, можно уйти, можно... да многое можно! А ты хочешь все испохабить?

– А пушка?

– Примерно то же самое. Если получится вручную убрать – хорошо. А взрывать не советую, потом не разгребем. И переезжать не хотелось бы, здесь-то мы все помещаемся, а как там?

Как – там, Пламенный себе не представлял. И о своей безопасности думал.

– Ты бы лучше наследника искал, – добавил Тигр.

– Наследницу.

– Че-го?

– А вот того. Я с Гаврюшей разговаривал. Петер мог передать трон только человеку, который по крови Воронов. Понимаешь? Даже жене – не мог! Только...

– Дочери?!

– Да. Одно условие – общая кровь. Второе – жертва. Третье – какое-то посвящение богине... коронация только для народа.

– Ты мне хочешь сказать, что у нас по стране болтается неучтенная императрица?!

– Не хочу. Но вынужден.

Тигр открыл рот.

Закрыл.

И внезапно, совершенно иррационально, подумал о Яне. А ведь она могла бы... могла...

Видимо, эта мысль так его шарахнула, что он и ляпнул, о чем подумал:

– Пламенный, у нас есть портреты императорской семьи? Чтоб из последних и не газетные? Узнаваемые?

– Найти можно. А что?

– Давай найдем, а уж потом...

Пламенный задумался. Нерастроченная энергия требовала выхода, почему бы и не такого? На колокольню он точно не полезет, хватит с него!

– Одевайся. Я через пять минут вернусь. Кажется, было то, что нам надо!

И вылетел за дверь.

* * *

Тигр медленно натянул кальсоны, штаны... да, спал он голым! И что? Он с собой в кровать никого не приглашал, сами явились, сами и огребете! Потому как штаны он не надевал, а вот револьвер под подушку клал. Два.

И кинжал на всякий случай.

Яна...

Слов не было.

Ничего не было. Только женская фигурка, которая спускается со сцены и идет к нему в облаке музыки. Идет, словно богиня.

Или – императрица.

Законная, коронованная... и ведь было у нее, кажется, какое-то кольцо. Но кто ж на бабские цапки смотрит? А стоило бы...

У Яны уши проколоты, это он точно помнил, но серьги она не носила. Ему нравилось прикусывать мочку нежного ушка, и девушка от этого вспыхивала, словно порох, в определенные моменты, но...

Но!

Кольцо было на ней всегда. Кажется, он даже как-то раз пошутил насчет брака, а Яна ответила, что это подарок близкого человека.

Но если примерять дальше?

Характер Яны, ее уверенность в себе, ее привычка командовать, ее манеры, ее...

А ее обращение с оружием?

Вы хотите сказать, что великих княжон учили убивать?

Не стрелять по мишеням или тарелочкам, не позировать на охоте, не загонять одну лисицу целым стадом, а именно убивать?

Жестоко, хладнокровно, совершенно спокойно и рассудочно... вы мне хотите сказать, что Петер мог научить дочерей – этому?! Да он сам ничего сделать не мог! Будь у него хоть половина таких способностей, Тигр бы в Русину и носа не казал. Оторвали бы. С головой. И шкуру на полоски распустили.

Но тогда – кто?!

Тигр осознал, что о жизни императорской семьи, о ее внутренней части он как-то не осведомлен. Внешне-то оно все просто и понятно.

Вот император, дурак и кровопийца. Его жена – иностранка и гадина, его дочери – рохли и мямли.

Или – не мямли? Назвать таким словом Яну, это как слона – летающим. Непредставимо!

Но откуда, откуда у них такие способности?!

Тигр вспомнил Яну и покачал головой.

Нереально. Если бы хоть две дочери Петера такое умели...

И?!

Если сам Петер их останавливал? А то ведь так и вышло... две дочери императора уцелели. Перебили всех людей Тигра, включая брата, и ушли. Могла Яна добраться до Ирольска?

Без сомнений!

А почему она тогда его не только не убила – наоборот? Очень даже... гхм!

Он бы убил. А она? Или он просто такое впечатление произвел, что его решили в живых оставить? Лестно, конечно, но... точно, произвел?

Тигр окончательно запутался в своих умопостроениях и возвращение Пламенного встретил почти с восторгом. А вот принесенную людьми здоровущую раму – без восторга. Пыли на ней было – половина веса! На них, кстати, тоже. И все это в его комнаты? ГАДЫ!

– АПЧХИ!!! А-А-А-А-АПЧХИ!!! Что это такое?!

– Парадный императорский портрет. Год назад делали, императрица пожелала. Как раз все они...

– Ишь ты, как еще уцелел-то...

– А вот так. Не понравился чего-то бабе, вот и сослала в запасники со старым хламом. А мы там и не копались, считай. Так, зашли да вышли.

Полотно было здоровущим. Два на два, даже больше...

И пыльным.

И донельзя грязным.

И...

Когда Тигр лично протер его простыней, с раскрашенного холста на него глянули карие глаза самой удивительной на свете женщины.

– Яна...

Художник оказался талантлив до невероятности. И понятно, почему Аделина этот портрет возненавидела. Каким-то образом он отразил самую суть людей на холсте. Петер выглядел не мудрым и справедливым правителем, а тряпкой под каблучком супруги. Аделина – жестокой стервой. Младшая дочь – запуганным олененком, еще одна – будущей стервой, почище мамыши...

Яна...

Какой была Яна?

Тигр мог дать ответ.

Загадочной. Словно она знала некую тайну и не собиралась ее рассказывать. Диванная подушка с кирпичом внутри, об такое голову разобьешь, не глядя!

Яна, Яна...

– И где ты с ней сталкивался?

Голос Пламенного разорвал идиллию. А Тигр пока еще не придумал, что врать. И решил сказать правду.

– В Ирольске. Она сочинила гимн Освобождения, доехала со мной до Звенигорода, по дороге на нас напали, так она перестреляла половину нападающих, а потом затащила меня в постель.

– Великая княжна.

– Да. И ушла не прощаясь.

– В Звенигороде.

– Да.

Куда Пламенный послал всех драных полосатых кошек, уточнять не стоило. Но там им было бы темно, тесно и неудобно.

Глава 2. Травы ли, ветром склоненные...

То струилось ли море колоса? Или женские вились волосы?

Яна, Синедольск

Хозяин трактира «Ржаной хлеб» не солгал Яне. Ни в чем.

Матвей прожил долгую и не всегда спокойную жизнь, повидал разного и был неглуп. А потому и Яну распознал достаточно быстро. Да она и не скрывалась.

Жама?

Не смешите мои тапочки! Порвутся поперек! Тора и только тора. Да еще с тех высот, на которые просто так не попадешь. Видно же!

Как она говорит, ходит, держится...

Особенно последнее. Торы всякие бывают, но эта... изначальная. Иначе и не скажешь. Из тех времен, когда титулы огнем и мечом брались, когда с кровью даровались, когда каждый год близких хоронить приходилось, чтобы родную землю сберечь...

А еще ей приходилось убивать.

И через труп она перешагнет спокойно. Даже не оглянется, когда дальше пойдет. Подумаешь, трупом больше, трупом меньше. Без нужды она убивать не станет, но при нужде – не задумается.

Кто поглупее, мог бы и не сообразить, а вот Матвей все сразу увидел. Был у него один знакомый, вот у него такие же глаза были. Словно изнутри вымороженные. И – огненные. Как это сочеталось? А вы представьте себе обледенелый вулкан. Спящий пока еще, но когда проснется и взорвется – мало никому не покажется! Этой женщине приходилось убивать и придется убивать еще не раз. У нее есть цель, и она ни перед чем не остановится, чтобы ее достичь.

Вставать на пути у такой?

Чревато. Несварением желудка, не приспособлены люди переваривать свинец, насильственно введенный в организм.

А вот аккуратно подтолкнуть, воспользоваться, получить свою выгоду... чутье бывалого трактирщика подсказывало Матвею, что дело-то с торой иметь можно. И нужно.

Только не обманывай – и все будет. Если с ней по-честному, так и она по-хорошему.

Убить?

Убивать можно тех, с кого отдачи не будет. Обратки, если хотите. По чьим следам никто не придет. А такую убьешь, пожалуй... потом не будешь знать, откуда ждать удара.

Нет, рисковать Матвей не собирался. А вот за племяшку поквитаться, ну и свою выгоду поймать – почему бы нет? Он был уверен, что тора расплатится по-честному.

А если и нет...

Дом он знает. За племянницу расплатится, а пошарить потом потихому... успеет. Хоть день, да его будет! Он в свою пользу найдет, что отжалеть...

Проблема в другом.

Яне он рассказал все, но вот когда она пойдет к Поганцу, тора не сказала. Объяснила, что обстановку разведать надо.

До конца месяца – и только.

Вот и жди, Матвейка, неизвестно чего, вот и дергайся от стука в окно... стука в окно?!

Трактирщик метнулся молнией, как был, в одном исподнем, и не сильно удивился, увидев через стекло серьезные глаза Яны. Только форточку дернул так, что жалобно стекло звякнуло. И рама, кажется, чуток треснула... починим! Бывает!

Женщина серьезно наблюдала за его действиями. Не улыбалась, не торопила. Стояла, смотрела. Совершенно обычная, и одета как обычно – штаны мужские, длинные, заправлены в сапоги. Куртка теплая. Шапка – простая, вязаная, и такие же вязаные шарф и перчатки. Ночью взглянешь, так с парнем перепутаешь. Все скромное, темное или коричневое, но добротное и удобное, стоит только увидеть, как тора двигается.

– Доброй ночи, жом Матвей.

– Доброй ночи, тора Яна.

– Вы не хотите ли прогуляться с девушкой... ну хоть в возке посидеть, пообниматься?

Тон был игривым. А вот глаза – серьезными. И рука под полкой куртки... на рукояти пистолета? Вполне возможно.

Матвей поднял руки, показывая, что намерения у него самые мирные.

– Как скажете, тора, так и сделаем.

– Тогда выходите, поговорим.

Матвей кивнул и принялся одеваться. За себя он не боялся совершенно и оружие брать не собирался. Зачем? Смысла в этом нет. Никакого.

Хотела б тора его кинуть – просто уехала бы. С детьми. И с кого он что требовать станет?

Когда Матвей появился на пороге трактира, в овчинном полушубке, наброшенном поверх рубахи и штанов, Яна только головой покачала:

– Замерзнете.

– В возке?

– Ну... ладно, садитесь.

Возок был хорош! Императора в таком возить – не прогадаешь. Яна уселась напротив, вытащила за длинные ляжки из-под сиденья тяжеленный котуль^[4] и подвинула поближе к Матвею. Не рукой, ногой... и даже по этому движению было видно, какой там вес.

– Делим?

Матвей едва воздухом не подавился. Вот такого он точно не ожидал. Может, пачки денег с торского плеча, но не выложенной перед ним добычи. А что здесь вся Янина добыча, он даже не сомневался. Глупых трактирщиков не бывает. Прогорают быстро.

– Тора, вы уезжаете?

– Я уезжаю. Навсегда. Матвей, вы уж позаботьтесь, пожалуйста, о собаках. Они-то не виноваты, что хозяева сволочами оказались.

Жом Матвей подумал, что все торы того... с придурью. Ну да ладно, с него не убудет.

– Позабочусь.

Пристрелю, ежели что. Или отравлю.

– Вот вам мешок. Подойдет?

Яна протянула мужчине чуть ли не наволочку с подушки. Но жом Матвей не привередничал, особенно когда в нее горстями посыпались монеты. Полновесные, золотые, серебряные...

Сколько уж там получилось?

Много. И ассигнации, и какие-то бумаги, и украшения... вот тут он волевым мужским решением все отдал торе. Пусть ее будет. Он свое еще в доме возьмет... сейчас и пойдет, вот!

Ему уж столько отвалилось, что грех жаловаться. Притом что он палец о палец не ударил, ногу не поднял. А слова... а что – слова? Мало ли кто и что насплетничает?

Наконец раздел имущества был закончен.

– Тора, вам с собой ничего не дать в дорогу?

– Спасибо, жом Матвей. Я уже запаслась. Берегите себя, близких берегите, деньги не показывайте. Продукты прячьте подальше... страшные времена идут.

Жом Матвей в этом и не сомневался.

Распрощались они вполне дружески, Яна его даже в щеку поцеловала, на удачу. И возок уехал, управляемый не слишком умелой рукой. Ну да кони смирные, умные, оно видно. Не вывернут в канаву, вон, идут, как по ниточке. Чуют, что кучер не слишком умелый, но не вольничают, не красуются. Работают.

Жом Матвей, кряхтя, потащил куль в дом. А там и в подвал, в потайную ухоронку. И одеваться принялся уже как следует – пойдет посмотрит, что там в доме у Поганца. Сам пойдет, вот сани возьмет... А еще – оружие. И огнестрел, и нож хороший... это к торе он выскочил как был, а туда – только с оружием. И на санях, обязательно! Все перетащит, что сможет! И еще вернется!

Ежели страшные времена идут, так никакой припас лишним не окажется.

Жом вышел на улицу, осенил себя знамением и быстро пошел в нужном направлении.

И показалось ему, что ли?

Словно женский смех раздался издали. Холодный такой, чистый, звонкий, как ледышки падают с большой высоты... а по шее мороз пробежал.

Жуть – жуткая!

Но не отступать же? И жом Матвей решительно зашагал, куда надобно...

* * *

Яна была счастлива.

Пусть пока еще плохо она управляла экипажем. Пусть побаивалась, что лошади понесут и вывернут в канаву.

Пусть пока у нее были определенные сложности. Все же вожжи даже держатся определенным образом, управление двумя лошадьми чем-то сродни игре на пианино, и сила пальцев там требуется, и умение, и ловкость, чего у Яны практически не было.

Но когда она подкатила к крыльцу, когда Топыч, Гошка, Мишка и Машка кинулись, пища от восторга, загружаться в возок и потащили заранее собранные вещи, на нее такая волна счастья накатила! Ей-ей, словно в возок розовых пони запрягли и они одновременно нагадили радугой!

Наконец-то они покидают Синедольск!

А что ей придется сложно... ну так и что же? Она уже один раз умерла, потому жалеть себя не стоит.

Где-то недоест, где-то недоспит, но Гошку она больше не подведет.

Яна оглядела детей, которые поудобнее устраивались в возке и собирались досыпать, улыбнулась – и тронулась с места.

И кони полетели.

Прочь из города, по тракту, в вихре поземки...

Хорошо, что никто их не видел. Не то почудилось бы...

Да не бывает такого, правда же?! Не бывает!

Чтобы за каретой летели белые призрачные волки, а над ней парила громадная полярная сова? Чушь это! Не бывает такого!

Волки б коней напугали до истерики, а сове тут и подавно делать нечего! Чушь и блажь!

Яна их тоже не видела. Но чудилось ей иногда... нечто белое, потустороннее.

Хелла?

А кто ж еще?

А и ладно! Спасибо тебе, богиня! Ты мне шанс дала, а дальше я и сама постараюсь ушами его не прохлопать!
Спасибо тебе, Хелла...

* * *

Яна пытать и убивать женщину побрезговала. А вот жом Матвей, после того как увидел комнатку в подвале, – нет. В тот же подвал и тело оттащил.

Его Сонюшка тут упокоилась, вот и этой стерве поделом!

Говорят, чтобы человек упокоился с миром, его могилу надо кровью врага полить. Вот... так оно и получится. Ежели по правде-то делать! По совести!

Покойтесь с миром, бедолажные...

И расспросил, и душу отвел, и...

Лишний раз он убедился, что Яна – тора высокородная! Это ж надо! Тайник в доме – пропустила! В подвале – еще два! И тоже пропустила!

Ну да ладно, он все выгреб в свою пользу. И решил, что коли тора завернет в Синедольск, он ей честь по чести половину отдаст. Ежели не придется потратить...

Коли времена наступают страшные, так и никто не угадает, на что тратить придется.

А ежели не придется им свидеться, так жом Матвей честь по чести сделает. Десятерых сирот вырастит, вот как Всевышний видит! Так и сочтутся... и казалось трактирщику, что тора Яна это бы одобрила. Еще и благословила.

А забегая вперед... так и не пришлось им увидеться. И в Синедольск Яна не возвращалась.

Слово свое трактирщик сдержал и сирот таки вырастил. Пятерых мальчиков и пятерых девочек. Подобрал, к делу пристроил, в люди вывел... жениться так и не женился, бобылем докуковал, но детей у него было десятеро, внуков штук под пятьдесят, и рыдали о нем, когда срок пришел, вполне искренне. И в молитвах поминали – тоже, и фамилию его носили с гордостью.

Все не зря было.

Не пропали кровавые деньги, удалось Матвею их отмыть. Он с того особняка за два дня столько вывез... муравьи бы от зависти плакали, когда б могли!

И собак тоже забрал. Так и прижились, и все смутное время двор охраняли и потом еще потомство дали... хорошие кобели. Умные, породистые. За щенками от них в очередь становились.

Единственное, о чем жом Матвей жалел до конца дней своих, – что тору Яну не повидал. Но молился за нее исправно, и коптилочки в храме ставил, и нескольких внучек Янами назвали, а там и правнучек... а что там за тора была?

Откуда взялась?

Кто ж ответит... смутное это было время, страшное, темное. И заначка, вытащенная Матвеем из закромов негодяя, помогла и ему прожить, и родным его, и сиротам, и на соседей осталось, помочь по-человечески...

А уж правильно оно, грешно ли...

Нет ответа. Тут судья – память человеческая, а в ней жома Матвея не один десяток человек поминал добрым словом.

Свободные герцогства

На работу как на праздник? Бросьте, такого не бывает!

Бывает. Ида не шла – почти танцевала по улице. Легкая, светлая, даже себе она казалась наполненной каким-то удивительным сиянием. И глаза улыбались, и губы словно ожидали поцелуя... так легко было на душе!

Ах, как легко все в жизни, когда ты молода, красива, когда ты... влюблена?

Да.

В Станислава?

И снова – да, да, ДА!!!

Ида была счастлива настолько, что даже Полкан это понимал. И радовался вместе с хозяйкой, словно щенок. То кувыркался, то прыгал, то просился играть...

И все в Иде соответствовало ее настроению. И светлое платье, и белоснежный плащ, которого никакая грязь не касалась, и капор,

отороченный белым мехом, и даже беленькая пушистая муфточка, на которую время от времени покушался Полкан... Казалось, она летит над землей, над грязью, даже не касаясь мостовой подошвами. И она летела...

Вот и больница.

Разве важно, что Стас пока еще не признался ей в любви? Разве важно, что пока они таятся друг от друга? Пока еще не сказано ни единого слова, но как выразительны бывают взгляды! Жесты!

Случайное соприкосновение рук, случайный взгляд – или НЕ случайный?

Ида любила и понимала, что любима. А что пока ничего не сказано – разве это важно? В Герцогства медленными шагами приходила весна, и все в душе девушки откликалось, встречая ее.

Весна!

Любовь!!!

Ладно, пока еще не совсем весна, но считается, что после зимнего солнцеворота как раз на весну и поворачивает. А значит, почти, почти...

Позади остались праздники, которые не получилось как следует отметить. Это у обычных людей в солнцеворот гулянья, веселье, радость и смех. А у врачей?

Дежурства.

Причем каторжные, потому как везут покалеченных, везут много, везут пьяных...

А каково справляться с пьяным бугаем? Ох, тяжело было бы без Полкана... ты ж моя собачья радость! И просто – радость!

Ида улыбалась, входя в дверь отделения. А вот она сейчас потихоньку поговорит со Стасом, она специально пришла чуточку пораньше. Когда его дежурство почти закончилось и скоро ему уходить...

Но пять минут у них, наверное, будет?

Где тут комната для врачей? Ида потихоньку подошла, положила руку на ручку двери, и...

– Что ты нашел в этой соплячке?

– Не отвлекайся, работай...

В комнате был Стас.

Ее Стас.

Он облокотился на стол, и штаны у него были спущены, а перед ним на коленях стояла Леона. И судя по движениям...

Иду замутило. Впрочем, двое прелюбодеев стояли к ней боком, а потому девушку пока и не увидели.

Светловолосая головка ритмично двигалась, Стас запустил пальцы ей в волосы и застонал, а потом дернулся раз, второй...

Гадость!!!

Леона отвалилась от него, словно насосавшаяся пиявка, облизнулась...

– Правда, Стас! Почему ты терпишь эту соплячку? Выгони ее наконец!

– У нее есть деньги.

– И что?

– И мне не приходится выколачивать из начальства каждый медяк. Хотя до тебя ей далеко.

– А ты ее уже...

Ида медленно отступила на шаг.

Потом еще и еще... щеки горели, словно ошпаренные, ноги и руки мигом заledenели, а что в душе творилось... разбегитесь, да и с размаха в помойку. Понравится? Вот и Ида себя так чувствовала. Не просто обманутой, нет. Испачканной намертво. А что тут не понять? Все понятно... и это у них не в первый раз, и кто тут соплячка – тоже ясно, а любовь...

Любовь?!

Да о какой любви тут может идти речь?! Смешно даже... разве что к деньгам... мог оценить. Ида молчала и не хвасталась, но Стас видел, что о деньгах она не думает. И верно, то одного в отделении не хватало, то второго, Ида докупала, думала, для больных, а он...

Гнида!!!

Другого слова у девушки не было. Она медленно, контролируя каждый свой шаг, прошла через отделение обратно, толкнула дверь...

Куда теперь?

Экипажа у нее нет. А пешком... сейчас она не дойдет. Не в этом состоянии. Слишком ей сейчас плохо. Слишком больно!

Под руку сунулся холодный мокрый нос. Умный Полкан оценил состояние своей хозяйки и подтолкнул ее. Совсем чуть-чуть...

Ида сделала шаг, второй – и оказалась в кладовке со швабрами и тряпками уборщицы. Что ж, это кстати, здесь все равно никого не будет еще пару часов. И можно...

Ида сунула кулак в рот, чтобы не завывать на всю лечебницу, но сползти на пол и свернуться в компактный комочек просто не успела. Ее подхватили чьи-то сильные руки.

– Простите, тора...

* * *

Жом Ураган в кладовке оказался по самой прозаической причине.

Курить хотелось...

Смешно? Да вы хоть представляете, как это?! Когда все тело скручивает без табака! До судорог, до недостойной отвратительной истерики, которую совершенно нельзя закатывать, но курить **ХОЧЕТСЯ!!!**

А вы пробовали курить в палате?

Попробуйте, посмотрим, что вам скажет медперсонал.

Вот побивание рыцаря Освобождения тряпкой как-то... жом Ураган даже слова такого подобрать не мог, но был уверен, что «тряпкой по харе» – это глубоко неправильно. Жаль, медперсонал в этом убедить не получалось, последняя сестра милосердия (где только оно находится, это милосердие?!) вообще ему клизму пообещала, если в палате хоть запах учует!

И Ураган был уверен – сделает.

А доползти до улицы на сломанной ноге? Да еще в самую ледяную погоду? Чтобы вторая нога прибавилась к первой? Нет, нереально...

Какие еще варианты? Остается только кое-как разведенная кладовка.

Там можно вытащить из кармана жуткой больничной пижамы портсигар (контрабанда), извлечь сигарету (смертный грех!!!) и наконец получить дозу любимого яда (да, ДА, ДА!!!). Не так уж много слабостей было у рыцаря Освобождения, но хороший табак в них входил.

Пусть две-три папиросы в день, не больше, но обязательно! И хорошие! Настоящие! Не эрзац, в котором только резаного лопуха не хватает, а табак из колоний, как и положено, маисовый лист вместо бумаги, даже фильтр есть. Редкость, но Урагану понравилась новинка^[5].

И тут...

Не успел он докурить, как в ЕГО личную кладовку вваливается какая-то девчонка... да Ураган чуть сигарету не проглотил с испуга! Э-э-э... от неожиданности. А так он совершенно не испугался, правда-правда.

– Ой...

Девушка дернулась в руках Урагана и затихла. Только всхлипывала еле слышно.

– Вы кто? – тихо спросил жом.

– Ида... А вы?

– Константин, – признался Ураган. По имени к нему уж сколько лет никто не обращался, все партийная кличка. Но в больницу по кличкам не принимают, разве что ты – пес Полкан.

– Ар-р-р-р-р-р-р...

– Ой, – непроизвольно вырвалось у рыцаря Освобождения. И неудивительно.

Вот теперь настала очередь жома Урагана нервничать.

Поймите правильно, сам по себе он собак не боялся, даже больших. Особенно больших.

Но не в темной кладовке. Не с девушкой. И кто там знает, что замкнет в голове у этой дворняги? Решит, что его хозяйку обижают, и...

Жома потянуло прикрыться. Резко. Лучше чем-нибудь металлическим. Непрокусываемым. Типа пояса верности для мужчин.

– Полкан, лежать. Все хорошо.

Голос девушки намекал на обратное, но Костя решил подождать немного с вопросами. Успеет он еще, разберется. А сейчас важнее успокоить и убедить в своей безобидности. М-да, слышал бы кто про безобидного и доброго Урагана. Жом Пламенный прослезился бы.

– Я могу вам чем-то помочь, тора?

Он наконец вспомнил и имя, и лицо, и голос...

Его личный ангел. Жаль только, что она так редко заходила в палаты. Как объяснила одна из медсестер, Ида – личная операционная медсестра самого доктора Рагальского! Вот лично ЕГО!

Так что облизнись, жом, и свободен! И если будешь распускать руки, тебе сломают вторую ногу.

Ураган не внял бы предупреждению, но нога, зараза, болела вовсе уж невыносимо. Даже сюда доползти и то было немалым подвигом. Вот потом, когда он придет в себя...

Зацепила?

Он даже самому себе боялся в этом признаться. И мысленно пилил себя.

Ну куда ты лезешь, старый козел?! Девочке лет шестнадцать, не больше, ей двадцатилетнего нужно, такого же юного, легкого, счастливого, а не тебя... у вас же разница вдвое... даже доктор – и то лучше, чем ты! Он хотя бы может прожить долго, он мирный человек, а тебя... если чужие не пристрелят, то свои сожрут.

Особых иллюзий Ураган не питал, он нужен, пока идет борьба. Потом...

Потом его жизнь полетит в огонь Освобождения.

Раньше это казалось достойной целью, справедливым разменом, а вот сейчас... сплошные проблемы от этих женщин! Раньше он и не задумывался о таком. А ведь и правда – впереди пустота и огонь. Это было грустно.

И не будет впереди ни теплого света домашнего очага, ни красивой девушки с голубыми глазами, которую так и хочется притянуть к себе, погладить по волосам, защитить от всего мира... да что ж ты за дурак-то?!

Ругательства не помогали. Сломанная нога отрезвляла намного больше.

А вот теперь... грех было бы не сориентироваться, а уж тупостью жом не страдал. Первый он бы не решился сделать шаг, но раз уж так сложились обстоятельства... разве можно упустить случай? Если судьба?

Ида всхлипнула еще раз. И еще...

– Тора, вас кто-то обидел? Давайте я его пристрелю?

Ураган тут же обругал себя за дурацкое предложение, но очередного всхлипывания не последовало. Вместе него послушался

тихий, пока еще прерывистый голос:

– Яна говорила так же.

– Яна?

– Моя сестра. Старшая. – Девушка опять хлюпнула носом. – Я не знаю, где она сейчас...

– Она говорила правильно, – утвердил жом.

– А я...

Всхлипы наконец превратились в рыдание, и жом притянул к себе девушку. А про себя отметил, что обращение «тора» ей более чем привычно.

Тора, не жама.

И как с этим жить дальше?

* * *

Долго Ида себе расклеиваться не позволила. Минут десять – и довольно. Яна вспомнилась, потом еще мать, Аделина Шеллес-Альденская. Она смотрела прищуренными голубыми глазами, вскидывала голову и надменно пожимала плечами.

Кто-то посмел не оценить дарованное ему судьбой счастье? Радуйтесь, дитя мое, что разобрались вовремя, идиоты нам не нужны.

Еще и Полкан сопел рядом. И мужчина, который обнимал Иду... от него пахло почти так же, как от отца. Петер Воронов тоже любил хороший табак, хотя курил редко.

– Тор Константин? – тихо позвала Ида.

– Жом Константин, к вашим услугам.

Ладно. Был он некогда тором. Но ни к чему сейчас вспоминать ту фамилию и ту семью. Только имя и осталось. А человек умер. Он уже другой, совсем другой.

– Жом Константин, я вас знаю?

– Знаете. Я тот счастливец, что сломал ногу.

– Счастливец?

– Иначе я не знал бы вас.

Ида помолчала пару минут. Подумала. Кое-как провела ладонями по мокрым щекам, пригладила волосы, собралась с духом. Скоро надо выходить.

Одно утешение – Ида пошла в мать. Вот Яне плакать было нельзя, у нее мигом нос распухал и глаза становились как у кролика. А Аделина Шеллес-Альденская...

О, слезы тоже были ее действенным оружием. Долго плакать Аделина не могла, но минут десять ее кожа и глаза вполне выдерживали. Глаза не краснели, сопли не текли, кожа не покрывалась некрасивыми пятнами... воплощенное благородное горе. Петер всегда сдавался перед этим зрелищем.

– Жом Константин, я благодарна вам за участие. Надеюсь, этот случай останется между нами?

– Конечно...

И в этот момент чьи-то руки дернули дверцу кладовки.

– Ида?

Стас уже был вполне подтянут, застегнут на все пуговицы и очарователен. И не скажешь, что минут десять назад он и Леона...

Иду опять замутило. Но сейчас она не могла себе позволить никакой слабости. А сил не было... хорошо, что рядом был мужчина, на которого можно было опереться. Ида даже этого не успела, сильная рука подхватила ее под локоть, давая возможность выстоять. Выдержать.

– Ида, вы позволите вас проводить? – Константин с удовольствием дал бы Станиславу в нос. Видно же, из-за него девчонка ревет, вон как напряглась, аж вся каменная стала. Но это еще не уйдет, а сейчас устраивать скандал не лучшая идея, равно как и ругаться, спорить, драться...

Ни к чему. Девочке будет плохо.

Ида коснулась пальчиками его руки.

– Жом, я вам буду очень благодарна.

– А что вы тут делали? – прорезался голос у Станислава.

Куда там!

Когда не знаешь, что делать, старательно соблюдай все правила приличия. И улыбайся, это так бесит твоего врага. Это великая княжна Зинаида хорошо усвоила.

Ида подняла брови:

– Очень смело с вашей стороны предполагать, что это как-то вас касается.

И вышла раньше, чем Стас смог выдавить из ее слов смысловую нагрузку.

* * *

В палате Ида помогла Урагану улечься в кровать, расправила одеяло и покачала головой, заметив окурок, который рыцарь Освобождения не успел никуда запихать.

– Давайте сюда, я выброшу.

– Благодарю вас, тора.

– Полагаю, вы меня можете называть просто Ида.

– А полностью?

– Зинаида.

– У вас очень красивое имя, тора Зинаида. Скажите, чем я могу вам помочь в сложившейся ситуации? Я правильно понимаю, вас кто-то обидел?

Не кто-то, а доктор, и понятно чем. Про любвеобильность данной мужской особи знали даже пациенты... скажем так, сестричками милосердия доктор пользовался регулярно. Для здоровья.

А Ида...

Он предложил – или она узнала правду про «любимого»? Впрочем, сейчас это не столь важно. А вот что решит девушка?

Ида задумалась.

А чего она сама хочет? Есть несколько вариантов, и проанализировать стоило все.

С одной стороны... устроить скандал? Тому есть несколько препятствий. Первое – это вульгарно. Второе – Стас ей ничего не обещал, а что улыбался и выделять стал... ну так что же? Все равно в доходные комнаты к себе он вернулся, у нее не остался, так что это ничего не значит. Третье – ей придется или перейти в другое отделение, или уйти из больницы. Четвертое – она себя на весь свет опозорит, выставив дурой...

Были и другие причины, но уже менее веские. А вот эти... это да! Это проблема...

Обойдемся без скандала.

Но и спускать такое никак нельзя! Стас получается или дураком, или сволочью, или просто – мужчиной, который не знает ни о верности, ни о чести. Что ж, такое бывает. Вот, Зиночка Валенская, в честь которой и назвали Зинаиду, польстилась на подлеца, потом все прокляла. И в монастырь уйти собиралась, и руки на себя чуть не наложила от отчаяния, вовремя опаматовалась...

Нет, Стас потерял свой единственный шанс. А как себя с ним вести?

Да как и обычно. Спокойно, чуточку равнодушно, и учиться, учиться, учиться... специалист-то он и правда замечательный! Бывает такое, что мастерство больше человека, но большой беды в этом нет. Тут главное – разделить человека и его талант. Вот второе Стасу дано. А первое...

Ну так что же? Не судьба...

Пока умные рассуждения помогали плохо, но Ида старалась. И не слишком удивилась, когда обнаружила Стаса рядом с собой.

– Ида, я хотел с тобой поговорить.

– Слушаю?

Стас огляделся вокруг, оценил количество желающих погреть уши и понизил голос.

– Не по работе...

– Нам есть что обсуждать не по работе? – вполне естественно удивилась Ида. – Хорошо, я вас слушаю.

– Я могу нанести вам визит, тора? – ощутил ее охлаждение Станислав.

Ида пожала плечами:

– Жом, я не могу разрешать вам или запрещать. Что до меня, я уверена, все общие темы мы можем обсудить и на работе.

– Значит, вот так, тора?

Ида мило улыбалась, вспоминая мать. Только так. Мило – и милостиво.

– Полагаю, вы найдете с кем обсудить более личные вопросы, жом, – и выразительный взгляд в сторону Леоны.

– У меня с ней ничего не было!

Какие интересные «ничего» бывают между людьми? Ида и не знала. Но связвить ей не позволило хорошее воспитание.

– Жом Станислав, я верю только своим глазам и не слушаю сплетен. Вы позволите? У меня еще есть работа.

Ида ловко вывернулась из руки врача и ушла, оставив Стаса стоять – дурак дураком.

И соображать.

Своим глазам? То есть... видела?! А ведь... могла! Еще как могла видеть... вот он дурак! Расслабиться захотелось?! Кретин!

Недоумок!

И как теперь исправлять ситуацию?

Ох уж эти женщины! Почему они не могут понять самых простых мужских потребностей?!

Борхум

Дмитрий ехал в поезде.

Как ему нравились поезда! С их медлительным ритмом, с горячим чаем, с вагоном-рестораном... за окном мелькают пейзажи, а ты сидишь и смотришь. И получаешь удовольствие.

Хорошо...

По-настоящему хорошо.

Тихо, уютно, спокойно, спешить никуда не надо...

Основное – сделано.

Дмитрий не знал, его ли скромные усилия привели к такому результату или еще что осталось «за кулисами», но... дело-то было сделано!

Борхум выходил из войны!

Кстати – с интересной формулировкой. Дмитрий лично читал в газетах.

«До той поры, пока не установится законная власть в Русине, с коей можно вести переговоры, мы отзываем армию. И будем расценивать любое движение в сторону наших границ как знак агрессии...»

Интересно, правда?

Хотя могли и так сложить два плюс два. Валежный разбил фереев в пух и прах. В Борхуме беспорядки (Митя покосился на себя в оконное стекло, поймал взгляд своего отражения и улыбнулся), а в самой Русине...

Понятно, что Валежный разобьет всех этих освобожденцев, такой уж он человек. Но и Митя хотел внести свою лепту в дело победы.

Приезжает Валежный в Звенигород, а там его ждут, чепчики в воздух бросают, «Ура!!!» кричат, а Митя в первых рядах. Неужели для него на родине не найдется работы по специальности?

Валежному он жизнью обязан. А Освобождению?

Да ничем!

Поймите правильно, будь на троне Петер, Митя и седалище бы со стула не поднял, вот уж на редкость неудельный правитель был. Надо бы хуже, да куда уж! Но ради Валежного стоило расстараться.

Так что Митя ехал на родину.

Посмотрим, чем он может быть полезен Антону в Звенигороде.

Ну и...

Вместе с Митей, хотя и по другим дорогам, на родину ехал маленький такой сюрприз для Валежного. Вроде букетика цветов. Вдруг человек да обрадуется? Спасибо скажет...

Митя смотрел в окно поезда и мечтательно улыбался, представляя лицо Валежного, которому вручат несколько скромных броневедомств с пулеметами. Специально заказал. Еще с последнего дела, там у него как раз акции остались, облигации, Митя и продал их. За треть цены, понятно, но хватило и на игрушки, и на оплату их доставки.

Чилиан воюет с Русиней?

Воюет. Но умный человек всегда на том свою выгоду получит. В частности, люди, которые ходят через горы, водят караваны, везут оружие, технику... а из Чилиана до Валежного сейчас добраться проще, чем через другие границы. К кому обращаться, Митя нашел быстро. Так что будут Валежному броневики.

Мобильные, хорошо защищенные, а уж с пулеметом...

Прелесть!

Просто – очарование! Женился б, да не дадут!

Остается переправить их в руки Валежного, но на то есть другие люди. Митя платил, они гнали контрабанду через границу, каждый

должен заниматься своим делом. И профессиональный диверсант в том числе.

Ах, Звенигород!

Митя любил работать в крупных городах! Это так удобно... в маленьком городе все на виду, не успеешь под кустом устроиться, а тебе уже пять лопухов протягивают и вся округа комментирует. А в большом городе никому до тебя дела нет, там все, как в муравейнике, кишмя кишат. И делать можно, что пожелаешь. А желаний у Мити было много. И все как на подбор...

Взорвать, пристрелить, закопать... надо бы еще пару способов придумать. А то никакого разнообразия.

Ничего, дорога длинная, время еще есть. И аптеки по пути будут...

Звенигород, Русина

– Простите, тор Дрейл?

– Жом Пламенный, я всего лишь доношу до вас волю моей королевы. Лионесс не будет вас поддерживать. Мы можем продать вам оружие, можем поставить, что вы закажете, разумеется, при условии стопроцентной предоплаты, но другой помощи не ждите. Более того, Борхум также не будет воевать с Русиней.

– Но почему?!

– Это воля ее величества.

– Я понимаю, тор. Но почему ее воля именно такова?

Тор Дрейл замялся.

Не знал он. НЕ ЗНАЛ!!!

Тор Вэлрайо ему тоже объяснений не предоставил. И на аналогичный вопрос поднял редкие брови. Мол, вы сомневаетесь в приказе ее величества? Или в ее выдающемся государственном уме?

Она королева, ей виднее!

– Жом, полагаю, это касается лишь ее величества.

Пламенный скрипнул зубами.

Да, раньше было проще. Лионесс поддерживал и деньгами, и советами, и людьми, когда это было надо. И убежище предоставлял...

А теперь что?

Жом аккуратно постарался прояснить этот вопрос и остался весьма недоволен.

Поддержки не будет. Если они чего-то захотят, пусть сначала заплатят.

Убежище? В случае проигрыша?

Также при условии предоплаты.

А больше ни на что не рассчитывайте. Более того, если Борхум больше не будет участвовать в войне, то Валежный...

Пламенному даже поплохело немножко.

Это – не дворцовые шаркуны, это войска, прошедшие бои, походы, спаянные кровью и смертью... это... это же...

Есть ли шансы отбиться? Да, они всегда есть. Но не слишком большие.

Так что...

Мужчины расстались, взаимно недовольные друг другом и обстоятельствами. Но приказ ее величества был недвусмыслен. И обойти его не получилось бы.

А если так...

Стоять, держаться и драться.

Больше Пламенному ничего не оставалось. Пути к отступлению были отрезаны.

Анна, Россия

Звонка Анна не ждала, тем более с незнакомого номера. Но честно ответила:

– Алло?

– Нам надо поговорить!

Ни здрасте, ни представиться... позорище! Голос Анна тоже не узнала. Стыдно сказать, голоса она запоминала плохо, просто отвратительно.

Лица – пожалуйста.

Титулы, звания, родословные тоже неплохо получалось, это не просто важно для светского человека, это архиважно, а вот голоса, тем более по телефону, сливались в два типа. Мужские и женские. Но чьи конкретно?

Из местных она могла бы с уверенностью опознать Киру, Гошку, Бориса Викторовича и своего отца. Все. Высокий и тонкий женский голос в списке не значился.

– Говорите, – разрешила Анна.

– Сегодня в двенадцать жду в «Аквариуме».

– Простите, никак не могу. Я работаю.

– Я знаю. – Голос стал раздраженным. – Но вы там все равно будете, с Киркой, постарайся отослать ее хоть куда, и мы поговорим! Это и в твоих интересах!

Вот теперь Анна узнала говорящую.

Лиза.

И поспешила успокоить девочку. Да, девочку, по сравнению с ней-то...

– Елизавета Игоревна, я рада буду с вами поговорить. Сразу приношу извинения, если придется задержаться.

– Ишь ты, какой цирлих-манирлих!

– Простите?

– Буду ждать.

И гудки в трубке.

Анна только вздохнула. Ладно, надо подобрать одежду так, чтобы не раздражать Лизу. А Кира... Кире она все скажет честно. И даже пригласит ее послушать беседу – через сотовый телефон. Это будет правильно. Девочке жить с Лизой, а Анне...

Сколько ей остается? Меньше года...

Очень тяжело оставлять тех, кого ты полюбила. Прости, Кирюша...

* * *

Анна честно старалась не нервировать своим видом невесту Бориса.

Не получилось.

Когда за одним столом оказались две девушки: одна – шикарная и ухоженная блондинка в ярко-розовом со стразами и вторая – самая обычная брюнетка с каштановыми волосами, уложенными в

аккуратную прическу, в длинной юбке и простой блузке, с камеей у горла...

Впечатление было такое, словно гувернантка отчитывает балбеску-воспитанницу. Анна и выглядела чуточку старше своего возраста, и держала себя иначе, и разговаривала...

Не столь важно, во что ты одет. Королевой можно быть и в лохмотьях, просто потребуется чуть больше усилий, чтобы это дошло до всех. Анна же и усилий не прикладывала.

Она – великая княжна. Это корона и крест, это право и обязанность. Это осознание себя. И куда тут попыткам Лизы подавить ее роскошью, прической и дорогой одеждой? Даже и смешно как-то...

– Добрый день, Елизавета Игоревна.

– Добрый? Телефон выложи!

Анна послушно выложила трубку на стол. Лиза проверила ее на включенный диктофон и динамик и осталась довольна.

О том, что у Анны может быть еще одна трубка, Лиза даже не подумала. А она была, в кармане. Старый такой кирпичик, еще кнопочный, но вполне рабочий. И Кира сейчас слушала весь разговор по нему. Но Лиза успокоилась и перешла в атаку:

– Чего ты добиваешься, дрянь?!

– Простите?

– С тех пор как ты появилась, у нас с Боречкой все идет не так! Я же вижу! Это ты виновата! Ты гадишь! Ты...

– Вы неправы.

– Неправа я?! Ах ты... ладно! – Лиза быстро перешла от злости к практике, продемонстрировав, что она дочь бизнесмена. – Сколько ты хочешь?

– Простите?

– Сколько тебе дать, чтобы ты убралась из города?

Анна качнула головой:

– Нисколько.

– Десять. Тысяч баксов. Ладно, евро...

– Елизавета Игоревна, у меня есть эти деньги.

– Тогда сколько ты хочешь?! Ну?!

Анна посмотрела на красное лицо девушки, отвратительно гармонирующее со светлыми волосами и розовым нарядом, на ее возмущение – и решила попробовать еще раз. Вдруг да дойдет?

– Елизавета Игоревна, меня интересует только Кира Борисовна. Она умная, тонкая и очень ранимая девочка. Я не хочу, чтобы предстоящий брак отца ее травмировал.

– Она-то?! Эта гадючка?! Да по ней школа-интернат плачет!

Анна сощурилась. Вот даже как? Ну погоди...

– Почему вы так считаете? Да, девочка от вас не в восторге, но и вы ничего не сделали, чтобы наладить с ней отношения.

– Я?!

– А кто? Вы старше, вы скоро станете ее мачехой, вам и начинать.

– Да эта мелкая стерва...

– Елизавета Игоревна, прошу вас воздержаться от подобных эпитетов применительно к моей воспитаннице.

– Ишь ты... что ты вообще из себя корчишь?!

– Ничего.

– Как только я выйду замуж за Боречку, ты за ворота полетишь!

Вперед своего визга!

– И это не исключено, – кивнула Анна, по своему опыту знавшая, как мужчины дуреют от баб. Казалось бы, совершенно тупых, страшных и стервозных, но ведь случается!

И наоборот... та же Зиночка Валенская, ведь милейшее существо, которое промолчало о ее двойной жизни. Но какой подлец ей достался! Нарочно будешь искать – не найдешь!

– Полетишь! Если б ты сейчас уехала, я бы тебе даже денег дала! А раз не хочешь по-хорошему, я тебя в порошок сотру!

– Стиральный? – невинно уточнила Анна. – Будете кофе глясе? Здесь его чудесно готовят...

Лиза прошипела что-то непечатное, схватила со стола свой телефон и вылетела за дверь, словно в попу ужаленная. Анна грустно пожала плечами:

– Вот так всегда. Как тяжело бывает найти общий язык с человеком...

И заказала кофе глясе. На себя и на Киру.

* * *

Кира себя ждать не заставила.

– Ань, значит, меня в интернат?!

Анна развела руками. Мол, ты сама слышала.

– С-сука! – от души высказалась Кира. Анна не стала ее одергивать: была полностью солидарна с девушкой. – Убить ее мало!

– Убивать – не надо. – Анна качнула головой. И подумала, что... она может убить.

Просто приказать Лизе умереть, и никто, никогда не поймет, что случилось. Но заслуживает ли этого Лиза? Глупенькая избалованная донельзя девчонка, которой все достается на блюдечке? Разве за это убивают?

– Можно?

– Что? Прости, Кира, я задумалась.

– Ань, если она тебя выгонит, мне с тобой можно?

Анна вздохнула:

– Кира, нам с тобой надо будет проработать все версии. В том числе и эту.

– Но ты же будешь рядом?

– Я надеюсь...

Кира прищурилась, не обращая внимания на кофе, в котором медленно расплывалось подтаявшее мороженое.

– Аня, ты так это сказала...

– Как?

– Словно точно знаешь, что тебя не будет. Вообще не будет.

Умная девочка. Это хорошо, с душой было бы сложнее.

Анна повертела в руках ложечку.

– Кирюша, у вас есть замечательный фильм. «Три мушкетера». Старый, музыкальный, с песнями...

– Да, я видела. А что?

– Я не касаюсь моральной стороны вопроса. Хотя считаю, что всех мушкетеров за их дела надо было бы казнить.

– Как?

– Помогать королеве скрывать измену мужу при отсутствии законного наследника, – преступление. Сговариваться с подданными иностранного государства тоже непорядочно. А уж мешать осуществлению правосудия и охотиться на полицейских, которые следят за исполнением законов, – и вовсе ни в какие ворота. Да и миледи Винтер, если на то пошло, законный агент кардинала Ришелье.

И она действовала для блага государства. Но это так, между делом. В фильме есть сцена, которая мне очень понравилась. Когда д'Артаньян мечется и ужасается чудовищности злодейства, а Атос ему спокойно так говорит: «Д'Артаньян, я допускаю все». Кира, я тоже допускаю все. Даже самое худшее.

– Понятно. Я так о мушкетерах не думала...

– У каждого поступка есть две стороны. Вот, к примеру, у Лизы. Она собирается испортить тебе жизнь, это верно. Но при этом она стремится устроить свою...

– Но не за мой же счет?

– С ее точки зрения, она поступает правильно. И ты должна поступить так же. Если Лиза не думает о тебе, почему ты должна думать о ней? Да, ты не сделала бы ничего плохого – первой. Но можешь адекватно ответить на ее действия. Это правильно.

– Дрянь она! Вот!

Анна не обратила внимания на вспышку гнева. Не до того.

– Так что давай прорабатывать все варианты. В том числе и тот, где я не смогу тебе помочь даже советом.

– Ну давай. А Лизка все равно гадость! Как ты думаешь, если я папсу дам запись прослушать, он ее разгонит?

Анна качнула головой:

– Не поможет.

– Вот и мне так кажется. Паршиво, правда?

– Очень.

* * *

Телефонный звонок оторвал Анну от музицирования.

Да, именно так. Они с Кирой и Гошкой в шесть рук пытались сыграть «Соловей мой, соловей»^[6].

Получалось... сложновато. И музыка не так чтобы очень простая, и исполнители не слишком умелые. Сама Анна играла на нескольких музыкальных инструментах, и освоить пианино для нее было несложно. А вот Кира и Гошка испытывали определенные трудности. То ненужная клавиша из-под пальца вывернется, то нужная подвернется.

Кстати, у Киры как раз музыкальный слух был. А вот Гошке медведь оттоптал оба уха, видимо, еще на кордоне. Ну да ничего, пусть учится. Потом аккорды на гитаре подбирать сможет, а для популярности в компаниях это полезно.

– Алло?

– Яночка, здравствуй! Как у тебя дела?

– Здравствуйте!

Анна не поняла, кто это, но собеседница сразу подсказала:

– Яночка, я это, тетя Катя, соседка твоя!

– Как ваше здоровье? Как самочувствие? Как дела?

Рассказ на десять минут обо всем спрошенном Аня вытерпела героически и была за это вознаграждена.

– Яночка, тут участковый приходил, расспрашивал.

– Какой участковый?

– Олег Андреевич. Вроде как Жалейкин... или Поливалкин?

– Лейкин?

– Точно!

Анна насторожилась. Если она правильно помнила, Олег Андреевич Лейкин – НЕ участковый. Он оперуполномоченный и капитан полиции. А вот что он делал в их домах?

– А о чем он спрашивал? Теть Катя?

– Так о тебе и спрашивал, Яночка.

– Да?

– Знаешь, я бы подумала, что ты ему понравилась. Так уж он выспрашивал и с кем ты живешь, и водишь ли к себе кого, и где ты работаешь...

Будь у Анны чиста совесть...

Но на ее совести было пять трупов. Пять.

А может и больше стать, чего уж там! В любой момент может. Поэтому она занервничала.

– И что ему сказали? Тетя Катенька?

– А что ему сказать-то можно, Яночка? – рассыпалась смешком соседка. – Чистую правду! Что работаешь от рассвета до заката, что мужиков у тебя отродясь не было...

– Угу...

– Что ты ради сына из шкуры выпрыгнешь... разве что Олька приврала, ну так она без вранья и слова не скажет!

- Активистка наша?
- Она, а то кто ж? Ух, трепло репейное! Трепать ее некому!
- И что она рассказала? – уточнила Анна, ожидая самого худшего.
- Дрянь она, Яночка. Как есть – гадина склизкая!
- А все-таки?

Вот когда Анна пожалела, что в России отменена смертная казнь! Сейчас бы она мерзкой тетке лично приговор подписала, и рука б не дрогнула!

Ольга Петровна оторвалась от души! От всей своей гнусной, подлой, мещанской душонки! Ежели у нее такая вообще есть!

Со слов активистки, по пересказу тети Кати, получалось, что Яна – шлюха и наркоманка. Именно поэтому у нее родился больной ребенок. За наркотой и мужиками она к соседям бегала, однозначно.

Как? Ежели ребенок родился давно, а в этот дом она пару лет как переехала?

Не важно как, важно, что бегала. А еще Янка – хамка, дрянь и хулиганка. В общем, аттестовала, стерва! И ювенальная юстиция по Яне плачет. И ребенка у нее отнять надо! И саму Яну сажать пора! С такой аттестацией ее не в каждую тюрьму возьмут! Побоятся за моральную чистоту ее постояльцев!

Анна скрипнула зубами.

Вот ведь...

– Тетя Катя, спасибо вам огромное.

– Да что ты, Яночка! Тебе спасибо! Вкуснятина такая, век ничего подобного не ела!

Все верно. На Новый год Анна лично отвезла подарки всем соседям, за исключением Ольги Петровны. Той подарок оставили в почтовом ящике. Вроде бы и поздравили, но не лично. Вот старая дрянь и сквиталась. И что за человек такой злобный? Все ей поперек! Все не в радость! А значит, надо и остальным настроение испортить, чтоб, не дай Творец, счастливы не стали!

Тьфу, пакость!

Анна дружески поболтала с соседкой и отключила телефон. Задумалась.

– Ань, что случилось?

Таиться от Киры смысла не было, девочка и так в курсе событий. И ее этот вопрос тоже нервировал.

- И что этому козлу надо?
- Вот это я и хотела бы знать?
- Может, папса попросить? Пусть на него собак спустят?
- Кира?
- Ну, папс позвонит его начальству, и капитану поставят клизму с

дохлыми ежиками.

– А почему сдохлыми? – только и смогла сказать Анна.

– Живых – жалко.

Аня качнула головой:

– Не будем мучить... ежиков. Рано или поздно капитан объявится, вот и посмотрим, что ему надо. Тогда и разговаривать будем.

– Как скажешь. Но я бы рекомендовала ежиков.

Анна задумчиво кивнула:

– Может, и придется. Попробуем еще раз – с «Соловьем»?

– А давай попробуем!

Глава 3. Ты не видала? Что-то шептала... руду унимала?

Окрестности Ферейских гор

Антон Андреевич Валежный смотрел на карту Русины. Смотрел туда, где сходились несколько развязок.

Город Сарск.

Что в нем было хорошего? Крупная транспортная развязка, ничуть не уступающая Ирольску. Но, мало того, контролируя Сарск, можно было взять под контроль реку Вольную. Огромную водную артерию, с громадным грузопотоком. Соответственно, отрезать ее освобожденцам.

Если взять Сарск, а потом начать развивать наступление и захватить еще Карев и Царьгород, то потом можно пойти и на Звенигород.

Есть пара проблем.

Первая – ему не раздвоиться. То есть он может брать Сарск, но Ас-Дархан, второй город в низовьях Вольной, должен захватывать кто-то другой.

Вопрос – кто?

Что у него есть из вооруженных сил? Корпус Алексева. Вроде как хороший командир. Но полк все же парадный, честно скажем. Необстрелянный.

Да и сам Алексей... плохого про него Валежный ничего не слышал. Но и хорошего – тоже.

Кто остается? Из серьезных сил – Логинов. Валежный отлично понимал, что ему нужен крупный осязаемый успех на равнине. Сразу и быстро. Тогда...

Кто видел, как осаждаются кристаллики из насыщенного раствора, притягиваясь друг к другу, поймет: вот так хотел сделать и Валежный. Получится ли? Если сейчас они победят, громко и ярко, к ним начнут стягиваться вооруженные силы. Те, кто ненавидит освобожденцев.

Начнут, никуда не денутся. Итак, пишем Логинову, согласуем действия. За Логиновым Ас-Дархан. А Валежный пойдет на Сарск и либо добьется успеха, либо сложит там свою глупую голову.

Что у него с силами?

Валежный не нуждался в бумагах, чтобы вспомнить количество своих людей. Он смотрел на карту и прикидывал.

В Сарске у освобожденцев хорошая позиция. Окопы, траншеи, редуты – быстро наступать не получится. Артиллерия. Несколько бронепоездов, по последним донесениям – шесть, но туда и еще парочку могут подогнать. Транспортные развязки у них в руках...

Петер!

Да чтоб тебе еще раз сдохнуть! Надо было тебя свергать еще лет двадцать назад, вот как только на трон сел! Ведь ничего не умеешь, такую страну погубил, слизняк!

Еще не погубил... пока есть Валежный, будет жить и Русина.

Будет!

Чем располагает Антон Андреевич?

Три бронепоездами.

И примерно семью тысячами человек.

Против двадцати – двадцати двух тысяч противника. Молчим про речную флотилию и около сотни орудий. Молчим... потому что в орудиях у них значительный перевес. В Ферейских горах пушками особо не разживешься. Да и не потаскаешь их за собой по горам-то...

Пулеметы, так и тех недостаток...

Как сказал великий полководец, воюют не числом, а умением^[7].

Но войска Валежного, кроме того, потрепаны в Ферях, они прошли далекий путь, они устали, не хватает провизии, фуража, больше всего – боеприпасов!

Валежный напоминал себе портного, который из аршина сукна хочет выкроить мундир на двухметрового гвардейца. Но надо, надо...

– Тор генерал!

В палатку заглянул адъютант. Валежный оторвался от карты, взглянул без улыбки:

– Чего тебе, дружок?

– Антон Андреевич, там это...

– Что?

– Вас просят.

– Кто?

– Чилианцы...

* * *

Чего не ожидал Валежный, так уж точно явления чилианцев. На... броневедомобилях?! Один, два... аж десять штук!

При виде генерала те оживились, зашевелились как-то...

– Валежный-шэн?

Антон Андреевич чуть поклонился, подтверждая, что он. Да.

– Здравствуйте. С кем имею честь, торы?

Вперед вышел один из чилианцев, одетый чуточку богаче других. Все они были в простой, даже неприметной одежде, но вот у этого в ухе болталась тяжелая золотая серьга. Знак принадлежности к высокородным в Чилиане.

– Наши имена вам ничего не скажут, Валежный-шэн. За нас скажет это письмо.

Валежный пожал плечами, осторожно принял потрепанный конверт, вскрыл его...

И едва не открыл рот на виду у всей армии. Потому как письмо было от Мити. Дмитрия Ромашкина, гада такого!!! И что он пишет?

«Друг мой!

Прошу принять этот маленький презент!

Пока я улаживал наши общие дела в Борхуме, у меня образовался некий избыток доходов, который я решил выгодно вложить. Надеюсь, вы одобрите.

Все оплачено, включая доставку.

Искренне ваш.

Д. Р.».

Валежный с интересом посмотрел на чилианцев:

– И?

– Валежный-шэн, это ваше.

Чилианцы показывали на броневедомобили^[8].

– М-мое?

У Валежного даже голос сел.

ЕГО?!

Это – ЕГО?! Он что – спит? Да, наверное, заснул над картой...

Ан нет. Ему вручают десять броневедомобилей, объясняют, что в них загружены боеприпасы – сколько поместилось, кланяются... Валежный едва сообразил поклониться в ответ в последнюю минуту. И приказал принести чего получше из трофеев, отдариться. За такое – не жалко.

Хоть и пишет Дмитрий, что все оплачено, но...

Валежный у себя позволил бы литр крови сцедить за эти автомобили. А тут вот... они взяли и просто приехали. Теперь-то он знает, что делать с Сарском! А если еще Алексеев вовремя подтянется...

Митя, друг!

Спасибо тебе!!!

Русина, в дороге

Настроение у Ильи Алексеева было... сложным.

С одной стороны – на войну!

И не надо больше сидеть в этом клятом Подольске, не надо разговаривать с людьми... война тем и хороша, что врага можно убить! Но!

Анна мертва. Вся его родня мертва.

А Маргоша...

За несколько дней путешествия дама вымотала несчастного командира так, как это всему корпусу на марше не удалось.

Она ныла, жаловалась, требовала, умоляла, даже угрожала выкидышем... так что Илья едва не рывкнул в сердцах, что это, пожалуй, лучший выход.

Вот заниматься ему нечем, только бабские капризы разбирать!

А с Маргошей еще ее мать, и брат, и дед Савва, и все смотрят так укоризненно... молчат, но смотрят! Ай, не наплевать ли!

Не наплевать, в том-то и беда. Не так Илью воспитали.

А это что?

Вестовой.

Корпус растянулся в движении на несколько километров. Собственно войско, сопровождение, обоз, артиллерия... поэтому вестовые непрерывно курсировали вдоль полка. Мало ли что...

– Тор полковник, разрешите обратиться!

– Слушаю?

– Тора в красной карете плохо себя чувствует, умоляет вас прийти...

Илья скрипнул зубами.

На марше!

Когда он занят по уши!

Вот ему только и дела есть бегать по бабскому приказу!

– Передай торе, что я поговорю с ней вечером.

И того не стоило бы делать, но...

Ровно через полчаса вестовой примчался обратно.

– Тора плохо себя чувствует, она упала в обморок и...

– Меня это не интересует, – оборвал Илья. – Благодарю за службу, больше на тору внимания не обращайтесь.

– Есть не обращать внимания!

Вестовой умчался, а Илья сосредоточился на своих делах. Полк на марше – это не просто так, им командовать надо. Внештатные ситуации здесь на каждом шагу возникают, вроде сломавшейся телеги, увязшей пушки, захромавшей лошади... командир хоть сам этим и не занимается, но кому приглядывать?

То-то и оно...

И тут бабские бредни?!

Да гори оно ясным гаром!

Илья и днем не пошел, и вечером не пошел... Маргошу он соизволил навестить только на следующий день. Подъехал к карете, привязал лошадь и залез внутрь.

Тесно.

Трое человек внутри, дед Савва на облучке.

– Илюша!

Маргарита просияла, повисла у него на шее. Илья волей-неволей обнял женщину.

– Как ты тут, девочка?

– Плохо... ох, плохо, Илюшенька!

– Что не так?

– Тошно мне, дурнотно... ребеночка нашего потерять боюсь!

– Творец милостив, все будет хорошо...

– И ты не приходишь, и страшно мне без тебя...

Мать Маргариты и ее младший брат старательно изображали мебель, отгородившись двумя книжками. Илья оценил и коснулся поцелуем уголка губ Маргоши.

– Все будет хорошо. А пока – прости, детка. У меня слишком много дел.

– Какой смысл быть командующим, если у тебя нет свободного времени? Доверь что-то подчиненным...

Илья качнул головой:

– Не сейчас, Маргоша. Нет, не сейчас. Поверь, все будет хорошо, но нам надо очень много сделать... надо потерпеть.

– Я потерплю. Только приходи почаще, умоляю...

Воркование, шепотки, ласковые слова...

Но почему Илья, выйдя из кареты, чувствовал себя так, словно по нему борона проехала? Разве не должно общение с любимой доставлять радость?

И почему Маргарита в гневе комкала в кулаках теплую меховую полость, едва не прорывая заячьи шкурки. Негодяй, ах, какой негодяй!

Она!

Для него!!!

А он?!

Просто – негодяй!!!

Русина, поместье великого князя Гавриила Воронова

– Жом Пламенный, доброго вам дня.

– И вам, тор Мишель...

– Жом Мишель, так ведь?

Сын и наследник великого князя мило улыбался человеку, которого еще год назад приказал бы затравить собаками. Но времена меняются. И если ключ от власти надо выловить из нужника – что ж, Мишель не побрезгует испачкать руки.

Потом отмоем.

И руки, и историю.

– Итак, жом Мишель, что случилось?

– Разбирая фамильные бумаги, я наткнулся на нужный нам ритуал.

Раньше Пламенный расхохотался бы в ответ на такие глупости.

Но...

Но!

После беседы с тором Дрейлом!

После проклятого колокола и колокольни, которую так и пришлось закрыть...

После всех знамений...

Тут и матерый атеист уверует. Вперед своего визга побежит...

– Что за ритуал, тор Мишель? Вы позволите вас так называть?

– Да, конечно. Давайте без церемоний, жом...

– А ваш отец?

– Он пьет, – коротко ответил Мишель.

– Э-э-э-э...

– Давно ли? – правильно понял вопрос мужчина. – Считайте, с того дня, как вы прошлый раз у нас были. Всякий человеческий облик потерял, бормочет, что против богини идти, что против ветра... плевать. Что все потеряно, что нам надо сдаться, тогда можем уцелеть, а иначе всех снесет...

– Но вы все же решились?

Губы Мишеля невольно шевельнулись в произнесенном ругательстве.

Старый дурак!

Но вслух он сказал нечто иное:

– Я предположил, что смена монарха не всегда происходила мирным путем, и оказался прав. Просто такие документы обычно хранились в Звенигороде, но Петер был непростительно беспечен...

Ага. А вам, вора, надо было карманы зашивать и руки обрубать.

Но вслух, понятно, жом Пламенный этого не сказал. А кротко поинтересовался сутью ритуала.

– Когда наследником престола недовольны... тут есть два варианта. Мы находим наследницу, она при всех, добровольно отрекается от трона в мою пользу и надевает мне коронационное кольцо на палец.

– Это возможно?

– Вполне. Мы одной крови, так что это будет считаться. Второй вариант – она выходит за меня замуж. Законным правителем будет наш ребенок, а уж кто станет при нем регентом, после смерти его матери, – вопрос другой.

– Я надеюсь, что регенту понадобится умный советник? – намекнул жом Пламенный.

Мишель приосанился.

– Разумеется. Есть и третий вариант, который не предусматривает добровольного согласия.

– Какой же?

– Жертвоприношение. Саму наследницу надо будет убить, во имя Хеллы. После определенного ритуала благословение Богини поменяет хозяина.

– Вот как, – задумался Пламенный.

Что ж.

Ему равно подходили и второй вариант, и третий. Разумеется, Пламенный не стал уточнять, может ли наследница выйти замуж... да хоть бы и за него! А чем он не император? Мозгов-то у него всяко поболее будет, чем у Петера!

Может. Женились ведь императоры раньше на простолюдинках, бывало пару раз...

– Вопрос за малым. Найти наследницу.

Мишель развел руками:

– Жом, тут я полностью полагаюсь на вас.

Пламенный вежливо согласился, побеседовал еще пару часов ни о чем и откланялся.

Что ж.

Ради этого следовало съездить в гости. А еще...

Великий князь запил. А его сынок слишком уж разлетелся. Кажется, в ближайшее время произойдет ужасное несчастье и они умрут...

Вот горе-то!

Вот беда!

И как Русина переживет без великого князя Гаврюши?

Сегодня Аким провинился.

Ну... позволил себе с вечера. А с утра коней не обиходил... такого, понятно, Федор Михалыч спустить никак не мог.

Приказал отвесить пару оплеух, да и поставил на ворота. Казалось бы, в чем наказание?

Так зима ж!

И снега много... вот Акимка его и чистил. Заодно ворота открывал-закрывал, ежели кому нужно... и радовался.

Хозяин уж который день был не в настроении, мог и плетей всыпать.

Освобождение?

А... кого освобождали-то? Аким как жил у купца, так и жил, как работал, так и работал, и радовался. Платил Федор Михалыч, не скупясь, правда, работу требовал, но у него и безопасно было. А то ведь времена-то какие...

Господа дерутся, у слуг спины чешутся.

Когда перед воротами заржали кони, Аким даже не дернулся особо. Всякое бывало.

Освобождение там, оледенение, а кушать всяк хочет. И к купцу приезжали, и от него уезжали... хоть и не так часто, но бывало.

Вот и в ворота затарабанили.

Аким выглянул наружу из калитки:

– Чего надобно?

В ворота стучала молодая женщина. Определить, сколько ей лет, было сложно. Видно, что женщина: грудь не спрячешь, что молодая – щеки и лоб без морщин, а вот все остальное...

Красивая? Нет, не понять, слишком много на ней одежды...

А вот возок хорош. И кони... гладкие, ухоженные, они поводили боками, шумно дышали, но видно – не запалились. Не устали даже. Еще до вечера побегут, не запыхаются.

Хорошие кони. На таких и анператору ездить бы не зазорно.

– Федор Михайлович дома?

Аким насупился:

– А кто его спрашивает? О ком сказать?

Женщина пожала плечами:

– Яна Петровна. Воронова. От Игнатьевых.

– Энто кто ж?

Вроде как имя было знакомое, но что-то у Акима после вчерашнего словно из головы долой...

– Прохор Игнатьев. Марфа Игнатьева. Марфа Федоровна! – рывкнула женщина. – Доложи, пьянь!

Аким даже обиделся.

Ну, выпил. Да и принял-то он всего чуток...

– Ты энто, девка! Не шуми, значитца! Федор Михайлович хучь и дома, но абы кого не примет...

– Абы кого?

Яна окончательно рассвирепела. В другой момент жизни она бы и диалог иначе построила, и поговорила бы лучше... сейчас же – не было сил.

До-ста-ло!!!

Ее достало все!

И экологически чистый транспорт, за которым ухаживать надо больше, чем за собой.

И дорога, которую периодически приходилось откапывать. Потому как экологически чистый транспорт был оснащен копытами, а не гусеницами.

И дети...

Ладно! Дети – меньше всего. Яна понимала, что им тяжело. Но вы сами попробуйте довести троих детей из точки «А» в точку «Б». При условии, что у них практически нет развлечений. А ехать долго.

Ехать медленно...

Даже если ехать на машине, и тогда малышня умудряется ныть, хныкать, жаловаться. А возок едет намного медленнее. Но машину Яна сейчас себе позволить не могла. И бензин не достанешь, и обогрева в местных машинах нет... сломается – замерзнут все. И скорость не слишком высокая, тот же копытный транспорт, может, и чуточку быстрее.

И приходилось терпеть.

Капризы, истерики, слезы, сопли... Машка все-таки опять простыла и теперь шмыгала носом... Яна скрипела зубами и мечтала спихнуть хотя бы двоих паршивцев на руки деду.

Или чтобы путешествие кончилось.

Или чтобы разбойники напали... о банде из монастыря она почти с нежностью вспоминала! Так же как и о Поганце.

Их можно было убить! Хоть душу отвести. А с детьми ты что сделаешь?

Даже шлепать рука не поднималась, хотя Топыч и предлагал пару раз надрать сорванцам уши. Так что нервы у Яны были на пределе. А тут...

Стоит этакое чучело, хамит, еще и перегаром от мужика разит на поддвора... Кто бы удержался на ее месте? Яна и рявкнула в три этажа с чердачком, как на кордоне наострилась.

Вспомнила и матушку конюха, и его батюшку, и родословную проследила с древних времен...

Аким аж заслушался. И не только он один, голос-то Яна не сдерживала. Вот и купец услышал. Окно открыл, да и рявкнул на весь двор, когда Яна замолчала:

– Что тут происходит, так вас и разэтак?!

Яна посмотрела на бородатую персону, которая торчала из форточки да еще начальственно рычала, – и так же на весь двор громко спросила:

– Федор Михайлович, Марфа Федоровна Игнатьева вам знакома?

Персона побледнела.

– Да...

– Орать будем – или ворота откроете? У меня дети в возке, я их на улице не брошу.

– Акимка! Открой и коней во двор заведи! Ко мне пожалуйста, тора!

Сообразительный. Сразу понял, что Яна не из крестьян.

– А детей?

– На кухню, пусть поедят с дороги!

Форточка захлопнулась. Яна пожала плечами.

На кухню? Оно и неплохо... сначала посмотрим, что тут за купец, потом поговорим за внуков. Дети – это сложно, трудно и каторжно тяжело. Но к Мишке и Машке Яна уже привязалась и ответственность за них чувствовала. Деду она их оставит, только если будет в нем уверена.

А если нет...

Сама справится. Не впервой!

Федор Михайлович ждал гостью в кабинете. Яна вошла и оценила. Даже присвистнула:

– Богато живете, жом.

А то – нет?

Рассчитано было именно что на купцов. Мебель дорогая, из темного дерева, но позолоты на ней – хоть ты ножиком счищай. И резьбы много...

Стол громадный, тоже явно дорогой, аж подавляет, стены отделаны кожей с золотым тиснением, все на столе тоже из золота – Яна не сомневалась. А люстра?

Ежели с нее все хрусталины оборвать – аккурат мешок будет. Изпод картошки. Жаль, скушать не получится. Сейчас это важнее.

Купец расплылся в довольной улыбке.

– Не жалуемся, тора. Но раз уж меня вы знаете, как к вам-то обращаться?

– Яна Петровна. Воронова.

В очередной раз Яна задумалась – и как они тут статус определяют? А, не суть. Купца она разглядывала в это время очень внимательно и серьезно.

Сидит перед ней этакий кабан, иначе и не скажешь. Что-то в лице общее есть, наверное, нос, забавно курносый, или само лицо, круглое, или глаза двумя черными точками, внимательные, умные... или борода, которая растет не окладистой мочалкой, а такой щетиной вокруг лица. Вроде как и есть она, и в то же время короткая, но ухоженная. Только улыбаться не стоит.

Кабан – один из самых умных и самых опасных лесных зверей. Хоть и с домашней свинкой шутить не стоит. Эта скотинка очень опасная и сообразительная, несмотря на все комиксы.

– Даже в нынешние времена – не жалуетесь, жом Меншиков?

– А что времена, тора? Дело наше такое, что б ни случилось, а ты все одно рук не покладай. Тогда и добро прибудет.

Яна медленно кивнула:

– Это вы правильно говорите, жом. Скажите, Марфа Федоровна Игнатьева – ваша дочь?

– Да, тора.

– Незадолго до Солнцеворота я нашла на дороге убитых мужчин...

Яна рассказывала всю историю без особого аффекта. Было – и было. Сплыло – и сплыло.

Федор Михайлович слушал внимательно. Скрипел зубами, когда Яна поведала о смерти дочери, но слушал. И только когда она остановилась на коротком: «Мы с детьми уехали из монастыря», приподнялся на кресле. Тоже, кстати, массивном и золоченом.

– Тора, так те дети...

– Ваши внуки, Федор Михайлович. А вот это – вам.

Перед купцом легло письмо. То самое, с печатью.

И вот тут Яна спалилась по полной программе. Как и Штирлиц в Берлине не смог бы. Даже пройдясь по городу с красным знаменем и заорав в кабинете Бормана: «Гитлер капут!»

Купец посмотрел на печать.

На Яну.

Опять на печать.

И медленно вывалился прямо из кресла к ее ногам.

– Ваше величество!!!

Что могла сказать Яна? Да только одно:

– Жеванные мухоморы!

* * *

Хорошо, в этом мире половину ее матерщины никто не понимал, а то было бы стыдно. Но... Яне и так пришлось несладко. Поди подними такую тушу, когда она у тебя в ногах ползает и руки норовит поцеловать... особенно ту, на которой кольцо. Не откусил бы, в порыве чувств...

Кое-как ей удалось и это.

– Федор Михайлович, сядьте и прочтите письмо дочери. Потом поговорим.

Купец вытер вспотевший лоб и повиновался. Первый шок уже прошел, и сейчас он начинал обдумывать перспективы.

Ее императорское величество.

Судя по возрасту – внешности – имени...

– Вы – великая княжна Анна Петровна Воронова?

Яна пожала плечами:

– Меня можно назвать и так. Но эту историю я расскажу потом. Может быть.

Намек купец понял. И, почтительно поклонившись, вернулся в кресло. Ежели разрешают... Распечатал письмо, прочел... много Марфуша ему не написала. Да много и не надо было, но ее рассказ полностью совпадал со словами Яны.

– Ваше импе...

– Тора Яна, – наредила голосом девушка. Еще не хватало, чтобы сплетни пошли. И так-то лишнего человек узнал, ее бы воля – и того б не было!

– Как же, – растерялся купец. – Это ж...

Или сделал вид, что растерялся. Но Яна не стала уточнять.

– Моего отца убили. Мать, сестер... я уцелела чудом. Вы уверены, что сможете отбиться от освобожденцев, если они придут за мной?

Об этом купец тоже подумал.

– Не смогу. Тора Яна...

– Вот, так-то лучше.

– Тора Яна, вы позволите одну проверочку?

Яна только плечами пожала. Но камень кольца послушно к расплавленному воску приложила. Печать получилась один в один с первой. Купец помрачнел.

– Тора Яна, вы... а что вы делать-то будете?

– Я над этим размышляю, – честно ответила Яна. – Наверное, надо уезжать из Русины. Вы ведь это собирались сделать? Марфа сказала...

Купец медленно кивнул:

– Да...

* * *

Купцы – они вперед прочих чувствуют. Крестьянину – тому все равно, кто у власти, был бы огород. Военному что генерал скажет, то он и сделает, привыкли они повиноваться.

Городским... тут кому как. Но купцы обязаны нос держать по ветру. Яна обладала определенным послезнанием.

Федор Михайлович просто нутром чуял, что ничего хорошего никакого освобождение не принесет. И вообще, чем громче лозунг, тем дальше надо драпать. Вот и собирался.

Дочку хотел увезти, сын-то был рядом с ним, а зять вот затягивал с отъездом, сделка у него выгодная складывалась, там не сто частей прибыли, все триста можно было взять.

Эх, Прошка, дурак молодой, соблазнился возможностью половить рыбку в мутной воде, нажился, порадовался... сгодились тем грабителям твои деньги! Поехал бы раньше, и давно б уже в Ламермуре были, а то и в Герцогствах. Дело-то житейское...

Денег было б меньше, но кто их мог в Русине считать, тот и в другой стране не пропадет. Конечно, с чистого листа начинать бы пришлось, ну да знакомые есть, нашлась бы и подмога. А он вот...

Тянул и тянул, дурак! И дочь с ним оставалась... как же! Любовь!

И сама погибла, и детей чуть за собой не утянула. Это еще хорошо, что так получилось... больно было, но не смертельно. Федор Михайлович привык не показывать своих чувств, привык терпеть, привык ждать... выжидать лучшее время для прыжка.

Здесь и сейчас ему очень хотелось уехать из Русины. И уехал бы. Но...

– Вы ведь, тора Яна, не просто так этот разговор затеяли?

– Нет, не просто.

– Я могу быть вам чем-то полезен?

– Равно как и я могу быть полезна вам, – пожала плечами Яна. – У меня есть деньги, у вас есть связи. Я хочу уехать из страны с сыном.

– Куда, тора?

– В Герцогства.

– Это идея хорошая. А есть ли на что?

– Есть. Бедствовать не буду. И себя прокормлю, и детей.

– Детей... что вы, тора Яна, хотите за спасение моих внуков?

Умный человек. Сообразил.

– Вы собираетесь уезжать?

– Да.

– Возьмите меня с собой. Нас.

– Вы и...

– Мой сын и мой... пусть будет воспитанник. Георгий и Потап.

– Тора Яна, это я завсегда. Но... есть одна проблема.

– Какая?

– Из-за Прохора, не тем будь помянут, идиот, мы сейчас уехать не сможем.

– Разъясните, – попросила Яна.

Купец послушно расстелил на столе карту Русины. Девушка внимательно смотрела и слушала.

Да, уехать из Русины можно. В Герцогства, в Борхум, в Ламермур. Для начала и он сойдет, потом уж можно из него куда попримечнее перебраться. Но...

Уехать можно из нескольких городов. Из Звенигорода – там крупная транспортная развязка, все же столица. По некоторым причинам это не вариант.

Из Ирольска. До которого сейчас не доберешься.

Третий вариант – Сарск. Не так далеко от Карева, кстати говоря. Удобно добраться, удобно уехать... минус только один. Туда сейчас не попасть.

Освобожденцы сейчас там устраивают такое...

– Такое – что?

– Защищаться они готовятся, тора. Есть такой Валежный...

– Антон Андреевич, слышала.

От жомы Тигра, не тем будь помянут... простите, припомнен, он же еще не померши!

– Вот. Он сейчас разбил фереев и идет на Сарск. И говорят, на Ас-Дархан тоже будет наступление.

– Так...

Этот вариант Яну не порадовал. Оказаться в разгар боевых действий в осажденном городе? Развлекайтесь сами, она – пас!

– Вот и приходится ждать. Или весны, чтобы до Ирольска добраться... даже ближе к лету, чтобы дороги подсохли, или когда ситуация в Сарске решится в ту или иную сторону.

– Как бы она ни разрешилась, все равно поезда ходить будут.

– А то и корабли. Сейчас-то нет, сейчас Вольную льдом сковало, да и море плохое, а вот по весне...

Яна улыбнулась.

– Получается, что мне придется либо снять дом поблизости, либо воспользоваться вашим гостеприимством, жом Меншиков.

Ответная улыбка купца была достаточно тонкой.

– Что вы, тора Яна, разве я могу отпустить... то есть допустить, чтобы вы скитались по чужим домам?

– Можете. Но меня этот вариант тоже не слишком устраивает, поэтому предлагаю заключить определенное соглашение.

Это уже было поле купца. Федор прищурился.

– Слушаю вас, тора?

Яна пожалала плечами и бросила на стол еще одну карту.

– Дело в том, жом, что я серьезно больна. Смертельно.

Она даже не солгала. Жизнь – это смертельная болезнь с летальным исходом. И половым путем передается. Вот кто это сказал, Яна в упор не помнила, но идея верная. И в ее случае – особенно^[9].

– О как...

– Примерно так, жом. Я смертельно больна, и осталось мне не так долго.

Купец искренне огорчился. Видимо, уже губы раскатал... щ-щас! Размечтался!

– А чем же вы так, тора?

Яна нехорошо улыбнулась.

– Когда нас убивали, всю нашу семью, меня ранили. В ране остался осколок, он движется к сердцу, медленно, но верно. Дойдет – помру.

Федор Михайлович кивнул. Бывали такие случаи, чего уж там! Сам видел, как человек с осколком в голове сорок лет прожил... но то голова, она – кость. А сердце?

Эх, лекаря б хорошего, да поди найди такого...

– Вы уверены, тора?

– Будет чудом, если я увижу следующую зиму.

И столько уверенности было в словах Яны, что купец поверил. Осознал. И задумался.

– Так какое соглашение вы хотите заключить?

– Вы, Федор Михайлович, доставите мою семью в Герцогства. Вы там будете жить, они будут жить... а когда люди рядом живут, то и помогать друг другу могут. Присмотрите за моими детьми.

– Дети? Ах, да...

– Воспитанники и внебрачные сыновья не наследуют трон.

– В наше-то время?

– Это закон, – отмахнулась Яна. – Я готова вам заплатить, чтобы вы приглядели за мальчишками и научили их своему ремеслу. Понимаете? С малолетства. Чтобы помогали в лавках, чтобы видели, как, что и откуда...

– Тора, да это ж...

– Невозможно? Почему?

– Они ж... вы из них купцов вырастить хотите?

Яна поняла смысл возражения. И вздохнула.

– Что всегда остается с человеком, Федор Михайлович? Семья может погибнуть, деньги – пыль, а что творится в нашей стране, вы сами видите. Если из мальчишек не выйдет купцов, найдите им дело по душе, я плачу именно за это. За образование, которое они получают, за присмотр, который будет иной раз и в подзатыльниках выражаться – что поделать? Надо...

– Тора, так никогда не делалось.

– Почему? Никогда не бывало, что кто-то просил бастарда пристроить?

Неприятное слово резало язык. Но... иначе купец не поймет. А закладывать ему Нини?

Нет, не вариант. В Герцогствах Яна сама что-нибудь придумает, свяжется с сестрой... будет видно! А здесь и сейчас ни к чему давать людям в руки такой козырь.

– Бывало, да...

– И?

– Не императорского ведь!!!

Яна пожала плечами:

– Все когда-то бывает в первый раз, Федор Михайлович. Вы согласны?

– Да.

– Тогда... поговорим про оплату.

Купец только рукой махнул:

– Вы моего зятя похоронили, как смогли, дочери помогли, внуков привезли... я видел, что детей четверо. Я вам и так по гроб жизни должен, ваше величество.

– Вы опять?! – зашипела Яна.

Мужчина развел руками. Мол, есть вещи, которые иначе и не скажешь. Ладно же...

– Тогда поговорим не об оплате. А об инвестициях в ваше дело, которые наверняка пригодятся.

С инвестициями вышло получше. Всю свою долю добычи, полученную от бандитов, Яна с громадным удовольствием спихнула купцу. Вышло там очень нескромно. Себе она оставила деньги на расходы, несколько побрякушек – так, на всякий случай, – а остальное они договорились вывезти в Герцогства, конвертировать в золото и вложить в дело. Там каждая монетка понадобится, еще и не хватить может. Конечно, Яна рисковала, но... такое уж купеческое сословие.

Деньги и еще раз деньги.

Ничем иным уважение купца не заслужишь, только капиталами и их правильным применением. Вот и пусть работают.

А Гошка пусть учится. Захочет он стать военным – купит себе офицерский чин, в Лионессе это практикуется, к примеру. Гадкая страна, торговать военными чинами... Считай, смертников плодить в случае войны, нигде ж не сказано, что эти люди смогут грамотно командовать.

А захочет – станет моряком, станет купцом... деньги дают свободу, это Яна хорошо понимала. Свободу выбора пути. И пусть торговать поучится, да. Вместе с Потапом. Чтобы мальчишек никто обмануть не мог, где еще, если не в торговле? Там-то священный принцип: не обманешь – не продашь. Вот, пусть учатся.

А в целом все сложилось неплохо.

Надоевших хуже горькой редьки лошадей пристроили, ухаживать за ними больше не надо. Жить они будут у купца. Яну официально представили всем домашним как гувернантку для детей. Всех сразу.

А что?

Так проблем точно не будет. Что девушка делает в доме? Работает. А дальше – в меру испорченности человеческой, каждый же по себе меряет. Кто-то подумает – гостья, кто-то – гувернантка, кто-то и про купца нехорошее подумает, все ж он мужчина...

Яну это не волновало. Репутация? Хелле рассказать, она долго смеяться будет...

А возиться с детьми ей было только в радость. Сколько бы времени ей ни осталось, она его проведет с сыном. Гошка, радость моя родная...

Новую жилищку домочадцы купца приняли радушно, как-никак детей привезла. Внуков Федора Михайловича. С собой рисковала, а их тащила через охваченную войной страну. Заслуживает уважения.

И только вечером, в конюшне, Аким рассказывал друзьям:

– Я, значитца, ворота ей открыл, она Федора Михайлыча просит... Я так и так, мол, почиваеть он... А она меня как обложила! Сразу видать – человек ученый! Не репка с грядки! Я и слов-то таких половины не знаю...

– Каких слов-то?

– Либераст недодавленный, демократ ушастый, чебурашка рогатая...

– Да... сразу видно ученого человека.

Глава 4. Или сердце свое горячее? Или в землю стучалась дремучую?

Валежный, Сарск

Рисковать и брать Сарск с налета?

Валежный не готов был так поступить. В его армии каждый человек ценнее золота. Обстрелянный, обученный, спаянный с остальными... положит сейчас людей – где других брать?

Новобранцы? Добровольцы?

Глупо. Пусть освобожденцы сгоняют к себе в армию всякий сброд, Валежный так не поступит. Пусть будет меньше, но лучше.

А потому...

Наступать он собирался с южного направления. Просто у него есть три бронепоезда, чтобы поддержать пехоту огнем, вот и...

А Сарск защитили хорошо, пренебрегать нельзя ничем.

Если бы хоть флот был... но мимо Ас-Дархана не пройдешь, а там тоже освобожденцы. Удастся ли Логинову взять этот город?

Алексееву Валежный приказал идти на соединение с Логиновым, себя-то он знал, а вот там... там ни один человек лишним не окажется.

В ночь на двадцатое февраля Валежный приказал начинать наступление.

* * *

В старом храме молился священник.

Храме?

Да, раньше тут был храм. Правда, не Творца, а Хеллы, но какое это имеет значение? Церковь не уничтожала старые капища. Она их прятала, использовала в своих целях, вот и здесь – капище Хеллы, одно из старых, подземное еще...

Когда культ Хеллы начали потихоньку запрещать и давить, ее приверженцы не стали воевать. Они просеялись сквозь пальцы, словно

песок, – и ушли. Говорили, что они есть везде, что даже императорская семья... старик в это не верил.

Творец над всем, это ясно. А Хелла...

Древнее заблуждение.

Но сейчас неожиданно пригодившееся.

Когда в Сарск пришли освобожденцы, первое, что они сделали, – закрыли храмы. Второе – принялись арестовывать священников.

Третье...

Творец, прими их души, они мучениками за веру пошли к престолу твоему.

Старый епископ уцелел чудом. Казалось бы, ничего особенного, но... у него была забавная привычка. Иногда – может, раз в год, может, два раза – ходить на лыжах. Что, раз епископ, то уже и не человек? Так-то времени не было, и возраст, и болезни, и обязанности – да мало ли причин? Но пару раз в год... хотя бы один раз, это обязательно. Надеть простую куртку и штаны, встать на лыжи, оттолкнуться палками – и по полям. И смотреть, как искрится в лучах рассвета снег. Сначала сизый, а потом пронзительно-белый, хрустальный, алмазный, пронизанный солнцем...

Смотреть на заснеженные деревья, снять губами иней с хрупкой березовой веточки, посидеть на поваленном дереве, сделать пару глотков вина из фляжки, не ради опьянения, скорее как дополнение к этому дню. И закусить самым простецким бутербродом. Горбушка хлеба, ломтик сала, лепесток лука.

Пусть не подobaет.

Но если даже раз в год не отпускать себя на свободу? Как жить-то? Это ведь не грех, просто непривычно. И слишком интимно, чтобы звать кого-то с собой.

Конечно, он никого из братии с собой не брал и не звал. Это было только для одного. Только его день, день между ним и Творцом, и не стоит вмешивать в эти отношения кого-то еще.

В этот раз его нашли.

Послушник, Антошка.

– Владыка!!!

Мальчишка бежал без всяких лыж, высоко вздымая облака снега. Растрепанный, без шапки, раскрасневшийся от бега.

– С ума сошел?! – по-отечески поинтересовался епископ, снимая теплый шарф и укутывая глупого мальчишку. Простынет ведь...

Но кровь похолодела в жилах у епископа.

Творец берег его.

И увел из монастыря в тот день, когда пришли ОНИ. Чудовища, иначе и не скажешь. В детстве епископу, тогда еще просто Даньке, рассказывали страшную сказку, мол, и так бывает. Вроде как обычный человек, и выглядит как человек, и ходит, разговаривает, а внутри у него сидит чудовище. И кровь человеческую пьет...

В тот день страшные сказки оказались правдой.

Когда они добрались до монастыря, все было кончено. Уже не было освобожденцев, остались только черные тела на белом снегу и алая кровь. Их просто расстреляли.

Всех.

Вывели и дали залп из ружей. Не слушали, не разговаривали – о чем? Просто убивали. Монахов, послушников, трудников...

За что?

Творец до сих пор не дал ответа.

Епископ помнил, как копал яму, как стаскивал в нее каменно тяжелые тела... на это потребовалось бы несколько недель старику да мальчишке, но монастырь стоял рядом с селом. Миряне пришли на помощь, а Даниил больше не возвращался в монастырь. Нашел себе прибежище в старом капище.

Он пошел бы в Сарск, умолял, увещевал, был бы убит, но стеной встал Антошка, стеной встали другие крестьяне... ругались, просили...

Даниил сдался.

Он жил и ждал... чего?

Он не знал.

Но молился что было сил.

За тех, кого Творец лишил разума. За тех, кому не повезло оказаться в адском котле.

За тех, кто придет...

Должен ведь кто-то прийти? Должно это безумие прекратиться? Правда?

Доходили новости – страшные, жуткие. Что казнена императорская семья, что люди воюют между собой, что...

Даниил даже верить такому не мог.

Вот когда она сбылась – детская сказочка, вот как отозвалась.

Жутко...

А с утра загремели выстрелы, и Даниил понял, что произошло... нечто.

Валежный. Антон Андреевич.

Это имя повторяли многие, знали, что он идет на Сарск. И если Творец будет милостив... Даниил молился за человека, который сможет прекратить это безумие... молился, пока по стенам не пополз иней.

Иней? Откуда?!

Треснула, рассыпаясь в щепки, икона.

– Это уже наглость – звать другого бога в моем храме.

Голос ледяной, звонкий, словно сосульки с крыши падают. И лицо... чудовищное совершенство? Или совершенное чудовище?

– Сгинь, рассыпьясь! Да расточатся враги его!!!

Хелла, а это была именно она, рассмеялась еще раз, и старый священник едва не обмочился. От ужаса. Страх даже не смерти, нет. Этот смех обещал нечто худшее...

– Слуга, ты звал, и тебя услышали. Скажи тем, кто придет, что императорская кровь жива. И скоро она будет в Сарске.

И – тишина.

Даниил смотрел широко раскрытыми глазами – и не мог поверить.

Было?

Не было?

Было... иначе откуда сломанная, словно бы расколотая, икона, откуда иней, кружевной занавесью закрывший все стены. Он медленно таял, но память о словах чудовища не исчезала.

Императорская кровь – жива?!

Творец, благодарю тебя!!!

Есть шанс!!!

Есть шанс прекратить это безумие!!!

Если бы иней не растаял сам, то жар молитвы его точно растопил бы. Впервые за эти чудовищные дни старик получил надежду.

А что от Хеллы...

Он бы и на гадюку сейчас согласился, не то что на богиню. А орудия все гремели и гремели. Бой приближался.

Корпус Улаева, приданные ему бронепоезда и броневые автомобили получили приказ атаковать Сарск с юга. Вдоль железной дороги.

Вторая часть войск должна была отрезать освободителям дорогу на север. Чтобы не сбежали... вдоль Вольной.

Когда рассвело, Салам Амирович Улаев бросил людей в атаку.

Это было жуткое зрелище. Первыми пошли броневые автомобили. Они переваливались через наспех выстроенные заграждения, ломали доски, словно спички, рвали колючую проволоку, а уж следом за ними шла пехота.

Шла, стреляя во все, что движется.

Они не надеялись уцелеть, они шли умирать.

Сам Улаев возглавлял наступление. Ему говорили, его пытались остановить... бесполезно. Семья генерала была в Звенигороде. Что с ними?

Неизвестно...

Душа мужчины просила крови. И освободители щедро заливали ее траншеи.

Падали под огнем из броневых автомобилей... да, у них на позициях были и пулеметы, и ружья, но...

Броня была непробиваема. А что ты сделаешь с этим чудовищем, которое едет прямо на тебя... вот именно на тебя, и сейчас раздавит... и пули свистят у виска, и черные флаги, черные мундиры надвигаются неудержимой волной...

Не прошло и часа, как первая линия обороны дрогнула. И устремилась к Сарску, повергая в панику своих товарищей по второй линии обороны. Солдаты Улаева зачистили окопы от последних героев и чуточку перевели дух.

Ненадолго.

Следовало идти дальше.

Бронепоезда пока не могли поддержать огнем свои позиции. У освободителей были проблемы.

Три поезда – это немного. Но если люди, которые в них находятся, не думают о своей жизни...

Они не думали. Они хотели забрать с собой врага.

Пока еще они вплотную не сходились в бою, для поездов это достаточно сложный процесс. Но Валежный и не хотел устраивать поединки.

Нельзя.

Его бронепоезда должны были показаться, отвлечь врага, а основным оружием стали те же бронев автомобили.

Пока освобожденцы отвлеклись на приближающиеся поезда, бронев автомобили попытались подобраться вплотную – и это им удалось! Почти всем, один автомобиль все же подбили, и коробка грустно догорала на поле боя. А вот остальные...

Бронепоезд и бронев автомобиль? Несравнимо?

Это верно. Но в том-то и дело, что вблизи, когда бронев автомобиль под боком, орудия бронепоезда ему уже не страшны. Они просто не приспособлены обстреливать нечто, находящееся рядом. А пулеметы... на то и броня. Да и ответить есть чем.

А еще...

Бронев автомобили движутся – везде. Бронепоезда только по рельсам. И если эти рельсы расстрелять, то поезд никуда не денется. Что и требовалось.

Два бронепоезда верно оценили ситуацию – и предпочли удрать. Еще два остались – на свою голову. Из бронев автомобилей попросту расстреляли паровозы. А потом, когда поезд остался без машиниста, потерял подвижность и не смог сдвинуться с места, на приступ, опять же, под прикрытием автомобилей, пошла пехота. Не прошло и двух часов, как бронепоезда были зачищены от освобожденцев. Попавших в плен не было.

Раненых не было.

Улаев лично распорядился не брать живым никого. Пусть хоть что кричат... собаке – собачья смерть. И солдаты не стали спорить с генералом. Так проще...

* * *

Полдень.

Валежный ждал новостей.

Сражаться тяжело?

А отправлять других на смерть и ждать? Ждать часами, ждать, пока другие складывают головы, – это легко?

Ждать вестей... хороших? Плохих? Считать людские жизни, как костяшки на счетах... но в очередной раз Улаев не подвел.

Два бронепоезда захвачены, освобожденцы бегут... что ж! Покровскому – наступать вдоль Вольной.

А Валежному – ждать. Снова и снова...

* * *

Два часа дня.

Покровский никак не может прорвать оборону. Идет артподготовка, позиции освобожденцев щедро поливаются свинцом, но пока еще защитники Сарска держатся.

Пока...

Три часа дня.

Покровский отброшен. Ненадолго.

Не такой человек Константин, чтобы остановиться после первой же неудачи. И снова – вперед!

Ломится, словно кабан сквозь камыши, не щадя ни себя, ни врага.

Три часа.

Линия обороны прорвана, Покровский взял восемь орудий, пять тысяч пленных...

Четыре часа.

Улаев опять пошел в наступление.

Наплевал на все, на усталость людей, на нехватку боеприпасов...

Экипажи бронемашин изнемогают, но держатся. Из последних сил...

В железном чреве бронированного монстра адская температура, больше сорока градусов жары, от стрельбы корпуса накалились так, что под ними плавится снег. А ведь экипаж должен быть одет в кожаные куртки – мало ли, вдруг автомобиль загорится. Так есть шанс выскочить... более-менее целым.

Мало того, внутри автомобиля идет бензиновая вонь, углекислый газ, дышать просто невозможно, но и не откроешь дверь, не выглянешь...

Два-три часа в таких условиях, и экипаж надо менять. А не на кого.

И на этих-то не рассчитывали, собирали с бору по сосенке, кого найдут! Чтобы не угробили технику в первом же бою.

Пока получалось, но какой адской ценой!

Шесть часов вечера.

Люди утомлены и буквально падают на месте. Но освобожденцы отброшены со всех позиций. Сейчас они держатся только за Звенигород. Кажется, надавить еще чуть-чуть – и все получится.

Получится ли?

Покровский решил оставить это на усмотрение командира, а пока встать на отдых. Пусть люди хоть чуточку передохнут...

* * *

Они падали.

Прямо в горячий снег...

Да, бывает и такой. Когда он просто не успевает таять... спустя пару секунд это будет просто жидкая грязь, но пока...

Люди опускались, где стояли.

Хотя бы пара минут передышки. Пара минут...

Потом они встанут, потом они позаботятся о раненых, о себе, потом будут искать врачей, потом...

Все потом.

Минута – вдохнуть воздух, сгрести ладонью грязный снег, поднести к губам, жадно сглотнуть и понять.

Живы.

Они еще живы...

* * *

– Молодец, какой же молодец! Но надо развивать успех!

Валежный понимал это. А еще...

Смогут ли люди? Они ведь не железные... Это не техника, да и той отдых нужен. Поэтому генерал махнул рукой и отправился сам

осматривать позиции.

Улаев встретил его на подъезде:

– Тор Валежный...

– Не тянись, Салам Амирович! Ни к чему... спасибо тебе, брат!

Спасибо...

На глазах у всех Валежный крепко обнял... соратника?

Нет, уже друга. Который и позиции взял, и людей сохранить постарался. Своих.

Пленных же? В расход. Валежный не собирался жалеть освобожденных, Улаев тем более.

– Такие вот дела...

– Еще один приступ люди выдержат?

– Не знаю.

– Надо выдержать...

Валежный понимал, что это бесчеловечно. Что он просто загоняет солдат. Но...

Если дать сейчас освобожденцам закрепиться, отдышаться... потом будет хуже. Сложнее. Сейчас и они на пределе, но и освобожденцам... словно врач – пациента, Валежный чувствовал фронт. Понимал, что один хороший удар – и враги дрогнут. Побегут...

Но выдержат ли солдаты?

Выбора не было.

Валежный посмотрел на Улаева:

– Приказываю. Сделать еще одно усилие и прорвать фронт.

– У нас броневики не на ходу, – сделал попытку отвертеться Улаев.

Куда там!

Валежный лично отправился в лазарет, в котором и отлеживались солдаты. Раненых среди них не было, но с того не сильно легче. Тут и тошнота, и головокружение... и вообще, толку с водителя, который сам-то ровно встать не может! Куда ему броневик вести?

С трудом набрали один экипаж.

Шесть вечера.

Войска Улаева отправились на штурм Сарска.

Медленно пошли вперед три бронепоезда Валежного, медленно потому, что перед ними проверяли дорогу, опасаясь мины...

А вот стреляли они метко.

Пополз вперед единственный броневедомобиль.

Поднялась в атаку пехота.

И освобожденцы дрогнули.

Никакие лозунги не заменят выучки. Да и умирать им не хотелось, и усталость была сильная, и... если Валежный позаботился о тылах, о горячей пище, которой обеспечили уставших людей, то в Сарске ничего этого не было.

Там было плохо с продуктами. Для Комитета – конечно, дело другое. А для простых солдат чего тратиться? И так сойдет...

Сработал и второй фактор.

Видя, как надвигаются бронепоезда, Комитет Освобождения разумно решил, что надо бы... съездить на прогулку.

Совершить тактическое отступление.

Не рисковать жизнями без надобности.

И вся верхушка эвакуировалась. А солдата не уговоришь умирать, когда генерал убегает так, что подошвы у сапог отлетают. Нет, не уговоришь...

* * *

– Васька, смотри!

– Чаво?

– Таво...

Петруха показывал другу на позиции врага. Ух, контра недобитая! Давили мы вас, давили, а все не впрок. Все одно явились, сволочи...

Так вот оно было, вечер глава Комитета проехал по позициям, а солдатам потом обращение зачитали. Петруха запомнил плохо, но понял все.

А чего ж тут непонятного?

Только анператора с его мироедами скинули, как их взад вернуть хотят! Ничего! Их, поди-ка, втрое меньше, и оборужены они хуже... надо просто первый натиск выдержать. А там уж контры сами побегут.

Гладко было в воззвании.

А вот когда броневедомобиль едет прямо на тебя...

И когда стреляют из пулемета, поливая траншею ливнем свинца, когда рядом с тобой падает товарищ Фролка... из одной деревни были...

Петруха испугался.

А кто бы на его месте – не?! Чай, глава Комитета с ним тут не стоит! У себя сидит, какаву кушает! В чистеньком кабинетике. А не тут, по колено в грязи, в крови...

Так что Петруха побежал.

А чего? Все побежали, и он побежал... но тут-то они хорошо стоят?

Отсюда их не выбьют?

А поезда шли вперед. И постепенно, наращивая мощность, загремели страшные пушки...

Петруха даже и не понял, когда он умер. Просто споткнулся – и все потемнело. Еще одна жертва бессмысленной братоубийственной войны.

* * *

Около полуночи армия Валежного вошла в город.

Добыча оказалась богатой.

Валежному достались два бронепоезда, помимо уже захваченных. Семьдесят пушек, несколько сотен пулеметов, больше сотни паровозов, а вагонов...

Навскидку их было больше десяти тысяч.

И – нет, не только пустых пассажирских.

Для себя освобожденцы и зерно придерживали, и крупы... сволочи!

Впрочем, Валежный тоже не торопился все раздавать, отлично понимая, что в городе предстоит налаживать нормальную жизнь. И сколько времени это еще займет?

Ох, много...

В эту ночь он спал спокойно.

Пусть всего четыре часа, но сон его был глубок и крепок. Сон победителя.

Он не стрелял из пушки, он не шел в атаку на вражеские позиции, но никто и не знает, что он сегодня пережил. Умирать самому легко, миг – и тебя уже нет. Отправлять на смерть других намного тяжелее.

Понимать, что от тебя зависит судьба миллионов людей...

Выдержат ли такое плечи?

* * *

На рассвете Валежного разбудил денщик:

– Антон Андреич, просыпайтесь...

– Чего тебе, Силантий?

Просыпаться не хотелось. Валежный ворчал, отчетливо понимая, что сейчас встанет и пойдет разгрести дела...

– Так батюшка пришел. Цельный епископ, значит. На коленях стоит, умоляет разрешить ему службу провести.

Валежного из кровати аж подбросило.

– Чего ты ждешь, олух?! Сюда веди!

Воцерковленным Антон Андреевич никогда не был. Сложно испытывать уважение к церкви, находясь при дворе. Если кто Синод видел, слышал...

Ей-ей, Валежному их иногда хотелось крысиным ядом засыпать. И не факт, что подействует! Неужели Творец не видит, какая грязь скопилась в Его храмах? Или так всегда? В супе наверх всплывает грязная пена?

Наверное...

А вот верующим Валежный при этом был. Понятно же, что мир сотворен Творцом, что человек сотворен Творцом, что мы его дети... что тут такого удивительного? И чтить Творца нужно.

Только вот...

Полковой священник, отец Георгий, погиб. Геройский батюшка был, под огонь лез, чтобы раненым помочь, ну и не уберегся. Солдаты горевали, Антону тоже грустно было. Но найти нового?

Освобожденцы особенно жестоко относились к священникам. Могли дворян не расстрелять, но священников не отпускали никогда.

Почему бы?

Четкого приказа от Пламенного не было. Не было выпущено никакой бумаги, не было указа. Но...

Их убивали. Монастыри сжигали. Тем, кто собирается править телами и душами людей, конкуренты не нужны. Все просто.

А тут...

Валежный быстро одевался – хоть и генерал, но не безрукий же! Не прошло и десяти минут, как в палатку шагнул старик лет шестидесяти.

– Епископ Сарский Даниил, – коротко представился он.

– Благословите, владыко, – выдохнул Валежный.

Не важно, что священник одет не в рясу, а в простые штаны и тулуп.

Не важно, что он давно не стрижен и откровенно... попахивает. Ванную-то в старом храме никто не устроил.

Но его глаза...

Они прямо-таки сияли нездешним светом. И становилось понятно, что епископ не лжет.

– Будь благословен, чадо, во имя Его. Попроси собрать людей, я проведу службу. Во имя тех, кто защищает родную землю...

Конечно, Валежный распорядился.

И на службе присутствовал.

И к причастию подошел, и исповедался, как все...

Страшное рассказывал епископ. Служил – и плакал. Плакал о тех, кто не дождался, кто не успел...

Он остался при войске. А Валежного ждали дела.

И дела эти были жуткими.

Город оказался в ужасном состоянии. Все население, враждебное идеям Освобождения, то есть практически все состоятельное, образованное, дворянское население было истреблено. Практически все.

Часть дам оставили для личного употребления.

Трупы скидывались в овраг за городом. Хоронить всяких высокородных?

Пусть гниют!

Человеческое отношение? Нет, не слышали.

Когда епископ рассказывал, как расстреливали монахов, как врывались толпой в дома, убивали, грабили, насиловали, он плакал.

Слезы текли, и мужчина не утирал их.

Валежный и сам заплакал бы.

Но – нельзя. Если не он, то кто почистит эти конюшни? Или точнее – свинюшни. Все улицы города были завалены мусором. Просто – все.

Раздор, разруха, кошмарное зрелище...

Валежный сжимал кулаки и клялся, что повесит всех освобожденцев кверху ногами. Пламенного – особенно. Снимет, даст отдышаться – и опять повесит. Не будет мразям легкой смерти.

Не будет!!!

Люди выходили на улицы.

Они не кричали, не кидали вверх шапки. Они молча стояли и смотрели. Многие плакали. И столько счастья было в их глазах.

Столько доверия...

Вы пришли!

Вы – пришли!!!

Валежный не сразу заметил, что епископ хочет о чем-то с ним поговорить. О чем бы?

Но молчал. Не стал спрашивать. Сам скажет... и Даниил действительно не утерпел.

– Тор генерал, мне бы на пару слов... знаю, что не поверите, а все же...

– Слушаю?

Даниил огляделся по сторонам. Да уж, такое человеку скажешь, так пальцем у виска повертит. Но и не сказать нельзя.

– Я молился перед вашим приходом. Когда загрели орудия, я молился за вашу победу.

Валежный вежливо слушал. Спасибо, конечно, за молитву, может, и она помогла. Кто чем может...

– И мне было видение. Ко мне явилась владычица.

– Владычица?

– Хелла, – тихо сказал епископ. – Владычица льда...

Валежный кивнул.

Да, и так ее называли. Бывало. И молились ей, тоже случалось. Он знал и никогда в войсках не пресекал – зачем? Кому Творец, кому еще что... если солдат знает, с какой стороны у винтовки штык, пусть хоть козе молится. Генерал на это внимания не обратит.

Все мы дети Творца.

– Я не думал... она сказала мне, что императорская кровь – жива. Валежного словно плетью хлестнули.

– ЧТО?!

От Изюмского он получал определенные сведения, но там все было зыбко, расплывчато, то ли да, то ли нет... без подтверждений. А тут...

– Императорская кровь жива. И скоро будет здесь. Надо полагать – в Сарске.

Валежный едва не спросил, уверен ли епископ. Потом понял, что вопрос дурацкий. Понятное дело, не думал бы – не сказал. А уж как эта информация согласуется с той, что есть у него...

Отлично она согласуется. Осталось организовать фильтр, чтобы поймать... да. Будущую императрицу.

Любой идее нужно знамя. У освободителей, как Валежный ни мечтал пристрелить Пламенного, такое знамя было. Умный, талантливый, харизматичный лидер, умело зажигающий толпу. А вот у них...

Разобщение. Вот в чем их беда.

У них не одна голова, их несколько. Он сам, Логинов, Алексеев, казаки, свободные отряды... да много всего.

Будет знамя – будет все остальное. Но...

А если эта императорская дочь окажется такой же, как Петер?

А, плевать!

У императора не было сыновей, а дочери... дочь можно выдать замуж! Сам Валежный был давно и счастливо женат, но неужели никого не найдется? И замуж выдадим, и коронуем...

Что сама будущая императрица об этом подумает?

А вот это Валежного не волновало. Ни в малейшей степени. У него страна, у него беда, а он думать будет? О бабских чувствах?

Идите вы... жамы! В книжную лавку за романами! А у него работы – не разгрести.

Анна, Россия

– Аня...

Кира вошла подозрительно тихая и умилительная. Анна оторвалась от комнатного растения, за которым как раз ухаживала, и прищурилась.

– Что случилось?

– Почему сразу что-то должно случиться?

Понятно. Комнатным растениям придется подождать. Анна взяла на себя еще и эту обязанность – ее учили. И теперь удобряла, пересаживала, опрыскивала... Гошка с удовольствием помогал маме.

Вот и сейчас они пересаживали очень симпатичный кактус. Гошка как раз за горшком ушел, а Аня землю готовила.

– Кира, я тебя люблю, но...

Девушка умилительно надула губы.

– Ань, поможешь?

– С чем?

Действительность превзошла худшие ожидания Анны. У девочки намечалось свидание с Витей!!! С тем самым безмозглым мажором! И Кира хотела, чтобы Аня помогла ей одеться. Накраситься. А еще...

Уговорить отца отпустить ее на свидание.

Борису Викторовичу очень не нравилась сама идея свиданий, на которые будет ходить его несовершеннолетняя дочь. А уж как ему не нравился Витя!!!

Кира надула губы и пошла к Анне. Анна схватилась за голову.

Допустим, она была согласна с Кирой. Такой опыт тоже нужен. А как еще повзрослеть? Понятно, свидание должно проходить под контролем, чтобы в любой момент кто-то пришел на помощь, но...

Анна подозревала, что тут коса найдет на камень.

Как вариант, Борис Викторович предложит Анне пойти с девушкой в качестве дуэньи. И либо она испортит отношения с Кирой, либо с ее отцом.

Срочно требовался третий вариант. Причем такой, в котором можно было бы показать всю тупость, ограниченность и нелепость означенного мажора.

Анна задумалась, постучала ногтями по цветочному горшку, а потом ей на помощь пришла память Яны.

– Кирюша, солнце мое, а если начать с малого?

– С чего именно?

– Вот смотри, ты хочешь встречаться с Витей. Так, чтобы не раздражать папу. А папа хочет, чтобы ты была под присмотром во время этих свиданий.

– Ну да... только как это совместить?

– Клуб. У нас в городе есть клуб «Скалолазка». Сообразила?

Кира посмотрела на Аню. Подумала минуту, прокручивая в своей голове варианты. И с диким воплем едва не снесла стол:

– Анечка!!! Ты – ЧУДО!!!

– Спокойно, я хочу быть живым чудом.

– Ты – МОЕ ЧУДО!!!

И Кира умчалась к отцу.

Аня довольно улыбнулась и пошла мыть руки. Кактус придется пересадить позднее, чует ее сердце. Скоро ей придется отправляться к работодателю.

* * *

Сказать, что Борис Викторович был доволен? Это значило злостно преуменьшить его ощущения. С тех пор как он нанял для Киры гувернантку, его жизнь стала...

Да чудесной она стала, если честно!

Понятно, на работе бывало всякое. Тут и стрессы, и нервы, и скандалы, но дома! Любой воз можно потянуть, если у тебя есть надежный, крепкий тыл. Пока мать была жива, Боря был спокоен.

Дома порядок, Кира присмотрена, все хорошо. Но стоило матери умереть, как началось... отбилась от рук дочь, начался беспорядок в доме, Роза Ильинична все же хозяйкой не была... не такой, как мать...

Когда пришла Анна, он не ждал от нее многого. Пусть хоть какое-то время продержится, а там он новую гувернантку найдет. Из Москвы, с рекомендациями... Уже на сайтах смотрел.

Не понадобилось.

Кира внезапно притихла. Успокоилась, перестала походить на папуаса в боевой раскраске, начала более-менее нормально общаться с отцом. Боря решил подождать, посмотреть, что будет дальше.

И был вознагражден вкуснейшей стряпней Анны. Как оказалось, у милой девушки не просто кулинарный талант... с точки зрения

желудка там речь шла о гении. Признанном единогласно.

Вы битую говядину не пробовали? С грибным соусом? Сальник с телячьей печенкой? Цыплят под соусом с крыжовником? Сыр сладкий малиновый, холодец из вишен...

Да от одних воспоминаний как бы слюной документы не закапать...

Потом с облегчением вздохнула Роза Ильинична. Ее могли не послушаться. Привезти что-то не то, поспорить, поругаться, поворчать...

С Анной это было невозможно. Мигом уменьшились расходы на домашнее хозяйство.

Потом комнаты стали чище, простыни и подушки запахли лавандой и мятой, причем не химическими отдушками, а натуральными травами, Боря точно знал, он с той химии чихал не переставая. Сами собой отчистились ковры, подклеились и обновились обои, постирались шторы...

Сам бы он мог и не заметить. Но Роза Ильинична Анну нахваливала, не закрывая рта.

Анна вроде бы ничего и не делала. Вообще... А Новый год?

Можно подумать, он не понял, кто сделал из его маленькой девочки королеву вечера, кто научил ее, кто натаскал, кто... да, Кира выросла рядом с Анной. И становилась немножечко другой. Боря чувствовал инаковость гувернантки, но в чем она заключается, сформулировать не мог. И в то же время...

Он ловил себя на мысли, что ищет Анну глазами.

Что радуется, когда Кира по вечерам выбегает ему навстречу и бросается на шею, а Анна выходит вслед за ней и улыбается.

Что ему нравится общаться с Гошкой. А собирать с ним свежескупленную железную дорогу – вообще восторг. И ворчание Анны совершенно не раздражает.

Как будто они... семья?

Но семьей он должен быть с Лизой! Она красивая, умная, статусная, она будет хорошей женой и матерью его детей, она дочь его давнего делового партнера, она...

Она не впишется в эту картину мира. Все разрушит и сломает. Именно поэтому Боря предпочитал последнее время встречаться с ней

в городе, водил ее по ресторанам, по модным клубам, но не приглашал домой.

Не мог.

Не хотел?

Сам не знал ответа...

В дверь кабинета тихо постучали.

– Войдите, – откликнулся он. И точно знал – Анна.

* * *

Анна вошла с улыбкой, принесла с собой запах лимона и мяты, улыбнулась.

– Борис Викторович, добрый день.

– Здравствуйте, Анна.

– Борис Викторович, у меня к вам серьезный разговор.

– Слушаю. Да вы присаживайтесь, может, вам что-то налить?

– Тоник, – выбрала Анна. – Просто, без всего.

Горьковатый хинный привкус ей нравился, и портить его алкоголем девушка совершенно не хотела.

Боря послушно плеснул в стакан прозрачную жидкость, добавил льда из маленького бара.

– Прошу.

– Спасибо. – Анна коснулась губами ободка бокала, вскинула глаза. Сделала маленький глоток, улыбнулась.

– Кира влюбилась.

– Что?!

– И, боюсь, в совершенно неподходящего парня. Ее одноклассник, некий Виктор, фамилии не знаю.

– Сорокин?

Анна пожала плечами:

– Возможно. Кира упоминала, что его отец бизнесмен, а парня перевели в ее школу только в этом году.

– Тогда точно Сорокин.

Очень хотелось материться. Нельзя. То есть можно, но в присутствии Анны матерщина как-то не шла с языка.

– Кира ничего приличнее найти не могла?

Анна развела руками:

– Не знаю. Сердцу не прикажешь. А первая любовь... это бывает очень больно.

– Особенно с таким уродом. Что вы предлагаете?

Анна лукаво улыбнулась. И Боря вдруг поймал себя на чисто мужской реакции. Вот как-то так у нее получилось, обычно Анна выглядела как Мэри Поппинс из детского фильма, красивая, но не сексуальная. А сейчас...

Ровно на одну секунду что-то в ней дрогнуло, исчезло – или, наоборот, проявилось. Как солнечный лучик скользнул по зеркалу. И у мужчины аж вся шерсть дыбом встала. И не только шерсть.

Всего доля секунды, но ему хватило. Да, такую женщину другим показывать страшно. Уведут! Увезут и спрячут... он и сам бы... Спрятал!

Пришлось срочно ретироваться за стол, чтобы девушка не увидела его реакцию. Так безопаснее.

Доля секунды – и снова вернулась прежняя привычная и уютная Анна.

– Я предлагаю помочь Кире разлюбить этого типа. Конечно, о серьезных встречах наедине не может быть и речи...

– Еще бы! Моя дочь ему не телка из клуба!

– Но если ей запретить, Кира только больше захочет новую игрушку. И наделает глупостей. Поэтому я прошу вас оплатить нам с Кирой два абонеента в клуб «Скалолазка».

Боря подумал пару секунд. И расплылся в широкой улыбке.

– Анна, солнышко! Четыре абонеента!

– Почему четыре? – удивилась Анна.

– А мы с Георгием не в счет?

Анна вспыхнула румянцем.

– Сыну я абонеент оплачу сама...

– Цыц! Считайте это накладными расходами. А я буду приходить время от времени.

Борис мгновенно оценил идею.

Клуб «Скалолазка» в городе не очень известен. Потому как рекламировать его не стремятся. Он не пафосный, не понтовый, не гламурный, и евроремонта там нет. Ребята вообще арендовали старый

склад у завода и ремонт делали чуть ли не своими силами, знает он тех парней. Так, шапочно, но знает.

Хорошие мальчишки, сами студенты, но ведь работают! Тянутся!

Так вот.

В клубе был устроен скалодром, батутный центр, тут можно и в шариках по уши попрыгать, и на батуте, и на разных снарядах потренироваться, и по веревкам-канатам полазить...

Будет ли польза от их затей?

Народ пока шел.

Место было выбрано удачное. Завод располагался чуть ли не в центре города, там и парковка была, и работали ребята круглосуточно...

Открыли маленький бар прямо в клубе, договорились, получилось неплохо...

Почему там?

Вроде и все под присмотром, и камеры везде, и не уединишься. С другой стороны, раз уж пришли...

– Вы планируете затащить Киру на скалодром?

– Почему нет? Ей интересно, она пару раз говорила. Гошка уж точно полазить не откажется, а там посмотрим. Может, кто и попримечательнее найдется? Не этот... хорек?

– Вам Виктор тоже не понравился.

– Мне Виктор тоже не понравился, – подтвердила Анна.

– Оплачивайте четыре абонемента. Я тоже буду приходить, – решил Боря.

Анна кивнула. Утвердила детали и вышла из кабинета. Уже вполне обычная, спокойная...

Но что это было?

Что проскочило между ними в полумраке комнаты? Почувствовала ли это сама Анна? И если да...

Борис задумался. Потом взял со стола бокал, оставленный Анной. Чистый. Ни капли помады. Медленно коснулся губами прозрачного ободка в том месте, где касались ее губы.

Что с ним такое творится?

Не понять...

Или наоборот – все ему понятно, только признавать не хочется?

– Вау!

Других слов у Киры не было.

Папс не скупился.

Он оплатил и самый дорогой абонемент в «Скалолазку», и костюмчик, и амуницию, и даже личные занятия с тренером для Киры. Тренером, кстати, оказался молодой парень лет двадцати пяти. Веселый, худощавый, с каштановыми растрепанными волосами и добродушной улыбкой.

– Матвей. Можно сокращенно – Мотя.

Кира фыркнула, оценив имя.

– Не дразнили вас в детстве?

– На «ты», хорошо?

– Хорошо. А все же?

Ей пришлось получить насмешек из-за своего имени. Называют родители, а расхлебывают дети. Вот если б она сама могла себе имя выбирать, к примеру, Елизавета. Или Екатерина...

– Дразнили.

– И как?

Матвей показательно согнул руку, демонстрируя бицепс.

– Примерно – так. Очень хороший рецепт, случись что – бить в нос.

Анна смотрела на это и улыбалась. Она лично съездила в клуб, оплатила абонемент, посмотрела на каждого тренера, пару минут поговорила и выбрала Матвея. Все ребята были достаточно близки к Кире по возрасту, но Матвей подходил больше всего. На его фоне Витя покажется особенно нелепым и напыщенным.

О, а вот и оно! Всплыло.

Витя оделся модно. Круто, клево и понтово. Спортивный костюмчик, явно какой-то модной фирмы, кроссовки, которые даже выглядели безумно дорогими, сбруя из ремней... Анна и половины не понимала – зачем? Вот на Матвее столько нет, а он-то тренер?

– Привет, – покраснела Кира.

– Кирюха, привет. Не думал, что твой шнурок тебя развлекаться отпустит. Пошли, грохнем по пивасику?

Матвей поднял брови:

– У Киры Борисовны, юноша, оплачено индивидуальное занятие.

– Так перенесите его на полчаса?

Матвей коварно улыбнулся, понимая, что за птицу к ним занесло. Но клиента терять не стоило.

– Я вам предлагаю иной вариант. У вас включены индивидуальные занятия?

– Да.

Дешевый абонемент не для Вити. Только самое дорогое и лучшее. Все включено.

– У нас сейчас Леша освободился, один из самых грамотных тренеров. Он бы вас полчаса погонял, а потом вы вместе пива выпьете? Безалкогольного.

– Фу, помой.

– Другого не держим, здесь все же спортивный клуб.

Витя скривился, но задумался. Дело решил Гошка.

– А можно лучше я с Алексеем позанимаюсь? Если он лучший?

Анна посмотрела на сына. Вот о скалодроме ему не стоило даже думать в ближайшие пару лет. И они это обговорили. Гошка здесь для небольших нагрузок. Очень дозированных.

Но...

Покушения на ЕГО тренера Витя спустить никак не смог. Да еще и на лучшего!

– Потерпишь, малявка.

Гошка скорчил расстроенную мордочку, которая могла обмануть любого постороннего человека. Витю и обманула. Но Анна только головой покачала. Он же еще в школу не ходит, откуда такие запасы коварства? Ведь явно нарочно...

Кира тоже что-то заподозрила, но Витя уже тянул ее за руку к скалодрому.

– Пошли, щас залезем...

– Молодой человек, у девушки не настолько хорошая физическая подготовка, как у вас, – вмешался Матвей. – И мышц у девушек меньше. Ей нужно разогреться, сделать растяжку, а потом она к вам присоединится. Вы начинайте, а мы подхватим... Леха, поработаеть?

– Запросто.

Амбал, который спустился со второго этажа, мог своим видом и слона остановить. На скаку.

Здоровущий, бритый налысо, зато с бородой, весом под сто килограммов. И видно, что это не жир. Просто мышцы. Высушенные, плотные, рабочие. Спортивные штаны, майка-алкоголичка, несколько цветных татуировок...

Жуть – жуткая.

Витя сглотнул, но спорить не решился. Правильно, кстати говоря.

Анна тоже не решилась бы. С таким ночью встретишься – потом не раз перекрестишься.

Впрочем, свое дело мужчина знал и ровно через пять минут загнал Виктора на скалодром. Где парень и прилип на высоте трех метров. Вдруг оказалось, что выступы маленькие, падать больно, страховочный трос какой-то подозрительно тоненький, а жить хочется. И вряд ли амбал будет тебя ловить на руки.

Матвей тем временем заставил Киру сделать несколько упражнений, тоже обвязал страховкой и загнал на стену. Пока – на высоту метра от земли. Погонял по вертикальным, по горизонтальным зацепам...

Анна наблюдала краем глаза за Кирой, краем глаза за сыном, который прыгал в громадном бассейне с синими пластиковыми шариками и выглядел безумно довольным. Потом Георгий захотел отправиться на батут, но Анна отловила его, усадила, посчитала пульс и попросила успокоиться. Успеет еще.

Нагрузки должны быть. Обязаны, чтобы сердце лучше заработало.

Но они должны быть контролируемы. И адекватными. А не так – что захотел, то и сделал. Вот и приходилось следить. Все же Гошка был нормальным подвижным мальчишкой, и ему очень хотелось все и сразу... и по канату бы ползать... можно, мам?

Витя, с помощью тренера кое-как, отключив попу, спустился со стены и, недовольно сопя, отправился в бар. Кира, наоборот, пробовала то одно, то другое...

Анна переглянулась с Матвеем, и тренер подмигнул ей. Все правильно. Можно загнать мажора в клуб. На один раз. А вот к систематическому труду способны далеко не все.

Витя неспособен и благополучно сольется после первого же месяца. Так чего его удерживать?

Кира?

А ей Анна поможет.

– Умничка! Кира, как ты замечательно смотришься! Настоящая амазонка!

Анна восхищалась от всей души. И девочка чувствовала. И работала на стене, действительно старалась, выкладывалась. Через полчаса она спустилась вся измученная и отправилась в бар. Выпить минералки.

Надо, организм потерял и жидкость, и соли...

Витя там и сидел. Поглядывал на все окружающее сверху вниз... Кира села к нему за столик. Анна хотела бы присесть рядом, но – нельзя. Везде она девочку за руку водить не будет. Пусть разговаривает, пусть учится, набивает свои шишки...

У нее все получится.

Обязательно.

* * *

С первого раза, увы, ничего не получается. И когда они ехали домой, Кира взахлеб рассказывала про умного, красивого и обаятельного Витеньку. Анна не стала даже спорить.

Пусть присмотрится повнимательнее.

Пусть сравнит, пусть подумает – и сделает свой выбор. И не в пользу Вити. Анна в этом даже не сомневалась. Кира девочка умненькая, и воспитали ее правильно. А остальное...

Это подростковое, наносное. Как ветки и листья, принесенные грозой на утес. Но рано или поздно их смахнет ветром, и останется основа. Крепкая и незыблемая.

Кира справится. Анна только чуть-чуть помогла ей. Обязательно справится.

Русина, Синедольск

Жом Алоиз Зарайский уверенно шел по следу.

Да, именно по следу. И именно... ее высочества?

Да, он подозревал именно это. Узнав о том, что Алексеевку сожгли дотла, первое, что он сделал, это наведалься в деревню. И...

Следов Яна оставила – на роту солдат хватило бы. Просто кому там в тяжелые времена интересна какая-то баба?

Да никому! Вот никто за ней и не погнался, это в мирное время могли бы исправнику отписать или тору пожаловаться. А сейчас...

Безвластие! Гуляй, рванина, светят деньги!

Но это не мешало сплетникам обсуждать и связанную Евдокию, и пропавшую ее дочку, Ксюху-гулящую, и лесника, который то ли жив, то ли с Ксюхой сбежал, и его жену – вся высохла аж, почернела...

Алоиз прислушался к сплетням, щедро раздал монеты и поговорил с обеими женщинами. Те таиться не стали. Обе, хотя и по разным причинам, были обижены на Яну, обеим было нечего скрывать. Вот и рассказали, что знали.

Пришла, назвалась Яной, волосы неясно какие, глаза карие (это лесничиха), говорила как тора, с оружием обращается умело. Куда собиралась?

Так в Синедольск. Есть там трактир «Ржаной хлеб», вот туда.

В Синедольск жом Алоиз и отправился. К Матвею в гости.

И сразу понял – была! Была она здесь!

По тому, как смотрит хозяин, как невнятно бурчит ответы, как отмахивается...

Скажет что-то? Нет, вряд ли. Жом Алоиз достаточно хорошо разобрался в людях, чтобы понять – этого не проведешь. Трактирщики и вообще дураками не бывают. Так что нет смысла и метать бисер. Время он потратит, деньги, а куда его взамен отправят – одному Творцу известно.

Алоиз пошел другим путем и подкараулил одну из служанок за углом. Там, где Матвей ее не смог видеть.

– Ой...

Девка заколебалась, но в руке мужчины блеснуло золото, и служанка не выдержала, рассказала, что знала. Особенно после третьей монеты.

Золото же!

В такое-то время оно втрое ценно! А тора ей кто? Пришла да ушла... перекасти-поле.

Да, была такая. Жила в своем доме, в Синедольске. Служанка пару раз ей еду накладывала, а тора с хозяином разговаривала. У нее четыре ребенка вроде как.

Четыре?

Тут Алоиз искренне засомневался, что идет нужным путем, но отступить было уже поздно. И то сказать...

Дети... могла и подобрать по дороге. Вроде как лесничиха упоминала, что с ней мальчишка был... вот, а еще трое откуда? По нынешним временам – откуда угодно. Да и выбора у него нет, тор Дрейл неудачи не потерпит, хоть что-то, да ему надо представить.

Итак, была, жила в своем доме, где дом находится, понятно, девка не знала, ни к чему ей. Вроде как приехала тора с тремя, а потом уже у нее четверо стало...

Тут Алоиз приободрился. Сразу по двум причинам.

Первая – похоже, дети ей не родные. А вторая – это ж замечательно! Жалостливая дура! Такую легко поймать на сострадании, запугать, запутать – сама побежит, куда надо!

Потом тора уехала.

Куда, зачем, служанка не знает. А вот что знает... вроде как в ночь отъезда она к хозяину приезжала, о чем-то они долго разговаривали. А вот куда потом...

Нет, не знает она.

На чем ехала?

Да возок! Два коня в возке, а подробнее... нет, больше она ничего сказать не может. Теперь жом Матвей знает...

Алоиз едва зубами не скрипнул.

Знает, понятно! Но наверняка не скажет! А силовые варианты тоже отпадают, тут еще неясно, кто кого... и воздействовать на упрямого мерзавца времени тоже нет. В другой ситуации он бы попросту подставил трактирщика, потребовав с него информацию, но сейчас... даже не пожалуешься никому!

В Комитет Освобождения сунуться?

Понятно, трактирщика они трянут! Но сначала разберутся с самим Алоизом... нет, не стоит. Туда ж всю шваль поднабрали! Нищую, подлую, завистливую...

Проще не вязаться. А что делать?

А вот то!

Лошади и возок – хорошая примета. Сейчас не так много людей на дорогах, а тут еще баба, четверо детей, надо просто выехать из города, и... вот куда она могла направиться? Но проезжих дорог сейчас

не так и много. Надо просто съездить и расспросить на всех направлениях. Несколько дней он потеряет, но потом опять пойдет по следу. Приметная компания, такую не могли не заметить. А кони – это не автомобиль. Они и еду требуют, и заботиться о них надо. И с детьми путешествовать сложно...

Останется след!

Никуда ты от меня, голубушка, не денешься!

Ни-ку-да!

Глава 5. Чтото она заговаривала – зелье, быть может, заваривала?

Свободные герцогства

Стас стоял в привычном закутке.

Курил, да...

Не любил он это дело, но иногда, когда на душе кошки скребутся... а они уже до дна все продрали, гады хвостатые... Вот что его терзает?

Что мучает?

Ответ прост.

Ставшие мгновенно безразличными глаза Иды. Не дурак же он, все понял. И что она видела, и что все поняла, и... словно огонек в ней потух. Стас и не ожидал, что будет так больно. Так неприятно.

Леона. Сестра милосердия, конечно, не виновата, но Стас перевел ее в другое отделение. Лично попросил начальника, тот фыркнул, но навстречу пошел.

Но этого ведь мало! И не одна она была, просто именно с Леоной, так уж карта выпала, его застала Ида. И не простит. Не сможет, наверное...

Или сможет?

Нет.

Стас терялся в своих эмоциях, в своих чувствах, ощущениях... Ида.

Нежная и хрупкая. Сильная и решительная. Спокойная и сосредоточенная – какой он ее не видел? Видел всякой. И восхищался девушкой. Он представлял, что сейчас творится в Русине.

Русинов жом Рагальский не любил, будем честны, и Русину не любил, но отдельные представители заслуживали внимания и уважения. Жаль, что их так немного.

Но Ида...

Помогла ему, выходила, считай, от смерти спасла. И Стас почувствовал...

В том-то и дело, что он – почувствовал!

Жизнь была спокойной, ровной, определенной... он живет, он работает, он один из лучших медиков в этой убогой больничке. Его уважают и ценят.

А что до медсестры... случается иногда, без отрыва от работы. Стас никого не принуждал и не собирает, но чего не взять, если сами предлагают?

А Ида...

Она выбивалась из привычного круга, она была другой, она... с ней можно только по-настоящему. А может ли он?

Хочет ли он этого?

Хочет ли вылезти из своей привычной и спокойной жизни, в которой есть больница, и больные, и услужливые сестрички, и даже, пару раз в месяц, казино (да, была у жома Рагальского такая слабость, иначе с чего бы он жил в такой дыре). Правда, в игре ему не слишком везет, но должно повезти в любви.

Должно ли?

Ида?

Стас рассматривал сам себя, препарировал, словно в микроскопе, и ставил диагноз. Неутешительный.

Ида – не Леона, не Берта, не... с ней нельзя поступить так, как он привык. С ней невозможны простые и легкие отношения, без обязательств.

Нереальны, если хотите.

И Стас... сбежал? Скорее не захотел сделать шаг за грань.

Ему легко и приятно, ему привычно и уютно. А вылезать куда-то туда... строить с девушкой отношения... получится ли? Он в этом искренне сомневался.

Она – тора. Это видно, это чувствуется. И от мужа она потребует соответствовать. Не получится?

Тогда и семьи нормальной не будет, и счастья. А раз так, то проще не начинать. Проще – так, как есть. Но поймет ли это Ида?

С ней надо поговорить.

Больные ни в чем не виноваты, а если она уйдет...

Вот с этими мыслями Стас и вернулся в отделение. И вызвал Иду к себе.

– Шах и мат!

Радовалась Ида совершенно искренне. Жом Константин оказался страшным противником. А шахматы...

Это та игра, в которую можно играть без отрыва от работы. Если, конечно, хватает способностей. Сделал ход – и жди соперника, думай, прикидывай, поворачивай ситуацию и так и этак, словно драгоценный камень, играющий сотнями граней. Конечно, Ида умела играть.

Карты? Вот карточных игр она не знала. А шахматы Аделина считала достаточно подходящими высокородной торе.

Так что Ида заходила в палату, делала ход и уходила по своим делам.

Иногда жом Константин успевал сделать ход до ее возвращения, иногда нет... это никак не мешало ей работать. Разве что к больному она стала заглядывать намного чаще.

Но для свободных рук работа всегда найдется. Помочь перевернуться, встряхнуть одеяло... вот против чего Константин протестовал, так это против судна.

Не бывать такому!

Ладно еще, первые день-два! Но потом?

Дойдет!

На четырех костях доползет! И попробуйте только ему мешать! Загрызет не хуже Полкана.

– Ида, вы ужасны! Как под такой милой оболочкой может скрываться такой расчетливый и жестокий разум? – шутливо поднял руки вверх жом Константин.

Третья партия. Да, именно третья партия... сопливая девчонка разбивает его, словно гимназиста! Куда это годится?!

Комплимент Иде понравился. Ха, знали бы вы, мужчины, что творится в головах у милых барышень на выданье, на сколько ходов вперед они должны просчитывать поступки своих товаров, чтобы не остаться в старых девах... да вы бы поседели! От ужаса!

– Ида, вы должны мне реванш...

– Уже который по счету, жом?

– Пока счет пять – три в вашу пользу, должен признаться. Но я ведь никуда не тороплюсь?

Ида улыбнулась и качнула головой:

– В ближайший месяц точно не торопитесь. Если кость срастется неправильно, будете хромать всю жизнь.

– Нет, этого я не хочу. Итак, реванш?

– Ида, тебя к доктору Рагальскому.

Берта испортила все удовольствие рыцарю Освобождения. Еще и пальцем погрозила, вот ведь зараза семипудовая!

– Увижу с сигаретой – башкой в нужник засуну! Здесь вам не там! Отделение, а не бордель с веселыми девочками!

Он только зубами скрипнул. Вот ведь зараза...

Ида встала, оправила складки на форменном передничке, алом, словно маки на полях, и улыбнулась.

– Мой ход не оригинален. Е 2 – е 4, жом Константин.

И вышла.

Мужчина проводил тоненькую фигурку задумчивым взглядом. Вот что ты будешь делать?

Что я буду делать?

А и правда – что?!

Его судьба – возвращаться на родину, как только нога срастется. В Русину. И Освобождение без него не сможет... а Ида?

Он знал, кто она такая.

Очередная тора, которая смогла выбраться из охваченной огнем страны, смогла как-то вывезти деньги, устроить свою жизнь... по обмолвкам он понял, что Иде сильно помогла сестра. Где она сейчас?

Может, умерла? Ида на эту тему говорить отказывалась, ловко переводила разговор. И, судя по тому, как она это делала, она из высокородных. Возможно, и при дворе ее родители бывали, и императорскую семью знали.

А он...

Константин с себя вины не снимал.

Ладно, положи руку на сердце, правителем Петер был откровенно неудачным, и свергали его даже не освобожденцы. Вот ни разу. Свергали его часть генералов, Гаврюша там помог, министры надавили... [10]

Но потом, потом, когда Петер уже был приговорен...

Приговаривали его освобожденцы, будем честны. И приговор в исполнение тоже приводили именно они. Они раскручивали эту

воронку. Константин это понимал, а Ида? Она сможет понять?

Простить? Принять? Поехать с ним?

Рыцарь знал ответы на эти вопросы. И от того в груди было горько и тоскливо. Словно сжималось нечто важное... словно погибал последний светлый уголок. Ида...

Все он понимал. И ей нужно не такого, как он. Это ведь детская сказочка получается, про чудовище и цветочек аленький. И он умрет на вечерней заре...

А она будет жить. И будет счастлива. Разве этого мало?!

Разве он смеет желать чего-то большего? Когда у него не просто руки по локоть в крови, ему, пожалуй, целиком искупаться надо... но как в той глупой опере: «Нет, все воды мира эту кровь с рук моих не смоют...»^[11]

С его рук кровь тоже ничего не смывает. И то, что они сейчас затеяли с Тигром... дешевенькое искупление получается. Можно оправдываться перед людьми, как больше нравится. И не они разоряли страну, и Петер сам ее довел, и не они начали, они просто подхватили белое знамя свободы, и...

А перед собой не оправдаешься.

То, что он сейчас делает, это как человека сначала столкнуть в канаву, в глубокую, а потом ему руку протянуть. Даже не руку, кончик пальца. Или горбушку хлеба в канаву кинуть. И пусть хочет – жрет, хочет – выбирается... не нравится?

И плевать. Себя не обманешь.

Ида, ну за что?! Кто нас свел вместе? Почему я тону в твоих голубых глазах и не могу ничего с собой поделаться? Как мне избавиться от этого наваждения?

Жом Ураган впечатал кулак в подушку. И еще раз. И еще...

А потом поставил шахматную доску и сделал первый ход за Иду.

Е 2 – е 4.

И задумался над доской. Все равно больше ему ничего не остается. Погода еще эта... Дурацкая...

Показалось Урагану – или нет? Но за окном словно тень мелькнула. Ненадолго. Словно на миг закрыли окно белые перья. Бред какой-то...

– Ида, нам надо поговорить.

– Слушаю вас, жом Рагальский.

Стас нервным жестом взъерошил волосы.

– Ида, я понимаю, ты чувствуешь себя оскорбленной. Но... то, что ты видела, это просто физиология. У мужчин есть определенные потребности, которые... они просто есть. Как еда или сон. И к чувствам они не имеют никакого отношения.

Зинаида смотрела отстраненно. Голубые глаза были холодными, словно две ледышки.

– Возможно, жом.

– Я пойму, если ты захочешь уйти... больше не приходите в больницу.

– Мне здесь интересно. Я хотела бы пока остаться.

– Я могу поговорить с Рукоцким... выберем для тебя любое отделение, какое пожелаешь...

Ида сморщила носик.

– Жом Рагальский, я понимаю, что у вас могло создаться ошибочное впечатление о наших отношениях. Но я надеюсь, что мы будем по-прежнему соблюдать дистанцию, которая и приличествует между начальником и подчиненным?

– Да...

Обиделась. И к гадалке не ходи – обиделась. Но если не уходит – значит, не смертельно? Не навсегда? Значит, может простить?

– Да, конечно, Ида. И если вы так же будете осваивать медицину, я смогу допустить вас ассистировать при операциях. Правда, при не слишком сложных.

– Благодарю, жом Рагальский. Это будет очень познавательно. Я могу идти?

– Да, конечно. Вы можете идти. И вы можете вернуться в любой момент.

Ида молча кивнула и вышла из кабинета. Молча вернулась в отделение.

И – не удержалась. Чего уж там? Все равно жом Константин ее в самом разобранном виде видел. Подозвала Полкана – и ушла в палату, проигнорировав возмущенный взгляд Берты.

Благо объяснять ничего не пришлось. И разговаривать.
Одного взгляда Урагану хватило, вот уж дураком он отродясь не был. А потому...

– В графине вишневый сок. Будете, тора?

Ида только кивнула.

Она не плакала, нет. Она молча сидела на неудобном больничном стуле и так же молча, ровно, сосредоточенно дышала. Чтобы не расплакаться, не закричать, не взвыть в голос...

Ну, бывает.

Придумала себе героя. А может, еще и сыграло роль то, что она Стаса от смерти спасла. Или что-то еще? Руки у него точно волшебные...

Ида молчала и дышала, понимая, что впасть в истерику – недостойно. А плакать на глазах у людей и вообще неподобаает. Так что вдох – выдох. И снова вдох – выдох.

И Полкана гладить. А пес, все отлично понимая, положил тяжеленную голову ей на колени и сидел рядом. Молчал. Сочувствовал...

И жом Константин рядом. Просто сидит, молчит. И стакан с соком у него наготове. Ничего не говорит, не утешает, не давит... просто – рядом. И это хорошо.

Это правильно и уютно.

И Ида постепенно взяла себя в руки.

Все мы придумываем себе героев. Но она вовремя открыла глаза. И это тоже хорошо. Она выпила сок, поблагодарила мужчину и посмотрела на доску.

Белые е 2 – е 4. Черные е 7 – е 5.

Что ж.

Ида лукаво улыбнулась, подвинула еще одну пешку и вышла из палаты.

А жом Константин задумался.

F 2 – f 4.

И куда идти дальше?

Вот ведь... не женщина, а сплошные вопросы^[12].

Анатолий Васильевич Логинов осматривал в подзорную трубу Ас-Дархан. По-хозяйски так осматривал.

Город лежал перед ним как на ладони. Местность такая, холмы, ямы... тут еще река Вольная протекает. Кстати – через город.

Приказ Валежного был ясен и четок.

Надо взять Ас-Дархан. Сам Валежный идет на Сарск, и если им удастся захватить эти два города... фактически они всю Русину разрежут на две части. Рекой Вольной. Могучей, мощной... которую еще не всякая птица перелетит. Сейчас птичке, конечно, проще будет. Вольная кое-где подмерзла, но только что кое-где. А вот в Ас-Дархане на такое рассчитывать не приходится.

Здесь зимой река практически никогда не замерзает. Здесь и зима-то условная... вот они стоят в одних шинелях, и им не слишком холодно. Ветрено, промозгло, но не холодно.

Если он сейчас захватит Ас-Дархан, а Валежный возьмет Сарск, они и сообщение по реке наладят. И снабжение. И... да много чего они сделают!

– Когда штурмовать будем?

Алексеев.

Формально не генерал. Полковник. Подчиненный Логинова.

Фактически... фактически – тоже. Но только под приказом Валежного. Чего уж там, Логинов и Алексеев друг друга откровенно не любили.

Анатолий Васильевич потомственным тором не был, только личное выслужил. И отец у него из мещан. И что?

Совершенно это генералу не мешало. И лезть в самые интересные заварушки, и в сражениях участвовать... правда, только когда это действительно было необходимо. Просто так Логинов лезть на рожон не собирался.

Генералы в бой не ходят, у них другая функция. Они должны приглядывать за боем, а если уж вмешиваться, то только в крайнем случае. Когда выхода другого не будет.

А сейчас...

Логинов посмотрел на Алексева:

– Постараемся обойтись без штурма.

– Н-но... они не пойдут на переговоры.

Логинов пожал плечами. Может, и не пойдут. А может, и побегут. Что есть такого в Ас-Дархане? Что в нем важного и стратегически интересного?

Да река же!

Река, которая не замерзает, которая прекрасно судоходна, которая сейчас заблокирована кораблями освобожденцев. И эти корабли, кстати, составляют одну из линий обороны. Сушу поддерживают огнем с воды. Воду будут прикрывать с суши.

Штурмовать?

Кровью умоемся. А кровь своих солдат Логинов ценил.

Невысокий, крепкий, словно гриб-боровик, кряжистый такой, темноволосый, с корявым, словно из кирпича вырубленным лицом... Нет, не красавец. И рядом Илья, высокий, широкоплечий, с золотыми кудрями – погибель девичья.

Но главным здесь и сейчас был Логинов. И он знал, что надо делать.

* * *

Первые боевые пловцы действовали еще в доисторические времена. Ну, точно историю Логинов не знал. Но отлично знал, что может сделать на реке один мальчишка.

На реке!

Понимаете?

В чем беда большинства генералов, полковников, подполковников... да хоть бы и лично императора! Если есть вода – по ней можно плыть. И ПОД ней – тоже. Это еще когда практиковалось. Сухой стебель тростника в зубы, чтобы дышать, – и вперед. И ведь справлялись с таким оборудованием^[13].

Был случай в древности.

Флот шел на мирный приморский город. Начиналась буря, флот встал на якорь. И нашлись в городе смелые люди. Проплыли несколько километров по морю, перерезали кораблям якорные канаты, а буря унесла корабли противника в открытое море. Там они и погибли практически все.

Правда, пловцы тоже погибли. Но два человека – это не тысяча! Не десять тысяч! Не мирный город с беззащитным гражданским населением. С женщинами, детьми... это люди, которые шли на смерть и знали, на что они идут.

Логинов помнил эту историю. Хотя скорее не как реальный боевой опыт. Просто – вот что бывало-то! В древности...

А еще...

Он ведь был сыном мещанина. Обычного служащего, и летом он развлекался, как и все мальчишки. И плавать обожал.

Здесь, конечно, нельзя перепилить якорные канаты. Но можно нечто другое.

Не будет штурма. Пока – не будет. Будет попытка сохранить человеческие жизни.

* * *

Понятное дело, о динамите речь не шла. И о пироксилине тоже. И о мелините.

Хороша взрывчатка, да вот беда – ты ее еще доставь! И взорви! Пока доплывешь, там и плюнуть будет не на что. Не взорвется ничего...

Нет, не подойдет.

А вот что подойдет...

Ас-Дархан вообще славился своими месторождениями нефти. Вот Логинов и приказал...

Водяной огонь^[14].

Конечно, рецепт не идеальный, но уж как намешали, так намешали. Проверили парой капель на ведре с водой, ведро прожгли... гореть будет. Не потушишь, пока сам не выгорит. А корабли-то с паровыми машинами.

А часть кораблей и вообще деревянные.

Парусники, лодочки... тут загорится – Хелле тошно станет. Все может и не погореть, но главное – панику навести. Дело за малым.

Проплыть и протащить несколько бочек с водяным огнем.

Причем несколько бочек сделали чуть по иному рецепту. В бочку поместили стеклянную банку с динамитной шашкой внутри. Со

взрывателями было хуже, но уж что-что, а обрез в бочке закрепить можно. А в нужный момент – дернуть за курок. Выстрел, динамит, взрыв...

В идеале бы еще несколько крюков, чтобы зацепить бочонок за корабль, и веревочку, чтобы дернуть за курок на расстоянии. Но...

Логинов особенно на все это не рассчитывал. Делалось кое-как, на скорую руку, надежда была на одно: когда все гореть станет, все и взорвется. Доставить на место, поджечь бикфордов шнур, запасы которого есть, недаром же Логинов армейские склады захватил.

И... умереть.

А у кого-то есть сомнения?

Это – смертники. Люди, которые вызовутся на это задание, просто не вернуться. У них нет шансов. С водяным огнем, в котором даже металл плавится, не каждый, понятно, но то же олово, свинец...

Представляете, что будет с человеком в таких условиях?

И все же Логинов понимал, что нет другого выхода. Только найдутся ли добровольцы?

* * *

Нашлись.

Четырнадцать человек, старшему уже за пятьдесят, младшему и восемнадцати нет. Анатолий хотел ему отказать, но мальчишеские глаза полыхнули такой болью и яростью, что не посмел. Не смог выговорить страшные слова.

Не смог...

Мальчишка же! Ему бы еще жить да жить, а он уже... такого и огонь не возьмет, он изнутри сгорает быстрее, чем снаружи... кого у него отняли? Родителей? Любимую?

Не узнать.

Разве что имена записать да узнать, куда весточку послать. Если что...

А что тут – что?

И так ясно. Если кто вернется, чудо это будет похлеще ходьбы по воде. И все же... не было другого выхода. Не было. А потому идите, ребята. И умрите, чтобы сберечь чьи-то жизни.

Идите – и победите. И останьтесь жить в вечности.

* * *

Как это бывает?

А обыденно.

Ночь, голые тела, натертые жиром, густо смешанным с сажей. Понятно, сотрется-смоется, но хоть на какое время сработает. Сверху одежда из тонкой шерсти, обрезанная так, чтобы не стесняла движения. Тоже – ненадолго, но хоть на сколько хватит! Хоть весна и теплая, а ночью все же минус пять есть. И вода не так чтобы парное молоко.

Плыть им не очень долго, но...

Но – плыть.

И тащить за собой сетки с небольшими ведерными бочонками. В бочонке литров десять горючей смеси. Что-то из нефти такое сделали местные химики, сами побаиваются. Чего напихали?

А, плевать!

Лишь бы сработало и горело так, что...

Не один же там бочонок! Нет, не один... и даже не один десяток получился. По два-три бочонка на человека, с поплавками, чтобы легче было тащить...

А когда начнется, они и ударят...

Люди один за другим входили в воду, и Вольная принимала их тела. Логинов смотрел на это молча. Стоя по стойке «смирно».

Что он мог еще сделать для этих людей?

Ничего.

Или...

Шаг к воде, пока никто не видит, украдкой. Пусть люди думают, что генерал по нужде пошел. А он...

Вот камыши. И извлеченный из ножен клинок разрезает ладонь.

– Хозяюшка-Вольная, кровью своей заклинаю, помоги им...

Темные капли крови падают в воду.

Такие черные даже в непроглядной воде.

Такие едкие...

А что ему еще остается? Детское поверье? Да и пусть его... лишь бы сработало! И Логинов ловит себя на еще более детской, забавной мысли. Он ждет ответа.

Ну хоть какого... только его нет. И лишь где-то вдалеке волчий вой... рядом с Ас-Дарханом водятся волки? Никогда не думал...

* * *

Сеня едва шевелился.

Он лежал на воде. Просто лежал так, что из воды едва ли нос и глаза торчали. Ну и губы. А Вольная сама поддерживала его, сама несла вперед и вперед.

Лежать на воде надо уметь.

Он умел. С детства на Вольной, с детства, словно рыба, из воды не вылезал. Они не так богато жили, вот он и помогал отцу, как мог. Тот рыбачил, ну и Сеня знал, что тоже будет.

Только вот подрастет, чтобы силенки были, а пока можно и так рыбки натаскать на жареху. Чай, на удочку она тоже неплохо идет.

Ни о чем особенно Сеня не мечтал, жил себе – и жил. До пятнадцати дожил, там и невесту присматривать начал...

А она была красивая, словно солнышко. Его Маришка. Маська...

Волосы светлые, легкие, словно одуванчик, глаза большие, доверчивые... она всем верила, всех любила...

В тот день она пошла на речку. Просто пошла стирать белье, что в этом такого? Но кто ж мог знать, что мимо будет проезжать отряд освобожденцев?

Эти твари ездили по деревням и селам, отнимали последнее у голодных крестьян, издевались, как хотели. Где-то получали отпор, где-то нет...

Вот им Маришка и попалась. Самое начало зимы было.

Там ее и нашли, на мостках...

Много ли надо хрупкой девчонке? Два десятка ублюдков и опытная баба не выдержала бы. А Маришка...

Сеня никогда не забудет ее лицо. Искусанные губы, синяки, искаженные болью и ужасом черты, синие пятна на шее...

Кто?!

Разве это важно?

Освобожденцы, вот и все.

Мать плакала, отец уговаривал, но... Сеня больше не мог жить так, как раньше. Много он мог пережить, но Маришка?! Вот за что ее?! Просто – за что?!

Она никому не делала зла, она просто жила и наверняка не заигрывала с негодями. Почему они не могли оставить девчонку в покое? Что им помешало?

Сеня был не особо грамотен, но... безграмотность ведь не означает глупость. Это просто немного иной взгляд на жизнь, своеобразный, но часто верный. Не затуманенный лишними узорами сомнений и виньетками красивых слов.

Сеня размышлял, и получалось у него так, что освобожденцы просто несут зло. Говорят красиво, а на деле они отнимают еду, они убивают людей, разрушают храмы, гонят священников... и им стоит верить? А почему, собственно?

По делам узнаете их... так сказано в Книге Творца. Священник говорил. Он старенький был, поэтому и не ушел, когда освобожденцы пришли. До последнего старался свой храм защитить, лепетал, что иконам уж по тысяче лет, даже больше... Так и повис на дверях храма. Повесили.

Он же просил не обагрять полы в храме кровью? Вот и не обагрил, такое извращенное чувство юмора.

Значит, освобожденцы – зло. А если есть зло, с ним надо бороться. Это тоже понятно.

Надо проситься в войско к... кому? Да хоть бы и к Логинову. Куда идти, крестьяне знали. Сеня и пошел. И попросился.

На смех его не подняли. Каждый доброволец был важен. И Сеня остался в войске. Учился разбирать и чистить тяжеленное ружье, стрелять, правда, не учился, патронов было не так много. Учился колоть штыком, учился убивать...

И ждал.

За свою Маришку он убьет десятерых. А может, и сотню... сколько получится. Они пятерых детей хотели, вот пятерых он убить обязан, но лучше – больше. Лучше десятерых.

А потом Логинов приехал в войска. И рассказал о том, что необходимы добровольцы.

Сеня подумал и вышел из строя. Он рыбак и сын рыбака, Вольная – его дом. Другие могут не доплыть, но он справится. А если он подожжет корабли...

Не надо стрелять, не надо даже своими руками убивать. Там ведь намного больше освобожденцев погибнет. Если и он умрет, это будет выгодный обмен.

И Сеня плыл и плыл в темноте, едва дыша... Слышал ли он остальных? Не особенно. По воде звуки далеко разносятся, поэтому все прикусили дерево. Будешь тонуть – тони молча.

Кажется, у кого-то свело ногу.

Кто-то не доплыл...

Сеня ни на что не обращал внимания.

Он сливался с водой, Вольная принимала его, ласкала, укачивала... Маришку она не сберегла. Обман, кругом обман, все обман... и жить особенно незачем. Только ради мести...

Холод?

Холода Сеня почти не чувствовал. Привык...

И сам не заметил, как оказался среди кораблей. Едва не попался: его могли несколько раз увидеть с лодки. Приходилось нырять, скрываться под водой, хорошо, он мог надолго задерживать дыхание. И бочонки... тяжелые... ничего, можно уже вынимать пробку. Внутри – бикфордов шнур, пусть вода заливается, это уже не страшно...

Его заметили?

Кричат?

Смешно...

Сеня еще мог сохранить свою жизнь, если бы нырнул. Он бы выплыл, он бы смог. Но жить-то ему и не хотелось. Только убивать. А потому...

От выстрела он попросту загородился бочонком.

Тот разбился, вязкая жидкость с гадким запахом потекла, еще выстрел – и вспышка.

Огненная, ослепительная...

И Сеня ныряет на глубину. Он знал, что не сможет ничего сделать. Что умирает. Но хотел остаться на дне Вольной. Смерть в огне – или в воде?

Хотя бы этот выбор у него есть. До самого конца.

До дна он так и не доплыл. У юноши просто остановилось сердце от боли. Вольная приняла его – и мягко понесла вниз, баюкая в своих объятиях. Еще одна жертва братоубийственной войны. Не последняя...

Но – оправданная.

Водный огонь загорелся.

* * *

Ожидание...

Тяжелое, липкое, муторное, ползущее, словно беременная улитка по камням, – оно выматывает и раздражает. Давит и мучает, издевательски стоит за плечом, потирает руки, поскрипывает суставами...

Я тебя все равно измотаю, человек...

Кто-то курит, кто-то пытается движениями сбить напряжение, чистит пистолет, ходит взад-вперед.

Логинов словно окаменел.

Статуя человека. И только ночной ветер треплет волосы.

Ас-Дархан – это река, ее притоки, ответвления, каналы, даже небольшой остров. Забавно, правда?

Но именно на острове строились торы. Элитное место. И именно на острове расположился Комитет Освобождения. Так безопаснее, и к ним никто не подобрется незамеченным. А если что – есть корабли. С доверенными капитанами, которые мгновенно примут на борт и уплывут подальше от опасности.

Но если вода становится ловушкой?

Логинов отлично понимал: достаточно одного бочонка. Лишь одного, который будет открыт и подожжен в нужном месте. Он сработает детонатором для остальных, а дальше процесс будет не остановить. Он ждал. И...

Сначала светлое пятно показалось ему миражом. Досмотрелся...

Но тут вскрикнул Алексеев, потом кто-то еще...

Все верно.

Корабли горели.

Горела сама Вольная, горела – и несла огонь вниз и вперед. К устью.

На остров.

Анатолий усмехнулся, показывая клыки, и кивнул Илье:

– Давай. Можешь начинать!

Алексеев себя ждать не заставил. Вскочил и умчался к своим людям. Спешить особенно некуда, как раз, пока он доберется до позиций, пока они пойдут на штурм...

Логинов не сомневался, он будет успешным.

Пятно огня разрасталось, становилось все шире и шире, ярче и сильнее, крики были слышны даже здесь, кто-то ударил в колокола... пусть горят, сволочи!

* * *

Илья недовольно поморщился.

Он бы предпочел среди белого дня, с саблей, верхом, на врага...

Логинов не поднимал его на смех. Знал, но промолчал. И высказался один раз, едко и зло.

Кавалерию – на пулеметы? Лучше сам сдохни, не гробь людей своим кренинизмом.

Илья понимал, что это правильно. А потому – вот так. Ночью, в темноте, в тишине, но по возможности быстро. Сейчас они посеяли в городе панику и на какое-то время лишили освободенцев руководства. Илья знает, сейчас, выше по течению, в воду льются бочки с нефтью. Вольная поможет... горят корабли, загорится сама река. Никто из освободенцев живым не уйдет.

Для реки это плохо, конечно, но какая разница?

Будут живы – все поправят. Погибнут – так хоть освободенцам напоследок напакостить. Сволочам таким... Вот и их позиции.

Колючая проволока, пулеметные гнезда – хорошо окопались. И если бы их еще с воды прикрывали, вообще были бы непобедимы. Но сейчас...

Сейчас им не до врага.

Илья и сам не поверил в такое везение, но...

Когда загорелись корабли!

Когда все начальство оказалось в огненной ловушке на острове!

Когда руководить стало фактически некому... что сделали освобожденцы? Да кто – что!

Кто раскрыл рот и смотрит на происходящее в городе. Кто мечется, кричит, отдает какие-то нелепые приказы. Кто вообще под шумок удирает... да, и это тоже было. Понимают, что если там – такое, то и здесь скоро начнется. А голову класть неясно за что не хочется...

Что ж.

Пусть их, трусов. А те, кто остался... гранаты делать достаточно просто. Взрывчатка плюс поражающие элементы. К примеру, можно к динамиту добавить горсть обыкновенной гальки, только не особенно крупной. Просто нагрести в карманы на реке...

И поверьте, галька отлично сработала.

Взрывы расцветили ночь.

Дальше было проще. Перерезать колючую проволоку, захватить пулемет, хотя бы один, пока освобожденцы не опомнились, – и очередь, очередь по сволочам!

И стрелять!

Пусть не все хорошо стреляют! В авангард Логинов выделил тех, кто умел. И патронов жалеть не стал.

Илья шел впереди и был счастлив.

За Анну!

За Георгия!

За Алексеевку, родителей, сестру, за Русину, за все!!! За весь мир, который рухнул в бездну, вы мне ответите, сволочи! Кровью ответите...

И освобожденцы отвечали.

К утру Ас-Дархан был взят войсками генерала Логинова.

* * *

– Да, реку мы испоганили. – Логинов печально смотрел на обгорелую пристань. Хорошо, хоть каменную, была бы деревянная, новую пришлось бы строить, но и камни огонь облизал со всей жадностью. И кое-где нефть еще горела.

Илья только плечами пожал:

– После войны справимся.

– Это понятно... каковы наши потери?

– Около шестисот человек.

Много, неоправданно много, но не всем так повезло, как Илье. Где-то и стреляли, и дрались всерьез, а кто и от огня пострадал. Водяной огонь, знаете ли...

Выпущенный на свободу дракон не станет разбираться, свои там или чужие. Он всех скушает.

Флота у освобожденцев попросту нет. Нефти вчера вылили... Логинов даже не знал сколько. Очень много. Там все горело.

Остров?

Тоже никто не спасся.

И город сильно пострадал, но Ас-Дархану не впервые. Отстроится и будет еще красивее прежнего. Зато цель достигнута. И Логинов уже дал приказ отправить телеграмму Валежному.

Вольная теперь в их руках.

Если два генерала не промахнутся и дальше, если будут действовать согласованно – Освобождению придет конец уже к следующей зиме. Но что потом?

Потом – будет видно. Найти худшего правителя, чем Петер, это еще очень надо постараться. В крайнем случае, править будет совет. А кто будет сидеть на троне – не важно. Хоть чучело посади, лишь бы оно не вмешивалось в дела государственные, как тот же Петер.

Вот сам Логинов никогда в них не лез.

Полками командовал, и неплохо. Воевать умел. Что дано, то дано. А политика... грязно это. Типа клетки с крысами, куда рукой ни поведи, все равно цапнут. Но...

Когда ему пришла телеграмма от Калинина, когда ему предложили поддержать восстание, Логинов ответил отказом. Просто из брезгливости.

Встал под знамя?

Стой под ним до конца. И прими смерть, когда оно упадет. А вот так, из стороны в сторону, ударить в спину... нет. Сам не отдавая себе отчета, сын мещанина оказался благороднее множества торов. Да разве ему это было важно?

Важна была Русина. А потрясения и революции...

Можно прикрывать их самыми красивыми словами, но сути это не изменит. По делам узнаете их... принесли освобожденцы кому-то

добро?

Нет?

То-то и оно... а слова – это только слова. Сотрясение воздуха.

Кому это важно?

– Командир?

Алексеев.

Анатолий кивнул ему.

– Подсчитываем убытки, ждем сообщений от Валежного.

Надеюсь, он уже взял Сарск.

– А куда потом?

– Разумеется, на Звенигород.

Илья сжал губы и кивнул. Да, на Звенигород.

Вы мне, твари освободительные, за все ответите! За – все.

Анна, Россия

Вот уж этого звонка Анна не ждала. Но – ответить стоило.

– Слушаю!

Звонил Сережа Цветаев. Сложно ли догадаться? Даже если бы память Яны не подсказала, три буквы, плывущие по экрану телефона, отлично характеризовали абонента.

Ч.М.О.

Ни убавить, ни добавить.

– Слушаешь? Ну привет, детка.

– Здравствуй, Сергей.

Несколько секунд в трубке молчали. А потом раздался короткий смешок.

– Знаешь, а я рад, что ты сына сохранила. Мамашка сказала...

– Знаешь, а я не рада, что вы с мамашкой ко мне лезете, – в тон ему ответила Анна. Она бы так не сказала, но вот Яна... Собственно, Сергей единственный, не считая отца, кто знал девушку настолько близко. Перед кем Яна сильно раскрылась.

Не хотелось бы, чтобы он заметил несовпадения и рассказал матери. Вот и пришлось... поменять тон. И выражения подбирать.

– Ну извини. Но мать – это крокодил на танке.

– Да хоть мамонт на самолете, мне-то что?

– Ян, я потому и звоню. Ты учти, она своего всегда добивается.

– Добивая тех, кто слабее?

Бульканье в трубке подтвердило ее правоту.

– Примерно так. Меня вот добила...

Даже против воли Анне стало жалко этого человека. И пусть она его в жизни не видела, Гошке он родной по крови.

– Все так плохо?

– Чего там хорошего. Лечить меня будут, но прогнозы самые паршивые.

– Наркота?

– Ну да. Я на синтетику подсел, а эта дрянь организм изнашивает... хрен его знает, что раньше откажет. Печень, почки, сердце... сдохну по-любому.

– И оно тебе было надо?

– Казалось, не всерьез. Можно остановиться в любой момент, а попробовать все хотелось.

– Приятного аппетита.

– Язва. Была и осталась. Непобедимая Янка в атаке.

Анна мысленно поздравила себя. Получается пока притворяться. Отец ее не распознал, но там было проще. Отца Яна искренне любила и была рядом с ним спокойна. А с Анной они все же сильно похожи, внутренне тоже...

– Так чего-то звонишь-то? Тебе язвы в желудке мало? Решил меня добавить?

– Вот язвы в желудке у меня как раз нет. А чего звоню... спасибо сказать. За сына, пока не сдох.

– Лучше б ты своей мамашке не давал меня травить. Она ведь от твоего имени все документы в суд подала. По твоей доверенности...

– У нее есть. Но отозвать я ничего не смогу, сама понимаешь. Оказался бы в суде, отказался бы от всего. А так...

– А раз так – подожди пару минут, – осенило Анну. – Ты сможешь наговорить это на диктофон?

– Groш цена такому наговору.

– Ну, грош не грош, а вдруг да пригодится?

Кто его знает, что может понадобится? Так что голос Сергея с его отказом от прав на сына, за себя и за мать, Анна записала. И про сына рассказала. И даже фотографии отправила.

Общаться с мальчиком Сергей не рвался. Ни к чему. Пусть сын не знает отца, так проще. Лучше, чем горевать об умершем близком человеке.

Анна не знала, поступила бы так Яна или нет. Но когда она закончила разговор...

Хелла, как же ей было жалко Сергея. Не сегодняшнего. А того мальчишку, в которого влюбилась некогда Яна. Слабого, глупого, но не злого, не подлого, не подонка...

Просто дурака. Который всю жизнь позволял другим решать за себя и в один «прекрасный» момент заплатил своей жизнью за свою слабость.

Просто – жалко.

И не успела она отойти от этого разговора, как вновь зазвонил телефон.

* * *

– Анечка, здравствуйте.

– Добрый день, я вас слушаю.

– Вы меня не помните?

– Должна?

– Олег Лейкин. Капитан...

Анна поежилась, но «вспомнила».

– Здравствуйтесь, Олег Андреевич.

– Анечка, скажите, вы мне не сможете уделить хотя бы час вашего времени?

– Что-то случилось?

Когда на тебе пять трупов... За пятый Анна не беспокоилась. Она к нему даже пальцем не притронулась, а благословение Хеллы здесь не определяют. Но первые-то четыре... И два в подворотне, и два на кладбище... могла она там наследить?

Запросто!

Здесь все так сложно, и отпечатки пальцев, и волоски, и капельки пота, и... сериалы Кира любила. И Анна пару раз смотрела, и память Яны подсказывала.

Могла она вляпаться? Запросто! Но чтобы узнать точнее, надо встретиться и поговорить.

Всем хороши сотовые телефоны, кроме одного.

Видеть собеседника они не дают. Хорошо видеть...

Даже при видеосвязи этого пока не достигнуть. Не просто видеть, а именно что стоять или сидеть рядом, наблюдать смену выражений на лице, слышать интонации, даже запах чувствовать. Очень многое можно узнать о человеке и по движениям рук, и по их положению...

Анна могла. Но для этого требовалось беседовать лично. Что ж, она согласится.

Сегодня вечером. В «Орхидее». Недорогой, но симпатичный ресторанчик в центре города.

* * *

– Ань, ты меня с собой возьми!

Анна подумала пару минут.

– Стоит ли? Кира, может, тебе проще сходить погулять с Витей?

– Мы с Витей за вами и последим. Рядом побудем.

– Думаешь? – усомнилась Анна.

– На всякий случай.

Анна пожала плечами, но спорить не стала. Почему бы нет?

И Витя хорошо впишется, Кире надо посмотреть на первую любовь трезвыми глазами, и девочка будет у Анны под присмотром.

Борис Викторович будет против?

Эм-м-м... а почему Анне не хотелось говорить ему про эту встречу? Вот не хотелось – и все! Оставить бы все в тайне... Почему так?

Анна не знала, но и рассказывать не хотела. Словно что-то нехорошее сделала, чего не должна была. Но почему?!

* * *

Анна не знала почему. А вот Кира сомневаться не стала.

Что лучше всего стимулирует мужчину в борьбе за женщину? Думаете, лазерная эпиляция? Ан нет, соперничество. Если женщина нужна одному мужчине, она будет нужна и второму, и третьему, если она сама себя таковой ощущает.

А если нет соперника, его надо придумать. Но Кире этого делать не пришлось, так что она отправилась к отцу, благо тот заехал домой пообедать.

– Папс, надо поговорить.

– Хорошо...

– Без Ани.

Борис Викторович искренне удивился, но...

– Ладно.

– Папс, ты меня можешь взять в город, я тушь себе прикуплю и вернусь?

– Не нравится мне твоя косметика, ну да ладно.

Кира показала классический «Йес». И поскакала собираться. Анну надежно отвлекла с каким-то важным вопросом Роза Ильинична, а там и Гошка поможет...

Заговор?

Не-а! Забота о близких! Меньше знаешь – лучше спишь, вот и прояви заботу о спокойном сне своих близких.

В машине Кира плюхнулась на сиденье рядом с отцом – и тут же выдала Анин секрет.

– Папс, тут к Анне какой-то козел клеится.

– Да? – нахмурился Борис Викторович.

– Ага. Лейкин Олег как-его-там-бишь-того. Отчество не помню, но он в полиции, по ходу, капитан.

– И что ему нужно от Ани?

– Самой бы знать хотелось. И ей тоже.

– Хм?

– Звонит, на свиданки приглашает, в «Орхидею», у нас же там романтишь, квадратишь, практишь...

Борис, который был в курсе происходящего в «Орхидее», кивнул. Ну да, там целый этаж можно снять под «романтишь», как Кира выражается.

– Допустим. И?

– А Анна нервничает. Они и виделись-то пару раз, с чего его так развезло?

– Она тебя попросила со мной поговорить?

Кира уверенно замотала головой:

– Папс, нет. Она расстроится, я надеюсь, вернусь раньше, чем она обнаружит. Ане не хотелось, чтобы ты знал.

– Почему?

Кира пожала плечами:

– Не знаю. Она очень боится обременить других своими проблемами.

Борис аж рот открыл, услышав такое от дочери. Легкомысленная акселератка? Как же! Два раза! Слишком тонкое наблюдение для безмозглой соплячки.

– Это верно.

Кира кивнула:

– Вот. Я не знаю... Аня себя ведет так, словно не имеет права просить помощи. Другим помогать она может, а сама – словно озеро льдом сковало... ну не знаю я, как это лучше объяснить. Это не страх обязательств, а что-то другое, но есть ведь!

Борис Викторович вспомнил, как Анна всерьез (он мог это отличить от пустой игры) собиралась увольняться, чтобы не тащить в его дом сына, и кивнул:

– Ты права, рыбка моя.

– Папс!

Родившаяся в марте, Кира действительно была под знаком Рыб. Но знак свой не слишком любила, кстати, как и рыбу.

– Ладно-ладно. Что ты от меня хочешь?

– Папс, ты не можешь... – Кира замялась, и Боря помог дочери:

– Отшить его?

– Нет! Не то чтобы отшить... если этот Олег не козел, то пусть остается, а? Аня хорошая, а когда ты женишься, Лизка ее выживать начнет. Я точно знаю. А если Аня замуж выйдет, она в этом городе останется, я к ней ходить смогу, видеться...

Борис Викторович открыл рот. Потом закрыл.

Кира била не в бровь, а в глаз. Все было сказано абсолютно верно, ни убавить, ни добавить.

– Вот! – правильно поняла отца Кира. – А если этот Олег козел и у него трое детей и невыплаченные алименты за семь лет... ну, ты понял?

– Понял-понял.

– Проконтролируешь вопрос?

– Обещаю. «Орхидея», говоришь?

Кира закивала.

– Я туда тоже пойду, пригляжу за ними.

– Дуэньей? – не без ехидства поинтересовался отец.

– Нет. Я со своим парнем, а Анна... ну, я не знаю, будет он ей парнем или лучше такого гнать... и она за мной присмотрит, и я за ней.

– Ладно. Разберусь я с этим вопросом, – кивнул Борис Викторович. – Обещаю.

Кира довольно улыбнулась.

И довольство ее относилось не к обещанию, нет. А к ощущению. Она тоже знала своего отца... вот не остался он равнодушным к ее сообщению!

Не остался!!!

Ну держись, подлизка!!!

* * *

Борис Викторович позвонил знакомому почти сразу. Вот вошел в кабинет и потыкал в экран, запуская набор номера.

– Колян, здорово!

– Борисыч! Салам алейкум!

– Ва-алейкум, ва-ассалам! Как дела? Как здоровье?

– Борисыч, не пыли! Колись, чего трезвонишь!

– За жизнь поговорить, понятное дело.

– И за чью жизнь разговаривать будем?

Пятнадцать лет знакомства и определенные личные интересы не оставили Борису никакого шанса. Полковник Пичагин отлично распознавал, когда ему звонят по делу, а когда – пригласить на рыбалку. Второе не отменялось, но раз уж вопрос возник... разберемся, а там и за рыбкой можно метнуться.

К пивку.

– Воронова Анна Петровна.

– Хм... Борь, а это не та, о которой ты Генку просил? По базе пробить?

Борис Викторович фыркнул:

– Мент легавый.

– Чем и горжусь. Ну так?

– Она...

– И чего Генка накопал?

– А то ты не знаешь? – фыркнул Борис. – Чиста, как стеклышко, ребенок, учеба, работа, родители... не совсем стандарт, но никаких проблем.

– Знаю. А сейчас-то чего всплыло?

– Один из ваших ею заинтересовался. Лейкин. Олег. Капитан.

– Может, он ею как бабой заинтересовался? – подначил друг.

Борис Викторович аж зубами скрипнул.

– Это не столь важно! Если у них просто... личный интерес, пусть будет личный. А если у него что-то другое? Если Анну куда-то втянули?

– Опа...

Такой разговор от друга Коля слышал впервые.

– Ее? Втянули?

– Ты просто Анну не знаешь. Она сама в грязь не полезет, но у нее сложная жизненная ситуация. Там мамашка ее любовника воду мутит... в смысле парня, от которого у Анны сын. Вот она серьезно взялась, я Ильичева рекомендовал.

– Тогда можешь быть спокоен.

– Вот узнаю, чего там твой подчиненный ищет...

– Не мой.

– Не важно!

– Ладно. – Николай понял, что дальше подначивать друга не стоит, и примирительно улыбнулся. Хотя по телефону и не было видно. – Тебе когда надо?

– Лучше бы вчера.

– А завтра?

– Коляныч!

– Борисыч, я понял! Но будешь должен!

– Чего тебе надобно, старче?

– Помнится, ты меня бужениной угощал...

Борис помнил. Кстати говоря...

– Ее Анна и готовила... если захочешь – попрошу. Лично для тебя запечет.

– Считай, что джинн Колян ибн Хоттаб уже летит, – фыркнули в трубке. И отключились.

* * *

Николай перезвонил через час. Когда Борис уже извелся и порядком разозлился.

– Боря, в общем, ничего на твою девочку нет.

– Вообще?

– Проходит она по паре дел как свидетель.

– Какие еще дела? – насторожился Савойский.

– Одно – недавнее. Они на ролевке были, а там рядом кто-то черных археологов порезал.

– А, это я помню, – чуточку успокоился Борис. – Там тех свидетелей, что пороят на свиноферме...

– В том-то и дело! Свидетелей полон дом, но все ж малолетки! Поэтому взрослые в дело и попали, понял?

– Понял. Но там все нормально?

– Я тебе так скажу, туда этим уродам и дорога. Могилы раскапывать – вообще ничего святого не иметь. И ладно б еще как археологи или вот те ребята, которые захоронениями занимаются. Ездят, ищут, потом осторожно, документируя, прах на кладбище переносят... это другое. А таких шакалов... небось там третий, кто с ними был, их и порезал. Анна твоя там точно ни при чем. И Лейкин, кстати, тоже.

– Так... А еще?

– А еще... ты в курсе, что девочка твоя не в самом благополучном районе живет?

– Сейчас она в моем доме живет.

– Это понятно. Но так-то в трущобах. Там постоянно какая-то дрянь да случается, вот наркоши по пьянке друг друга порезали.

– А она при чем?

– В соседнем дворе она жила, вот при чем.

– Тоже не аргумент.

– Нет, конечно. Там чуть не десять соседей, дома-то барачные. Анна твоя вообще там не при делах, ее кроме работы и сына ничего и не интересует. Вот там Лейкин вел, но уже все закрыто, все в суд передано.

– Так чего его сейчас разобрало, паразита?

– Борь, только личный интерес.

– Хм... Ладно. Спасибо, буду должен. Завтра позвоню, когда забужениной приедет, там же не просто так, Анна ее как-то маринует, что ли... не знаю.

– Такое счастье и подождать можно. – Полковник даже не сомневался. – Ладно, Борисыч. Бывай!

– И ты... бывай, – оценил две пропущенные буквы бизнесмен. Услышал в ответ фырканье и распрощался.

Потер лоб.

Что за наглость?

Его девочка – и какой-то левый тип?!

Его... девочка?!

А как же Лиза?

Боря походил по кабинету, подумал. А потом шкодно улыбнулся – и сделал два звонка. Один, кстати, Лизе. Надо бы вечером с ней встретиться.

А второй...

Второй был сделан одному знакомому.

И сейчас Борис по-детски радовался своей проделке.

Недостойно?

Неподобаает?

Но если очень хочется, то, наверное, можно...

* * *

«Орхидея» была небольшим ресторанчиком для всех желающих. На первом этаже – пиццерия, там было весело и вечно тусовались студенты. Столики для тех, кто хочет постоять, барные табуретки, неубиваемая отделка штукатуркой, которую только краской подновить

– и она как новенькая. На втором этаже – столики для желающих посидеть спокойно, пообедать, отметить какой-нибудь праздник. Классический стиль отделки, зеленоватые стены, белое кружево скатертей и легких занавесок. Третий этаж предназначался для романтических особ.

Голубоватые и розовые тона, сладкий стол, уединенные ниши...

Вот туда Олег и пригласил Анну. Девушка подняла брови, но пошла. И с порога подумала, что они не соответствуют этому месту. Капитан в свитере и джинсах, она в простом сером платье с белым воротничком и с тяжелым узлом волос на затылке.

На втором этаже они смотрелись бы органичнее.

– Что будете, Анечка?

Анна листнула меню – без цен. На этом этаже мужчина четко платил за свою даму. На втором – по желанию, а вот на третьем все было сделано для создания романтической атмосферы. Даже лирическая музыка откуда-то из ниши... красиво.

– Кофе на песке и тирамису, – легко выбрала девушка.

Олег такими мелочами не ограничился, заказав себе полноценный обед. Посетовал, что девушки сейчас стали похожи на призраков, но зато прокормить их легко, обсудил с Анной погоду, природу, новости спорта...

Девушка рассеянно поддерживала светскую беседу.

Несмотря на отделку ресторана и романтику свидания, пирожное было гадким и пересушенным, а кофе варился из плохих зерен. И клали его мало, хорошо, если ложку на турку.

Анна просто мечтала уйти домой.

А потом почувствовала, как ее руки коснулись мужские пальцы.

– Простите?

– Анечка, неужели вам со мной так плохо? Ну простите, одичал я на своей работе, не знаю, как надо правильно говорить с такими очаровательными девушками. Будьте же ко мне снисходительны!

На такие вещи Анна и раньше не поддавалась, а уж сейчас...

Вот не нравится она капитану. Никак не нравится. А он старается, пальцы ее взял в свои ладони, глядит проникновенно, разные глупости говорит... и ни слова о делах.

Но зачем?

– Вот козел!

Кира почти шипела.

– Ты сейчас похожа на газировку. – Витя вальяжно раскинулся на стуле и оглядывал спутницу. А она ничего. Сиськи, конечно, незачетные, вот у Машки, у той полноценная четверочка, сплошное удовольствие, а тут и посмотреть не на что... Зато попка прелесть. А у Машки все внизу расплылось, словно там холодец. Эта вся упругая, подтянутая... и талия тонкая. Алинка тоже с тонкой талией, но как на ее нарощенные ресницы и брови посмотришь, жуть продирает. Ощущение, что она себе на глаза две зубные щетки приклеила. И гуталином покрасила. Брови тоже... в некоторых позициях оно еще и ничего, а вот как на подушке такое увидишь...

Витя вспомнил о своем конфузе и поморщился.

Ну, спяну... с похмелья... показалось парню в полусумраке, что по лбу девушки ползет жирнющая черная гусеница. Он ее и тапком...

Это была бровь. Так что на Алинку пока можно не рассчитывать. Недели две еще точно, а то слишком дорогие подарки дарить придется. Перебьется.

А вот Кира молоденькая, симпатичная, свеженькая (себя Витя считал опытным мужчиной аж семнадцати лет от роду). ...Он спорить был готов, что девчонка еще даже ни с кем не целовалась! Это ж надо – с гувернанткой ходит!

Сплошное удовольствие будет!

– Почему?

– Шипишь так же.

Кира надулась, но шипеть не перестала.

А как?!

Козел!!!

Вот чего он Анну за руки взял?! Не твое – не лапай! Может, это ее личная мачеха будет!!! И смотрит так проникновенно, и... это он чего?!

– Для самой прекрасной девушки в этом зале, – объявил невидимый диджей. – Катината! «Живи моей любовью!»^[15]

Кира аж зубами заскрипела.

Речь уже о любви пошла?! Ну, знаете...

– Пусть ты не такая, как мне говорят, я отдам весь мир за твой взгляд. За твой вздох, за твой звук, за чашу с ядом из твоих рук... – заливался неведомый певец. Чтоб его канализацией залило!

Следующие полчаса стали испытанием для всех.

Для Анны – терпела она с трудом.

Для Кире – вот бы укусить гада!

Для Виктора – он к такому вообще не привык! Ни разу! Рядом с ним девушка, которая не обращает на него внимания. Обычно-то как? Если он пришел, то все бабы его. Но Кире об этом почему-то не сказали, и она смотрит на Лейкина злым взглядом, как только мужик не чувствует! Задымится же скоро...

– Интересно, что с ним можно сделать?

– Чтобы он от твоей гувернантки отлип, типа?

Кира кивнула.

Витя подумал пару минут. Потом пожал плечами:

– Ладно. Должна будешь, если что.

Кира закивала.

Буду, только гони этого паразита! Вот что он к ней пристал, а?!

И куда это они пошли? Витя?!

А куда это ты пошел?!

Кире оставалось только ждать.

* * *

– Витек, ты ошалел?

– Ген, не гони! Я тебя не за спасибо прошу!

– Меня за это уволят!

– А то я вашу рыгаловку не знаю? Здесь через два раза на третий кто-то да травится!

– Ну...

– Еще тысячу накину.

– По рукам. Сволочь ты, Витя!

– Сам ты там ты.

* * *

– Анечка, согласитесь, здесь просто чудесный вид на город!

Анна ничего чудесного на открытом балконе не видела. Разве что стоянка? Может, кому и нравится...

– Да, просто чудесно. Давайте вернемся, я замерзаю...

– Анечка, у вас такие глаза...

А еще губы, уши и зубы. Последние требуют тщательной проверки путем ощупывания языком. Да?

С такими ситуациями великая княжна Анна умела справляться еще в шестнадцать лет.

– Да, Олег. У меня такие глаза... и у вас такие глаза...

И шаг поближе к капитану. И еще один. Чтобы оказаться почти вплотную с ним...

Обычно мужчины в таких случаях расслабляются. А зря. Понятно же, девушка идет к ним ради поцелуя. Наверное...

Но дальше все пошло не по тому сценарию.

Не успела Анна примериться и как следует наступить на ногу незадачливому ухажеру, как тот сильно изменился в лице.

– Ой...

И схватился за живот.

– Ой...

«Простите, Анна!» – донеслось уже из коридора, куда на третьей космической удалялся несчастный.

Анна философски пожала плечами и посмотрела на город.

Сейчас, когда никто не сопел в ухо, не говорил банальности и не раздражал, город показался ей намного симпатичнее.

* * *

Олег не вернулся через пять минут.

И через десять.

И даже через двадцать.

Кира плюнула на все и притащила Витю к Аниному столику.

– Колись, ты чего с ним сделал?

– Гадом буду – ничего! – поклялся Витя. Ну думал, думал он про слабительное в кофе, но только думал! Кофе-то мужик выпить не успел, а его уже так... понесло!

Анна посмотрела на кофе, на официанта и приняла решение.
– Виктор, я прошу вас как взрослого и серьезного мужчину...
– Слушаю? – даже приосанился Виктор.
– Мы не можем ходить по мужским туалетам. Но если Олегу Андреевичу стало плохо или он нуждается в скорой помощи... вы меня понимаете?
– Сходить посмотреть, чё он там забыл?
– Я буду вам очень признательна.
Витя пожал плечами и пошел.
А и правда – что там с мужиком случилось? Любопытно же!

* * *

– Ань, ты за него волнуешься?
Анна прищурилась на девушку:
– Кира, я так выгляжу?
– Нет.
– Умничка. А какой я выгляжу?
– Недовольной. Но ведь не тем, что свиданка сорвалась?
– Нет, конечно. Я вообще не пойду в следующий раз.
Кира с облегчением выдохнула.
– Это хорошо. Ты недовольна тратой времени?
– Да. И не хочу платить за все съеденное этим троглодитом. –
Анна окинула взглядом стол, потом подсунула несколько купюр под свою чашку с кофе. – Вот так. Остальное пусть сам оплатит.
– Надеюсь, он не померши?
– Лучше бы после оплаты.
Кира фыркнула. Ее настроение стремительно улучшалось. А вот так тебя, гада! Нечего лапы тянуть, куда не надо!
Послышались шаги – возвращался Витя.
– Девушки, мы можем идти домой.
– Да?
– Кирюш, мужик очень занят.
– Чем?
– Детоксикацией. Через оба выхода, – подобрал пристойный синоним Витя. Кира все равно захохотала. Анна осуждающе покачала

головой, но никого этим не обманула.

– А оплата счета?

– Он передал. – Витя положил на стол несколько купюр. – И сказал, что выйдет из сортира, с землей забегаловку сровняет.

– Экскаватор ему в помощь, – поднялась из-за стола Анна. – Простите, ребята, что испортила вам встречу.

– Ничего, зато какие впечатления, – отмахнулся Витя. – Такое не каждый день увидишь...

– А ты не снял видюшку? – не удержалась Кира.

– Побоялся. Еще пристрелит... Или в унитазе утопит...

Кира горестно вздохнула.

Что толку в трупе врага, если ты не можешь сделать селфи на его фоне? Или хотя бы парочку памятных кадров? Э-эх...

* * *

Борис Викторович рассматривал лицо Лизы.

Красивое. Даже совершенное.

В отблесках свечей, в полумраке кабинета в дорогом ресторане (тянуло, конечно, в «Орхидею», но это уж вовсе по-детски получится), с брызгами бриллиантов в ушах и на лебединой шее Лиза была не просто чудесна. Она была волшебным видением.

Которое вытянуло губки «уточкой» и похлопало ресничками.

– Борюся, давай селфи?

Интересно, существуют ли кляпы, которых не видно во рту?

Вслух ничего такого Боря не сказал, просто приобнял девушку за плечи, позволил сделать идиотскую фотографию – и покорно кивнул на очередное рассуждение о свадьбе.

Здесь и сейчас он пытался... а что именно? Борис и сам не знал.

Всего полгода назад мир был простым и ясным, понятным и четким, словно старые мультфильмы. Красивые и аккуратные, без двойного смысла и светотени.

Кира – любимый ребенок, Роза Ильинична – домработница, работа – самое главное в жизни. Лиза?

Да, это тоже важно. Во-первых, такая жена, как Лиза, нужна для имиджа. Красивая, в меру глупая, ухоженная, холеная, из «ближнего

круга». Во-вторых, она может родить ему сына. Лучше – двух, все же сам Боря не молодеет, а дело всей жизни кому-то оставить надо.

Кира? Так у нее склонности к бизнесу нет. Вообще. Она замечательная, но не технарь. Цифры, числа, вообще математика даются Кире с большим трудом. У нее творческий склад ума, она бизнес не потянет. А когда еще замуж выйдет – за кого? Разное бывает, и женятся из выгоды, и жен потом на помойке оставляют... Нет, для Киры он такого не хотел. Обеспечить дочь со всех сторон – безусловно. Но не награждать ее камнем на шею.

В-третьих, Игорь. Лиза его дочь, а деловые отношения всегда лучше подкреплять личными. Боря без него обойтись может, но что ж отказываться, если деньги предлагают?

В-четвертых... а есть ли что еще перечислить? Боря серьезно над этим задумался. А правда? Хочет он Лизу? В постели она чудо, и у них уже несколько раз было, и девушка, конечно, виртуоз секса. Но Борю не оставляло вот это ощущение...

– Котик, еще селфи?

Вот! Он так и ждал в постели этих слов. Просто был уверен, что они прозвучат!

А в остальном... вот она – беда. Вне постели ему совершенно нечего делать с Лизой. Разные вкусы, интересы, поколения, знания, даже навыки – все разное. Рано или поздно это добром не кончится.

А ведь все было так четко и спокойно, он об этом даже не задумывался – раньше.

А что сейчас?

А сейчас его покой смущен. Разрушен одной наглой кареглазой девчонкой, которая не дает никаких поводов. Вообще никаких. Борису уже не двадцать лет, и отлично он видит, когда нравится женщине, когда не нравится... Ладно! Положа руку на сердце – Лизе он НЕ нравится. Она его ценит как источник денег, как удачную сделку, но не как мужчину, которого сможет полюбить. Если Боре с ней скучно, то и Лизе с ним не слишком-то интересно. Хоть и бьет это по самолюбию.

Но как можно стать успешным бизнесменом, занимаясь самообманом? И видя только то, что хочешь видеть?

Да никак!

Вот и Анна... Анне он как раз нравится. И не раз видел в карих глазах теплоту, симпатию, а Киру Анна вообще обожает. И относится к

ней не формально, как к работе, а искренне. Душевно, тепло, как старшая сестра или, вообще... как мать. Анна не делает разницы между своим сыном и Кирой. И глаза у нее светятся одинаково, когда она смотрит на детей. Добротой, теплотой, любовью! На него Анна так не смотрит.

Борис ей интересен, она его ценит, уважает, но не любит. И не кокетничает. Не подает никаких сигналов из разряда «обрати внимание на мои страдания». Не хлопает ресницами, не отводит взгляд, не... столько этих «не»! До безумия!

Для Анны он просто работодатель. А кем стала для него Анна?

Человеком, который вдохнул жизнь в его дом. Дом – не четыре стены и крыша, дом – место, где тебя любят, ждут и принимают любимым. И сейчас он спешит домой с работы, чтобы увидеть теплые карие глаза, чтобы поймать улыбку... какие у Анны глаза!

Теплые, искренние, искристые даже. Словно шоколад, в который насыпали золотой пыли. Невероятно красивые. Глаза, в которых хочется утонуть. И совершенно не хочется возвращаться в реальность из их завораживающего дурмана.

– Боречка, ты меня не слушаешь!

– Прости, Лизочек, я отвлекся.

– Элиза! Борюся, ну я же просила тебя.

– Хорошо, Элиза. Я отвлекся.

– Я бы хотела платье от Алекса Камински! Вот, посмотри!

Боря посмотрел. Вопрос был один: платье сшито из ЛГБТ-флага? Стразов на него насыпали вообще горстями. Безумно красиво. Одень Лизу в такое платье, запусти на природу – и все павлины от зависти передохнут. Им-то хвосты никто стразами не облеплял!

– Если ты захочешь, закажи.

– Борюся, ты прелесть! И подружкам...

– И лягушкам, – подтвердил Боря.

Лиза надула губы, но платье перевешивало обиду. Отец – тот тиран и деспот! Сказал, что вместо этого платья он себе новый джип купит, еще и сэкономит! А Борюся разрешил... вот и не надо дуться!

Борис опять нырнул в свои мысли.

Так чего же он хочет?

Кого он хочет?

И вовсе уж сложный вопрос. Что дальше делать?

А что тут сделаешь? Кроме УЖЕ сделанного?

Ответа он не знал. Вообще.

Вечер для них с Лизой завершился очень приятно, в кровати в его городской квартире. Только вот ночевать Боря не остался. Не мог. Домой хотелось.

Глава 6. И курился пар – и калился жар – и роса пряла... и весна плыла...

Русина, Звенигород

– Расстрелять!

– Кого?

Жом Пламенный скрипнул зубами. Действительно, а кого тут расстреливать? Противники и сами отлично справились.

Валежный взял Сарск. Логинов захватил Ас-Дархан. И река Вольная разрежала страну на две части, словно клинок убийцы еще живое тело. Теперь... теперь задавить Освобождение станет лишь вопросом времени. Или – не станет?

Жом Пламенный запустил стаканом в стену. Дубовик, вообще, стаканами не хлещут, но здесь и сейчас хотелось.

– Прочь пойд! – рявкнул он на супругу.

Жама Голубица обиженно фыркнула, но развернулась и покинула кабинет. Поняла, что не время и не место показывать характер. И правильно. В нее полетела бы уже бутылка.

Пламенный отхлебнул прямо из горла и подошел к карте.

Итак, что мы теряем – и что можем удержать под контролем?

Собственно – все. Да, теперь додавить негодяев будет намного сложнее, но... западную часть Русины они контролируют почти полностью. У них хватает и людей, и ресурсов. Восточную... там, где Фереи, там сложнее. Намного.

А, ладно! Не стоит себе лгать!

Шансов у них практически нет. Просто потому, что у них в войске новобранцы, крестьяне, а у Валежного народ обстрелянный. Если б хоть борхумцы на себя внимание оттянули, но Дрейл был очень категоричен. Его начальство на такое не пойдет.

Есть еще один вариант, и вот он беспроигрышный. Если найдется наследница. Тогда реально и с Валежным договориться, и Русиной править еще очень долгое время...

Но поди найди?

Тигр еще... скотина такая! Нашел время для своих шуточек.
А если это были не шуточки?

Пламенный ненадолго задумался. А потом махнул рукой и вызвал к себе Тигра.

* * *

– Что ты мне можешь сказать?

Тигр сказал. Одно конкретное слово на букву «пэ». Из шести букв. Пламенный ожег его взглядом.

– Очень смешно!

– А то нет? Договаривайся с Валежным, иначе нас в тонкий блинчик раскатают...

– Было б еще ЧЕМ договариваться!

– Неужели нечем? Пламенный, ну не надо мне тут уши греть! У тебя в руках столица, у тебя казна... еще не все в Лионесс вывез?

– Пошел ты...

– Еще глубже?

Пламенный скрипнул зубами. Ну да, они уже там. И дальше лучше не будет.

Тигр убрал с лица ухмылочку и заговорил уже всерьез:

– Пламенный, Валежный – вояка. Неплохой вояка, но не политик, не управленец. Если он сядет на трон, его только тупой не нагреет. А вот у тебя есть хорошие шансы договориться.

– После Зараево?

– Допустим, мертва не вся императорская семья...

– Вот именно.

Тигр помолчал пару минут, подумал.

– Будешь удирать? Или искать выход?

Пламенный пожал плечами:

– Не знаю. Нам нужна минимум одна хорошая победа, чтобы говорить на равных. Иначе Валежный нас не услышит. Можешь что-то предложить?

Тигр пожал плечами:

– Надо подумать.

– Подумай, подумай. И что предложить, и куда бежать...

- И что с собой взять... супругу, к примеру?
Пламенный скрипнул зубами.
– А вот это уже не твое дело.
– Абсолютно. Но если что – мне будет тебя не хватать.
И кто он после этого, если не сволочь?

* * *

У себя Тигр упал на кровать, вытянулся... даже железо иногда ломается, трескается, разлетается на осколки, словно хрусталь. И сейчас ему тоже хотелось разлететься на части.

Все ломается, все рассыпается под руками, все, все, ВСЕ!!!

Продуктов нет, сейчас еще живем на старых запасах, но в еду пошло посевное зерно. Считай – голод.

Промышленности нет. То, что было, попросту угробили. Потому как на станках работать – это вам не лозунги выкрикивать. Тигр вчера был на одном из заводов, пришел в священный ужас.

Поставил к стенке два десятка крикунов, подробно объяснив, что за саботаж...

Да плевать, что там мастер говорит! Вы работать, как он, умеете?! Нет?! А вешать, значит, умеете... ТАМ встретитесь, там и извинитесь.

После его карательных мер кое-что на заводе наладилось. Кое-что, потому как шестеро подмастерьев одного мастера не заменят. Но это один завод.

А сколько их по стране?

Он все подряд объезжать будет? Заводы, фабрики... все стоят без хозяйского глаза. Фабриканты сбежали, чай, не дураки, а работать без них... управляющих прикончили, часто за дело, но кому теперь работать? Вот что обычный слесарь знает о сбыте продукции? О договорах, поставках, логистике... он ее с логикой даже не перепутает. Он не знает такого слова.

Теперь надо налаживать все с нуля. А пока заводы и фабрики стоят и разрушаются, их же никто не консервировал, не умеют! И оборудование, стоящее дикие деньги, приходит в негодность.

Купцы тоже сбежали. А это торговля, это артели, это бригады, склады, опять же, связи...

Опять дыра?

И это даже на Петера не спишешь, потому как уже под ИХ лозунгом вешают всех «угнетателей трудового народа». А без них, оказывается, тоже никуда. И крикун в белой папахе, поставленный над заводом, ничего не может. Хоть ты оборись на станок... поможет?

Ну сходи еще постреляй по нему!

А план давать нужно.

Жом Тигр отлично понимал: даже если они сейчас объявят амнистию, никто не вернется. Не враги ж они себе?!

Кто сбежал, тот сбежал, более того, если кто и вернется... пообещать безопасность они могут. А сделать – нет. Первая же смерть, и уже не вернется никто и никогда.

Быть иногда хотелось.

Ладно, допустим, Ураган закупил зерно.

Но надо будет его раздавать, надо будет это организовать, пресекать подпольную торговлю, выявлять, работать!

Работать, мать-перемать, а не лозунги кричать!

Пламенный это тоже понимает, но надеется на лучшее. А Тигр ни на что не надеется, он точно знает, что не обойдется. Пожалуй, для них действительно единственный выход – договариваться.

Если бы Валежный пролетел с Сарском...

Если бы Логинов не взял Ас-Дархан...

История не терпит сослагательных наклонений. В любом мире. Они УЖЕ в этих городах, и оба генерала не дураки. Не паркетные шаркуны, типа того же Алексеева... если бы захватом Ас-Дархана командовал Алексеев, можно было бы не дергаться. Но Логинов... это ж надо придумать – зажечь реку?

В момент обезглавить войско, уничтожить флот, посеять панику среди ополченцев... они такого в своих деревнях и не видали! Репа не горит, а брюква не кусается.

А тут...

Конечно, бежали вперед своего визга, тут и Алексеев справился, чего ему?

А теперь...

Им нужна хотя бы одна победа, а уж потом можно и поговорить с Валежным. Но выводить войско на войско... нет, Тигр не рискнул бы.

Кстати говоря!

Надо вызвать к себе Калинина. При всей своей стервозности (плевать, что бабское качество, лучше не скажешь) генерал весьма неглуп. И воевать умеет.

Что, интересно, он посоветует?

Тигр сделал зарубку в памяти, чтобы не забыть, и прикрыл глаза.

Самый идеальный вариант... ладно! Иллюзия, но все же... если бы Яна не ушла и была рядом! Если бы... Вот тогда можно было бы и с Валежным договориться, и с кем угодно. Но...

Зараево на совести Пламенного. Но *исполнял* все его брат. Могла Яна об этом не знать?

Нет, не могла. Разговоры в поезде велись, что-то она да услышала. Наверняка.

И – осталась? Спасала ему жизнь, а потом... гхм.

Все зная.

Все понимая – осталась.

Почему?!

Тигр и сам не понимал, для чего он хочет найти Яну. То ли посадить на трон, то ли просто посмотреть ей в глаза. Красивые, карие, с золотыми искорками...

Яна, где ты сейчас?

Почему ты не вмешиваешься, если видишь, что происходит? Это ТВОЯ страна, ты ею правишь, ты не можешь об этом не знать...

Нет, не понять...

Или...

Пришедшая в Тигриную голову мысль была совершенно неожиданной. Но от этого ничуть не менее интересной.

А знает ли сама Яна, ЧЕМ она обладает?

Потому что если НЕ знает, то это объясняло многое. Даже все. В той части, которая касалась Русины.

Яну здесь едва не убили, она стремится... отправиться в столицу?! В Звенигород? А зачем?

Если за наследством, то почему она ничего не делает?

Если удрать, то что ей делать в столице?

Если она знает о его роли в смерти Петера, то почему пощадила? А если не знает... а как она может НЕ знать?!

Болят ли у тигров голова? Да и хвост заболел бы! Если бы был тот хвост! А если и нет – вы доведете! До фантомных болей!

Все вы, бабы... то есть женщины, настоящее зло. И временами этого зла нам остро не хватает!

* * *

Лирическое настроение совершенно не помешало Тигру размышлять. И к утру у него был готов план.

Не самый лучший, но единственно возможный в этой ситуации.

Они не смогут пока встретиться с Валежным лицом к лицу. Но, как гласит ферейская мудрость, если ты пришел за медом и столкнулся с медведем – кинь в него улей.

Почему бы нет?

И Пламенному он изложил свою идею без особых колебаний.

Хормельская волость. И вольные охотники.

У Валежного много людей, но фронт растянут. Вольные охотники, которые будут кусать то там, то здесь, доставят ему куда больше неприятностей, чем войско. Легко убить медведя. Но поди прихлопни рой шершней!

Пламенный одобрил.

– Кто у нас сейчас там есть? Из наших?

– Ураган рассказывал. Когда он сидел в очередной раз, рядом с ним парнишка терся. Все расспрашивал, пытался усвоить... Ураган говорил – анархист.

Уточнение было немаловажным.

Ураган был за свободу.

А вот этот человек, о котором они говорили, был против любой власти. Вообще.

Командир вольных отрядов Хормельской волости, которого и старики звали Папашей.

Никон Иванович Счастливый.

– И чего он за помощь захочет?

– Какая разница? – неприятно оскалился Тигр.

Пламенный подумал секунду – и ухмыльнулся еще гаже. А ведь и верно – никакой разницы. Пусть Папаша потаскает для них каштаны из огня, а потом... на что он будет годен, с опаленными-то лапами? И будут ли у него силы отстоять свои запросы? Ой ли...

Уж они постараются, чтобы сил у него и не осталось.

Папаша? Да хоть Мамаша! Многодетная!

Пламенный подумал какое-то время и согласился с Тигром. Пожалуй, что другого выхода у них и нет. Но деньги и паспорта для бегства он все равно приготовит.

Анна, Россия

– Папс?

Кира была свежа, довольна и счастлива. Борис Викторович, кстати, тоже. И Анна.

– Девочки, у меня для вас есть предложение.

– Какое?

– Ипподром. Я могу позвонить знакомым. Хотите покататься на лошадаках?

– Лошадки!

– Вау!

Гошка и Кира были почти единомышленны. Анна улыбнулась и развела руками.

Если так – конечно, хотим!

* * *

– Папс?

Анна собирала сына на ипподром, а Кира, пользуясь случаем, проскользнула к отцу в спальню.

– Ась?

– Я тут подумала... вчера – не твоя работа?

– Это ты сейчас о чем? – с видом полнейшей невинности посмотрел Борис Викторович.

– Об этом... Олеге!

– Нет, не моя, – отперся Борис Викторович, даже не уточняя, о чем идет речь.

– Точно?

– Абсолютно! Ты родному отцу не веришь?

Кира посмотрела пристальнее.

– Я – верю. А вот Анна может и не поверить.

– А может и не спросить, – намекнул мужчина своему бестолковому дитятку.

– Может. И не спросит.

Дитятко оказалось вполне толковым.

– Вот и ладненько. Кстати, Кириш, ты джинсы сними, а лосины надень.

– Разве?

Борис Викторович пожал плечами:

– Можешь не слушаться. Но учти – когда садишься на лошадь, должна быть растяжка. Лесенка там не предусмотрена.

– А... ты уверен?

– Ты сама видишь, как я одеваюсь.

Действительно. Борис Викторович влез в спортивный костюм. Дорогой, теплый, мягкий, очень удобный.

– Можешь что-то такое надеть. Но жесткие штаны не надо. Красиво, но неудобно будет.

– Хорошо, – согласилась Кира. И удрала. А уже за дверью потеряла ладошки, хитро улыбнулась.

Ну, папс! Молодец!

Вот что ревность животворящая делает!

* * *

Борис Викторович проводил чадушко взглядом и улыбнулся своему отражению в зеркале. Отражение ему очень даже нравилось.

Ну, не юноша.

Но и не старик, и не урод, и женщинам он нравится, и вообще... вкусы у всех разные! Костюм ему этот вообще к лицу!

Интересно, что Кира наденет? Он честно предупредил...

Умничка дочка. Догадалась.

Это он вчера позвонил и попросил устроить Лейкину расстройство желудка. Обещал все компенсировать, все убытки. И владелец «Орхидеи», кое-чем обязанный Савойскому, согласился. Не так много с него и требовали...

Детство какое-то?

Ну да! Но иногда так приятно! Пусть детство, пусть! Иногда – можно. Жалко только, записи с камер попросить не догадался. Для полного удовольствия.

А вот нечего тут!

Это моя... моя... моя Анна!

И кто к ней руки протянет, тому я их с корнем вырву! Точка!

* * *

Лошади!

Анна и не понимала, как соскучилась по ним! По умным серьезным глазам, по бархатным крупам, по особенному, лошадиному запаху. Неприятному?

Домашнему...

Она переходила от стойла к стойлу, угощала коней хлебом, морковкой, яблоком...

– Ань, тебе не страшно?

– Кира, ты о чем?

– Ну... у них зубы, – честно сказала девочка. – А вдруг цапнет?

– И копыта, – согласилась Анна. – И лягнуть может. Но лошади очень умные. Если ты им не захочешь причинить зла, то и они тебе тоже.

– А они об этом знают?

– Конечно. Вот, возьми морковку, дай... Огоньку, – прочитала кличку Анна. – Посмотри, он ведь очень осторожен, едва твоей руки касается.

Кира смотрела с сомнением, но морковку протянула. На раскрытой ладони, как показала Анна.

Рыжий Огонек сомневаться не стал. Морковка только хрупнула.

– Погладить хочешь?

– Может, в другой раз?

– А прокатиться? – Мужчина лет тридцати, который подошел сзади, смотрел весело. С улыбкой, с подначкой даже...

Анна его не осуждала. Понятно же, не будет посетителей, не будет и денег, а лошадки кушать хотят, и людям за труд платить надо, и

корма заказывать, а все равно – тяжело.

Натура у всех разная, этому вот, сразу видно, клиентам угождать поперек души, а приходится. Он и изворачивается на свой лад. Василий Иванович, главный конюх... наверное, немало насмешек из-за своего имени получил.

– На Огоньке? – уточнила Кира. – Да можно, наверное...

Анна качнула головой.

Прошлась вдоль лошадей и выбрала.

– А на Буране можно?

– Не справитесь, девушка.

Анна пожала плечами. Серый в яблоках Буран смотрел неприветливо. Не для развлечения конь. Ему бы в бой... такие и сами из-под пуль уйдут, и седока вынесут...

– Если я его оседлаю – разрешите?

– Он вас покалечит, а мне отвечай.

Анна качнула головой:

– Не покалечит. Держи.

Горбушка черного хлеба, круто посыпанная солью, пришлась как нельзя более кстати. Буран всхрапнул, коснулся ее губами.

– Где седло? – требовательно спросила Анна.

И столько настойчивости было в ее голосе, столько уверенности в своих силах, что Василий Иванович даже и сопротивляться не стал. Просто показал кивком в сторону кладовки.

Анна возилась недолго.

Да, и оседлать коня. И почистить после охоты, и напоить, и... даже лечить случалось. Петер лошадей не любил. А вот Анна любила. Всегда. И на конюшню сама удирала, бывало. Ей за это от матери доставалось, но девочка все равно выбирала моменты.

Да и охота. И выездка. И парад – мало ли где лошади нужны?

Буран попробовал надуть живот, но с Анной этот номер не прошел. И наступить ей на ногу не вышло, и цапнуть за плечо – тоже. Щелчок по носу – не больно, но очень обидно. А вот нечего тут!

Василий Иванович смотрел на это широко раскрытыми глазами. Не ожидал.

Кира тоже была удивлена. А Анна спокойно оседлала коня, потом взяла его за уздечку и повела за собой.

И Буран, вредный, неуступчивый, не признающий практически никого, пошел, словно щенок на веревочке. Аккурат до выхода.

А там...

Кира своим глазам не поверила. Анна словно бы даже не коснулась седла. Так взлетела, словно птица.

– Мам, круто! – ахнул Гошка.

– Иди сюда, – предложила Анна.

Одно движение – и сын оказался в седле впереди Анны.

– Василий Иванович, оседлайте для Киры Белочку и поведите ее на корде, – распорядилась женщина. – Для начинающих в самый раз будет.

– А...

– А мы пару кругов сделаем. Да, Гошка?

– Да, мам!

Вот мальчишка никаких сомнений не испытывал. Это же его мама! Конечно, она должна все уметь, и знать, и вообще быть самой-самой...

Это – его мама!

* * *

Борис Викторович только рот открыл, когда их увидел. Он на ипподром захаживал, бывало, и нрав Бурана знал, и чтобы этот черт в яблоках преспокойно катал и женщину, и мальчика?

Да с него уже сорок потов сойти должно!

Он тут свечки через одну делать должен! Драться, сопротивляться... нет?

То-то и оно, что не сопротивляется. Наоборот, ему это... нравится? Он словно красуется!

Вот Гошка не так уверенно сидит в седле, а Анна... кажется, бокал с водой ей на голову поставь – не шелохнется. Spина прямая, руки уверенно держат поводья, лицо спокойное.

– Борис Викторович?

– Анна, вы...

– Киру я оставила со старшим конюхом. Он ее покатает пока по кругу. Рано ей что-то серьезное.

– А вам?

– Буран не возражает, – коснулась красиво изогнутой шеи Анна.

– Против чего – не возражает?

– Покататься.

Анна чуть шевельнула поводьями, и конь сорвался с места, полетел, словно птица, под восхищенный Гошкин визг, под женский смех... где она так научилась?

Это ведь не в деревне! Если на крестьянских лошадках охлюпкой ездить, такому не научишься! Вот на что угодно Боря сейчас готов был спорить, что Анне и выездка по плечу, и конкур...

* * *

Полчаса.

Потом Анна отправила промерзшего Гошку в маленькое кафе вместе с Кирой. На пару.

Пить чай, лопать удивительно вкусные булочки с корицей, отогреваться. Дети не возражали.

Полчаса – это много на лошади для новичка. А Василий Иванович не удержался. Кивнул Анне:

– Можете показать класс?

Анна только плечами пожала:

– Буран?

Вот чем хотите мог Боря поклясться, что конь... кивнул?

И они показали класс! Буран легко брал препятствия, летел над покрытием, словно птица, Анна даже не замечала их. Словно слилась в единое целое с конем. И не мешала.

Главное, не мешала. Отдавалась бешеной скачке так, словно это была любовь. Сколько Боря ни смотрел, Анна ни разу не коснулась боков коня каблуками. Не пришпорила, не поторопила.

Буран делал то, что хотел, но Анна хотела того же. И вместе они составляли потрясающую пару.

– Вот спорить готов, она и выездку может. Охренеть, мы людей годами учим, а она...

Борис Викторович только плечами пожал:

– Анна у меня много чего умеет.

Анна.

У меня.

И почему-то эти слова звучат очень правильно. Идеально правильно.

* * *

– Аня, офигеть!

– Мам, ты была, как эти... китавры!

– Кен-тав-ры, Гоша.

– Вот! Они самые! Кен-тав-ры!

Анна улыбнулась.

Приятно видеть восхищение в глазах своего ребенка.

– Ты тоже так научишься.

– Правда?

– Мы сюда будем часто ездить, – пообещал Борис Викторович.

Они всласть накатались, пообедали в ресторане, купили детям по несколько игрушек, посмотрели фильм в небольшом частном кинотеатре и возвращались домой довольные до безумия.

День получился действительно замечательный.

И за все это время Борис Викторович ни разу не вспомнил о Лизе. Вот ни разу.

Ни на пять минут, ни на секунду...

Наваждение какое-то! Но ведь полное ощущение, что это был день, проведенный с семьей! И от себя правду скрывать получается все хуже и хуже.

Да, семья...

Валезный. Сарск

– Сколько сейчас у нас людей?

– У нас восемнадцать тысяч человек. У Логинова двадцать две, но там еще корпус Алексева.

– А у Калинина?

– Порядка шестидесяти тысяч.

Валежный помрачнел.

Да, это много. Это очень много, но бить их все равно надо.

– Есть телеграмма от Изюмского.

– Давай сюда.

Телеграмма Валежного порадовала.

Изюмский писал, что напал на Зараево, отбил его у Комитета Освобождения (жаль, поймать комитетчиков не удалось, очень быстро бежали), и он готов двигаться дальше. Людей у него немного, всего тысячи полторы, но если он захочет...

Если Валежный поможет...

Валежный тоже хотел помочь. И сейчас мог это сделать. Вольная была в его руках.

– Телеграфируй Логинову. Пусть поделится.

Армейские склады – штука такая... с них не одну армию обрядить можно – шесть! Если, конечно, как следует потрясти интенданта.

Окрестности Хормеля, Русина

– Братия! Нам великий шанс выпал! Ежели падет Русина, станет свободной наша волость! Станет возможной наша воля! Сами решать будем! Свое государство построим! Вольности ждут! За них бороться будем, братия!

Говорящий взмахнул папашой и спрыгнул с телеги.

Его проводил гром аплодисментов, но мужчина, не обращая на них внимания, подошел к ближайшему костру, уселся, ловко вынул из костра головешку и прикурил папироску.

– Хорошо...

Вино и спиртные напитки он на дух не переносил. А вот табачком побаловаться любил.

– Никон Иваныч?

Рядом опустил парень лет двадцати, уставился на обожаемого вождя глазами преданной собаки.

– Чего тебе, Сенька?

– Никон Иваныч, неужто вольности дождемся?

Мужчина затянулся еще раз. Помолчал немного. И ответил – рассудительно, взвешенно:

– Вольность, Сенька, просто так не дается. Ее с боя брать приходится, как предки наши воевали, как жизнями платили, чтобы их дети выжили. Так и мы...

– Так мы ж всегда готовы!

– Оно так. Но мыслю я, Сеня, другое. Валежный на Звенигород пойдет, это понятно.

Сене это тоже было понятно.

– Пламенный умирать не хочет. Но и войска у него сейчас никакие. После фереев, после Сарска, после Ас-Дархана... нет, с Валежным впрямую и я сойтись побоюсь.

– Вы?!

В глазах Сени было тесно изумлению. Как?! Обожаемый вождь, легендарный уже Папаша, кого-то боится? Да быть такого не может!

– Я, Сеня. Я. Ты учти, на тигра тоже в одиночку не охотятся. Подготовка нужна, а без того завалит тебя кошка полосатая...

Сеня закивал. Понял.

– А тогда как же...

– Думаешь, я своих братьев под пули погоню, чтобы Пламенный себе кусок урвал?

– Нет...

– И на Пламенного не пойду. Валежный коли придет, так о вольности и сказать будет страшно. Вояка же! Он свой порядок наведет!

Сеня и с этим не спорил. А что? Папаша всегда прав! Даже если небо на землю падать будет!

– Я подожду удобного момента. А кого ударить и когда... посмотрим, Сеня. Посмотрим. Пусть братья готовы будут, но спешить в таком деле не след. Тигра надо стрелять, когда он на тебя не смотрит.

Причем – любого. Хоть четверолапого, хоть двуногого...

– Я понял, Папаша! Спасибо!

– А раз понял – иди, погуляй. Дай подумать, – отослал верного оруженосца Никон.

Не то чтобы ему размышлялось о чем-то серьезном. Не сейчас, когда кровь еще кипит после выступления, когда он так завел толпу, что стоять рядом страшно. Нет, не сейчас...

Но Сеньке хотелось побежать к приятелям, пересказать им речи мудрого атамана... пусть. Для популярности такое полезно.

А кроме Сеньки к нему мало кто подойти решается. Сенька же, Валькин брат, на то и назначен при нем оруженосцем. И то дело.

Валька, да...

Чернобровая, черноглазая, с такими формами, что вздохнуть страшно...

А уж норов какой!

Ну, оказался он на речке, когда она белье полоскала. Сказал пару слов... так ведь оценил-то он ее весьма и весьма высоко.

И подумайте!

Баба развернулась да как мокрой тряпкой по нему хлестанула! Да еще раз, да с приговором, мол, ты, бандюга, у меня сейчас получишь! Ишь, пришли, ведут себя, как хозяйева, да еще и язык поганый распускают?! Вы уедете – и поминай как звали, а мне еще замуж выходить! А ну, пошел!!!

Никон и пошел, как царапины зажили. Когтями Валька к нему тогда тоже хорошо приложилась. Свататься пошел.

Родители, конечно, не отказали.

Сейчас Валька жила с родителями – пока, а брат ее, Сенька, был при Никоне. Так оно спокойнее...

Кстати, Никон ему и не соврал ничуть. Все верно, рисковать той парой тысяч конников, которые у него есть, он не будет. Пусть сначала Пламенный оружие какое пришлет, провизию...

Нашел дураков – за его речи головы класть!

Тьфу два раза!

Никон собирался сражаться только на своей стороне. На стороне Хормельской волости. Получится у него оторвать Хормель от Русины – добре будет. Вольность будет, как раньше. Недаром же река Вольной зовется, потому как воля на ней была...

В своих размышлениях Никон не учитывал лишь один важный момент.

Ни одно государство не потерпело бы ничего подобного у себя под боком. Да и Хормель...

В чужом кармане он был способен доиться золотом. Очень уж плодородный край. Но сам по себе...

Одной пшеничкой жив не будешь. А лесов в Хормеле считай что и нет, выхода к морю нет, река Вольная тоже далеко... нет, рано или поздно все бы закончилось очередным присоединением.

Но об этом Никон не думал.

Ему просто хотелось свободы. Для всех. А как это будет выглядеть, он особо не задумывался. Ввяжемся в драку, а там и посмотрим. По ситуации.

Время мутное. Пора рыбку ловить. Большу-ую...

Яна, Русина, Карев

– Ур-р-ра-а-а!

Гошка орал от всей души. А что?!

Выиграл он у Мишки!

Выиграл, понимаете?!

А Мишка старше! Но у Гошки глазомер лучше! И рука тверже, а это немаловажно в такой серьезной игре, как ножички.

– Давайте в морской бой! – предложил он на правах победителя.

Мишка подумал и согласился. Машка радостно запищала. Яна наблюдала за всем этим с умилением.

Несколько счастливых дней. Мало?

Невероятно много.

Навсегда вот эти дни останутся с ней. Легкие, счастливые, когда не ждешь удара в спину, когда просыпаешься оттого, что родной сын ночью пришел к тебе спать и улегся всей тяжестью маме на плечо, насмерть отлежав руку, когда обнимаешь совершенно спокойного и счастливого ребенка, слушаешь его смех, смотришь в родные карие глазенки...

У Хеллы она вспомнит эти дни. И в лютую метель ей будет не холодно.

Яна знала, что впереди у нее тяжелый... год? Нет, уже полгода. Но все равно трудные, все равно ей придется немало постараться, чтобы все получилось. Чтобы пристроить сына, чтобы определить в жизни сестру, чтобы никакая тварь даже глаз в их сторону скосить не смела...

Список тварей выходил впечатляющий.

Именно здесь, у Федора Михайловича, Яна получила то, чего ей недоставало.

Информацию.

Анна, при всей ее высокородности и знатности, не умела правильно работать с газетами. Не знала о статистике, не умела ее правильно применять. А вот Яна могла еще и не такое.

Нет, специально ее не обучали. Но люди на кордоне были самые разные. И слушая, как они обсуждают ту или иную проблему... к примеру, вот в том году был хороший урожай сахарной свеклы, и в этом году он хороший. Образуется избыток сахара. Что с ним делать? Понятно, продать людям, но не снижать же цену?

Нет, конечно.

А вот пустить слух, что свекла не уродилась, и временно создать дефицит в магазинах – запросто. Потом поднимаем цену на сахар, и испуганный народ разматывает сначала прошлогодний сахар, а потом и урожай этого года! Красота!

То же окно Овертона...^[16] Анна была не в курсе. А вот Яне объяснили, как это действует. И хоть стреляйте – против императорской семьи применили именно его.

Первый этап – немыслимо. Свергнуть императора? Да никогда! Ужас-ужас...

Но потом начинается обсуждение данной темы. Пока в определенных кругах, но слова-то сказаны?

Второй этап – радикально. И вот вам первые борцы за освобождение. Первая радикальная группировка. Террористы чертовы, мать их йети!

Третий этап – приемлемо. Да, потом это становится приемлемо. А что такого? Кинуть бомбу в императора? Кидали. Хотя и не в Петера, а в его деда, но ведь кидали же!

Четвертый этап – разумно. Ведь императорская семья действительно правит не лучшим образом, и Петер плохой император, а уж что касается Гаврюши, которого утопить бы в младенчестве, чтобы породу не портил...

Пятый – стандартно. Когда и Петер начал сомневаться, бояться, отрекся от трона... коз-зел!

Шестой – УРА! Кто помнит, что произошло в Зараево? Вот Яна помнила, в нее стреляли, у нее на руках умер Петер, у нее едва не погибла Нини.

Нравится?

Да, это растянуто не на год, не на два, на десятки лет. Это программа, которую Яна спокойно отследила по газетам, по рассказам, по собственным воспоминаниям... ладно, воспоминания были Анны, а ее обработка.

Как с этим можно бороться? Только одним способом. Понимать, что происходит. Как только ты осознаешь, на что направлена пропаганда, ты больше в этом не участвуешь. Более того, ты можешь противостоять этому, можешь бороться, можешь открывать глаза другим людям. Если они захотят услышать.

Федор Михайлович Яну, во всяком случае, выслушал. Проглядел статьи, подчеркнутые карандашом, задумчиво почесал бороду.

– Йэх ты... и кто ж такую пакость удумал?

– А кому выгодно, чтобы у Русины начались проблемы? Ламермур? Лионесс? Борхум? Кому?

– Вот с... самки собаки!

Яна только руками развела. Теоретически обижаться на них не за что. Они стараются для своей страны. Основное правило мировой политики гласит: сожри соседа, усилься сам. Осуждать их не за что. А вот добром за добро отплатить стоит. При случае...

Только вот у Яны такого случая не будет.

Кто еще у нее есть из врагов? Освобожденцы? Это свора собак. Убивать надо не шавок, а охотника.

Да, освобожденцы...

Яна вспомнила ярко-зеленые глаза, вспомнила темные волосы с ниточками седины, в которые было так приятно запускать пальцы... немало времени уже прошло, а своего нечаянного любовника она все равно вспоминала иногда.

Думает ли он о ней? Хоть раз бы подумал...

Он бы смог рассчитаться с Лионессом, получив власть. И Борхуму потом хвост прищемил бы. Но разве можно ему доверять?

Яна посмотрела в окно. Весна, а незаметно. Все серое, грустное, грязное, все еще ждет пробуждения. Ничего, уже скоро из-под земли рванутся зеленые побеги. Это будет ее последняя весна...

И Яна была ей рада.

В лесу она обожала собирать сон-траву. Прострел, ветреница, как ни назови, – самыми любимыми для Яны были не ландыши, не

подснежники, а именно эти хрупкие бархатные цветы. Лиловые, нежные.

Были и желтые, но те Яне нравились меньше.

А вот сон-траву она рвала, ставила букеты в комнате и шалела от ее запаха, как кошка от валерьянки. Как же здорово!

Этой весной она увидит ветреницу. Разве это не чудесно?

А жом Тигр...

Он про нее наверняка забыл. Уже давно. Была и была, ушла и ушла, у него таких любовниц двенадцать на дюжину, неинтересно. И... нет, Яна не отдала бы ему власть над Русинной.

Он бы справился, но какой ценой? И когда обычный, пусть и жесткий и жестокий человек превратился бы в чудовище? В дракона, который что не сожрет, то спалит?

Он мог.

Если бы Яна осталась рядом, если бы могла поделиться опытом, помочь советом... и то! Рядом с такой личностью, как Тигр, даже стоять иногда страшно. Смогла бы она с ним справиться?

Мечта всех дам в романах – мрачный и крутой герой, который со всеми сволочь, а с ними розовая пусечка, но в жизни так не бывает. Если мужчина привык всех давить и подчинять, он и в семье будет тираном. А если женщина превратится в его тень...

Сколько времени пройдет, прежде чем он утратит к ней интерес?

Очень мало.

И все же...

Тигр мог бы справиться. Может, не в одиночку, с хорошей командой, но вот он Русину бы удержал. Потенциал этого невысокого, немногословного мужчины Яна оценила в полной мере.

Мог бы.

Именно он. Яна бы точно не справилась, а раз так, то и братья не стоят.

Грустные мысли развеял Федор Михайлович, который с порога взмахнул маленьким листочком.

– Валежный взял Сарск!

– Оп-па! – порадовалась Яна. – Это кстати! А что еще?

– Логинов захватил Ас-Дархан.

Яна наморщила лоб, но потом решила не трудиться.

– А карта у нас где?

– Прошу вас...

Меншикову было сложновато. С одной стороны – императрица. С другой – от нее же и огребешь, если начнешь величать, как положено, и проявлять почтение. А потом и освобожденцы явятся.

Но переломить себя было невероятно сложно.

Яна это понимала и не давила.

– Пойдем? Посмотрим?

В кабинете купца она взирала на карту, прикрепленную к стене с помощью обычной канцелярской кнопки. Самое забавное, что здесь ее еще не изобрели.

Или Кирстен не родился, или Линдштедт не заинтересовался, или рано еще. Но Федор Михайлович идею оценил, и собирался запатентовать, как только они выедут из Русины. В ней патентные бюро сейчас не работали, увы... [17]

А казалось бы, чего там делать? Кружочек, треугольник – и штампуй! Купец однозначно оценил. И производить будет, и ее величеству процент предложил... смешно?

Смейтесь. Но лишних денег не бывает.

Яна повела пальцем по синей линии реки Вольной, нашла Ас-Дархан, нашла Сарск...

– Валежный, считай, полстраны контролирует?

– Да. Но мы сейчас в другой половине.

– И добираться нам до него еще прилично. – Яна смотрела дороги. – Может, по реке?

– Не в эту пору. Где половодье, где лед еще не сойдет. Весной по реке путешествовать плохо.

Яна вздохнула:

– Тогда... вот так?

– Да. Через Хормельскую волость проще всего. Но охрану придется еще нанять. Человек хотя бы двадцать.

– У вас и так два десятка есть?

– Так ведь волость...

Яна подняла брови, требуя разъяснений. Купец подчинился. Ее величество уже объяснила, что мать и отец считали некоторые вещи... не слишком подходящими для ушей юных благородных девушек. И старались оградить их от правды жизни. Доограждались.

Поэтому Яна просто не в курсе некоторых ситуаций. Хорошо, хоть про секс узнала, а то родители все об аисте да о капусте... поверил ли купец? Во всяком случае, это было логично. Про стерву Аделину и подкаблучника Петера в народе байки рассказывали.

– Хормельская волость, – вздохнул купец. – Место-то хорошее, да вот...

Яна внимательно слушала его рассказ. И думала, что ситуации повторяются из раза в раз.

Считается, что город Хормель – один из первых городов Русины. Первая его столица, Звенигород уже потом построили. И хормельцы на этом основании считали себя первыми, лучшими, требовали себе больше прав и свобод... императоры такого юмора совершенно не понимали.

А агенты Борхума, который как раз был географически близок, этим отлично пользовались. Развлекались, на чем свет стоит, убеждали, деньги платили, императоры это дело попросту проморгали.

Не заметили семян национализма.

Но хормельцы стали поговаривать, что хорошо бы им отделиться от Русины да основать Великий Хормель! А чего?! Ух!

Яна вспомнила кадр из старого фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Когда Федьке прилетело сначала медальоном, потом шапкой, он себя оглядывает – и ух! Приосанивается!

Красава!

Почти царь!

И совершенно не понимает, что не шапка царя делает.

Вот и тут... Хормельцы не понимали, что сама по себе большая область и плодородная земля им ничего не дадут. Веник-то силен в связке. А если ее разорвать да по пруту рассыпать...

Кто там будет Хормель поддерживать?

Да никто!

Он нужен, чтобы отвлекать Русину, ослаблять Русину, тянуть с нее деньги...

Независимость?

Ню-ню. Все равно сожрут, сколько б и кто там ни кричал. Не одни, так другие. Вопрос только, сразу или постепенно. Если правитель будет умный, то постепенно. Если дурак, то практически сразу – для исторических процессов. Лет за двадцать-тридцать.

Можно бы через Хормельскую волость в Борхум. Можно?
Нельзя.

В том-то и дело, что Борхум воюет с Русиной. И на границе там сейчас весело. Не пропустят. Никого.

А еще, если они едут в Сарск, они задевают только краешек Хормельской волости. Небольшой такой. Ну и по границе передвигаются. А если ее пересекать...

Тут Федор Михайлович даже затруднялся сказать, какой отряд нужен. Незаметно они не пройдут, не с четырьмя детьми (даже если Потап настаивает, что взрослый). А чем больше отряд, тем больше будет желающих его пощипать. Нет, не стоит нарываться.

– Значит, Сарск. А потом в Герцогства.

– Да, тора.

Яна только вздохнула, водя пальцем по карте.

Да, национализм.

Во времена оны они с Сережей были в Крыму. Там на националиста и наткнулись. Узнав, что они русские, дурачок начал качать права, заломил им цену втрое...

Сережа хотел полезть в драку. Яна задала только два вопроса.

– Киев – мать городов русских?

– Да, – ухнул с головой в волчью яму бедный националист.

– Достойно ли матери так вести себя с детьми? Даже если дети – балбесы.

Бедняга как рот раскрыл, так и стоял молча. А что тут скажешь? Верно все. Если ты старший, если ты себя таковым считаешь, разве подобает тебе такое поведение? Яна и сама ушла, и Сергея утащила, а торговец так и стоял. К нему в голову заглянула мысль. Бывает...

На следующий день Яна получила у него пятидесятипроцентную скидку. Видимо, националист был не клинический. А вообще, мерзкое это... качество? Да вроде как не уродство, не заячья губа, ладно – мерзкое состояние души. Что-то вроде последней стадии сифилиса, когда уже и нос отвалился, и всем это видно.

Из Яны отец это быстро вытряхнул еще в молодости, популярно объяснив, что порядочность – понятие интернациональное. А если перед тобой хороший человек, какая разница, на каком языке он говорит, какого цвета у него кожа, где он живет...

Но некоторые упорно определяют порядочность по территориальному признаку. Забавные.

– Федор Михайлович, когда мы поедем?

– Думаю, недели через две. Как раз обстановка немного прояснится – и вперед.

Яна подумала пару минут.

– Отлично. А заказ можно сделать?

– Какой, тора?

– Пару револьверов. И штук пятьсот патронов.

– Конечно, тора. А вы...

Яна пожала плечами:

– А я буду отстреливаться до последнего. Врага. Поэтому надо, чтобы патронов хватило.

А вот что она собирается вооружить Топыча и Гошку, она никому не скажет. И мальчишкам говорить запретит. Даже Мишке и Машке.

Это не вундервафля, но в нужный момент тоже может сработать. А серьезное отношение к оружию Яна детям уже прививает. Даже привила.

Ножички, знаете ли...

Смертельно не порежешься, но с оружием обращаться научишься. Неохота делать ребенка убийцей, но убитым его увидеть не хочется еще больше.

Яна твердо знала, что она может дать сыну.

Умение защищать себя. И отсюда – выжить в любой ситуации. Так, как выжила она. Так, как не смогла бы выжить Анна.

Пятьсот патронов?

Да! И пусть враги закончатся быстрее!

* * *

Была в бочке меда и ложка дегтя. А именно...

– Тора Яна! Мое почтение!

Михаил Федорович Меншиков. Болезненный и избалованный недоросль аж двадцати шести лет от роду. Яна смотрела и думала, что почтенный купец не иначе как был крепко орогачен супругой. А иначе как у него могло на свет появиться ЭТО?

Они даже рядом не смотрелись как родственники! Вот Марфу Яна помнила, кровь с молоком, крепкая здоровая баба, сбитая такая, есть за что подержаться. Бедром заденет – на три метра улетишь.

А это?!

Стоит, понимаете ли, дрыщ!

Вот не было у Яны иного слова! Не было! Здоровущий, высокий, на полторы головы выше ее молодой человек походил на журавля. Ноги длинные и тонкие. Попа массивная, почти бабская, на груди «киль» выдается, как у той птицы, а головка маленькая. Зато нос вдохновенный. Таким и Буратино не побрезговал бы.

Добавляем жидкие каштановые волосы, голубые глаза (копия отцовских, но мало ли у кого голубые глаза?), манеру по-идиотски улыбаться и наклонять голову – и портрет готов. А, еще домашняя одежда молодого человека из приличной семьи.

Яна такое впервые видела. Жом Тигр, кстати, либо надевал длинные брюки и мягкие домашние туфли, либо сапоги и бриджи, которые шикарно смотрелись на его ногах. Надо отдать освобожденцу должное: ноги у него были пропорциональные. Не короткие, не кривые, а очень даже стройные и симпатичные... и не только ноги.

Яна тряхнула головой, отбрасывая неуместные воспоминания о том, как один уважаемый жом из семейства кошачьих среагировал на эротические приемы двадцать первого века, и прищурилась.

– Мое почтение, жом.

Вот ведь проблема!

Сказать правду Михаилу его отец попросту не мог. Не хотел рисковать. О таких вещах до поры и подушке-то шепотом не скажешь! На исповеди промолчишь! А слово «нельзя» недоросль в упор не понимал. Он же всегда получал, что хотел.

В том числе ему хотелось Яну.

Жом Михаил не видел себя женатым на купчихе. Вот никак не видел... вполне взаимно, кстати. Что там у него болело? Яна не особенно выясняла, вроде как мигрени случались. Или поносы. Что-то такое, не требующее серьезного лечения, но позволяющее требовать особого отношения.

Потом уж Федор Михайлович проговорился и очень просил ее величество не убивать дурачка, помиловать, Творца ради!

Жом Михаил в детстве переболел свинкой. С осложнением... да, именно туда. Живи он в двадцать первом веке, это не стало бы серьезной проблемой. Исследовали бы, отловили всех живых головастика, устроили искусственное оплодотворение. Но здесь и сейчас?

Разве что чудо. А так парень был обречен на бесплодие.

Потому и сидел купец в Русине, потому и не уезжал, потому и ждал детей. И поверить сначала боялся... чего уж там! Прохор Игнатьев, когда эту ситуацию просек, тестя начал слегка... нет, не шантажировать. Но были неприятные звоночки, были. Других-то внуков у него нет. А Прохору хотелось самостоятельности, свое дело открыть хотелось, своим умом жить, а если бы рядом с Федором Михайловичем, купец бы зятя под себя подмял рано или поздно. Скорее рано, чем поздно.

Умен человецище.

Потому и Мишку с Машкой Федор Михайлович видел раз в год, максимум два. И то ненадолго. У зятя приехать времени не бывало, а Марфа надолго мужа не оставляла. Любила она его. На недельку приедет, внуков покажет, да и домой обратно. Это не двадцать первый век, там расстояние от Москвы до Крыма можно за тридцать часов проехать, ну, плюс-минус. А это полторы тысячи километров.

В Русине такие номера пока недоступны.

Им сейчас до Сарска тащиться как бы не месяц. Ладно, может, и меньше, но тут как дорога сложится. Да, и дорог тут приличных нет. Асфальтированных.

Направления есть. Иногда грунтовые, щебеночные, песчаные... но все с такими ямами, что в них гараж спрятать можно.

Но к жому Михаилу это никакого отношения не имело. А сам жом уже завладел Яниной ладонью и намеревался ее поцеловать. Руки у него, кстати, были холодные, как лягушачьи лапы. И такие же неприятно влажные.

– Жом, мне достаточно словесного выражения почтения.

– Тора Яна, мое восхищение вами столь велико...

– Жом Михаил, короче!

Жом вздохнул, сетуя на несовершенство мира и отдельных глупых тор.

– Тора Яна, вы не хотите составить мне компанию?

– Где именно?

– В библиотеке, тора. Я нашел изумительный сборник стихов Аллейши Лав...

Дальше Яна и слушать не стала.

– Не хочу.

– Мне казалось, что такая вдохновенная тора, как вы, должна оценить нежность любовной лирики, – надулся жом.

Яна фыркнула. А потом... потом не удержалась. И немножко изуродовала Пастернака. Да-да, то самое. «Любить иных тяжелый крест».

А чего там помнить? Три четверостишия, все лаконично, конкретно, а главное – доходчиво. Вот и жома пробрало. Стоит, глазами хлопает.

Яна и ждать не стала, пока парень опомнится. Чего ему объяснять?

Развернулась, да и к детям. А этот дружок...

Не был бы он таким дурачком! А то ведь решил как? Тора, отец ее принял, сын уже есть, Мишку с Машкой любит, еще детей не захочет, а положение в обществе, может, и деньги есть – надо брать!

Так-то все логично. И спесь свою потешит, и всем носы утрет, и будь Яна другой...

Да, будь Яна другой... А ей вспоминаются зеленые глаза, и сердце в диком стуке заходится. Враги они. И ничего с этим не поделаешь, враги. Только вот злиться на него не получается. И улыбка на губы ползет, и хочется рядом оказаться... ну хоть на минуточку. Хоть попрощаться.

Все Яна понимала – и что не надо, и нельзя ей, и подло давать человеку надежду, когда до смерти меньше полугода.

Но ведь весна на дворе! А сердцу не прикажешь! Как Асадов писал? Кстати, хоть и по другому поводу: «Сердце грохочет, стучит в виски, взведенное, словно курок нагана...»

Все верно. И сдаваться – рано!

Любовь?

Смеяться изволите, какая любовь, когда Хелла?

Но кто бы Яну спрашивал?

Глава 7. Ты не слыхала? Ветер, наверно, знает, что она там шептала

Дмитрий, Русина

Картины из преддверья ада.

Дмитрий был атеистом. Последние лет так... да с детства он им был! Еще с того момента, как застал священника со своей матерью в интересной позе. Какая уж тут вера, когда воплощение оной изменяет жене, пользуется прихожанок, не брезгует взятками...

А потом жизнь так замотала-закрутила, что в церковь Дмитрий мог наведаться только по работе. Прикинуть, как расположены опорные колонны, какой фундамент, сколько взрывчатки надо, куда ее лучше заложить...

Но сейчас вспоминались те, детские страхи. Те рассказы из Книги Творца. И ужас к горлу подкатывал.

Темный, мрачный...

Трупы.

Много трупов, которые не успевают убирать. Мужчины, женщины, дети...

Вороны. Много ворон. Жирных, отожравшихся на падали. Они сидят на крышах домов, на заборах, они мерзко каркают, подчеркивая разруху и запустение...

Вооруженные люди.

Не так чтобы много, но они расхаживают по улицам, посверкивая некогда белыми, а теперь грязно-серыми тряпками на рукавах.

Символ Освобождения.

Выбитые окна, заколоченные двери домов...

Звенигород, яркий, веселый, красочный, чуточку легкомысленный, как двадцатипятилетняя кокетка – «Я ведь хороша, не правда ли?» – превратился в старую каргу. Жуткое чудовище из жутких сказок.

Люди...

Есть и живые. Не освобожденцы. Кто-то прячется, кто-то просит милостыню, кто-то...

Дмитрий сунул руки в карманы.

В этом городе он задержится. Поработает... не для Валежного, просто – из... из чего?

Не сострадания, не милосердия. Но те, кто сотворил такое... должны ли они жить? Можно возразить многое. И что отречение Петера инициировали его же министры, и что освобожденцы просто подняли то, что валялось, и они просто не справляются пока, и переходный период...

А вот вас бы носом! В нечистоты на мостовой!

В труп старухи с выклеванными глазами. Явно упала и уже не могла подняться, сил не хватило... а судя по дорожному пальто, она была не из бедных.

В...

– Документики попрошу!

В патруль освобожденцев. Стоят тут, два здоровых лба. Сытых, довольных жизнью, смотрят, словно им ничего не угрожает... надо разочаровать. Но не сразу, нет.

– Какие именно? – невинно уточнил Дмитрий. – Паспорт?

– Разрешение на проживание в Звенигороде с отметкой комендатуры, – ухмыльнулся тот, который постарше. – Ну и паспорт, да...

Дмитрий откровенно поднял брови:

– Я похож на гулящую бабу?

Раньше такое разрешение тоже требовалось. Так называемый «розовый билет» выдавался гулящим девкам. Но сейчас? Что за бред?

Парни заржали уже вовсе откровенно. Дмитрий рассматривал их спокойно, даже с интересом. Бояться? Кого, этих двоих? Тот, что постарше, явно сидел. Видно же...

По синим татуировкам на руках, по цепкому взгляду, по тому, как держит оружие, нож ему явно привычнее винтовки. Младший – тот вообще из крестьян. Тоже руки выдают. Мозолистые, натруженные, на земле работать – не бумажки перекладывать. Тут и походка особая будет, и осанка...

Пооди походи за сохой да за скотиной.

– Теперича такие бумажки всем требуются, – разъяснил старший, отсмеявшись. – Ты, мил-человек, пошел бы в комендатуру, получил бы там вид на жительство, да и жил себе спокойно.

– Могу и сходить, отчего не сходить? – согласился Дмитрий. – Куда?

– Давай, дяденька, мы тебя проводим? – предложил младший.

– Давайте, – согласился Дмитрий.

– Прошу, – показал старший.

Дмитрий сделал несколько шагов по улице, освобожденцы сопровождали его, потом уточнил, куда дальше, свернул в переулок...

Не ждал бы подлости – так и закончил бы там диверсант свою историю. Но Дмитрий был уверен, что спокойно ему пройти не дадут. И дождался.

Ножа под ребро в темном переулке, или подворотне, или где там эти сволочи поудобнее место найдут, чтобы труп обобрать... наивные!

Митя качнулся вперед, ушел от ножа, перехватил вытянутую в движении руку – и одним резким движением сломал ее об колено. Вой старшего показал, что все сделано верно.

– Т-ты это... н-не балуй...

Младший попытался вскинуть ружье, но Митя с подонками отродясь не церемонился. И влепил ему с размаху. Сначала по руке, потом в живот, а потом просто подошел и добил. Коротко, расчетливо, ударив ножом в горло. Чтобы не кричал, и так нашумели.

Паренек обмяк, и Митя обратил внимание на второго. Уголовник еще от перелома не оправился, больно же, когда кость – пополам, но уже пытался отползти. Зря.

Митя потыкал его ногой.

– Расскажешь, что спрошу, – жить останешься. Расскажешь?

Еще бы он не рассказал. Из уст Сиплого, так звали негодяя, полились целые потоки информации. Пусть перемешанные с грязью, пусть кое-как выраженные, Митя умел работать с чем и с кем угодно.

А информация оказалась неутешительной.

Власть в Звенигороде была. Была даже в его окрестностях. Освобожденцы старались навести порядок... как они его понимали. То есть указания раздавали не самые глупые.

Ввести патрулирование улиц, к примеру, раздавать хлеб, хотя и понемножку, наладить сообщение...

Подвело исполнение. Можно ввести патрулирование улиц, но если в патруль входят такие, как Сиплый, понятно, что работать они будут в свой карман.

Можно раздать хлеб честно, а можно и себе урвать малую... немалую толику.

Можно честно проверить документы и отпустить человека, а можно и вот так. Завести куда-нибудь в тихое место и прикончить. Потом обобрать труп – и пусть валяется в канаве. Много их тут таких... валяется.

Знал ли об этом Пламенный? Конечно, знал! Он же не дурак! Но... ему-то ничего не угрожало! А остальным... будем считать это платой за его, Пламенного, безопасность. Ведь кто шел в Освобождение? Крестьяне вчерашние. Уголовники всех мастей и видов, те, кто был по какой-либо причине недоволен властью... да, таких было много. Но причины у всех были разные. А если в связке окажется какой-нибудь прекрасодушный идеалист и вот такой «Сиплый», кто будет управлять?

Понятно, не идеалист.

Митя слушал внимательно. Запоминал количество патрулей, улицы, по которым они ходят, частоту пересменок, вооружение... ему это для работы пригодится.

Сиплого он потом добил. Уголовник пытался умолять, потом дернулся, но было поздно. Митя никого миловать не собирался. Не стоит оставлять живых свидетелей.

А пока надо найти себе жилье на несколько дней. Как-то переночевать, поесть...

И присматривать себе местечко под склад. Скоро прибудет его заказ. А там и за работу...

Сергей Цветаев, Швейцария

Сережа Цветаев лежал и смотрел в окно.

Ему было грустно и тошно. Врачи и медсестры выполняли любое его желание. Бегали вокруг на цыпочках, кланялись чуть ли не в пояс...

Наверняка мать платила бешеные деньги за каждый день его пребывания здесь.

А толку?

Недавно он подслушал разговор двух сестричек.

Забавно. Швейцария, частная клиника, бешеные деньги и такая же бешеная охрана, тайна имени, диагноза и полная конфиденциальность всего прочего.

И что?

Все одно медсестрички сплетничают.

Вот и эти две свистушки обсуждали именно его. Сережа знал французский язык, может, и не сошел бы за своего во Франции, но объясниться мог. Он понимал, его понимали... давно это было. Кажется, в другой жизни.

К языкам у него были хорошие способности. Жаль, куда-то все ушло... сам виноват. Все пролюбил, прогулял, проширял...

Смысл беседы был прост.

Девушки размышляли, что у него раньше откажет, и жалели молодого парня.

Печень, почки, сердце... наркота очень неплохо подсадила ему все органы, но вот это – особенно... Инфаркт.

Или почки откажут напрочь, или печень наконец помрет... Или тромб какой оторвется? Сосуды-то вообще никудышные, может, и сосуд лопнет...

Сережа это сам понимал. И было ужасно грустно. Чем-то его накололи таким, что боли он не испытывал. Да и реальность – словно под местным наркозом. Как-то заторможенно...

Жизнь – прошла.

Мысль оставляла на языке горечь.

Жизнь прошла, а что он в ней сделал? Мечтал ведь изучать растения, собрать гербарий на Амазонке, может быть, найти что-то новое... кому, как не Цветаеву, и заниматься цветами?

И все куда-то ушло.

И вспомнить толком нечего.

Пьянки и гулянки? На которых все лица сливались в одно, все бабы были одинаковы...

Яна.

Сережа помнил, как они познакомились. Помнил каждую минуту.

И как у них впервые случилось – тоже.

Он себя считал крутым парнем, самцом, в постели с которым каждая поймает оргазм просто от счастья. Обнимет – и готово!

Это же ОН! Он снизошел до дурехи!

А Яна этого почему-то не поняла. Ей было больно. И кровь была... а он себя чувствовал ужасно гордым! Он у Яны первый!

Понимаете?

Первый. По-настоящему!

Потом ей стало хорошо с ним, но это уже потом. А еще потом...

Беременность.

Кто из них был неосторожен? Он? Яна? Вроде бы предохранялись с двух сторон. И таблетки Яна пила, которые ей подобрали после сотни анализов в частной клинике, и он старался не забывать волшебные изделия.

И все равно...

Не убереглись.

А дети ему были не нужны. Сережа хотел еще пожить для себя. Ну хоть годика три-четыре! Потом-то понятно, можно и родить...

А пока – зачем?

Куда с детьми на Амазонку?

Примерно это он Яне и сказал. А что такого? Миллионы баб и залетают, и делают аборт, и не делают из этого никакой трагедии! И рожают потом как кошки!

Тоже мне, проблема!

Но Яна ТАК смотрела... словно у нее на глазах Сергей превращался в аскариду. Или бычьего цепня.

Конечно, Сережа оскорбился!

Он!

Эту деревенщину!

В люди вывел, человеком сделал, обул-одел... и такое отношение?! Знаешь что, дорогуша? Иди на фиг! А одумаешься, так придешь. Дорогу помнишь?

А Яна взяла и пошла.

Взяла академический, ушла из института и от Сережи ушла, как отрезала...

Сережа не хотел сейчас лгать себе. Нет, не сейчас и не здесь. Не после того звонка.

Когда Яна ушла, он обиделся. И решил ей что-то доказать. Может, что прекрасно проживет без нее. Может, что она еще пожалеет.

Может...

Может, кинься он тогда ей в ноги, простила бы? И повернулась бы судьба иначе? Теперь уж не узнать. Никогда не узнать.

Да и сам он не знал, что заставило его пуститься во все тяжкие. Вседозволенность и безнаказанность? И это тоже, безусловно! Да у него таких, как Яна, сотни будут! Причем – сотни тысяч!

А оказалось...

Он даже не знал, что Яна родила сына. Не интересовался.

Или – не интересовало?

Сначала что-то доказать хотел, потом закрутило, а когда перешел на наркоту, и вовсе ни до чего и ни до кого стало... так все и рухнуло в пропасть.

И он тоже...

А что он может сделать для Яны?

Для сына?

Ну хоть бы что-то...

На память пришел сюжет какого-то фильма, виденного уже очень давно. В котором герой, умирая от рака, записал для будущего ребенка видео с собой в главной роли. Разговаривал с ним с экрана, ну чтоб сын хоть как-то отца знал... [18]

Может, и ему так сделать?

Хотя бы попробовать?

Сереза протянул руку к кнопке и вызвал медсестру. Сообщил о своем желании.

Та подумала и вызвала доктора.

Моложавый мужчина лет пятидесяти долго смотрел показания приборов, о чем-то думал...

– Серж, вы понимаете, что эти записи не будут иметь официальной силы?

– Мне и не надо. Но пусть сын хоть меня увидит живым. И запомнит...

– Хорошо. Полагаю, мы сможем вам помочь. Регина, пожалуйста, обеспечьте камеру, внешний вид... за пару часов управитесь?

– Сейчас? – едва не запаниковал Сергей.

– Почему нет? – удивился доктор. – Вы в неплохой форме, вы сейчас на обезболивающих, сидеть сможете, так чего тянуть?

Сережа пожал плечами:

– Тоже верно.

И у него еще два часа. Успеет придумать, что сказать сыну.

Сыну...

– Эту запись отдать вашей матери?

Сережа замотал головой. Кстати – зря. В черепе словно петарда разорвалась, даже зажмуриться пришлось на пару минут, чтобы все улеглось.

– Нет. Я понимаю, что она платит, но... я бы хотел, чтобы эту запись переслали моему сыну. Я напишу телефон Яны, его матери... можно?

Врач пожал плечами:

– Не вижу ничего невозможного. Пишите телефон и имя. Это в России? Верно?

– Да, доктор. Спасибо вам.

– Не стоит благодарности.

Доктор вышел, унося с собой лист с телефоном и адресом. А Сережа готовился к съемке и вспоминал.

Сильное гибкое тело. Блестящие волосы. Громадные карие глаза...

Ох, Янка!

Спасибо тебе, дикая лесная рысь! И за то, что ты была в моей жизни, и за сына...

Когда-то я думал, что ты меня не стоишь, и пытался поднять тебя до своего уровня. Вот идиот-то!

Это я тебя не стою...

Хорошо, хоть понял... перед смертью. Не до конца опозорился.

* * *

Одно видео Сережа записать успел. Хорошее, почти двухчасовое. И говорил, и говорил... но медсестра не стала его перебивать. Доктор запретил.

А больше и не получилось.

Той же ночью у Сержа Цветаефф, как его именовали в лечебнице, лопнул крупный сосуд в мозгу. Да так неудачно... или удачно?

Овощем Сережа не стал.

Но и спасти его не удалось. Мужчина был среди ночи доставлен на операционный стол, где и скончался, несмотря на все усилия врачей.

О чем медики и сообщили Ольге Сергеевне.

А вот о видеосъемке как-то забыли...

Не до того было. А потом как-то и дела закрутили...

На лист с телефоном доктор наткнулся только через несколько дней. Подумал – и позвонил. Некоторые обещания надо выполнять.

Да и не нравилась ему Ольга Сергеевна. Не у всех больных родственнички такие, но эта... она же сына и растоптала вконец! И довела!

Именно она!

«Что ж, неизвестная мне Яна. Я отправлю тебе эту запись... что бы там ни наговорил несчастный. Пусть будет по его желанию. Последнему».

Ида, Свободные герцогства

– Жом Константин, добрый день.

– Здравствуйте, Ида.

– Я смотрю, у вас были посетители?

Ида перевела взгляд на букет, стоящий на столе.

– Нет, Ида. Это вам.

– Мне?!

Нежно-розовые розы были прекрасны. Не колючий веник из палок и жалобно остриженных листьев, а аккуратный небольшой букет из кустовых розочек. Но Ида его размерами не обманулась, в цветах она разбиралась отлично.

Букетик стоит очень дорого.

– Прелесть какая!

Палату наполнял нежный запах роз. Яркий, чувственный... словно сама весна, он кружил голову, заставлял думать о счастье.

– Мне бы хотелось нанести вам визит, Ида. Вы позволите?

– Пожалуйста. Вы знаете мой адрес?

Жом Ураган только улыбнулся.

И адрес, и семейное положение, и сплетни, и... нет, с сестричками милосердия он не спал. Зачем? Пара монет, и ему все выложили. С поклоном подали на тарелочке. И было этого «всега» очень и очень мало. На той же тарелочке и поместилось бы.

Ни о родных, ни о близких, ни о прошлом Иды никто не знал. Может, оно и к лучшему.

– Знаю. Меня сегодня выписывают. Если я приеду вечером, вы не будете возражать?

Ида качнула головой:

– Буду рада вас видеть, жом Константин.

Они обменялись еще несколькими любезностями, и Ида отправилась работать. Зато в палату вошел доктор Рагальский.

Вел он себя вполне вежливо и корректно, осмотрел ногу Константина, пощупал место перелома...

– Не болит?

– Нет.

– Пожалуй, можно вас выписывать. Сегодня, после обеда. Можете начинать собираться.

– Благодарю.

– Хорошо, когда человек выздоровел, правда?

Станислав выпрямился. Вот так, стоя, он был даже выше Урагана. Но оппонента это обстоятельство не смущало.

– Хорошо, – благодушно откликнулся он.

Стас продолжал давить взглядом... наивный! Повезло ему, что здесь Герцогства, встретиться они в Русине, от несчастного и шкурки не осталось бы. Константин его просто не считал соперником. Вот еще! Пф-ф-ф!

– Хорошо, когда он может вернуться к себе домой.

– И это тоже.

Станиславу надоело первому. Или просто он понял, что Ураган на него реагировать не станет. Никак.

– И оставьте в покое Иду. Девушке еще только вас не хватало!

– После вас? – невинно уточнил Ураган.

– Я... это не ваше дело!

– Вот именно. И наши отношения с Идой вас тоже не касаются.

Пока еще Константин контролировал себя. Помнил, что убивать врача нехорошо. Он ведь тебя лечит... с другой стороны, его уже вылечили. Так что последствий никаких не будет...

Станислав пересилил себя. Разжал кулаки, которыми с удовольствием врезал бы по роже соперника, да не один раз! И не два даже! И заговорил уже тише:

– Да, я заинтересован в Иде. Неужели вы не понимаете? Вы из Русины. Из страны, в которой сейчас невесть что творится, в которой нет и еще долгое время не будет порядка, стабильности, спокойствия. Что вы хотите сделать? Утащить девушку за собой? Туда, откуда она один раз уже чудом спаслась? А второй раз ей может и не повезти так. Вы ходите по краю пропасти, но она... она сорвется вместе с вами. Не мучайте ее, не разбивайте сердце...

– А если я решу остаться в Герцогствах?

– Не решитесь.

Константин вздохнул. Ну, раз уж пошла такая пьянка...

– Чем ты думал, пилюля, когда с Леоной спал? Когда Ида вас увидела? Думаешь, ей легче было?

Станислав не отвел глаза в сторону.

– Я ей не нужен. Но и ты тоже ей не нужен.

– А кто нужен?

– Кто-то лучше нас. Добрее, умнее...

Константин издевательски рассмеялся в лицо доктору.

– Да неужели? Ты спирта, что ли, хлебнул, пилюля?

Удар у Стаса оказался хорошо поставлен. Но кулак доктора не долетел до цели. Константин перехватил, зашел мужчине за спину. С ним такие номера уже давно не проходили, лет двадцать как.

– Пусти, – прошипел Стас.

– Пущу сейчас. Запомни, пилюля, а то так и будешь локти кусать. Женщине не нужен кто-то умнее, добрее или красивее. Женщине нужен тот, кто сможет защитить. И ее – и детей.

– Ты, что ли?

– А ты ее защитить сможешь?

Станислав пожал плечами. Мол, а от чего?

От чего надо защищать молодую даму, у которой есть все? Молодость, красота, благородство, деньги... самая ее серьезная проблема – туфелька ногу натрет. Или Полкан блох подцепит.

– Понятно, – не стал усугублять молчание Константин. И пальцы разжал. – Иди с миром.

– Иди ты сам...

Стас из палаты вылетел как ошпаренный.

А Константин в ней остался. Но чувствовал себя не лучше соперника.

Это перед ним можно хорохориться, а себе-то надо сознаваться. Он прав. Он во всем прав... тянуть Иду в Русину?! Это убийство.

Но и отпустить ее Ураган попросту не мог. Только не ее.

Нет, невозможно...

* * *

Вечером жом Ураган переступал порог тихого уютного домика. И лишний раз убеждался в правоте доктора.

Вот как есть – царство покоя и безмятежности. Все небольшое, чистенькое, очень аккуратное, цветы в вазах, запахи такие вкусные, кажется, это выпечка с ванилью (свои слабости есть даже у непробиваемых Рыцарей), слуги доброжелательно улыбаются, сама Ида в светло-розовом платье, словно цветок.

– Вы сегодня восхитительны! – вырвалось у Урагана. Непроизвольно.

– Благодарю вас, жом. Вы не хотите разделить со мной ужин?

Константин хотел. Ему целый день кусок в горло не лез, когда еще и поужинать... тем более что и приготовлено, и сервировано было просто чудесно. Баранья нога почти таяла во рту, овощи аппетитно хрустели, вино было выше всяких похвал.

Потом последовал кофе, потом Константин и Ида переместились в гостиную, где жому был предложен дубовик, сигара...

Жом отказываться не стал.

Но и пить тоже. Посмотрел на дубовик, понюхал его, поставил рюмку на стол и выпалил, словно в воду бросаясь:

– Ида... я вас люблю.

Рыцари даже драконов не боятся, но с рептилиями попроще – лупи, да и все. А тут слова ж, чувства... а женщины вообще странные существа. И все понимают совершенно не так.

Ида вздохнула.

Она предполагала, что этим разговор и начнется. Предполагала.
Боялась?

Да, безусловно. Но не по той причине, которую мог предположить Константин. И поэтому решила сделать шаг навстречу.

– Константин, я не стану скрывать, вы мне тоже небезразличны.

Жом Ураган чуточку расслабился. Небезразличен, это уже надежда. Это не решительное «вон отсюда!», а ведь и так могло бы случиться.

– Но? – уточнил он. Осторожно так, не спеша.

– У меня есть определенные обязательства, которые я должна выполнять.

Жом перевел дух. Это звучало намного лучше, чем другие причины, которые он успел вообразить.

– Ида, я могу спросить вас?

– О том, что это за обязательства? Что от меня требуется, что будет?

– Да.

– Можете.

Ида задумчиво перебирала пальцами носовой платочек. Формулировала мысль. Даже ей было сложно объяснить все Константину.

– Жом Константин, я дала слово своей сестре.

– Слово?

– Что дождусь ее в Герцогствах. Яна сейчас в Русине, и, пока она не вернется, я не смогу располагать собой свободно.

Ураган едва не фыркнул. Вовремя опомнился.

– Тора Ида... Ида, вы позволите вас так называть?

– Да... Константин?

– Ида, милая, я могу помочь вашей сестре. Как ее зовут и где я могу ее найти?

Ида рванула платочек. Не нарочно, просто руки зажали своей жизнью.

– Константин, это достаточно сложная семейная история. Так получилось, у Яны есть ребенок, который до недавнего времени жил с отцом. Сестра отправила меня в Герцогства, а сама поехала за сыном. Я не знаю ни где она, ни что ей угрожает – ничего не знаю! И вы

помочь не сможете. Как вы себе это представляете? Сейчас, в *нынешней* Русине?

Ураган задумался.

– Яна Петровна? Воронова?

– Все верно.

– Если мы встретимся, я сделаю все, чтобы помочь ей и переправить к вам. Даю слово.

Ида вздохнула:

– Яна сказала – ждать до следующей зимы. Если от нее не будет весточки, если она не придет, я вольна располагать собой. Просила учиться, найти себе занятие по душе. И да, не торопиться с замужеством...

– А я только решил, что ваша сестра очень умная женщина, – подколот Ураган.

Ида улыбнулась.

– Яна действительно умница. Мне до нее далеко. Скажу больше, если бы не сестра, мы бы сейчас не разговаривали с вами. Она мне жизнь спасла. Буквально на себе вытащила... вылечила, придумала, как меня вывезти из Русины. Не будь ее, я была бы уже мертва. Я обязана ей жизнью, и она может располагать мной, как пожелает. Это правильно.

Ураган молча взял холодные тонкие пальцы Иды в свои ладони, подышал на них, согрел...

– Ида, вы чудесная.

Девушка очаровательно покраснела.

– Это я вас недостоин.

Никогда и никому Ураган этого не рассказывал. А сейчас вот... прорвало?

Нет. Просто ему хотелось не формальную семью, а настоящую. Ту, в которой все можно доверить супругу – или супруге, ту, в которой двое знают друг о друге практически все, ту, в которой не таят секретов и не прячут камней за пазухой.

Не просто семью для галочки.

Нечто искреннее. Когда весь мир идет на тебя войной, как никогда нужен крепкий тыл. А потому... Если Ида решится связать с ним жизнь, она должна знать о нем все возможное.

И о его происхождении, все же он тор Ровенский, и о том, как он собирался служить Творцу, как поступил в духовную семинарию, но по живости характера хотел справедливости не там, на небе, а здесь, на земле...

Там он и связался с освобожденцами. Поверил в их идеи, вел пропаганду среди заводских рабочих, за что его и арестовали. Сослали на рудники, оттуда он бежал и потом отдавал все силы на благо Освобождения.

Несколько раз его арестовывали. Он бежал и снова включался в работу. Листовки, агитация, а иногда и террор, да...

Впрочем, у Урагана были и жесткие правила. Не убивать женщин и детей. Отречение Петера он как раз в тюрьме встретил. Пламенный выпустил.

Сейчас под его началом Внутренняя Охрана. То есть – ему действительно доверяют. Пламенный, Тигр, остальные... именно ему.

Ида молча слушала. А потом...

– Кто приказал убить семью императора?

– Пламенный.

– А выполнял?

– Тигр...

Платок все же был разорван на мелкие клочья.

– Вы, Константин, не причастны к этой трагедии?

Так легко было бы соврать... Константин уже понял, что для Иды это личный вопрос. Очень легко. Но рано или поздно правда все равно выплывет наружу.

Константин не хотел начинать семью со лжи.

Не хотел грязи в отношениях с Идой. Или она примет его таким, какой он есть, или...

Лучше тогда никак. Это привычнее. А обманывать себя, обманывать ее... нет, на это Ураган не готов был пойти. Это его сломает вернее любой каторги и пыток.

– Ида, я не стану скрывать – причастен. Ровно в той мере, что и остальные освобожденцы. Петер был слабым правителем, который губил республику. Я не убивал его сам, но считаю, что убили его правильно.

– Вот как?

– Плохой пекарь быть может. Плохой портной, плохой бухгалтер... они либо ничего не заработают, либо попадут в тюрьму и искалечат свою жизнь. Понимаете, Ида? Свою... За плечами Петера были сотни и тысячи... даже сотни тысяч искалеченных жизней. Его указами, его войнами, его глупостью искалеченных...

До Зараево Ида бы и слушать не стала. Вот еще!

А сейчас... в том-то и беда, что Яна говорила примерно то же самое. Объясняла, пока тащила Иду по полям и лесам. А что еще было делать двум девушкам? Только разговаривать.

Яна и постаралась вправить мозги сестре.

Понятно, никому умирать не нравится. А тем, кто по вине Петера оказался на фронте? Полуголодным, полуодетым... Или крестьянам, из которых последние соки выжимают? Или... да долго можно было перечислять.

Ураган говорил то же самое. Как это ни горько было признавать Иде.

А еще...

Прямо он виноват не был. А косвенно... так половину Русины возненавидеть можно. К тому же Ураган рассказывал о том, как тяжело сейчас в Звенигороде, как там воруют, как он пытается навести порядок, как они с Тигром закупили зерно, потому что ожидают голод...

Для этого синдрома никакого Стокгольма не придумали. Потому что Ида действительно понимала Константина. И сочувствовала.

Она не могла сказать, что безумно его любит. Но... были тепло, приязнь, понимание, уважение. И что им понадобится для перерождения в любовь?

Горели свечи, создавая доверительную атмосферу, за окном сгущались сумерки, мужчина и женщина сидели в гостиной...

Ида обещала подождать.

До зимы.

И весточки от сестры, и весточки от Константина, который возвращался в Русину. И обещал писать. Не каждый день, нет. Но хотя бы раз в десять дней, потому что сил не было совершенно. Он ведь не груши там околачивает, а сейчас приедет – и по уши в работе. Но он напишет, обязательно напишет. И о том, что происходит в Русине, и о себе...

– Вы будете ждать, Ида?

– Буду... Я не обещаю ответить на ваши чувства, но я буду молиться за вас. И дождусь. Обязательно. Потом мы вместе примем решение, но – потом. А пока – храни вас Творец...

Жом Константин откланялся в приличествующее время.

А Ида поднялась наверх и долго плакала в подушку. Вот ведь... как ее только угораздило?

Но сердцу не прикажешь.

Наутро глаза у нее были красными от слез.

А губы опухли... ладно, и от слез – тоже. Но не только. Ничего большего Константин себе не позволил, но уж пару-то поцелуев? Можно?

Можно...

Ида собиралась ждать. Писем, Яну, Константина, новостей... И как же мучительно было это ожидание.

Хормельская волость

– Сенька! Где тебя нечисть носит?!

Рев Папаши пронесся над двором, словно боевой клич раненного в зад слона. Все на миг замерли, а потом задвигались вдвое быстрее. В том числе и сам виновник.

– Папаша, здесь я!

– Здесь он... – Никон, не особо стесняясь, ухватил родственничка за ухо. – Я тебе кричу-кричу, а ты... опять на сеновал шлялся? К Лидке?

– Да я...

– Смотри у меня! Ту шалаву вся братва перевалила, потом не вылечишься!

– Я не...

– Все вы не. А потом у баб пузá растут!

Никон ворчал уже без души, так, для профилактики. Надо ж молодежь учить?

Надо!

– Пошли, Сенька.

– Куды, Папаша?

– Туды. – Никон ухо отпустил и, неожиданно для Сеньки, одернул на том гимнастерку. – Вот так... и воротник поправь... фу! Ты шею хоть иногда моешь?

– А то как же, Папаша! Вчерась!

– Врешь ты все. Ладно, Сенька, такая для тебя боевая задача. Возьмешь десяток хлопцев и прокатишься до Исона.

– Хорошо. А зачем?

Подзатыльник вышел увесистым. У Сеньки аж в ушах зазвенело.

– За надом! Проедешься, посмотришь, нет ли нарушителей, подорожные поспрашиваешь, ежели кого встретишь... по ситуации разберешься. Пора тебя потихоньку приучать людьми командовать.

– Меня, Папаша?!

– Тебя, а то кого ж? Ты малый неглупый, разберешься.

А еще сестра твоя за тебя просила. Хорошо так просила, активно, всю ночь упрашивала... Никон вспомнил белеющие в полумраке обильные Валькины телеса и аж слюну сглотнул. Вот бы опять туда, в спальенку. И чтобы баба ласковая, и кувшин с подогретым вином...

Сеновал – он в шестнадцать хорош. А на четвертом десятке комфорта хочется. Уюта...

Ладно. О приятном потом. А сейчас пошли, Сенька. Покажу тебя людям, поставлю над десятком старшим и задание еще раз повторю. Для всех уже.

Пора тебя выводить в люди...

* * *

Сенька... хотя какой он теперь Сенька? Он теперича Семен Игнатьевич, во! И все равно он был неприлично счастлив!

Папаша его заметил!

Понял, что Сеня умный, что Сеня на многое способен. Что Сеня справится и с десятком. А там и с сотней справится!

И с полком...

Сеня видел это как наяву, перед его мысленным взором проплывали яркие картины. Вот он, чуточку постарше, лет двадцати

пяти, весь в отглаженной форме, начищенных сапогах, с тонкими усиками (видел он у одного тора, ох и авантажно получается!), подходит к Папаше, и рапортует:

«Никон Иванович, разрешите доложить, Звенигород взят!»

«Никон Иванович, Русина наша будет, исполнил я ваше поручение...»

«Никон Иванович, Ферей тоже наши! И Чилиан!»

Сверкали в видении и медали, и ордена. Бряцало наградное оружие, улыбались пленительные чернобровые красавицы. Не «эй ты, Сенька, подь сюды!», а герой! Бравый командир, каких мало!

Понимать надо!

Дайте только время! А шанс Папаша ему уже дал! И десяток счастливых под начало! Ух, развернемся теперь! Заживем!

Десяток Сеньке понравился, сразу видно, ребята лихие, ни Творца, ни Хеллу не боятся, огни и воды прошли. И верно. Никон Иванович специально таких подбирал для родственничка. Чтобы, случись что, они сами действовали. Чтобы опытные были.

А то командир зелень ранняя, да еще и солдаты ничего в службе не смыслят? Считай, приговор...

Сенька об этом не знал.

В мечтах он побеждал Валежного, рубил Логинова и даже сносил голову императору. А, кажется, того уже... того! Вот ведь люди!

Не могли Сеньку подождать! Уж он бы не оплошал! Он бы справился! Он бы их... ух! Шашкой! Да с плеча! Да чтобы ноги в одну сторону, а голова в другую, чтобы кровишка хлестала...

В отличие от паренька Никон Иванович время в мечтаниях не проводил. Не до того. Надо патрули налаживать по границам волости, надо снабжение бы наладить, надо насчет оружия договориться, надо где-то денег достать... приказать, что ли, реквизируют у беглецов средства?

А чего ж нет? Когда ему нужнее?

Он за свободу сражается! За всю Хормельскую волость! А беглецы?

Вместо сражения свои толстые зады уносят, вот какие люди нехорошие... нечего их жалеть! Нечего!

Надо и Сеньке приказать, пусть дерет с них три шкуры! Авось еще четвертая вырастет!

Деньги нужны, деньги...
На священное дело Освобождения!

Глава 8. Ветер слова качает – я их слыхала

Анна, Россия

– Анечка, подождите, пожалуйста!

Анна едва не застонала вслух. Остановило только хорошее воспитание. Вроде как и неприлично взрослому человеку стонать во весь голос на улице. А еще – прятаться в закоулок, нырять под забор или лезть на дерево.

А хочется...

Лейкин!

Да что ж тебя понос-то не побрал?!

После грустной встречи в «Орхидее» она так Лейкина и не видела. Эсэмэска не считается, написал он, что весь в душевном расстройстве, извиняется за сорванное свидание и прощения просит... Анна ему отписала, что она не в претензии. Правда-правда. И успокоилась.

Он может проводить так хоть каждое свидание, и желательно не с ней.

Ан нет!

Стоило ей ненадолго поехать в город, как нарисовался... следят за ней, что ли? Анна задумалась об этом всерьез. А правда?

Пока она сидела дома, у Бориса Викторовича, с Кирой и Гошкой, все было в порядке. Никакого Лейкина. Выезжала она куда-то с сыном и воспитанницей – опять тишина. С Савойским они еще раз в кино сходили всей семьей, – не появлялся Лейкин.

А вот выехала она одна – и пожалуйста. Что за несправедливость?

Выехала в город Анна по уважительной причине. У нее закончились средства личной гигиены, а заказывать их Розе Ильиничне девушка элементарно не могла. Язык не поворачивался.

Как, КАК о ТАКОМ можно говорить вслух? Это же интимный вопрос, очень личный... и Анне безумно нравилось, как его решили в

двадцать первом веке. А то они... специальные пояса, подушечки с опилками... с ума сойдешь!

Вот она и стояла в большом магазине, и глаза разбегались.

И тут – Лейкин!

А можно ли действительно отслеживать?

Память Яны тут же подсказала, что еще как можно. По сотовому телефону. Кто имеет номер, тот получит и доступ к информации. Противозаконно?

Ага-ага, мы все верим в строгость соблюдения законов. Что их никто не нарушает, что все чтят Уголовный кодекс... Анна не знала в точности, но вроде бы чем навороченнее телефон, тем лучше он работает. Шпионом.

И о чем ты разговариваешь рядом с телефоном, тоже можно услышать. Если он не выключен, конечно. Может, и тут нечто подобное?

– Добрый день, – вежливо сказала она.

– Анечка, здравствуйте. Как я рад вас видеть!

Анна молчала. Врать не хотелось, а убеждать этот кошмар в том, что ей приятно... увольте!

– Анна, скажите, вы сейчас не заняты?

– Занята, – отрезала Анна.

– А... чем, если не секрет?

– Олег Андреевич, я сюда пришла по делам. Личным.

– Может, я могу вам чем-то помочь?

– Нет, благодарю вас.

– Хотя бы сопровождать?

– Нет, благодарю вас.

– Анна, ну не будьте так жестоки! Хоть чашечку кофе!

– Кафетерий на третьем этаже, не смею вас задерживать.

– Анна, вы жестоки.

– Олег Андреевич, я не жестока. Я пытаюсь донести до вас, что не нуждаюсь в вашем внимании.

Глаза мужчины стали жесткими, внимательными.

– А... – Замолчал. И правильно, начини он выяснять, в чьем внимании нуждается Анна, послала бы его к чертям! – Анна, я это понимаю, но умоляю дать мне еще один шанс.

Анна скрипнула зубами.

– Простите...

– Не надо со мной специально встречаться! Просто выпейте со мной чашечку кофе, раз уж мы здесь?

– Я занята.

– Но рано или поздно ваши дела закончатся?

Анна вздохнула.

– Чашка кофе. Одна.

– Да. В кафетерии, где будет еще много народа.

– И после этого вы навсегда оставляете меня в покое?

– Клянусь!

– Хорошо. Через, – Анна поглядела на часы, – сорок пять минут я буду там.

Роман обещал ее забрать через час, поэтому на кофе ей останется пятнадцать минут.

– Какой кофе вам заказать?

– Глясе, – не стала отнекиваться девушка. – До встречи.

– До... встречи.

Второе слово Олег договаривал уже в пустоту.

Вот стерва!

Анна свернула в магазин с бытовой химией и косметикой и набрала Романа.

– Рома, миленький, помогите мне! Пожалуйста!

– Аня, что случилось?

После Нового года, вкуснейших подарков, переписанных рецептов и даже небольшого мастер-класса для супруги Роман к Анне относился очень положительно. А что, хорошая ж девчонка! Даром что молодая, но и руки на месте, и голова работает, и на мужиков не бросается... такие-то вещи сразу видны. И сына любит до безумия...

Выслушав про Олега, Роман аж зашипел.

– Вот козел! И что надо? Морду ему набить?

– Нет. Роман, вы сможете за мной зайти в этот кафетерий?

– Да, конечно. Обещаю.

Анна чуточку расслабилась. Противное свидание надолго не затянется, разве это не замечательно? И отправилась в магазин.

Роман посмотрел на телефон.

На дорогу.

А потом решительно включил аварийку, затормозил и набрал номер.

– Борис Викторович, тут такое дело...

* * *

– Девушка, не проходите мимо!

Анна и не прошла.

Вот как хотите, но магазин с нижним бельем... там в витрине было такое выставлено! Ужасно неприличное! Нежно-сиреневого цвета, с белой вышивкой, кружевом, отделкой, и чулочки белые, и... вообще оно было невероятное!

Анна просто встала, где стояла, – и засмотрелась.

И это заметила продавщица.

– Девушка, у нас сегодня скидки!

– Да?

– Честное слово! Вам комплект с витрины понравился?

– Да.

В комплект входили не только трусики и лифчик, которые и называть-то такими простыми словами было обидно, но и чулочки с подвязками, и пеньюар сверху.

Анна знала, что надеть это никогда не рискнет. Но...

НО!!!

Женщина она – или уже где?! Выглядело белье... восхитительно! И еще десять минут у нее есть, чтобы не приходить раньше... ну хоть померить?

Удержаться было невозможно.

Анна оценила свое отражение в зеркале (правда, сиреневый цвет комплекта изумительно оттенял красное от смущения лицо) и подумала, что надень она такое для Ильи... у них бы тройня была! Наверное...

– И стоит недорого, – интимно шепнула продавщица. – А как вам идет...

Анна смотрела на себя еще несколько минут. А потом решила:

– А давайте!

Ей умирать через полгода! Больше она ничего себе не позволит, но хоть один неприличный комплект белья у нее должен быть?
Обязан!

* * *

Несмотря на препятствия, в кафе Анна пришла вовремя. Но не раньше Олега. А жаль...

Она искренне надеялась, что из этих пятнадцати минут... может ведь назойливый тип опоздать? Или лучше – не прийти?

Не повезло.

Пришел, сидел, ждал...

И кофе заказал.

Вот бокал с кофе глясе примирил Аню с действительностью, и шарики мороженого в нем были такие... аппетитные. Один шоколадный, второй розовый, третий даже с листиком мяты... почти картина!

Анна приветливо улыбнулась Олегу и опустилась за столик.

– Я вас слушаю, Олег.

Осталось уже четырнадцать с половиной минут. И кстати – минус ему.

Анну учили, что мужчина должен встать, отодвинуть стул для спутницы, помочь ей сесть... что в этом такого странного? Сейчас так не делают? Ну и зря!

– Анна, я... я должен вам признаться.

– Слушаю вас внимательно?

– Я вас люблю.

Анна как раз примерялась к листочку с мятой. Но услышав такое...

Она не поперхнулась, не раскашлялась, она просто подняла голову и в упор поглядела на Олега.

– Неужели?

– Вы этого не видите... вы так холодны и далеки. А я люблю вас, невероятно люблю...

Анна прищурилась.

Дурой она отродясь не была, поэтому и не поверила ни на секунду. Влюблен?

Она знала, как это, когда влюблен. И как светятся глаза, и как сияет на губах улыбка, и как поет душа, как становится летящей походка, как совершенно иначе видится мир...

Она знала. И потому ни на секунду не поверила наглому типу.

Полиция? Так про это Анна и забыла. В любви ей признавался не полицейский, а самый обыкновенный мужчина. В мятой рубашке и пахнущий потом.

Понятно, тяжелая работа, а может, и позаботиться о человеке некому. Но неужели сложно хоть в туалет зайти да волосы пригладить? Ты ждешь девушку, которая тебе якобы небезразлична, – и даже не соизволил посмотреть в зеркало?

Ты врешь.

А зачем ты мне врешь?

Вот этот вопрос Анна вслух и задала:

– Олег Андреевич, зачем вы мне врете в глаза?

– Анна?!

– Олег Андреевич, я не полная идиотка. Я вижу, что вы мне сейчас лжете. Зачем? Я не богата, у меня ничего нет, но вам что-то нужно...

– Мне нужны только вы, Анна. Я влюбился в вас практически сразу, как только увидел в том переулке. Такую тоненькую, воздушную, словно старинная фарфоровая статуэтка... ах да! Пейте кофе, Анна, пока не остыл.

Аня машинально потянулась за ложечкой, тем более что шарики растворялись в напитке, лишая ее половины удовольствия, но...

– Руки!

Запястье Анны перехватили на полдороге.

– Ой... Борис Викторович?!

Савойский выглядел на редкость разозленным. Анна его никогда таким не видела. Мужчина был черней тучи, зеленые глаза метали молнии.

– Ты ничего не ела?

– Нет.

– Не пила?

– Н-нет... Борис Викторович, вы...

– Собирай вещи. Что в кофе, ты...

Олег откинулся на стул. Прищурился:

– Защитник приехал? Папик?

Кажется, Борису Викторовичу стоило громадных усилий сдержаться. Но он справился с собой. А вместо удара по наглой физиономии медленно протянул руку за бокалом, взял его – и махнул официанту:

– Бутылку. Чистую, живо! Или банку!

Анна молчала.

Она не понимала, что происходит, но подозревала, что результат ей не понравится. Лучше не вмешиваться, так будет намного спокойнее. И правильно. Там, где выясняют отношения мужчины, женщины могут выступать только в качестве зрителей.

Кофе отправился в банку под насмешливым взглядом Олега.

– Отдам на экспертизу, – улыбнулся Борис Викторович.

– И?

– И все.

– Ну и чего вы этим добьетесь?

Савойский весело улыбнулся.

– Того, что Ольга Сергеевна тебе ни копейки не заплатит. Или вы на евро договорились? Бери в юанях, евро нынче падает.

Вот теперь Олег заметно напрягся.

– Ты ничего не докажешь!

– А мне и доказывать ничего не надо, – пожал плечами Борис. – Ты одно запомни: еще раз подойдешь к Ане – и в нашей области работу по специальности больше не найдешь. Никогда.

– Угрозы?

– Угрожают, когда не могут осуществить. А для тебя это – перспектива, – отрезал Борис Викторович. Развернулся и вышел, потянув Анну за собой.

Девушка шла молча. Сам расскажет, когда понадобится.

* * *

Борис Викторович молчал в машине. Молчал, пока джип не остановился перед зданием областной больницы, и только тогда

кивнул Роману:

– Отнеси бутылку, ты знаешь. Пусть сразу же посмотрят.

– Хорошо.

Роман послушно взял емкость с кофе и вышел из машины. А Борис Викторович повернулся к Анне:

– Так молчать и будешь?

– Эм-м... я полагала, вы мне сами все расскажете? В свое время? – осторожно уточнила Анна.

Она видела, что запал у мужчины еще не прошел, и не собиралась подставлять свою голову под топор. Вот еще не хватало! Савойский злой, как цепной пес, сейчас на любого сорвется. Анна тихо надеялась, что это пройдет, пока они едут. Но – не прошло.

– Расскажу, как не рассказать. Свекровушке своей несостоявшейся скажи спасибо, – ласково пропел Савойский, сверкая зелеными глазами так, что легко заменил бы светофор. – Догадываешься, что дальше было бы?

– Н-нет...

– В чашку тебе капают какой-нибудь возбуждатель, после которого не то что на человека, на козла полезешь. Потом вы в постельке, делается несколько десятков компрометирующих снимков и видео, потом еще один наркотик, и наутро ты ничего даже не вспомнишь. А потом все это всплывет в суде. И тебя объявят плохой матерью. Проституткой. Хочешь?!

Анна побледнела.

На миг ей даже дурно стало... Хелла! Такое мерзкое коварство! Такое...

Как она могла... как он мог... это же...

– Хелла, как подло! – вырвалось почти стоном.

Савойский даже внимания не обратил на имя божества. В наше-то время? Да хоть бы и Люцифер! Нашли чему удивляться!

– Если в чашке окажется посторонняя примесь, то сама понимаешь...

Анна понимала.

– А по закону...

– Ничего не сделаешь и не докажешь. Презумпция невиновности иногда на руку вот таким... типам. Ты могла бы понять, что тебя

изнасиловали. А могла и не понять... наркота – она и не такое с человеком делает.

– Но следы...

– И их можно не оставлять. Необязательно доводить до акта, чтобы сделать порнографические фото. Уж поверь.

Анна покраснела и поспешила перевести тему:

– А откуда ты узнал?

Анна и не заметила, как перешла на «ты» с работодателем. А вот Борис заметил. И почему-то ему стало очень приятно.

– Откуда-откуда... друзья есть. Одному позвонил, второму, и оказалось, что твой Олег...

– Не мой!

– Что не твой Олег ездит на хорошей машине, которую себе никак не мог позволить на зарплату. Даже не сомневайся. Живет он не по средствам. Хорошо тратит на себя... одним словом, паренек берет заказы.

– Заказы?

– Впрямую закон он нарушать не берется. А вот аккуратно обойти – запросто. К примеру, последить за мужем или женой, а то и подтасовать факты. Поискать человека, а то и зайти в гости и намекнуть про возврат долга. Или обеспечить кому-то пятнадцать суток...

Анна поморщилась.

– Гадко, да. Но закон он не нарушает. А вот сейчас... видимо, ему хорошие деньги посулили.

– А откуда...

– Откуда я узнал?

– Да.

Борис Викторович вздохнул.

– Дело в том, что один мой друг – директор филиала Сбербанка в нашей области. Но об этом – ни слова. Понятно?

– Обещаю. Но...

– Аня, любой перевод денег можно отследить. Наличку нельзя... наверное. Но если один человек снимает со счета пятьдесят тысяч долларов, а второй через несколько часов вносит ту же сумму на счет – это странно, согласись?

Анна кивнула.

Сумма производила впечатление. Квартиру можно купить, и не самую плохую. В их городе – можно.

– Полагаю, с собой Цветаева такую сумму не возит наличными. С карточками оно и не слишком нужно. Но отследить перевод очень легко, и налоговая заинтересуется, и не только они...

Анна кивнула еще раз:

– Я поняла. Я... я же чуть этот кофе не выпила.

И – накатило.

Анна представила, как Ольга Сергеевна получает эти фотографии, или что там, как шантажирует ее... да, Анна могла бы ее убить. Но рано или поздно эта грязь всплыла бы рядом с Гошкой. И ее сын...

Он бы так думал о матери?!

Да за что?!

ЗА ЧТО?!

Слезы сами из глаз брызнули.

Разве она так много просит у жизни? Ей всего-то полгода осталось, даже меньше уже! Ей просто хотелось быть рядом с сыном, почему, ну почему ее нельзя оставить в покое?!

За что?!

– Аня, Анечка...

Борис даже растерялся.

На его памяти Анна всегда была спокойной, уверенной в себе, улыбчивой. И вдруг...

Платок не доставался из кармана, потом все-таки Боря его выдернул и принялся сначала совать Анне в руки, потом сам решил ей вытереть лицо, а потом...

Как-то оно так получилось.

Случилось. Случайно.

Но заплаканные глаза были совсем рядом. И губы у нее были... рядом. И были солеными от слез.

И удивительно сладкими. И неумелыми...

– Аня, Анечка...

Пальцы скользили по спине девушки, зарывались в копну густых волос, и Анна не отстранялась. Прижималась ближе, щедро купаясь в человеческом тепле, в уверенности...

Ты под защитой.

За тебя есть кому заступиться.

Иногда это сильнее любого конского возбудителя.

Девушка уже не плакала, отвечая на поцелуи. И видел бы Роман...

Никогда бы он не полез. Но... джип был затонирован со всех сторон. Это и подвело Бориса.

– Ох...

Дверь уже захлопнулась. Причем Роман остался снаружи, но и Анна уже опомнилась. И рванулась из рук мужчины.

– Нет!

Боря едва не сделал самую большую глупость в жизни. Едва не выпустил девушку. Но успел сообразить, притянул ее поближе к себе и обнял так, чтобы точно не вырвалась.

Хватит с них глупостей!

– Анечка, успокойся.

– Я... мы не можем...

– Конечно, не можем.

– И не должны...

– Конечно, не должны.

Анна так и не поняла, как сильные пальцы оказались на ее затылке, потянули девушку вперед, к Борису... а потом поцелуй повторился. Но уже серьезнее.

Раньше ее утешали.

Сейчас – соблазняли.

И только когда Анна прекратила вырываться и расслабилась на груди у Бориса, мужчина чуточку ослабил объятия.

– Аня, не смей сейчас отдаляться от меня. Я тебе не позволю этого сделать.

– Я...

– Прекрати. Все правильно, разве ты еще не поняла?

Анна вдохнула. Выдохнула, стараясь обрести спокойствие. И произнесла одно имя, которое могло сейчас подействовать:

– Лиза.

* * *

Если бы она стукнула Бориса по носу, получилось бы не хуже. Савойский прикрыл глаза, даже пальцы в ее волосах замерли.

– Лиза, да...

Замешательство длилось недолго.

– Я сегодня поговорю с ней. Она молодая, симпатичная, утешится.

Анна едва не ахнула:

– Что?!

– Что тебя удивляет? Ты мне важнее, чем эта дурочка. А с Игорем мы договоримся, ему это тоже важно. Проглотит.

Анна лихорадочно размышляла.

Савойский был полностью серьезен. Не лгал, не крутил...

Он и правда пойдет, расторгнет помолвку, получит гору неприятностей... а она через полгода умрет. Ее не станет, и душа уйдет на обед Хелле.

Нет! Она не допустит, чтобы кто-то из-за нее разрушил свою жизнь!

Анна тряхнула головой:

– Не надо так делать. Пожалуйста.

Борис внимательно посмотрел ей в глаза:

– Почему? Я тебе совсем не нравлюсь?

Вот что тут скажешь? А что ни скажи – не поверит. Он целовал Анну, он видел ее реакцию, и чисто на физиологию тут ничего не спишешь. Анна потерла руками лицо.

– Тебе не кажется, что сейчас не время и не место для такого серьезного разговора?

– Это верно. Анна, у меня есть квартира в городе. Ты не возражаешь?

Анна не возражала. Пока они доедут до квартиры, у нее будет время обдумать сложившуюся ситуацию и принять решение. Какое? Какое бы она ни приняла, все равно получится больно. Увы.

* * *

Квартира в городе оказалась скромненькой, всего шесть комнат в доме на Набережной. На минуточку – в элитном доме, из тех, у которых есть свой большой двор, своя детская площадка, зеленая зона и даже гараж на две машины к каждой квартире. Роман был отправлен загонять туда машину, а Боря взял Анну за руку и повел за собой.

Как-то оно само получилось...

Стоило им захлопнуть дверь квартиры...

Анна честно хотела поговорить.

Боря не хотел на нее давить. Но...

Один взгляд – и все полетело в тартарары! Осталась только сумасшедшая, яростная нежность. Губы встретились с губами, осенними листьями опала на пол одежда, а уж как они оказались в спальне, и вовсе никто не помнил.

Как-то.

Спасибо, не на коврик перед порогом, а то он такой... колючий.

Анна медленно приходила в себя. И осознала, что могла вот так умереть – и ничего не узнать. И не почувствовать. И даже не страдала бы.

Илья... что тут скажешь? Илья был свято уверен, что есть жены. И к ним надо относиться с почтением, то есть даже в постели только через ночную рубашку и с поклонами.

Есть дамы полусвета. Вот их можно по-всякому.

Анна была в первой категории, а потому все, что между ними случалось, было очень осторожным, церемонным даже... и никакого сравнения с вишневым, солнечным, искристым вихрем, который завертел ее сейчас – и оставил в кровати на плече Бориса. Удивленную и ошеломленную.

Но удивлен был и мужчина.

В наш век, когда девушки становятся женщинами уже в школе, а в институте уже сами могут работать преподавателями Камасутры, и встретить такое чудо? Анна не была девственницей. Но была удивительно неопытной и непросвещенной. Зато безумно страстной, о чем свидетельствовали следы ногтей чуть не по всей его спине. Да и укусы отметились тоже...

И кто бы тут удержался?

– Я твой второй мужчина?

– Да.

Анна, правда, имела в виду Илью, а не Сережу Цветаева, но какая разница?

– Ты чудесная. А он дурак.

Анна спорить не стала. Приступ, бросивший их друг к другу, прошел, наступало время разговоров. Расстановки всего и вся по

местам. И это было сложно.

– Может быть. Боря, у меня к тебе будет огромная просьба.

– Слушаю? Звезду с неба изволите, моя прекрасная леди?

Боря от души веселился. Сейчас с него такое напряжение схлынуло...

Как же он переволновался, когда позвонил Роман. Как летел в торговый центр, как звонил знакомым... и картинка сложилась! Но если бы Анне успели причинить вред...

Нет!!!

Даже думать о таком не хотелось! Анна, беспомощная, в руках подонка...

Только не это.

– Не звезду. Боря, у меня другая просьба. Давай пока никому и ничего не говорить? Пожалуйста!

– Что? Почему?

Боря повернулся к Анне, взял за плечи и притянул к себе поближе. На себя. Так было удобнее. И смотреть, и разговаривать, да и ощущать ее тоже... приятно.

– Боря, я не хочу решений в порыве страсти. Если на следующий Новый год у нас все... будет, я соглашусь на любое твое решение. Если нет... значит – не судьба.

– Новый год? Аня, это долго!

– Боря, торг здесь неуместен! – Анна смотрела серьезно, но карие глаза смеялись. – Пойми, если сейчас...

– А Лиза?

– Лиза? Скажи ей, пусть планирует свадьбу на осень. К осени, думаю, ты определишься, кто из нас двоих тебе нужен. И примешь решение. А я его поддержу. В любом случае.

И Хелла благословит тебя, любимый.

– Почему мне кажется, что ты недоговариваешь?

– Тебе не кажется. Но... у меня тоже есть свои причины и свои секреты. Если осенью мы решим остаться вместе, я тебе все расскажу. Если нет... что ж.

– Осенью?

– Да.

– А как насчет лета?

Анна поняла, что у названного ей срока уже откромсали минимум месяц. Ну... бизнесмен! И переговоры он вести умеет. А у нее как-то мысли путаются. На балу она бы чувствовала себя уверенно, на званом вечере... а вот голышом, кожа к коже, глаза в глаза, ей еще переговоры вести не доводилось. Отвлекает...

Впрочем, это уже не суть важно. Все решится осенью.

– Осень, Боря. А там... ты сам решишь, кто именно тебе нужен. До той поры... – Анна зажмурилась на секунду. Но после поцелуя в кончик носа открыла глаза и все же выговорила: – Я буду с тобой. Единственное, о чем я прошу, – держать наши отношения в тайне.

И для Анны это было очень серьезно.

Тут смешалось в кучу все. И воспитание, и ее титул, и связь с Ильей, и ее смерть осенью... пусть хотя бы кто-то будет счастлив. И она...

Разве она не может получить свой маленький кусочек радости?

Пока Боря не женат, она ничего не нарушает. По законам этого мира на их связь даже внимания не обратят, даже если узнают, разве что плечами пожмут. Лиза будет недовольна, оставшись без внимания жениха, но после того, что она уготовила Кире, Анна не чувствовала себя обязанной наглой, пустой и злобной девчонке.

Перебьется.

Да и ничего такого Анна не совершит. Наверное...

– Осень?

– Да.

– А пока держим все в тайне?

– Да.

– Хорошо. – Боря улыбнулся и притянул Анну для поцелуя.

А что? Первое сентября – тоже осень. Ладно, второе, надо же детей в школу проводить? А Лиза... и с Лизой разберемся! Боря был именно что бизнесменом. И отказываться от самой выгодной в жизни сделки не собирался. Потерять такую женщину?

Дураком надо быть!

Валезный. Русина. Окрестности Сарска

«Приказываю.

Полковнику Алексееву идти вперед и взять Шарукан. При необходимости реквизировать все необходимое. Противника безжалостно уничтожать.

Шарукан удерживать за собой, ждать моих приказаний».

«Генералу Логинову.

Взять десять тысяч человек и устроить рейд по тылам противника. При возможности захватить Архарск, если такой возможности не представится, уничтожить железнодорожные пути.

Прорвать южный фронт противника и лишить его связи и коммуникаций».

Валезный поставил точку и присыпал письмо, чтобы скорее высохли чернила.

Вот так.

Алексеев справится при атаке в лоб. Там сложно не справиться, разведка доносит страшное о Шарукане, довели город. А Логинов незаменим при рейде по тылам противника. Сам из крестьян, он обстоятельно, неторопливо и внимательно разрушит все, на что упадет взгляд.

Валезный придвинул к себе следующий лист бумаги.

«Атаману Повстанческих войск Н. И. Счастливому.

Моя армия идет исключительно против освободенцев, с целью помочь народу избавиться от тяжелого бремени и закрепить за трудовым крестьянством земли, на которых они будут жить и работать.

Русинские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с освободенцами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск противника. Главное командование будет усиленно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий.

Начальник штаба генерал Валежный».

Поможет ли, нет ли, а не повредит. Это уж точно.

Хотя особых иллюзий Валежный не питал. Счастливый – тварь очень себе на уме. Скорее всего, не согласится. Но хотя бы предложить!

Правда, скорее часть бандитов Счастливого к ним перебежит, если им будет сопутствовать удача. Но – нет отбросов, есть резервы. Пойдут, как смазка для клинка.

И вообще, хороший стратег использует любую сволочь!

Взрыв заставил генерала поморщиться.

Освобожденцы не смогли смириться с потерей Царьгорода и вот уже третий день атаквали город. Все бы неплохо, но кто, собственно, первым примчался к Царьгороду?

Кавалерия.

По Вольной флот прийти не мог, Ас-Дархан намертво перекрывал освобожденцам дорогу.

С авиацией у освобожденцев было откровенно плохо, и что оставалось?

Пехота, кавалерия, артиллерия... последняя как раз медленно двигалась к Царьгороду. А вот кавалерийские отряды под командованием некоего Клюкина уже были на месте. И зря.

Валежный себя каким-то невероятным гением не считал, но уж такое организовать? Что тут сложного?

Сарск окружала кольцевая железная дорога. Пустить по ней два бронепоезда... мало два? Четыре пустите! А еще не забудьте «ежиков» и «чеснок» разбросать.

Вот вам и убыль в кавалерии. Коней жалко, но освобожденцы оказываются на земле, а там их добивают огнем из пулемета.

Пушки палят только в крайних случаях, когда освобожденцы решают, что могут прорвать фронт, к примеру, продавив его массой. Взять численностью...

Да, их намного больше. Но к Валежному начался уже приток людей, а проиграть он просто не имеет права.

Вперед и только вперед.

К приятному донесению.

Не успел Валежный выйти из палатки...

– Тор генерал, разрешите доложить?

– Что случилось, голубчик?

– Вот!

В руке у молодого солдата была фуражка. Вроде бы самая обыкновенная, но с кокардой – звезда на белом фоне. Символ освободенцев.

– Тор генерал, Клюкина положили! Они как раз в атаку пошли, а тут мы... одним выстрелом, и...

Валежный даже огорчился немного. Вот был бы он адъютантом, закричал бы «ура»! А так – нельзя! Зато можно другое.

– Молодцы, ребята! Благодарю за службу! Имя героя известно?

– Конечно, тор генерал! Артиллерист Сидоров. Ефим Иванович...

– Дам распоряжение! Медаль ему и следующий чин! А на экипаж поезда – еще пять крестов. Пусть сами распределяют!

– Благодарю, тор генерал!

Мальчишка аж искрился восторгом.

– Старайтесь, ребята, а за мной не заржавеет.

– Служу Русине!

Валежный отпустил парня и задумался.

Что ж. Первое наступление отбито. Надо теперь отбить второе и самому двигаться вперед. На Звенигород. А то что ж? Столица в руках врага?

Непорядок!

Ас-Дархан. Илья Алексеев

– Ты меня не любишь!

Илья едва глаза не закатил. Маргоша с каждым днем становилась все более невыносимой. Так что мужчина был рад-радешенек приказу Валежного.

Уйти на войну!

Это ж счастье!

Там враги, их убивать можно, а что тут сделать? Когда тебя слезами и соплями уливают?

– Маргоша, я тебя люблю...

– Если бы любил, так не оставил бы!

– Я же тебя не в чистом поле бросаю, а в Ас-Дархане. И деньги оставляю, и позаботятся о тебе...

– Я хочу с тобой!

– Куда, на войну?!

– Ты меня не любишь!

Замечательный вывод, ага! И куда у баб во время беременности мозги деваются? Все в ребенка уходят?

Из дома Илья вырвался взмокший и злой, как шершень. Взять Шарукан? Да пожалуйста, лишь бы в Ас-Дархане не оставаться. Вот кому он сочувствовал, так это полковнику Савельеву, который был назначен комендантом Ас-Дархана. За полгода освобожденцы умудрились изгадить все, до чего добрались! Просто – все.

Осквернение храмов? Это еще цветочки!

Храмы разрушали, всю ценную утварь тупо тащили по домам, иконы... как оказывается, они отлично горят, правда, из одного монастыря сделали больницу, но, словно в насмешку, лечили там освобожденцев-сифилитиков.

Да, эта болезнь была весьма распространена среди них, по слухам, и Пламенный тоже... того-с. Страдал. Гордо и молча.

Где-то монахов расстреливали, где-то просто пинками выгоняли на улицу. Очень отличился жом Обрубок, который приказал привязать монахов в монастыре и взорвать его к растакой-то матери! Мол, где в вас верят, там вас и похоронят.

Нарекать имя, венчать, погребать? Только под присмотром освобожденцев. Создали «Учетные книги», в которые всех и записывали. Понятное дело, не бесплатно...

Школы тоже пострадали. Половину закрыли, во второй половине назначили комиссаров, которые должны были следить за тем, что преподают детям. Науки поделили на «торские» и «жомские», понятно, первые надо было запретить, а вторые поощрить. Но поскольку сами жомы вообще ничего не знали, разве что как пистолет разбирать, под запрет попало практически все. Кроме чистописания и арифметики.

История, география, Закон Божий... все пошло под запрет. А высшие учебные заведения попросту закрыли.

Зачем жому высшее образование? Вот еще глупости, это все торы придумали, чтобы вернее народ закабалить!

Пострадали законы и суд. Кого-то из законников казнили, кого-то уволили, почти семьдесят человек взяли в заложники. Правда, освобожденцам это не помогло, потому что работать на них не стал никто.

Освобожденцы не расстроились и организовали военно-полевой трибунал, который отличался крайней скоростью рассмотрения дел. Правда, приговор всегда был один. Виновен, расстрелять...

Иногда в день приговаривали до пятидесяти человек, а один из судей обожал лично командовать расстрелами. Бравировал этим, говорил, мол, друг научил. Раньше вот сердце болело на человеческие смертушки смотреть, а сейчас не болит. Рецепт-то прост! Нацеди стакан крови из сердца человеческого да выпей, и будет тебе спокойствие душевное.

Видимо, нацедил.

А вот со спокойствием промахнулся. Попался он корпусу Логинова, когда тот вошел в Ас-Дархан, а потом уж от очевидцев о его развлечениях и узнали.

И как же он визжал, когда Логинов приказал его повесить. На гитарной струне, за шею, чтобы помучился, гад!

Полчаса провисел, потом таки задохнулся. Но визгу было...^[19]

Народ оценил и обрадовался.

Городское самоуправление освобожденцы устранили, ввели шестичасовой рабочий день и пятидневную неделю. После чего встало все производство. От и до.

Результат?

Восхитителен!

Больницы и школы изуродованы, доктора как-то тоже не рвались помогать освобожденцам и все делали из-под палки или вообще сбегали. Почта и телефонная станция скончались в муках.

Конюшни и скотоводства опустошили, склады разграбили, весь инвентарь раздали по рукам, и он исчез навечно, фураж тоже реквизировали, потому больше половины скота еще и погибло, а инструмент раздавали самым доверенным и надежным, считай — дуракам, лентяям и пьяницам. Так что и инструмент практически весь погиб.

И вот это все Савельеву надо восстанавливать!

Нет, лично Илья был согласен на войну.

Вечером Илью нашел дед Савва.

– Тор генерал, доброго вам здоровьичка!

– Чего тебе?

– Так тора за вами послала.

– Она мне уже все нервы вымотала, спасибо, сыт, – невежливо отозвался Илья.

– Она и кается. Баба ж! Да в тягости! Ясно – дура!

Илья только застонал. Но час уговоров сделал свое дело, дед Савва уломал Илью отправиться к Маргоше. А там, слово за слово, да под водочку, да под закусочку...

И как это Илья пообещал жениться?

Да еще до отъезда на войну?

Он и сам не понял. Но пообещал...

А и верно. Чего это его сын должен ублюдком расти? Даже если отец голову сложит, все ж Маргоше и польза будет, и пенсион какой...

Женюсь!

Решено!

Глава 9. Мимо, мимо идите! Рвите неверные нити!

Анна, Россия

Как в свое время Анне удалось сохранить все в тайне? И любовь, и беременность? О, теперь она отлично знала ответ на этот вопрос. Потому как она тогда никому нужна не была.

Пять дочерей!

Штукой больше, штукой меньше, да еще и не самой любимой штукой.

А вот в доме, где все и всё видят... нет, нереально!

Про Романа попросту молчим. Не будучи идиотами, водители видят и слышат многое. Но и молчат. Если не идиоты. Вот Роман и молчал. Горничным все было безразлично. Зато Роза Ильинична пригляделась к Ане, к хозяину, да и уволокла девушку к себе в комнату под явно надуманным предлогом.

– НУ?!

– Роза Ильинична, простите...

– Бог простит. Ты мне скажи, свадьба когда?

Вот что хотите делайте, что можете – говорите... есть вещи, которые просто невозможно произнести вслух! У Анны язык не повернулся рассказать женщине всю правду. Про свою предстоящую смерть. Про другой мир, про Хеллу... Пришлось развести руками:

– Если Боря сможет безопасно отделаться от Лизы. Если захочет...

– А ты так и будешь терпеть? Вот эту крысу?

Анна подумала пару минут.

– Буду. Потому что я его... люблю?

Сказала и сама себе удивилась. Любит?

А ведь и правда... оказывается, и так бывает? Когда ты была одна, ты была растеряна, а тебя подобрали на улице, взяли в дом, пригрели в теплых ладонях – и ты почувствовала себя в безопасности. Сначала

решила отплатить добром за добро, а потом... когда это переросло в любовь?

Анна не знала. Но теплую искорку внутри чувствовала очень хорошо. Вырастет она?

Или придавить?

С Ильей было не так. Там они полыхнули оба – в юношеской горячке, в приступе страсти... и, может быть, живи они рядом, давно бы прогорели до углей. Зола бы осталась. Серая, холодная...

Но препятствия – отличное горючее для любви. Вот они и горели... долго горели. А потом смерть накрыла пламя холодным белым снегом. И Анна начала все с чистого листа.

Она видела Бориса всяким. Радостным, утомленным, раздраженным, расслабленным... а вот счастливым практически ни разу. И ей очень захотелось, чтобы этот серьезный и очень усталый мужчина хоть иногда улыбался.

Добилась.

Дура!

Хоть и ругала себя Анна, а что тут поделаешь?

Роза Ильинична поглядела на ее лицо и даже спрашивать больше ничего не стала. Только обняла.

– Жаль, Риточка не дожила. Вот уж кто бы за сына порадовался...

– При ней мне тут делать было бы нечего, – отозвалась Анна.

– А, не говори. Если вы друг другу суждены, так судьба вас обязательно сводить будет.

Анна промолчала. Чего зря воздух сотрясать – на эту тему. А вот на другую...

– Роза Ильинична, прошу вас пока молчать о том, что вы узнали.

– Обещаю, деточка. Я Боре не враг и тебе другом буду. Только сделай мальчика счастливым. Он этого давно заслуживает.

Анна опустила глаза.

– Хорошо. Я постараюсь.

Почему-то ей было больно. Вранье впивалось во внутренности, словно ледяные осколки, ранило, терзало... больно! Очень больно! Стыдно, горько, несправедливо.

Анна знала, что причинит этим людям боль. Незаслуженную, обидную, подлую... исподтишка. И ничего с этим не поделаешь.

Но напоказ княжна улыбнулась. Она справится. У нее еще есть полгода. Она что-нибудь придумает.

Ее любимые не будут страдать по ее вине!

* * *

Тот же монастырь.

Только тогда он был в желтых листьях, а сейчас – сейчас у него нет единого цвета. Белые стены, черная земля, белые проплешины снега.

Черная кошка, которая брезгливо сидит на относительно сухом клочке брусчатки, подвернув длинный хвост.

– Багира...

– Мя? – отозвалась кошка с непередаваемой интонацией.

В переводе на русский это значило: и чего тебе надобно, смертная? От меня – настоящей Кошки?

– Проводишь меня к твоей... – Анна замешкалась. Хозяйке? Нет, неправильное слово. – Компаньонке?

Багира чуточку подумала. Она – кошка. Ей не положено бегать, словно собаке. Но эта странная смертная вполне уважительна. И пахнет от нее завлекательно – котом. Вот, даже шерсть черная на юбке.

– Мя.

Кошка подняла хвост и медленно проследовала на территорию монастыря. Анна пошла за ней.

Аллея, вторая, поворот...

Двери храма.

Анна замешкалась.

– Она там, да?

– Мя. – Багира посмотрела на девушку с удивлением. Мол, чего не идешь?

Анна подобрала юбку и присела на корточки, стараясь оказаться на одном уровне с кошкой. И на колени стала бы, да грязно.

– Киса, не надо мне туда. Нехорошо это. Неправильно. Ты можешь хозяйку позвать?

– Мя, – отозвалась Багира с непередаваемой интонацией и нырнула в церковь.

Люди!

Что хозяйка сейчас внизу, читает какую-то книгу, что вот эта... с морозным узором вокруг... как же сложно быть человеком! Вечно они понаплетут дорог, поназапутают путей, а потом и сами заблудятся. И выйти не могут, и им больно, и всем остальным больно...

Хорошо, что рядом с людьми есть высшие существа – кошки! Они-то никому пропасть не дадут.

Долго ждать Анне не пришлось. Она даже пару уровней в телефоне не прошла. Забавная такая игрушка, из заданного числа букв слова складывать.

Матушка Афанасия вышла из двери храма и улыбнулась Анне. Та поспешила убрать гаджет.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, Аннушка. Как дела?

Матушка Афанасия ничуть не изменилась. Те же внимательные, ясные глаза, та же теплая улыбка.

– Сложно, матушка, – честно призналась Анна. Странно было называть матушкой чужую женщину, но... Аделина Шеллес-Альденская тоже не слишком-то баловала дочерей, предпочитая «матушке» более изысканное «маман».

– А на то и сложности в жизни, чтобы душа росла. Как спортсмен через препятствия бегают и прыгают, видела?

– Видела.

По телевизору. Было.

– Вот и душе нагрузка нужна. А если ее нет, то и остального не будет. Понимания, мудрости, доброты, терпения...

– О мудрости в моем случае речь не идет, – вздохнула Анна.

Матушка Афанасия тоже вздохнула и как-то плавно, округло повела рукой в тулупчике.

– Пойдем, Аннушка. У меня чаек душистый, мне чабреца сушеного привезли. Как заваришь, так и кажется, что лето рядом.

– А я... вы... я вас не отрываю?

– А и ничего. Потом доделаю. Ты же потом приехать не сможешь, а Псалтырь и не убежит, – улыбнулась женщина. Тепло так, по-доброму.

Анна вздохнула. Опустила плечи.

– Спасибо вам...

– Идем, детка. Идем...

* * *

Чай действительно оказался выше всяких похвал. А еще к нему предлагался в этот раз мед необычно темного цвета (гречишный, как пояснила матушка) и батон. Самый обычный, нарезанный ломтиками и чуточку подсушенный.

Но как же это было вкусно!

Анна жмурилась от счастья, слизывая мед. Матушка наблюдала за ней с теплой улыбкой и не торопила. Наоборот, разговаривала о самых обычных, посторонних даже вещах.

О погоде, о весне, о первоцветах, о мусоре, который обязательно надо убирать, да и бордюры подновить не помешало бы, о Багире...

Багира к Анне на колени не пошла.

Но третий стул был оставлен для нее.

И кусочек колбаски, аккуратно нарезанный на тарелочке, тоже был подвинут поближе к кошке. А что она – не человек уже?

Может, еще и побольше некоторых... тварей Божьих!

Наконец Анна решилась.

– Матушка Афанасия, только не считайте меня сумасшедшей. Мне, правда, поделиться этим не с кем... никому довериться не могу. Знаю, что и вы мне можете не поверить, но так получилось, ближе вас у меня сейчас никого нет.

– Есть ведь... и сын, и отец...

– Я не могу взвалить эту ношу на их плечи.

И поэтому берешь все на себя? Так ведь и рухнуть можно, и подняться не получится. Но монахиня не стала спорить.

– Мне – можешь. Я тебе сейчас на иконе поклонюсь, что тайну твою сохраню.

Анна качнула головой:

– Не надо. Слова достаточно.

Благодетства в этой женщине было как бы не больше, чем в любимой подруге матери – Зиночке Валенской. Порядочности и внутренней, сдержанной силы. Словно стремнина подо льдом.

Пока – подо льдом.

– Обещаю никому и ничего без твоего разрешения не рассказывать, – просто ответила матушка.

Анна поверила.

И ринулась, словно в пропасть.

– Мой сын был обречен. Полгода назад мне предложили обменять мою жизнь на его. И дали ровно год. Через полгода я умру.

Чего уж она ждала?

Возмущения? Отрицания?

Ответом ей было пожатие плечами. Очень спокойное, очень уверенное.

– Разве хоть одна мать примет иное решение?

– Примет, – вспомнила свою мать Анна.

– А это не мать. Это утроба. Которая выносила, но и только. Как котенка из авоськи вытряхнула, но не полюбила. И матерью не стала.

– Может, и так. Я согласилась на этот размен.

– Спрашивать, кто тебе предложил, – не стоит?

Анна пожала плечами:

– Это не то, что вы называете темными силами. Или сатанинскими. Она не имеет к ним никакого отношения. Никогда не имела.

– Ведьма?

– Нет. Скорее наоборот.

Назвать богиню ведьмой?

Анна никогда бы так не поступила. Да и благодарна она была Хелле. За все – благодарна.

И тут произошло крохотное недопонимание. Была ведь и Матрона Московская, и другие праведницы. Матушка Афанасия попросту решила, что Анна к такой и обращалась. А тем женщинам виднее...

Им многое доступно. И коли уж так сказано, значит – неспроста...

– Если тебе год отпущен, тебе надобно о сыне подумать.

– Я о нем и думаю. Деньгами он обеспечен...

– А близкими людьми? Цыплятам защита нужна, пока они не вырастут. Не то их даже другая курица заклевать может.

Анна кивнула:

– В корень смотрите. У Гошки есть дед. Я хотела за этот год найти ему опекуна. И... я так запуталась! – почти стоном вырвалось у нее. –

Я уже ничего не понимаю! Ни в себе, ни в ситуации! Мне иногда просто кричать хочется.

– Вот кричать не надо. Багире это не нравится. Она подойдет и тебя укусит. Или оцарапает, – предупредила матушка Афанасия.

Да, такой кошачий «Антискандал». В элегантной черной шубке и с зелеными глазами.

Анна невольно фыркнула. Оказывается, и так бывает?

– Ты попробуй начать сначала. Или с конца? Может, так и лучше получится...

С конца, определенно, было начать попроще.

– Помните того мужчину? С которым мы здесь были? С его дочерью?

– Да, помню. Твоя подопечная и ее отец.

– Я с ним... мы с ним...

Выговорить слово «переспала» было так же сложно, как и слово «люблю». Но матушка и так все отлично поняла.

– Он ведь не женат?

– Но собирается. И слово дал... а я... подло это! Гадко!

Матушка Афанасия помолчала пару минут. А потом повела рукой:

– Скажи мне, кому с того хуже будет? Может, и неправильно так говорить, не по-божески, а может, и правильно. Ты от него какой выгоды ищешь?

– Никакой.

– Может, зло ему причинить хочешь?

– Нет.

– В жизнь его вмешаться?

– Я же умру через полгода.

– Вот именно, – приговорила матушка. – Почему нехорошо то, что вам двоим счастье принесло? Ты ведь любишь его, я вижу. А он тебя?

– Не знаю... это он начал. Не я...

Рассказать ситуацию с Олегом тоже было несложно.

– Вот видишь. Тебя уже любят, защищают, в тебе тоже выгоды не ищут. Разве это плохо?

– А Лиза?

– Лиза-Лиза... Аннушка, так ведь через полгода у нее и причин для ревности не будет. Верно?

– Да.

– Так позволь себе хоть немножечко счастья. И себе, и ему... любите вы друг друга? Я же вижу, горит огонек. А значит – любите. Бог есть любовь, только люди об этом частенько не помнят.

– Но не плотская же?

– Так в том и разница. Между козлячьей похотью и искренними чувствами. Вот ежели «Ромео и Джульетту» вспомнить, так там страсть была. И препятствия были. А была ли настоящая любовь?

– Автор пишет, что была.

– А выдержала бы она испытание временем? Или это как взрыв? Вспыхнуло, да и погасло. И разрушило многое? Сложно сказать, Аннушка. Но настоящей любовью люди как костром греются. А похоть – она только пачкает многое. И тело, и душу...

– Христианство ее осуждает.

– Только ли оно? И у предков-славян считалось достойным мужчины хранить целомудрие. Достойным женщины – не гулять. А если уж случилось чего... так все мы люди. Но ворота-то дегтем гулящим девкам мазали. И с парня спросить могли, уж ты поверь. Приговорка «Удаль молодцу не в укор» куда как позже родилась, а раньше люди строже были. Правильнее. Жизнь их заставляла и спрашивала – строго.

– Допустим. – Анна как-то о таком не задумывалась.

– Вот ежели у вас не похоть, а любовь, так пусть она у вас будет. Любовь нам от Бога дана, убить ее в себе – грех великий.

– Да?

– Конечно, Аннушка. Заблуждаются люди, всякое бывает. Но ведь у вас-то не с бухты-баракты?

– Нет.

– Тогда позволь себе хотя бы эти полгода любить. Пусть и он будет счастлив, и ты...

– Но я же потом умру! А ему будет плохо!

Матушка подумала, что не ошиблась в этой девочке. Если бы она сказала о себе... тогда это не любовь. Где есть эгоизм, там она не вырастет.

Анна сказала о любимом человеке. Все правильно.

– Во-первых, пути господни неисповедимы. Так что не загадывай заранее.

– Ладно. А во-вторых?

– А во-вторых, ты будешь счастлива, он будет счастлив, так тепла в мире и прибавится. И все правильно будет, не сомневайся. Ты ради сына на смерть пошла, ты и сейчас думаешь и о сыне, и о любимом человеке, и об отце... не о себе. Так что все правильно, Аннушка. Не обделяй ни его, ни себя...

– А Лиза?

– Ежели я в твоём мужчине не ошиблась, он сам разберется. И с Лизой, и с подлизой...

– Вы как Кира, – хихикнула Анна. – Та ее иначе не называет.

– Вот и подумай, будет ли твоему любимому плохо, если он с этим сокровищем расстанется? Видела я ее, девочка, может, и хорошая, да уж больно незрелая. Ей как раз трудить ничего не надо. Ни душу, ни ум, ни тело... ей все уже готовенькое принесли. Вот и получается... такое счастье. Кому попадет, так тот не отплюется. Много-то меда небось и несладко будет. А много такого счастья?

– Это верно.

– А еще... не бери все на себя. Ты же его не насильовала? Сама не предлагалась?

– Нет.

– Вот видишь. Сам твой мужчина выбор сделал, сам и отвечать за него будет. Чай, не маленький.

– Мяс, – неожиданно согласилась Багира.

– То-то и оно. Беда у нас, женщин. Отвыкли мы доверять мужчинам, разучились. Сами да сами норовим все порешать, а может, и зря. С этим же так же... даже если ты умнее, сильнее... ну помоги и подставь руки. А решать и идти дай самому. Или так до конца дней мужчина останется мальчиком под маминой юбкой. Самой же и надоест такое...

– Может быть...

– И может, Аннушка, и будет. Пойми одно. Тебе редчайший подарок дали. Вы встретились с Борисом. Встретились на этой земле, вы рядом, вы вместе... знаешь, сколько людей так свою половинку и не находят?

– Да.

– А ты этот дар собираешься Богу в лицо бросить и гордо проплакать полгода?

– Эм-м-м...

В таком ракурсе поступки Анны выглядели откровенно глупыми. А то и свинскими. Девушка даже растерялась. Осуждения она могла бы ждать. Отвращения, ругательств... но чтобы вот так?

Теплая ладонь пригладила ей волосы.

– Бедная ты моя, запутавшаяся девочка.

И скажите, кто бы выдержал?

Рыдала Анна долго и упоенно. Пока не кончились слезы, не остались одни сухие короткие всхлипы... все она переносила. Но любовь едва не стала непосильной ношей для мятущейся души.

Матушка Афанасия не стала продолжать разговор.

Ничего. Нужное сказано, Анна запомнит. А сейчас самое верное дело напоить ее горячим чаем с медом, чабрецом и малиной, укутать потеплее, да и домой отправить. Пусть полежит немножко, пусть в себя придет, обдумает сказанное...

И совесть матушку Афанасию совсем не мучила.

Даже если Анна права... насчет полугода...

В такое матушка не то чтобы верила или не верила.

Оно – бывает. Вне зависимости от веры.

Дело в другом. Матушка видела всю компанию. Специально наблюдала, интересно ей стало. И выводы она сделала.

Мужчине нужна хорошая и добрая жена. Девочке – мать. А истеричная крикса нуждается в порке. Да не по методу БДСМ, не обольщайтесь. А просто – сорвать пучок крапивы по весне, да и воспитывать до просветления в мозгу.

Чего тут непонятного?

Может, и не в церковных правилах такой совет, но и каяться матушка не собиралась.

Бог есть любовь! И десять заповедей Анна не нарушила. Даже в том месте, где «не пожелай жены ближнего своего». Если говорить о муже, Борис и Лиза пред Его лицом пока не женаты.

Не прелюбодействуй? Так и тут не нарушено.

Есть блуд, а есть любовь. Путать не надо!

Блуд – это когда ты все для себя делаешь. Ты хочешь, ты делаешь, ты получаешь удовольствие...

Любовь – это когда другой человек для тебя важнее твоих интересов. Ты хочешь. Но хочешь сделать его счастливым. Не в

постели. По-настоящему. Добра человеку хочешь. Себя ради него забываешь.

Тогда и Господь против не будет. Разве ж отцу плохо, когда его дети любят? Он за них только порадуется...

Анна любит.

Лиза не любит, она выгоду ищет. И кто из них прав?

– Правда ведь, Багира?

– Мур-р-рум, – ответила кошка.

Она была согласна. И даже кончиком хвоста не дергала. Сложные эти люди... вот у кошек проще. Есть кот, есть весна... коты тоже кошек не за ошейники выбирают. И не за евроремонт у хозяек.

С кошачьей точки зрения все было правильно. И почему этого люди никак не поймут?

Матушка прошла в угол и встала перед иконами на колени.

Слова молитвы легко слетали с языка. И на душу снисходило спокойствие. Здесь и сейчас она знала – все верно. Все сделано и сказано именно так, как нужно.

Все по совести и по чести. Хотя и своеобразной чести...

Господи, сбереги дочь твою, Анну. Спаси и сохрани ее. Дай ей покой душевный и силы жить дальше. Помоги...

Но почему-то матушке казалось, что даже молитва ни на что уже не повлияет. Все сложится наиболее справедливо.

А что не всем это понравится...

На то и справедливость Господня, чтобы люди выросли и умнели. Воспитание называется.

* * *

Матушка Афанасия была права до абсолюта. В отношении Бориса.

Здесь и сейчас Борис размышлял, как ему аккуратно избавиться от Лизы. Так, чтобы не обидеть Игоря. Придумалось ему только одно.

Мужчина сделал пару телефонных звонков, взял пачку денег из сейфа, так, на всякий случай, и вышел из кабинета.

Искомый человек находился именно там, где и предполагалось. Сидел, грустил над комплексным обедом.

– Добрый день, товарищ Лейкин. Или сейчас надо говорить – господин Лейкин?

– Можете говорить просто – Олег Андреевич, – парировал Лейкин, без особой приязни глядя на Бориса. Приперся тут, да еще и издевается! Понятно, аванс он Ольге Сергеевне не вернул. Но там же еще и основная сумма была! Которую он теперь не получит!

А влетело ему от начальства так...

Спасибо, доказательств не было, а то и выкинули бы. Но уж квартальной премии ему точно не видать. Так что... шел бы ты, дядя...

– Хорошо, просто Олег Андреевич. – Борис, недолго думая, уселся за стол – и положил перед собой конверт. – Это тебе. Подарок.

– Подставить хочешь?

Борис закатил глаза:

– Тебя? Да мне проще позвонить, и ты поедешь куда-нибудь в колхоз «Красные зорьки» коров проверять. Думаешь, сложно?

Олег был уверен, что несложно. Оценил уровень, с которого на него кобеля спустили. Действительно, один звонок – и никаких проблем. И уволили бы, и посадили, а чтобы подставить, надо было кого-то другого присылать. Так что Олег аккуратно взял конверт за краешек и заглянул внутрь.

Содержимое приятно радовало взгляд розовым цветом купюр. На первый взгляд тысяч сто там точно было. Может, и побольше.

– Хороший подарок.

– Но не бескорыстный.

– Вот как? И что от меня надо?

– Сколько тебе Цветаева обещала? Судя по авансу?

– Да примерно столько и обещала. А что?

– Вот столько и получишь. И еще раз, если захочешь.

– А за что я это самое «столько» получу? – заинтересовался Олег. Дураком он не был и понимал, что с Цветаевой бодаться не с руки. И вообще, во все подряд он не вяжется...

Как ни странно, у него тоже была совесть. Просто хорошо воспитанная и прикормленная.

– За две вещи. Первое: ты продолжаешь кормить Цветаеву обещаниями, что вот-вот... понял?

– Она не дура, надолго затянуть не выйдет.

– На сколько получится. Хотя бы два-три месяца.

Борис здраво рассудил, что потом он женится на Анне, усыновит Гошку, а из полной семьи мальчишку выдернуть станет на порядок сложнее.

К тому же где он, а где Цветаева? В Европе он бы с ней потягаться... решился бы, но сильно подумал. А в России... она здесь давно не бывала, она здесь уже стала чужой. В том-то и беда эмигрантов. Отсюда они себя выпололи, а там прирасти... дай Бог, если у их внуков получится.

– Это я могу. А второе?

– Вот. – Борис открыл на телефоне одну из фотографий с Лизой. – Видишь девушку?

– Да.

– Это моя невеста. И у меня есть подозрения, что я рогат.

– Есть рога или подозрения?

– Есть подозрения, – поморщился Борис. Точно он не знал, но пару раз... не то чтобы он подметил... ощущения к делу не подошьешь. А что их вызвало, он и сам не понимал.

– Хочешь компромат?

– Хочу. Пока мы не женаты, это одно. А потом алименты на чужого ребенка платить, рога терпеть и прочее... оно мне надо?

– Не надо. – Лейкин мужика понять мог. – Мне бы тоже не надо было.

– Вот. Подделывать ничего не надо. А последить, посмотреть... понял?

– А то ж. Договорились.

Борис пожал Олегу руку. Но посмотрел строго:

– Увижу рядом с Анной – не обессудь.

– Ты... с ней? – аккуратно задал вопрос Олег. И понял, что не ошибся. Но словесного ответа все равно не получил.

Борис покачал головой:

– Я предупредил. Деньги или проблемы – выбирать тебе.

– Я уже выбрал. Телефон оставь для связи.

– У тебя его еще нет?

– Есть. Но с клиентом надо быть вежливым.

– Перебьюсь.

Борис ушел, и Олег принялся за комплексный обед, который теперь показался намного вкуснее. Наверное, ему остыть надо было,

чтобы вкус раскрылся.

Или конверт в кармане грел душу...

Разговор у Олега на всякий случай был записан. И что, и за что...

Да, не стоит так подрабатывать. И закон он нарушает. Но кто не грешен? Тот, кто не пойман. А ему и машину бы поменять, и квартиру обновить, и вообще...

Между нами говоря, вот поручение Цветаевой Олегу не понравилось. Видно же, что мать не маргиналка и сына любит.

А вот последить за гламурной куклой... чего тут и не последить? Сама напросилась.

* * *

Анна открыла глаза, когда за окном уже стемнело. Чувствовала она себя не слишком хорошо... после беседы с матушкой она предпочла залезть в берлогу и отлежаться.

Она обожала и Гошку, и Киру, ей было тепло и уютно в большом доме, а сейчас... Боря...

Но обдумать все хотелось в тишине и покое. Хотя о своем решении она и так уже примерно знала.

Полгода?

Это будут ЕЕ полгода! Хотя это так мало... но и за это спасибо тебе, Хелла!

Скорее ей требовалось время, чтобы принять решение, которое шло вразрез с тем, чему ее учили, с жизненными установками. Получалось так, что все правильно.

Но... так ведь нельзя, мама говорила.

Но мама и другое говорила, доведя их всех до могилы.

Так что Анна лежала, смотрела в потолок, а потом и попросту уснула. Измученный мозг принял решение без совета с хозяйкой и отключил и себя, и остальное тело. Пусть полежит, отдышится, а там уж и снова в бой.

Да, сейчас она встанет, вызовет такси...

Или не надо?

Анна подумала и набрала номер Романа. Тот отозвался почти сразу же:

– Да, мы еще в городе. Да, шеф в офисе.

– Отлично, я сейчас тоже подойду, – решила Анна. И принялась одеваться. Обойдется она без такси, пройдетесь, воздухом подышит. Так лучше будет.

Накинуть куртку и замотать шарф много времени не заняло. Анна вышла во двор, прошла к калитке, никого не встретив, и быстро зашагала по переулку.

Нет, не любила она эти места. Сюда даже окна домов не выходят, этакие кишки города получаются. Слепые и вонючие...

И их содержимое...

– Какие люди!

Анна едва не застонала. Нет, ну почему так?! Вот почему, почему судьба решила послать ей навстречу Рината Мамедова? Да еще, судя по фамильному сходству, с братом?

– Добрый вечер, любезнейший, – решила не обострять Анна. И хотела пройти мимо, но ее грубо дернули за руку.

– Сейчас ты не такая гордая, да?!

Анна резко вывернула запястье, пытаясь избавиться от гадких пальцев. Не получилось. Не всегда срабатывает, увы...

– По помойкам ходить не собираешься, говоришь...

– А давай ее сейчас...

Что предложил с ней сделать младший Мамедов, Анна не поняла. Но дожидаться не стала.

Словно что-то в голове щелкнуло. Сейчас эти двое ее изобьют, скорее всего, изнасилуют... она не Яна, отбиться не получится.

Потом Боря... он будет им мстить, ее жалеть, и все, что между ними есть, сейчас втопчут в грязь гадкие гиены. И ничего уже не вернешь.

Анна даже не формулировала это именно так. Просто подсознательно поняла, что нельзя ни допускать худшего, ни ждать, до чего дойдут пьяные от силы и безнаказанности подонки. И шагнула вперед.

Ринатик так удивился, что едва девушку не выпустил. Не успел. Анна приникла к нему так интимно, что вот сейчас поцелует.

– Умри, во имя Хеллы.

Едва слышный шепот на ухо. Даже второй брат, имени которого Анна так и не узнала, ничего не понял. Вообще ничего...

Просто Ринат начал оседать навзничь. И судя по лицу – бледному, с закатившимися глазами, все, жизнь ушла. Осталось тело.

– А... э...

Вот лицемерить Анна отлично могла.

– Врача! Скорее, ему плохо!!!

– А...

– ЖИВО!!!

Больше приказывать не понадобилось. Юноша помчался звать на помощь, с воплями и криками.

Анна не боялась. Она к нему никаким оружием не прикасалась, Ринат сам умер. Она отошла на пару шагов от тела и ждала.

Ждала, пока не примчится помощь. А потом спокойно ушла. Пусть сами разбираются.

Дошла до проспекта, поймала такси, доехала до офиса.

Джип Бориса все еще стоял рядом, и Роман копался в багажнике, выискивая что-то важное.

– Анечка! Пройдешь – или подождешь тут? Он сейчас уже выходит, звонил...

Анна улыбнулась ему:

– Подожду.

Сейчас она убила человека. И что?

Она не чувствовала никакой вины. Этот человек хотел причинить ей вред, если бы она не убила, может, ее бы сейчас и в живых не было.

Она убила. Постояла рядом с трупом, а потом переступила его (уже в переносном смысле) и пошла дальше. И будет жить! И радоваться жизни!

Полгода?

Что ж!

Никто не отберет у нее эти несколько месяцев! Матушка Афанасия права до абсолюта. И когда Боря вышел из здания, Анна встретила его сияющей улыбкой.

– Что-то хорошее случилось? – уточнил Боря, садясь в джип и притягивая девушку к себе поближе. Понятно, при свидетелях себе ничего лишнего не позволишь, но и пообниматься приятно!

– Случилось, – безмятежно улыбнулась Анна. – Я поняла, что я счастлива. Спасибо тебе.

Боря посмотрел в теплые, сияющие глаза Анны.

– Это тебе спасибо.

И прежде, чем она что-то сказала, закрыл девушке рот поцелуем.
Ничего. Роман смотреть не будет. Он деликатный.

Русина, Звенигород

В трактир Хомяка Митя пришел не сразу.

На четвертый день.

Успел погулять по Звенигороду, проверить знакомых, явки, хазы, малины... Такие вещи ему знать надо.

Наладил Митя и пути отхода, послушал сплетни. М-да...

Народ был очень недоволен. И освобожденцами, и освобождением... все чаще звучало, что этим сволочам провалиться бы куда поглубже! Вот при императоре куда как лучше было!

А эти...

Ни хлеба, ни мяса, зато сколько гонору!

Храмы им чем-то помешали! Вон, Пламенный на колокольню полез... зачем?! Она без тебя тысячу лет стояла и с тобой еще две простоит! Тигр этот...

Вообще кошмар, а не человек!

На улицу ночью не выйти!

Весь Звенигород наводнил своими патрулями! Раньше как хорошо было! Пойдешь, погуляешь, людей интересных повстречаешь в темном переулке, поделиться монеткой-другой уговоришь...

Сейчас?

Бесполезно!

Если только увидят... на месте пристреливают! А комендантский час?!

Если и не прикончат, так в комендатуру отведут да все нервы вымотают! А узнают, что ты из этих... классово близких, так и служить загонят. Оно, конечно, неплохо, там и обмундирование какое, и оружие, и паек, но запахло ж!

Как есть – запахло! Где это видано, чтобы волки строем ходили?! Да это на всю жизнь позор, после такого тебя ни на одной пересылке за авторитет не посчитают... будешь настоящим сараем...

Митя слушал, поддакивал...

Собирал информацию.

Пока получалось неутешительно. Выезжать глав-освобожденцы никуда просто так не выезжали. Если без охраны в пару сотен солдат.

Улицы патрулировали, порядок в столице поддерживали железный, да, люди умирали с голоду, но грабежа-то не было! И за мародерство можно было пулю схлопотать...

Сами освобожденцы грабили, но тоже не сильно усердствовали. Жом Тигр юмора не понимал и смертные приговоры подписывал лично. Сначала – штук по двадцать в день.

Потом самых непонятливых выбили, а до остальных дошло.

Но все равно... взорвать императорский дворец, что ли?

Так туда пройти надо, каналы наладить, взрывчатку пронести, а это не за один раз и даже не за два. Там ее столько надо... рехнешься! На десятки килограммов счет пойдет...

А что еще можно взорвать?

Хм...

Митя подумал немного и выбрал хоро-ошую цель! Лионесское посольство!

А чего?

Оно куда как меньше защищено, а лионессы потом сами кишки с освобожденцев разматают! У тебя есть два врага? Так сделай доброе дело, страви их! А потом с наслаждением запинаешь оставшегося. Или повторишь, при необходимости.

Враги – это категория, численность которой стремится к бесконечности. Ну... что ж!

Убавим!

Удавим...

А лучше – взорвем!

Валезный, Беркут

Задерживаться в Сарске Антон Андреевич не стал. Некогда.

Успех требовалось развить, закрепить, и вообще – начал бить, так добивай! Лежачего? А вы видели бегущую гадюку? Нет? А ведь ядовитая...

Освободенцев Валежный собирался давить везде и всегда. И потому смотрел сейчас на лежащий в низине город.

Беркут.

Красивое место, кстати. Зелени много, цветов, жаль, сейчас этого не видно.

– Что в городе? – не оборачиваясь, спросил он.

Даже отсюда на улицах видны были баррикады. Город готовился защищаться.

– Там создали Городской Оборонный Совет, – отчитался осведомитель. – Ввели комендантский час, ввели трибуналы. Боятся. Дернешься – расстреливают. Сутки на рассмотрение, а потом к стенке.

– Сволочи, – коротко сказал Валежный.

Ругаться не хотелось, хотелось убивать. Поэтому он повернулся к полковнику Михайлову:

– Все готово?

– Да, тор генерал.

– Тогда завтра на рассвете начинаем наступление.

Беркут, Ладья, Вишневое, а там и Звенигород. Каждый шаг – вперед, каждый шаг – к победе. А пока – очередная проверка.

* * *

Пушки и пулеметы заговорили на рассвете.

Валежный не просто так захватывал Сарск. Это большой транспортный узел, это место, откуда можно было отправить поезда. Вот в поезде он и приехал.

Бронепоездам и выпало начинать.

Как остановить бронепоезд? Только минировать пути. Но это надо уметь.

Это надо сделать. А дадут ли?

А бронепоезд в сопровождении броневых автомобилей – вообще чудовище. Которое шло вперед, паля из всех орудий. Пулеметы, пушки, ружья... все пошло в ход.

Два места саперы разминировали под прикрытием броневиков, на большее у освободенцев запала не хватило. Или не сумели.

Да и не ждал никто ничего подобного. Разведка у них была неплохой, но толку? Поезд движется быстрее лошади. И, опять же, как сообщить, когда все пункты связи находятся в руках противника? Пустите, дяденьки, мне о вас предупредить нужно?

А то как же...

Цензуру на письма Валежный тоже не отменял, вот еще не хватало!

Строгий контроль, учет и проверка. И нечего тут расслабляться. Вот победят... и работать придется вдвое больше. Так-то.

Артиллерия.

Пехота, которую так же доставили на место по железной дороге. Вот кавалерии не было – Валежный решил, что в данном случае, когда предстоит воевать в городе, она не поможет, и немногочисленных верховых направил на патрулирование дорог, мало ли что...

И решил поберечь пехоту.

Недостатка в боеприпасах у него не было, после Сарска-то, так что палили, и палили, и палили...

Трусами освобожденцы не были, но жить хотели больше, чем победить. А вот нападающие жизни не жалели. Ни чужой – ни своей.

К полудню кольцо обороны дрогнуло. Боевой дух у них и так был невысок, а осознание того, что их до-олго будут выкашивать кинжальным огнем, аккуратно и со вкусом, убило последние огрызки отваги.

Первые части вошли в город с восточной стороны, потом прорвали оборону южные части. Потом к Валежному прискакал порученец и сообщил, что освобожденцы город покинули. Отступили кое-как, абы шкуры сберечь, и победители могут занять их... нет, свое законное место.

Но Валежный все равно дождался, пока бой не утихнет. Пока не подавят последние очаги сопротивления. И тронул коня, только когда над городом поплыл, зазвенел многоцветными переливами колокольный перезвон.

Нежный, сильный и глубокий.

Он медленно въезжал в Беркут.

На улицы выходили люди. Бледные, измученные, усталые, они были похожи на недавно оправившихся от тяжелой, может, даже смертельной болезни.

Они *смотрели*.

И, Творец, как же они смотрели!

Словно именно Творец к ним и спустился. Многие, не скрываясь, плакали. Кто-то опустился на колени, кто-то пытался благословлять проходящих солдат, слышались приветствия, здравницы, и Валежный понимал: это не протокольный парад, которые, кстати, любил Петер.

Обожал.

И принимать подарки от «любящего народа», и выезжать «в люди», заранее предупреждая о своих визитах, и еще много чего. Только вот для него все готовили заранее. Вплоть до трогательных жестов, вроде подаренного ребенком цветочка. А здесь и сейчас все это было спонтанно. И потому гораздо более ценно.

Валежный держал путь к главной площади города. Медленно, стараясь не заблудиться. Карту он знал, а вот в городе бывал только один раз, и то очень давно.

И стоило ему въехать на площадь, как колокола зазвонили еще яростнее, еще звонче...

Прямо напротив здания Императорского суда стоял бюст жома Пламенного. Красивый, мраморный, украшенный белыми полотнищами.

Валежный только взгляд на него и успел бросить. А приказать ничего и не успел.

Уловив его взгляд, толпа вдруг качнулась, как единое разумное существо. И словно приливная волна захлестнула постамент. Раньше там стоял бюст императора.

Сейчас...

В пылу воодушевления и постамент свалили, расколотив вдребезги. Ладно, переживем.

– Смерть тирану!!! Смерть его защитникам!!!

Откуда он взялся, этот сопляк? Как уцелел, где скрылся?

Но сейчас он стоял на крыше суда. А потом взмах руки – и в толпу летит ручная граната.

Валежный понял, что сейчас умрет. Но даже сделать ничего не успел. Вообще ничего.

Один из сопровождающих прыгнул, вынося его из седла, закрывая собой... Валежного просто смело. О мостовую он ударился пребольно.

Локтем, спиной, особенно тем местом, где она уже не совсем спина... а сверху на него рухнуло тяжелое тело.

«Капитан Калитин», – вспомнил Валежный. Но даже поблагодарить не успел.

Взрыв грохнул так близко, что генерал на секунду оглох и ослеп. Тело капитана дернулось – и обмякло. По щеке Валежного потекла струйка крови.

– Капитан!

Кто-то стянул с генерала тяжелое тело.

Кто-то помог встать.

Капитан лежал рядом лицом вниз. И был безнадежно мертв. Осколок гранаты вошел ему в основание черепа, перерубив позвоночник, словно клинок. Если бы капитан не закрыл собой генерала, Валежному бы полголовы снесло.

А убийца...

Валежный так никогда и не узнал ничего о нем. Ни имени, ни... вообще ничего.

Озверевшие люди кинулись в здание суда. Что уж там планировал мальчишка? Уйти он не успел, а кучу кровавых ошметков, которую от него оставили жители Беркута, расспросить уже не получится.

Валежный опустился рядом с капитаном на колени, перевернул непомерно тяжелое тело, медленно закрыл ему глаза.

– Спасибо тебе, брат...

Брат. По оружию, по крови, по духу... Будь проклята гражданская война!

Валежный вышел в центр площади, поднял руку:

– Сограждане!

Колокола, которые после взрыва затрезвонили вдвое сильнее, громче, яростнее, потихоньку замолкали.

Замолкали и люди. Слушали. Казалось, иголку урони, так она громом прогремит о мостовую, так тихо было на площади.

– Мы пришли сюда! И обещаю, мы защитим вас! Чтобы никогда не повторилось ничего подобного! Прошу тех, кто выжил после освобожденческой оккупации, помочь нам! Ценной будет любая информация, любая помощь!

Валежный говорил недолго, но четко и конкретно.

Только по делу.

В городе снова власть императора. Действуют все прежние законы и установления. Всех учителей, врачей, чиновников просьба подойти завтра на площадь, будет организован генеральный штаб, каждому найдется дело. Гулять некогда, праздновать незачем, надо наводить порядок в своем доме. Помогайте, кто может!

Народ внимательно слушал.

Валежный договорил, спешился, передал поводья адъютанту и шагнул к центральному храму. Творец, что же эти сволочи сделали?! Все загадили, что могли. Просто – все!

Ни дверей, ни забора, окна выбиты, стены расписаны похабщиной, что внутри, лучше и не думать, смрадом за версту несет... сволочь! Это не просто храм, это ведь и твоя история! Местной церкви уж пять сотен лет!

Она для того стояла, чтобы ты, быдло беспамятное и безродное, в ней сортир устроил?!

Но перед дверями стоял старенький священник с иконой в руках. И лицо его светилось неподдельным счастьем.

– Да благословит вас Единый! Да защитит он вас, да поможет во всех начинаниях...

Валежный быстро подошел под благословение. Ненадолго.

– Батюшка, мне нужна ваша помощь.

– Чем смогу быть полезен, чадо Единого?

– У нас есть раненые. И им требуются помощь и утешение. Место, где их можно разместить.

Санитарный поезд тоже пришел в Беркут. Но одни они не справятся. Это точно.

– Все сделаю, чадо. Куда идти? Куда людей отправлять?

– Пригород. Мы вошли в город с востока, вот там...

– Сделаю, чадо. И тех, кто на площади сегодня пал, похороним с почестями. Под храмом склеп есть, его уж давно не открывали, но сегодня сделаем.

Валежный кивнул:

– Я передам список тех, кто погиб.

– Павшим в бою, положившим жизнь за други своя дорога в Царствие Небесное сразу открывается. Они не просто мученики – они хранители земли Русинской.

– Спасибо, батюшка.

– Это вам спасибо, сынок. Даже не думай – все сделаем!

И было видно: действительно сделает. Если уж сумел людей сберечь, им встречу с колоколами организовать... вот и помощник коменданту города. Потом помолится, а сейчас Беркут к нормальной жизни возвращать надо.

Петер, чтоб тебе еще раз на том свете сдохнуть! Развел сволочь, а нам теперь хоть из кожи лезь! Где справедливость?!

И где, мать-перемать, твоя наследница?!

Яна, путешествие

– Е – три!

– Мимо! Ка – пять!

– Ранен!

– Ка – шесть?

– Убит! Мам, ну ты даешь!

Яна ухмыльнулась. А вы думали, салаги! В морской бой она кого угодно утопить могла! Наловчилась!

Из Карева они уехали еще вчера утром.

Когда Федору Михайловичу сообщили, что Валежный взял Сарск, купец больше ни минуты не промешкал. Приказал собираться и дал сутки на сборы. Сутки.

Ни больше ни меньше. Что не успеем с собой взять – то оставляем. Увязать в узлы, спустить в потайной погреб и крышкой закрыть. Гвоздями забить.

Добро жалко?

Кому жалко, тот остается, сторожит! Но оставаться никто не пожелал.

В итоге поезд выглядел так^[20].

Возок с Федором Михайловичем и его сыном – первый.

С Яной и детьми – второй. С прислугой – третий и четвертый, правда, менее уютные и роскошные, но Федор Михайлович брал с собой всех желающих поехать.

Четыре телеги с добром. Две с фуражом и провизией.

Десяток заводных коней.

Яна рехнулась бы уже на стадии организации, а купцу и ничего. Доволен, что тот слон! Все сделал, все устроил, всех построил – и ведь все работает, словно часы! Два раза в день остановка. Размять ноги, оправиться, перекусить. Потом опять дорога.

У детей на всякий случай есть ночные вазы! Даже про это не забыл!

Яна старалась развлекать малявок по мере сил. Рассказывала истории, которых знала очень много, играла с ними в карты, в морской бой, разучивала стихи, песни...

И радовалась.

Она рядом с сыном. Вот он, ее Гошка, смотрит счастливыми глазами на мать. Она все сделает, чтобы не подвести сына. Интересно, как там дела у Нини? То есть у Зинаиды?

Скорее бы в Герцогства!

Единственным тараканом в бочке меда был, конечно, Михаил.

«Кретину неизвестно слово “нет”», – пели когда-то они в спортивно-оздоровительном лагере. И это было абсолютно верно.

Отказа Михаил не понял. Вообще. Ни одного, даже прямого посылы в такие дали, что все ЛГБТ-сообщество не дойдет. Так и продолжал липнуть при любой оказии. И отец его не мог урезонить.

То дурачок руку подает, то стихи читает собственного сочинения, то угощает вином из своей фляги, а по местным меркам это очень неприлично...

Яна отбиваться не успевала. Но убивать-то не за что?

Пусть пока живет.

Им предстояла дорога сначала в Беркут, по краю Хормельской волости, потом в Сарск, а оттуда и в Герцогства. И побыстрее бы! Поскорее!

В Русине Яна не чувствовала себя в безопасности. А потому и оружие всегда было при ней. И у детей тоже. Но ехать им предстояло еще дней десять, не меньше. А хватит ли у нее терпения? Или она Михаила в сугробе прикопает?

Яна не поручилась бы ни за один вариант.

Алоиз Зарайский. Карев

Легко ли пройти по следу женщины с четырьмя детьми?

Это как сказать! Примета, конечно, хорошая, но время очень плохое. Несколько раз жома Зарайского едва не пристрелили, два раза пытались ограбить, один раз направили не по той дороге, и он потерял малым не трое суток. Хорошо еще, жив остался.

Но вот он в Кареве.

Теперь надо отыскать дом купца Меншикова. На воротах хорошо запомнили Яну, которая про него спрашивала, и продали информацию Алоизу по сходной цене.

Куда там завернуть?

* * *

СВОЛОЧИ!!!

Не было у жома Зарайского других слов, не было!!!

Столько проехать – и встать перед закрытой дверью и заколоченными воротами?! Это, знаете ли, даже не издевательство, это... ЖУТЬ!!!

– Так уехавши они! – сообщила словоохотливая соседка. – Ишшо кады уехавши...

Пара монет помогла уточнить информацию.

Приезжали к купцу гости? А то как же, баба с детьми! И жили они у него, и уехали с ним... вроде как баба ему внуков привезла! Дочка-то у купца погибла, а вот внуки уцелели...

Вот они вместе все и уехали. Буквально пару дней тому назад!

Куда?

Да вроде как в Сарск! А уж каким путем они поедут – только им и ведомо! Купец не доложил...

Алоиз заскрипел зубами. Но отчетливо понял, что если сейчас пустится в погоню, то пользы не будет. А потому еще пара монет...

Мыться, бриться, отсыпаться, отъедаться.

За купцом он поедет только через три-четыре дня. Заодно и точно разведает, куда он направился. В каком составе, по какой дороге...

Алоиз даже лионессцев уже не так боялся. Столько насмотрелся... Сможет его тор Дрейл найти? Что-то сомнительно! Но даже если и найдет...

Сейчас в Русине не одного лионессца потерять можно – а целую сотню. Пусть ищет.

Почему Зарайский до сих пор не бросил все и не удрал? Ответ был прост.

Наследница императора! А если – правда? И она не замужем? Авантюрист настроился на самый крупный выигрыш в своей жизни!

Ас-Дархан. Илья Алексеев

Не так Илья представлял себе свою свадьбу.

Нет, не так...

Не тот город, не то место, не та невеста...

Он мечтал о Звенигороде, его главном соборе, об Анне рядом, в белом, кружевном, воздушном... Петер с благосклонной улыбкой, генеральский мундир на самом Илье, белые голуби в вышине небес...

Вот голуби никуда не делись.

В Ас-Дархане они водились. А как гадили!

Спасибо, хоть коровы не летают! Маргоше повезло, а вот Илья не увернулся и был вынужден отчищать мундир от гадкой черно-белой кляксы.

И невеста была не в белом, и народа раз-два и обчелся... ее мать, брат да дед Савва – вот и вся семья. Это если не забывать, что у Ильи и того не было.

Всех положили, сволочи!

Ничего, он еще с освобожденцев плату втрое возьмет! Впятеро!

Священник гнусил что-то о любви и заботе, а Илья, словно в первый раз видел, разглядывал свою женщину. Свою жену...

Маргоша, увы, относилась к тем женщинам, которые во время беременности теряют половину красоты. Потускнели и словно свалялись пышные волосы, покрылась пигментными пятнами нежная кожа, да и носила ребенка она плохо, то ее мутило, то тошнило...

До срока доносит – уже счастье будет.

Но Илья принимал на себя ответственность за Маргошину судьбу. Навсегда.

Кольцо надевал, в губы целовал, обещал любить и беречь, заботиться и почитать... мать невесты утирала слезы. Дед Савва тоже.

Мальчишка стоял, смотрел волчонком. Впрочем, Илью такие мелочи никогда не интересовали. Душевной тонкости в нем было, что в стенобитном таране.

Когда они выходили из храма, еще один голубь сорвался в синеву небес. На этот раз капнуло на Маргошу. Да так неудачно, прямо на лицо...

– Сволочь!!! – затопала ногами невеста. – Гадина летучая!!!

Мать стирала ей с лица грязь, дед Савва пытался успокоить, а Илья смотрел на супругу и понимал, что, наверное, совершил ошибку.

Но почему?

Он взял на себя ответственность за женщину, с которой спал.

За ребенка, которого сделал.

За...

Почему у него на душе так гадко? Просто – почему?!

И слышится где-то вдалеке серебристый женский смех, словно сотня хрустальных бокалов разбилась одновременно, и звенят они, и ранят осколками...

Больно.

Русина, поместье великого князя Гавриила Воронова

Они пришли ночью.

Скрипнула дверь, мелькнула полоска света.

Гаврюша даже глаз не открыл. А с чего бы ему? Пил он в последнее время по-черному, Мишель только головой качал. Пил князь зло, допился до белой горячки, сделался буен и опасен.

Орал, что богиня... продажных девок такими словами не кроют, что наследница... что все это освобождение... он свою часть работы сделал, а где его награда?!

Где, понимаешь, народные толпы, которые пытаются вознести героя на пьедестал?

Хотя бы на трон Русины?

Нетушки ликующих масс!

И перспектив нетути...

Гаврюша хоть и был сволочью, хоть и думал только о себе и своих интересах, но ведь не полным же он был дураком! И отлично понял,

что ему на троне не сидеть. Разве что просто в Звенигород съездить, из интереса примериться. И то...

Как бы Хелла не разгневалась...

А вот Мишель...

Мишель честно пытался поговорить с отцом. Объяснить, растолковать, чего-то добиться... куда там! Гаврюша матерно отмахивался и продолжал пить. И становился хуже, чем опасен.

Не нужен.

Решение было принято, осталось исполнение. В бутылку любимому отцу Мишель подсыпал хорошую дозу снотворного. И когда Гаврюша крепко уснул, прошел к нему в комнату.

Тихо-тихо, тайно... или почти тайно.

* * *

Знаете, как дети чистят дымоходы?

Не знаете. И радуйтесь. Для прочистки дымоходов дети должны быть небольшого роста и возраста, лет пять-шесть, худенькие, ловкие, сообразительные...

Не то застрянут – и что делать? Как ребенка потом оттуда доставать? Разве что огонь разжечь, авось сам выскочит?

А дымоходы большие, а чистить их можно только по ночам. А когда еще? Днем, что ли, смущать покой господ?

Вот Пашка и был таким чистильщиком. Лет ему было уже почти восемь, но рос он очень плохо. Батя говорил, что ему еще года два можно полазить по дымоходам, а там и Васька подрастет. Семейный промысел, трубочист и его сыновья...

Пашка не возражал.

Ладно, если уж так-то...

Чистить дымоходы еще и выгодно бывает иногда. Как-то раз Пашка несколько купюр из бумажника вытащил... он как раз дымоход прочищал, а бумажник на столе лежал, да неподалеку от камина... с тех пор мальчишка и начал приглядываться к чему-то ценному.

Понятно, в свою пользу. Ну и в отцовскую...

Не от хорошей жизни дети по дымоходам лезут. Вот у них в семье одиннадцать голов. Поди прокорми! Да одень-обуй... мать три раза

двойню рожала, да все девок! А девок к ремеслу не приспособишь, глупые они!

А тут такой дом! Домина! Махина! Ежели чего и пропадет, так не сразу заметят!

Понятно, позаимствованное Пашка отдавал не отцу, который начал бы ругаться и драться, а матери, которая каждой медяшке рада была. Понимала все, но Пашку и хвалила, и благодарила, и спасителем своим называла, и лучший кусок подкладывала...

Вот и сейчас Пашка спустился в дымоход.

По идее, великого князя Гаврюши в этой спальне не должно было быть. Но пьяному закон не писан. Куда захотел, туда и пошел.

Мальчик услышал сопение и храп, острый нюх уловил запах алкоголя, и Пашка, уже без особого сомнения, наvertsел на ноги заранее приготовленные тряпицы, чтобы пол не испачкать, да и выбрался из камина. И что тут у нас интересного?

Чтобы небольшое?

Из небольшого оказались два перстня, которые Гаврюша попросту стянул с рук и бросил на столик рядом с собой. Бумажника при нем, понятное дело, не было. Пашка подумал минуту, но решил не брезговать ничем.

Дядька явно в таком состоянии, что поутру ничего не вспомнит. Так что кольца за щеку, сам в камин... а что это там заскрипело? Идет кто?

Пашка не хуже хорька ввинтился в камин – и замер, не рискуя шевелиться. Не в трубу, сейчас карабкаться станет – на шумит. А вот сбоку, там вроде выемки есть, и обычно туда никто не смотрит и темно, а увидеть черного от сажи мальчишку, ночью, в черном от сажи камине...

Нереально.

Пашка даже глаза прикрыл, разве что через ресницы подглядывал.

И видел молодого бледного человека, который встал над Гаврюшей. Стоял, смотрел, а потом пробормотал: «Прости, отец...»

И накрыл лицо лежащего подушкой.

Гаврюша что-то почуял сквозь сон и опьянение, дернулся раз, второй, но как мог сопротивляться пьяный? Он и руками-то толком шевельнуть не сумел, глаза не открыл.

Все закончилось очень быстро. Тело расслабилось, в спальне гадко завоняло. Мишель забрал с собой подушку и вышел вон.

Пашка в ужасе вжался в стену камина.

Отец!

Жуть-то какая, чтобы вот так... Родного человека...

Кошмар!

Нет, ни на минуту он тут не останется!

Пашка едва от ужаса перстни не проглотил. И отцу рассказал, что видел.

Трубочист выслушал его – и отвесил крепкий подзатыльник, от которого перстни все-таки проскользнули в горло.

– Молчи, сопляк! Не было тебя там! И не видел ты ничего! Понял?!

Пашка закивал головой:

– Понял, батя...

– То-то! Молчи! Убьют ведь!

Это Пашка понимал.

И честно молчал. Даже когда три дня по кустам прятался, чтобы перстни добыть, молчал. А матери их отдать все ж побоялся.

Если их искать будут... мать далеко от дома не уедет, отдаст в ближайшую лавку, а куда уж они оттуда уйдут? Ежели на глаза тому... отцеубийце попадутся?

Он отца не пожалел, а уж Пашкину семью и вовсе приговорит!

Но и выкинуть – как?

Пашка их запрятал в тайное место и решил пристроить при случае. Мало ли кто? Мало ли что?

* * *

Наутро поместье облетела печальная весть.

Скончался великий князь Гавриил. Люди, горе-то какое! ГОРЕ!!!

Мишель рыдал, не скрывая слез, его поддерживали, утешали, выражали ему соболезнования... надо понимать! Отца парень потерял!

Вот ведь горе горькое!

Дядя, потом отец... ну хоть бы какая душа родная... как же не везет бедняге!

Глава 10. Ах, уплывите, обманы! Ах, обоймите, туманы!

Русина, Звенигород

Кого жом Тигр НЕ любил? До бешенства?

Да, были и такие люди. К примеру, вот эта! Освобожденка пламенная!

Стоит, волосы в гульку убраны, глаза навывкате, морда самая что ни на есть благочинная... жама Голубица. Кроткая...

Для своих (только тихо, чтоб не слышала) Гулька. Супруга жома Пламенного.

Кстати – законная. Венчанная.

Вот как так получается? На словах жом Пламенный громко осуждал церкви, и за лицемерие их громил, и всячески пренебрегал, но... с супругой-то венчался по всем правилам! И кто тут лицемер? И эта... крыса летучая туда же! Пережиток прошлого, опиум для народа, бред сумасшедшего, отрывка Средневековья... ну и не венчалась бы? Так нет ведь, еще и в фате в храм шла, как приличная. Смешно даже. Стоит, рыло постное...

– Что вам угодно, жама?

– Нам надо поговорить, жом Тигр.

Тигр ни о какой-такой-рассякой надобности и близко не подозревал, но вдруг что полезное скажет?

– Проходите, жама, – посторонился он. И все же не удержался: – Главное, чтобы супруг вас не приревновал, если узнает о нашей встрече наедине.

– Не приревнует, – даже слегка польщенно отмахнулась жама. – Пламенный знает, что я верна только ему и Освобождению.

Всему сразу? Или правильнее сказать – сразу всем?

Тигр подавился своим ехидством и решил помолчать. А то ведь как выскажется... а дура эта злопамятная и подлая. С ней еще не всякая крыса сравнится, те милейшими созданиями бывают.

– Проходите, жама. Что-то выпить?

– Не пью.

– Тогда просто присаживайтесь. Что привело вас ко мне?

– Яна Воронова, – коротко ответила жама. – Кто это?

Тигр порадовался, что ничего не налил. Впрочем, слюной он тоже отлично подавился и едва не скончался на глазах у дамы, отчаянно откашливаясь и отплевываясь.

– Кха! ТЬФУ!!! КТО?! КАК?!

Вопросов было очень много, пришлось их сплевывать вместе со слюнями, но жама поняла. И разъяснила подробно и обстоятельно. Были и у нее хорошие качества. Она искренне считала, что вокруг все дураки, а значит, и разговаривать с ними надо доходчиво. Объяснять по десять раз и не обижаться, если дойдет только на одиннадцатый. Ну дураки же!

– Я приехала к мужу и обнаружила, что он расстроен.

Тигр едва не подавился вторично. Расстроен? Да трехсотлетний клавесин – и тот не был бы расстроен больше! Валежный уже взял Беркут, считай, полстраны в руках врага, договориться не получается, на столицу он идет с четко выраженными намерениями, и за Петра им прилетит, тут и к гадалке не ходи.

Лионессцы помогать отказались, Борхум закрыт, Ламермур – как получится, но добираться туда сложно. А вот Валежному несложно, он скоро будет в Звенигороде.

Конечно, ведется агитация.

Конечно, пропаганда работает. Но в том-то и беда, что работает она с обеих сторон!

Пламенный яро убеждает, что торам власть давать нельзя. Вся власть должна принадлежать народу, земля – крестьянам, фабрики – рабочим, понятно, не всем, а отдельным представителям, но о таких пошлостях стараются не упоминать. Вот еще не хватало!

И народ верит.

Войско растет, но – медленно.

Плохо как-то с этим делом сообразуется продрозверстка. А проводить ее приходится, Петер, чтоб ему на том свете век на ежиках голым задом, страну оставил в глубокой разрухе. Так что...

Поди убеди людей, что им нужно воевать за тех, кто обрекает их на голод. Кто-то пойдет, понятно, но качество таких войск оставляет желать лучшего.

А «классово близкие», с которыми сведено знакомство по тюрьмам, тоже в бой не рвутся, им своя шкура ценнее собольей.

Валежный тоже вел пропаганду. И нельзя сказать, что безуспешную.

Разоренная страна, голод, холод, и вообще – при императоре было лучше!

А поскольку при нем действительно было... не хуже, скажем так, народ слушал. Да и убийство императорской семьи Пламенному плюсов не добавило.

Он-то рассудил так: нет человека, нет и проблемы. А поди ж ты! Мертвый Петер оказался хуже живого. Живой был тупым и трусливым. Мертвый...

Что тут скажешь?

Любит у нас народ мучеников! И поди объясни, что за все его дела Петеру еще мало досталось! Не помучился как следует! Если найдется выживший потомок императорского рода, то Валежному и трудиться особо не придется. Народ к нему кинется.

И тот, что за императора, и тот, что сомневается. А деньгами его снабжают.

Не особенно щедро, но деньги есть. И оружие, и продовольствие... хотя оружие они прекрасно и у противника отбирают.

Так что...

Да, можно сказать, что Пламенный расстроен. Рушится мечта всей жизни. И вторично ее осуществить не получится. Освобожденцы столько наворотили в несчастной Русине, что отныне жандармский корпус надо держать не для их поимки, а для их спасения. От рук ликующих народных толп. Которые с ликующим воплем: «Ага, попался, сволочь!!!» – раздерут в клочья любого освобожденца. Вместе с его идеями, да.

И ликовать будут. Тигр даже не сомневался. Ни минуты.

А что там про Яну? Можно подробнее?

Жама Голубица не разочаровала. Как и любой женщине, ей было любопытно, чем занимается супруг. А то, во что он ее не посвящает, вдвойне интересно! Поэтому до секретных документов жама тоже добралась. И обнаружила, что у жома Пламенного совместные дела с Мишелем Вороновым.

– Этот... бугор?^[21]

Тигр хотел выразиться конкретнее, но в последний момент спохватился, что разговаривает с дамой, и заменил термин на более пристойный.

– Да, жом. Так что это за Яна Воронова?

Тигр опустил глаза и решил почти сознаться.

– Моя вина, жама. Я, дурак, подшутил, а ваш супруг, кажется, поверил...

– Во что?!

Тигр честно пересказал историю своего знакомства с Яной. И развел руками. Мол, в шутку сделал вид, что узнал ее на портрете. Но кто ж знал, что Пламенный это всерьез примет? Это же портрет! Да и сходство есть, но императорская семья большая, сколько веков они по бабам гуляли? Могло быть сходство, могло!!! И между императорской дочкой и крестьянской, к примеру!

Или потомком брюхатой горничной, которая ушла из дворца, стала женой какого-нибудь мещанина... бывает же всякое!

Хотя и не такое!

Чтобы великая княжна, зная, кто приговорил ее, кто убил ее отца, и... вот так себя вела? Вы себе это можете представить?

Такой выверт сознания жама Голубица, конечно, не представляла.

– А кто же она тогда?

– Да кто угодно! Мало у нас этих... эмансипэ?^[22]

Жама Голубица кивнула. Себя она, кстати, таковой не считала.

Эмансипация? Что вы! Только Освобождение! А остальное от Хеллы!

– Вы правы, жом Тигр. Но муж поверил всерьез. Они хотят найти вашу знакомую и выдать ее замуж за Мишеля Воронова.

Третий раз Тигр не подавился. Уже притерпелся. А вот от матерного выражения – эквивалента «Они окончательно с ума сошли?» – увернуться не удалось. Жама Голубица вздохнула:

– Я боюсь, что и мой супруг не устоит перед искушением.

Тигр кивнул.

А чего тут непонятного? Если Пламенный поверил... ну и зачем отдавать вероятную императрицу Мишелю? Он сам отлично женится!

Ах, есть у него жена?

А она не стена. Подвинем и захороним.

Зная супруга и его стремление к власти, жама Голубица этот вариант просчитала и принялась искать союзников. И, разумеется, нашла их.

Тигр поцеловал жаме ручку, заверил в своем содействии и выпроводил. И заходил по комнате.

Ну, Пламенный!

Ну, собака страшная!

Был бы у Тигра хвост, так сейчас бы точно все полоски об стены обтрепались. Яну ему?!

Хрен тебе с бугра, а не мою Яну! Сволочь такая!

Не говоря уж обо всем остальном...

Но что делать-то? С продовольствием они с Ураганом вопрос решили, тот написал, что едет домой, хотя и как-то... без особой радости. Но это ладно, тут не до счастья и любви.

Но даже вдвоем они против Пламенного работать не смогут! Нужен кто-то... кто-то такой, кто сможет. Но это... измена.

Хотя... он что, Пламенному – супруга, что ли? Чтобы изменять? Вот уж увольте, у него другие вкусы! Были, есть и будут!

Так что...

Императором стать захотел, Пламенный? На трон свою тощую задницу уместить? Законно?! Легитимно?! Чтобы никто и не пискнул?!

А этот дурачок Мишель тебе теперь нужен, чтобы опознать Яну точно. Меня ты посвящать не хочешь, это понятно, а его можно попользовать втемную, да и списать? Слить в нужник?

Ну что же. Сам напросился.

Опасно, конечно. И если поймают, это смертный приговор. Но и Пламенный не пощадит. Так что...

Тигр махнул рукой и уселся за письменный стол.

Ревность? Злость? Нет, что вы! Резонное опасение за свою жизнь! А лирику оставьте поэтам, тут ей не место! Вот!

Анна, Россия

– Кира, как ты могла?!

– Анечка, ну милая, ну прости...

– Я-то прощу. А вот твой отец с нас шкурки спустит и в Африку пустит!

– А-а-а-а-ань!

– Запрись в комнате! Сиди там! И – тихо! Поняла? Я сейчас приеду, жди меня и никому не открывай. Какой номер?

– Триста шестнадцать.

– Вот там и сиди! Поняла?

– Д-да.

Анна сунула в карман смартфон и порадовалась, что в городе. А заодно подумала, что надо бы при встрече открутить Витюше все, до чего доберется!

Скотина, тля!!!

Другого слова у нее не было!

После фиаско в спортклубе Витя решил не отступаться от девушки. А жаль.

А еще жаль, что Кире она по башке не настучала. Но... вот!

Малолетняя балбеска была твердо уверена, что влюблена. И что любимый ей никакого вреда не причинит! А как же иначе?!

О том, сколько таких «уверенных» оказывается в моргах, ей Анна рассказывала. С Яниного опыта, понятно, та много чего знала. Но когда это дети считали взрослых умнее себя?

Понятно, было такое! Но давно и неправда!

А если и правда, то со мной такого точно не случится. Это ж Я! Вот с другими может, а со мной никогда и ни за что!

Анна из Кире это убеждение вытряхивала, но...

Не успела еще. Времени было маловато, хотя иным и всей жизни не хватает для осознания. Уж очень она короткая оказывается...

Одним словом, Витя – предложил. И Кира согласилась.

А предложил Витя Кире пойти на настоящую крутую тусовку. Не в спортклубе сидеть, где одни старперы (до которых Вите, как до Китая в позе рака), не в кафешке, а чтобы все было реально круто!

Вот, его в общагу пригласили! Там как раз отмечают че-го-то...

Там, конечно, все взрослые, крутые, но если Кира считает себя маленькой и глупой... дальше продолжать? Вот и Анне не надо было.

Кира считала себя большой и умной, и ее ума хватило, чтобы прийти в клуб, начать заниматься, потом сделать вид, что у нее внезапно заболел живот, и удрать за таблетками...

И Анны, как на грех, рядом не было, ей надо было поговорить с адвокатом. И Гошка дома остался. Так что никто Кире не помешал и выйти, и сесть к Витюше на скутер, и приехать в общагу...

И – получить разочарование по полной программе.

Толпа пьяных студентов – и домашняя девочка?

Киру попытались полапать, напоить, затащить в комнату «посмотреть наклейки», хотя Кира так и не поняла, зачем их ТУДА наклеивать? Потом же неудобно будет...

Витя отлично влился в компанию, тискал за попу какую-то девицу... или она его тискала? В него быстро влили стакан водки, потом еще один, а из закуски-то только черный хлеб! Так что...

Витя защитой не был.

А удрать...

Кира откровенно боялась. Она сейчас на третьем этаже, и комендант вусмерть пьяная, она видела, и... она просто боялась. И позвонила Анне.

Та только ахнула и сорвалась с места.

Потом она открутит балбеске уши! Но сначала ее надо вытащить целой и невредимой.

А вот что она открутит Витюше...

Кажется, в доме есть пассатижи? Для зажимания и кручения?

* * *

Вот и общежитие.

Хорошо хоть, добираться недалеко пришлось. Длиннющая пятиэтажка с рядом одинаковых окон, третий этаж ярко освещен, первый и второй тоже, на остальных все окна темные.

Анна не знала, но недавно руководство института решило наплевать на всю толерантность и сделать из этого общежития «отстойник». Некрасиво звучит?

А то ж!^[23]

Но студенты тоже бывают разные. Бывают нормальные, а бывают и чупакабры, которым лишь бы погулять. А в сессию они активизируются, точнее, активизируются кошельки их родителей...

Вот для таких эта общага и была устроена.

Ректор решил отремонтировать комнаты и драть за них ломовые цены. А еще поселить сюда иностранцев, все равно половина приезжает не учиться, а диплом получать^[24].

Поэтому пока четвертый и пятый этажи были закрыты. Там шел ремонт. А вот три первых этажа уже были заполнены «переселенцами». Всего у института было пять корпусов общежитий, так что ректор счел это наименьшим злом. Человеком он был старой закалки, сам приехал из деревни, жил в общегае и помнил, как бесил, даже БЕСИЛ сосед, который постоянно устраивал гулянки и пьянки. Для деревенского мальчишки учеба была единственным шансом выбраться наверх, а для соседа...

«Учиться надо весело», – говорил он и притаскивал с вечера водки, а с утра – пива.

Так что ректор махнул рукой, потребовал с комендантов списки тех, от кого они мечтали избавиться, и принялся компоновать. Лучше уж помучиться недельку, чем пять лет жалобы слушать. И потом туда таких же скидывать.

Вот общега и гуляла.

Коменданта ректор тоже подобрал подходящего, из любителей выпить, и вахтеров таких же...

Анна этого не знала. Но в общегагу вошла смело.

Триста шестнадцать?

Вот «вертушка», вот «рамка», вот пьяный вахтер, вот длиннющий коридор... где тут лестница на третий этаж? Ага, вот!

Анне повезло. Основная гулянка была на третьем как раз этаже. На кухне третьего этажа. И в общежитии были две лестницы. Одна ближе к выходу, вторая, на которой сейчас и было оживленное движение, ближе к кухне. Поэтому по лестнице она поднялась беспрепятственно. А вот потом...

Сразу на этаж она выходить не стала.

Пропустила одну веселую компанию, вторую... дождалась затишья, когда кто-то заорал с кухни, приглашая всех выпить, – и вышла с площадки.

Ага, очень удачно.

Триста шестнадцатая комната как раз через две двери. Анна метнулась к ней рысью.

– Кира!!! Это я, Анна!

Замок мгновенно скрежетнул, и у Анны сердце сжалось. Бедная девочка. Сидела за дверью, прислушивалась к каждому шороху... авось впредь умнее будет! Если сразу не дошло, так сейчас страхом хорошо добьется!

– Анечка!

Анна втолкнула девочку в комнату и подождала, пока пройдет еще одна компания. Поднесла палец к губам: молчи! Протянула руку – возьми, и идем.

Кира слушалась.

Опасность они оценивали достаточно здраво. У нас, конечно, не Европа с их паршивой толерастией, по которой ты даже защищаться не можешь, если напавший принадлежит к какому-то меньшинству. Не то чтоб его в ответ отходить поленом, а даже себя защитить нельзя! И полиция не поможет, чтобы «не разжигать национальную рознь». У нас пока понимают, что подонок национальности не имеет, равно как и сексуальной ориентации. Но...

Скопище пьяных мужиков и баб? Да еще половина иностранцы?

Понятно, потом пожалеют и покаются. Наверное. Но что с тобой-то сделают в пьяном угаре? Хорошо хоть, у Киры хватило ума это понять и не геройствовать.

Рывок на лестницу получился очень удачным. А вот потом...

Кой черт занес их именно сюда и сейчас? Видимо, поднимались за Анной? Или прошли мимо и решили выкурить косяк?

Двое здоровущих парней явно восточной национальности, не кавказцы, а что-то другое... Сирия? Иран? Оба пьяные (после заката Аллах не видит, значит, можно), воняющие марихуаной (про нее в Коране вообще ничего нет) и весьма возбужденные^[25].

И оба весьма обрадовались девушкам.

Один встал и напрямик направился к Анне.

Второй просто широко развел руки и развалился, перекрывая проход.

Анна скрипнула зубами. Разум ее работал четко. Если она сейчас начнет драться... она – не Яна. Она не сможет быстро и качественно вырубить человека. И этих двоих тоже.

Поднимется шум, прибегут другие... и какие именно?

Может ли она так рисковать Кирой?

Нет.

Поэтому она сильно, до синяков сжала руку девочки.

– Стой и молчи!

– Аня...

Поздно. Анна уже шагнула вперед, в гостеприимно распахнутые объятия. Но порадоваться парень не успел.

– Умри, во имя Хеллы.

Тихо-тихо. Но ведь сработало же!

Тело осело на ступеньки, а Анна уже сделала второй шаг и наклонилась ко второму наркоману. Он даже пока еще осознать ничего не успел, не понял, почему оседает на пол друг, так и сидел с глумливо-похотливой улыбочкой на толстых, словно замасленных губах...

– Умри, во имя Хеллы.

И на ступеньки мягко ложится второе тело.

Анна схватила ошеломленную Киру за руку и потащила за собой. По счастью, больше им никто не встретился.

На улице девушка взглянула на маленькие часики.

Ага, до приезда Романа у них еще есть полчаса. Даже чуть больше. Занятие в спортклубе занимает три часа, это пока скалодром, пока бассейн, пока одеться-раздеться, посидеть в кафешке...

Время есть.

И Анна затащила Киру в первый попавшийся закоулок.

– Кирюша, соберись! Как ты себя чувствуешь?

– П-плохо. Ань, а эт-ти...

– А что – эти? Лежат себе. Тихо.

– Т-ты их уб-била?

От шока Кира заикалась. Анна покрутила рукой у виска:

– С ума сошла?

– А к-как?

Девочка явно приходила в себя. Анна только вздохнула и воспользовалась знаниями Яны.

– Если сильно надавить человеку на сонную артерию, можно лишить его сознания. Но так и убить можно, учти. Не умеешь – лучше не делать.

– А ты их... убила?

– Кира, у меня бы на это времени не хватило, – покривила душой Анна. – Оглушила, да. Хотя кто его знает, что дальше будет? Если с

лестницы не рухнут, шеи себе не поломают... после такого может быть потеря ориентации в пространстве. Но если что – говорим, что они просто под наркотой, поняла?

– Да...

– Что они нас не схватили, хотя и пытались. Координация движений у них уже была никакая, мы увернулись и удрали. Поняла?

– Поняла.

– Нам лишние вопросы не нужны.

Говорить девочке правду Анна не собиралась! Это уж явный перебор! Нельзя такое на малышку взваливать, тут и взрослый сломаться может. А уж девочка...

Кира ткнула её в плечо и разревелась.

– Аня, я так испугалась! Витя...

– Козел! – рыкнула Анна, мысленно извиняясь перед милейшими животными.

– Д-да.

– И чтоб я больше про него не слышала. Не то пришибу!

– Да я его сама пришибу!

– Нет уж! Я старше!

– А я... он меня подставил!

– Зато у меня шансов больше!

Кира постепенно оттаяла, заулыбалась, и Романа они ждали уже у клуба, перешучиваясь и пересмеиваясь. Ничего. Такое не забудется. А Вите Анна еще разъяснит! Кажется, в кладовке была швабра? Такая старая, крепкая, с ручкой из натуральной древесины?

* * *

– Аня!

Когда на тебя шлепается пятьдесят килограммов одной тушкой, становится не до сна. А если эти килограммы еще и верещат... Аня только порадовалась, что сегодня Гошка не с ней спал. Кира бы его точно разбудила.

– Что случилось?

– Аня... они мертвые!

– Кто? Где?

Прозвучало это настолько изумленно, что Кира даже встряхнулась.

– Ты бы еще – когда – спросила!

– И? Когда? Кира, что такого случилось, что ты ко мне в пять утра ворвалась?!

Киру аж трясло.

– Мне сейчас Витин отец позвонил. Он сюда едет...

– В пять утра?

– Витя в полиции! Все в полиции! В общежитии два трупа! А Витя ему сказал...

Аня скрипнула зубами:

– Ах ты ж... тварь! Кира, немедленно одеваться, платье и волосы в косу заплести, поняла? Никаких стразов, никакой бижутерии, никакой косметики! Встречают по одежке! Я к Бор... к Борису Викторовичу!

Заминку Кира и не заметила. Девочку словно вихрем с кровати снесло.

– Лечу!

Здесь и сейчас не время для споров. Выберутся – разберутся.

Анна вылетела из кровати и принялась одеваться. Простое коричневое платье, воротник под горло, длинные рукава, юбка-клеш ниже колена. Единственное украшение – вышивка на лифе. Сама расшивала, белые ромашки красиво получились.

Провести по волосам пару раз щеткой и уложить так, чтобы ни прядки не выбивалось.

Скромно, просто, очень достойно. И – вперед. Из комнаты.

* * *

Боря спал, когда Анна поскреблась в его дверь.

– Борис Викторович! – И серьезнее уже постучала. – Борис Викторович!

Минуты три прошло, прежде чем мужчина проснулся.

– Анна? – Дверь приоткрылась. – Аня, что случилось?

Анна быстро шагнула вперед, оттесняя мужчину в его комнату, и прикрыла за собой дверь.

– Есть разговор.

– Слушаю! – Боря не удержался и притянул Анну к себе, но та неожиданно отстранилась.

– Боря, все очень серьезно. Очень!

– Слушаю! – напрягся мужчина.

– Я надеялась, что все обойдется. Так получилось, что Кира вчера поддалась на Витюшины уговоры. У меня была встреча с юристом, и она сбежала из спортзала, оставшись без присмотра. Этот подонок пригласил ее на вечеринку в общежитии.

То, что высказал Боря, напечатать возможным не представляется. Все одно цензура вычеркнет.

–!!!!! И?

– Поняв, куда попала, Кира позвонила мне. Я приехала за ней и забрала девочку.

– Это все?

– По дороге мы встретили двух обдолбанных... я не знаю, какой они национальности. Арабы, может быть? Они попробовали к нам пристать, но мы удрали, – просто объяснила Анна.

– Хм?

– Они уже были в том состоянии, когда неясно, кого из шестерых девушек ловить. Но хотелось всех, – пояснила Анна. – Увернуться было несложно.

– Вот как. И мне об этом никто не сказал?

В голосе Бориса звенели первые грозовые раскаты. Да, достанется девчонкам потом... но это – потом!

Анна развела руками:

– Кира все поняла, больше она так делать не будет. Все обошлось, но в общежитии каким-то образом оказалось два трупа.

– ЧТО?!

– Витя, я так поняла, оказавшись в полиции, стал звонить отцу. И тот сейчас едет сюда, разбираться.

– Я его самого на части разберу, – пообещал Савойский. И отправился умываться.

* * *

Станислав Семенович, отец Витюши, прибыл ровно через пятнадцать минут. Наверное, гнал всю дорогу как сумасшедший. Но Анна была уже готова. И Борис Викторович тоже.

– Ну здравствуй, Стас. Проходи.

Мужчина лет сорока на вид почти промаршировал в гостиную. Прищурился на Киру. Потом перестал щуриться и вздохнул. Анна не просто так отдала ей приказ одеваться правильно. Сейчас Кире и пятнадцати бы никто не дал. Верхние округлости у нее еще не выросли, а в голубеньком платье в цветочек ей и тринадцать-то сложно было дать. Темные волосы заплетены в косу, свежее личико не накрашено, сплошная невинность.

Станислав мчался ругаться с опытной шалавой, которая затащила невинного мальчика на вечеринку и слиняла с мужиком, как ему сказал Витя. А оказалось...

– Здравствуй, Боря. Ты уже в курсе?

– Что ты позвонил моей дочери с утра пораньше, изрядно ее напугал, орал в трубку... да, я в курсе, – без удовольствия ответил Савойский. – Ладно, что поделать. Проходи, раз приглашаю, садись. Кофе налить?

– Не хочу, спасибо. Скоро кофеин из ушей пойдет.

– Аннушка, что у нас там есть из напитков?

– Есть квас из молочной сыворотки. Есть компот из брусники и бруснично-свекольный напиток. Сейчас подам, – спокойно восприняла вопрос Анна. Не до фанаберий.

Пара минут ей потребовалась, чтобы дойти до кухни, поставить на поднос кувшины, стаканы. Подумав, достала из холодильника блюдо с маленькими пирожками и сунула в микроволновку. Как раз согреются, пока она за ними вернется.

Кира предпочла компот из брусники, Борис Викторович оценил свекольный напиток, а гость решил попробовать квас. Под пирожки с разными начинками, маленькие, на один укус, хорошо пошло.

А там и разговор пошел.

– Мне Витя позвонил. Из полиции. Сейчас там мой юрист, а я приехал к вам. К Кире Борисовне.

Ссориться мужчине явно не хотелось. Может, увидь он прожженную девицу, вроде той телки из кинотеатра, он бы не

выдержал, но Кира в этот образ никак не вписывалась. И ссориться с Савойским не хотелось. Тоже не ложка меда.

– Станислав Семенович, если позволите, – взяла слово Анна, – Кира сейчас перескажет события прошлого вечера. А вы их сравните с рассказом сына, хорошо?

– Хорошо, – согласился поостывший мужчина и сделал еще глоток кваса. – Чудо какое! Прямо хоть рецепт записывай!

Анна пожала плечами:

– Я вам запишу.

Там и рецепт-то... она творог для вареников делала, сыворотка осталась. На литр сыворотки пятьдесят граммов сахара, десять граммов дрожжей, мед по вкусу. В теплой сыворотке сахар и дрожжи развести и поставить на шесть часов для брожения. А потом охлаждать.

И квас готов^[26].

– Это вы делали?

Анна кивнула.

– Простите, что перебила. Кира, пожалуйста, расскажи все, как было, и ничего не скрывай.

– Я... Витя классный, вы знаете. И мне он очень нравился. Он предложил удрать на вечеринку.

– Вот как...

– Сказал, что в общаге, что круто, что у него там друг есть... вроде как Миша...

– Есть такой. Колония по нему плачет.

Кира пожала плечами. Мол, не знаю.

– А когда мы пришли, этот Миша мне сразу не понравился. Он Витю напоил так, что тот почти сразу отключился. Ну и меня пытался, но я пить не могу. Меня тошнит сразу... я испугалась. Он смотрел... нехорошо.

Борис Викторович скрипнул зубами. Кажется, Миша таки доедет до колонии.

Станислав Семенович опустил глаза. Явно что-то знал, отметила Анна.

– Вот... я заперлась в свободной комнате, триста шестнадцатой, и позвонила Ане. Она за мной приехала, и мы ушли.

– Просто ушли?

Кира качнула головой:

– Нет. Там, на лестнице, по которой мы уходили, двое парней... такие... страшные. Аня меня защищать хотела, а они уже никакие были, только руки тянули и глаза таращили. Мы и ушли. А что случилось? Вроде, говорят, два трупа?

– Да арабы, – как сплюнул Станислав. – Наширялись, да и отправились к Аллаху на отчет!

Анна подумала, что скорее к Хелле. Но промолчала. Этот вопрос она прояснять не собиралась.

– Это не Витя. Он с наркотой никак... и он сразу пьяный стал. Вообще никакой.

– Точно?

– Да. А это... ой, Аня, а это те двое?! Которых мы вчера видели?!

Анна пожала плечами:

– Кира, мне это безразлично. Я бы им помочь все равно не смогла. Я не медик. Приставать не стали – уже хорошо.

– Сволочи, – рыкнул Борис. – Вырываются к нам, как из голодного края, и на баб чуть не кидаются! Знают, за своих им оторвут, что болтается, а тут гуляй – не хочу!

– Вот и не давали бы, – поддержал Станислав, понимая, что все не так страшно. Ну, был там Витя! И что? Там еще много кто был.

А арабы... все верно. Толерастия до добра не доводит. Должны знать, что если бабы и дают, то только добровольно. А если кто слово «нет» не понимает, так, может, палкой по организму вернее дойдет?

– Сам понимаешь, в общаге... там какой спрос, – отмахнулся Борис. – И... Кира, ты как хочешь, хоть реви, хоть ори. Еще раз увижу с Виктором рядом – тебя и Аня не спасет.

– Я больше не стану с ним встречаться, – твердо пообещала Кира. И посмотрела в глаза его отцу: – Станислав Семенович, пожалуйста, объясните Вите, что мужчины так не поступают. Мне вчера было очень страшно. И нам повезло, что эти двое... что они нас не схватили. Пусть у него все будет хорошо, но только подальше от меня.

– Я его в школу-пансион отправлю, – пообещал мужчина. – Зарвался, щенок.

– Спасибо.

– А это рецепт, – протянула листок Анна. Мужчина взял его, мимоходом задержал в своей ладони руку Анны. Пальцы девушки

были теплыми. Рука не дрожала. Она не нервничала.

– Спасибо вам, Анечка.

– Пожалуйста, – равнодушно ответила девушка.

Им еще предстояло давать отчет Борису Викторовичу.

* * *

Вопреки предположениям отчет оказался коротким. Успел Боря перегореть, пока с Витиным папашей беседовал. Так что... Было?

Было.

Удрали?

Удрали.

Ну и слава богу. Если вопросы возникнут, будем решать. Но Борис Викторович уже позвонил знакомому, и тот его успокоил. Сказал, что, видимо, под наркотой у молодых сопляков не выдержал организм. Или под водкой и наркотой... вроде как оба пили, оба что-то курили... сейчас уж не понять, в общаге хотели следы замести, ну и... там теперь сам черт ногу сломит! Если б не Витюша, и к Кире бы вопросов не возникло.

У властей, забегаая вперед, и не возникло. Какие уж тут вопросы? Когда у одного инфаркт, а у второго инсульт? И никаких следов воздействия. Сами виноваты, получается.

Может, синтетику какую употребили, может, еще чего...

Анна из-за убитых не переживала.

Не так, как из-за первых. Она не превращалась в бездушное чудовище, готовое вырезать целый город, нет. Но испытывать угрызения совести из-за смерти каждого подонка?

У них были плохие намерения. Анна их просто опередила.

Приятного аппетита, Хелла.

Яна, путешествие

Кто бы сомневался, что путешествие не обойдется без приключений.

Источником неприятностей стала Хормельская волость. Вроде и ехали-то самым краем, да и тот бы не затронули, но уж очень рельеф местности тут неудобный! Либо дней десять тратить и объезжать, либо проехать напрямую. Понятно, Федор Михайлович выбрал второе.

Вечером они сидели у костров.

Отдельно купец с семьей, Топыч и Яна с сыном.

Отдельно слуги.

Отдельно охрана.

Сидели себе и сидели, спать еще не ложились, ужинали, когда на поляну выехали несколько всадников, одетых самым причудливым образом.

Все верно, обмундирование ребята Счастливого добывали себе сами. Поэтому на одном был добротный тулуп и почему-то кожаная каска, на втором женская меховая безрукавка и солдатские штаны, на третьем вообще шелковая юбка... его для употребления возят?

Яна напряглась.

Это у нас что – местные махновцы? Похоже...

Пан-атаман Грициан Таврический пожаловал?^[27]

– Кто такие, откуда едете, куда? – начал беседу парень в кожаной каске.

– Купец я. Мимо еду. Не хотите ли к нашему костру, жамы? – вежливо предложил Федор Михайлович.

Сенька, а в кожаной каске был именно он, приосанился. Так-то!

Здесь и сейчас он был полным властителем судеб людских! Это пьянило! Вот они, сидят, караси, и полностью в его руках. Захочет – обдерет, захочет – на сковородку. А пожелает, так и отпустит, Папаша против не будет!

Ишь ты, харю какую наел, мироед!

Купцов Сеня не любил. И, возможно, пришел бы к нехорошим действиям, но тут...

Чуть шевельнулась женщина, сидящая у костра рядом с купцом. И Сенька аж замер.

Отродясь такой красоты не видывал!

Глаза громадные, глубокие, брови словно угольком нарисованы, губы малиновые, а сама вся такая... гладкая! Видно, что тора! Породу не спрячешь!

Ноги сами собой понесли на землю с коня.

Пусть их! И купца он отпустит, и всех остальных! А вот эта... эта с ним поедет! Для личного употребления!

Сенька уже представлял, как загребет в кулак густые волосы, как потянет ее к себе, как...

Только что не облизывался. Пусть Папаша ругает! Но такую упустить – грех!

* * *

Яна готова была убивать.

Ах вы... час-с-с-совые! Ну, дайте мне только из этой передряги выбраться целой и невредимой. И вы из нее невредимыми не выйдете! Она лично об этом позаботится!

Как, как надо стоять на часах, чтобы мимо тебя столько народу прошло?

Или их попросту положили?

Так ведь выстрелов не было! Значит, или мимо прошли, или ножами поработали. А это уже другая картина получается... Неумехи паршивые!

Соплячье!

Вам бы прапорщика Баева, для вас бы устав караульной службы стал святее Библии!^[28]

А сейчас что делать? У нее дети! Гошка, Мишка, Машка, Топыч... если эти уроды стрелять начнут, всех положат. А если и не всех... малявки ей все равно дороги! Даже одного потерять не хочется!

Вот что тут сделаешь?

Пока Яне ничего в голову не приходило. Федор Михайлович что-то говорил, а она повернулась к Топычу и одними губами произнесла четко и ясно:

– Если начнется стрельба – падай и детей положи в снег. Понял?

Топыч прикрыл глаза, мол, осознал, сделаю. А Яна...

Говорят – взгляд аж дырку прожег. Да, бывает и такое. Яну словно кипятком обожгло. Она невольно подняла глаза...

Во взгляде парня в каске читалась такая откровенная неприкрытая козлячья похоть... словно она его только что виагрой накормила!

Но с чего бы?

Хелла, твои шуточки?! Ладно, при встрече спрошу! А пока...

Пока парень так смотрел, словно Яна ему тут стриптиз исполняла! Он что – баб не видел? С голодного края?

Яна не понимала, что достаточно выгодно отличалась от крестьянок. Ей это интересно не было. А тем временем...

Густые волосы, правильное чистое лицо, стройная фигура, сильные и плавные движения – она действительно была красива. Да еще и не выпячивала этого. А уж в смутные времена...

Плюс нотку шарма добавляла ее кажущаяся беззащитность. Никто ж не заступится!

Так, и чего этому козлу надо?

Яна понимала, что всех ей не положить. Даже с помощью благословения Хеллы. Но что еще можно с ними сделать?

На память пришла та же киноклассика. Да, безусловно, убить их не получится. А напугать?

А напугать – реально. Это ж не элитные кадровые войска, увидев чудовище, каждый будет стараться спасти свою шкуру. Но никак не идти в атаку. Это – сброд.

Прости, парень...

Правда, могут попытаться пристрелить чудовище. Но не детей же! А важно только это.

Сеня, не подозревая о мыслях Яны, сделал шаг вперед. Второй, ближе к купцу.

– Дочка твоя, что ли?

– Сноха, – как уговаривались, отозвался купец. – Не тронь ее...

– Помолчи, толстомясый, а то стрельну, – показал револьвер парень. И держал-то оружие по-дурацки. Не как оружие, а как... аргумент! Вот покажу – и все испугаются и согласятся. Привык, что ли, к безнаказанности? – С нами она поедет... сюда иди, красотка.

Яна медленно встала.

Сам напросился, козел!

Шаг, второй, прямиком к парню, глаза которого светились все ярче... будет вам «Плейбой», сволочи! Смотрите, как бы глазыньки не повыпадали!

Федор Михайлович было дернулся, но Топыч (умничка, золотце мое!!!) схватил его за руку. Яна видела это краем глаза.

Третий шаг, четвертый.

Встать вплотную к парню и медленно потянуть его за собой, вбок, подальше от костра, чтобы никто не заметил лишнего... Что проще всего на костре сделать? Да мясо пожарить. А вот руками Яна его брать не любила, накалывала куски на вилку, так удобнее...

Парень послушно пошел за ней.

– С тобой поехать, – мурлыкнула Яна.

– Да... королевой ходить будешь! Императрицей!

– Императрицей, говоришь?

– Да...

Еще шаг... если по ней и начнут стрелять, детей не заденут. Да и не вся ж охрана такая тупая? Если Яна отвлечет подонков, неужели с ними не справятся?

А зрелище она обеспечит!

– А если мне деньги не нужны?

– Да? – Парень уже мало что соображал, судя по его реакции...

– Да! – громко рыкнула Яна. – Мне твоя кровь нужна!

И тихо-тихо, шепотом:

– Умри, во имя Хеллы...

Подхватить оседающее тело и прикинуть ртом к шее. А потом выпрямиться и как следует блеснуть окровавленными зубами.

Хорошо получилось, достоверно!

Первым сообразил Топыч. Кинулся на детей, прижал их к снегу. Вторым сверху повалился Федор Михайлович, тоже понял.

Тело подонка потянуло Яну вниз, и она не стала сопротивляться, еще им и накрылась, потому что со всех сторон вразнобой загремели выстрелы. А в таких случаях лучше не стоять. Попадешь еще под шальную пулю...

Впрочем, из-под трупа Яна высунулась. Немножко. Револьвер у нее был всегда под рукой, так что все шесть пуль она выпустила, и минимум три подонка на ее счету оказалось.

Охрана тоже пришла в себя... козлы!

Через десять минут все было кончено. Кто из бандитов ушел... кажется, кто-то удрал. Но больше десятка остались лежать на земле.

Яна выползла из-под трупа и брезгливо вытерла рот.

– Тьфу! Какая ж гадость ваша заливная рыба! Дети, лежать! Мало ли что! Где охрана, мать вашу переэтак?!

– Я бы тоже хотел это знать! – Федор Михайлович поднимался с земли. И зол он был, как разбуженный в декабре медведь. – Я за что вам, так и этак, плачу?! А?!

Сказано, конечно, было намного более подробно и с указанием родословной охранников, но те не протестовали.

Проштрафились они по полной.

Главный охраны, Сидор Сидорович, первым подошел к купцу. И тоже принялся расспрашивать своих людей.

Как оказалось, один из охранников, некий Федька, имел склонность к спиртному. Вот и погрелся, чуток избыточно. Пьяный часовой – дрянь. Так что в ножи его взяли быстро. Как этих бандитов ни ругай, но ножом они владеть умеют, да и стреляют неплохо. Счастливым их гонять старается...

А потом просто прошли по трупу.

Федор Михайлович только головой покачал. И от души штрафанул всю охрану на двухдневный заработок. Не протестовал никто, понимали – за дело огребли. Могли бы и хуже.

– А как это вы... – Сидор Сидорович посмотрел на Яну. – Неуж впрямь его укусили?

На щеке у нее еще была кровь.

Яна брезгливо поморщилась, но потом решила открыть секрет.

– Я ему жилу на шее передавила и царапнула. Видимо, перестаралась.

– Э-э-э-э-э... – не сообразил начальник охраны. – Когтями?

Яна едва глаза не закатила.

– Не бойся ножа, бойся вилки. Один удар – четыре дырки!

Вилка у нее в руке была, она ее просто зажала поудобнее. А потом царапнула парню шею на месте артерии. Ей и надо-то было крови самую малость.

Мужчина посмотрел на вилку.

На Яну.

Опять на вилку.

И они с купцом грохнули диким хохотом избавленных от смерти людей.

Вилка! Четыре дырки! Очень кстати пришлась детская присказка!

– Яночка! Родненькая! Я ж вам по гроб жизни...

Куда и «тора» делась?

Какие там императрицы, какие княжны, какие высокородные?

Доченька, и родная...

Федор Михайлович и так ей был благодарен по гроб жизни за спасение внуков. Но когда оно вот там, где-то, а здесь только результат... не так оно воспринимается! Совсем не так!

Может, и было-то по-другому, кто ж его знает?

А вот здесь, на глазах, когда он сам увидел...

Когда облитая светом костра девушка шагнула навстречу подонку, уводя его от детей, словно птица – от гнезда, потянула за собой, и тот послушно пошел... Федор Михайлович и сам не знал, что бы он сделал. Но схватил за руку Потап.

– Яна сказала детей прикрыть.

– Э...

А больше купец и сказать-то ничего не успел. Потому как Яна что-то замурлыкала, а потом такой вопль ужаса раздался...

И было отчего.

Когда в тех же отблесках костра, и девушка отрывается от горла мужчины, и губы у нее в крови, и горло у него в крови, и он даже не сопротивляется, а так и оседает навзничь...

Вопль «УПЫРИЦА!!!», поди, в Звенигороде слышали.

Кто-то и стрелять начал, но Яна вовремя упала на землю, прикрылась телом мужчины, да так ловко, что ее не задели. А потом из-под него высунулась рука с пистолетом, и пошло веселье. Охрана, чай, тоже не зевала. Это уж когда «счастливики», так их по имени атамана называли, на поляну выехали, они побаивались. Вдруг кого из своих заденешь...

А когда они в растерянности, когда мечутся...

Тут и попасть несложно, и приятно даже как-то...

– Вы, тора, рисковали, – начальник охраны смотрел уважительно.

– Нет. Я его просто увела от детей... Они ж ожидали, что он меня тут и разложит, – спокойно объяснила Яна. – Такое бывает. Вот, мы отошли, все смотрят на нас, все стволы направлены на нас, детей Топыч положил и прикрыл, Федор Михайлович помог, вот все и сложилось. Они по мне стреляли, вы по ним.

– Вы так надеялись, что я их...

Яна кивнула.

Надеялась?

Только на себя. Федор Михайлович знал, куда доставить детей, случись что. И Топыча, и Гошку. В Герцогства. А она...

Хелла говорила, что она за один раз может убить одного человека. Приказать умереть одному. Не несколькими.

Вот убила она этого сопляка, повернулась ко второму. Приказала второму, потом повернулась к третьему, приказала третьему.

Так – можно.

А если бы она приказала умереть всем и сразу, сама бы рядом с ними легла.

Яна готова была пойти на это. Но не говорить же о таком вслух? Поэтому...

– Сидор Сидорович, я вас знаю. И работу вашу вижу. Федьку вы ведь почему терпели? Потому как он Акимкин родственник, а Акима Федор Михайлович с собой взял, ну и...

Мужчина кивнул:

– Ну да.

– А так-то у вас дураков нет. Все свое дело знают. И счастливиц этих вы бы положили еще на дальних подступах... вот и положили. На вашем-то счету сколько?

– Трое.

– Вот и ладненько. Меньше мрази – меньше грязи, – чеканно сформулировала Яна.

Мужчины переглянулись и кивнули. Оно и верно, так-то. Но очень уж радикальная генеральная уборка получается.

А Яна, отойдя в сторону, взглянула в небо. И тихо-тихо шепнула:

– Тебе, Хелла!

Между временем и безвременьем

Богиня довольно улыбнулась, поглотив еще несколько душ.

Ее силы росли. Их хватало уже и на маленькие чудеса, и на Зимнюю Охоту...

Она не ошиблась в девушках. Одна более решительная, вторая менее, но в нужный момент ни у одной рука не дрогнет.

Хорошие девушки. Правильные.

Даже жалко будет забирать. Особенно ту, что в Русине.

Но и вторая... Душ поставляет меньше, зато какие они качественные! Можно сказать – отборная дрянь! Такую и сожрать приятнее. Хелла была разборчива.

Что удовольствия в том, чтобы пожирать души глупцов? Вот Яна сегодня убила... так из них одного осмотреть, да и выкинуть. Сопля же...

Все пошли, и я пошел. Чтобы, значит, конь, да папаха, да бурка...

Убивают?

Ой, мамочки... а я не хотел! Страшно-то как...

Не душа, а слякоть. Вот и пусть в следующей жизни устрицей родится, проживет так раз двадцать, авось поймет чего. А Анна хорошие души присылает. Просто облизнуться хочется.

И ведь это не последние...

Может, усложнить чуточку?

Тоже ведь ей прямая польза будет. А сделать она уже это может, силенок хватит...

Главное что? Главное – вовремя остановиться. Чтобы из богини не стать чудовищем. Впрочем, до этого пока далеко, она еще даже силы не восстановила.

Хелла посмотрела в ледяное зеркало и улыбнулась. Определенно, играем!

Глава 11. Вырыта здесь на холме без вести могила

Анна, Россия

Так получилось, что звонок Олега застал Бориса в самый неподходящий момент.

Сидишь ты в кабинете, целуешься с красивой женщиной... и тут – телефон! И чувствуешь себя коровой, которой на рога колокольчик намотали!

Какая сволочь придумала эти сотовые?

Стационарный он бы принципиально не услышал. Или снимать не пошел!

А тут – отвечай!

Козлы!

– Борис Викторович, вам фотографии – или прелюбодеев тоже предоставить? – уточнил голос из трубки.

Борис мигом остыл и вспомнил, что козел в хозяйстве животное полезное.

– Это возможно?

– Невозможное было возможно, но возможное было мечтой^[29], – процитировал Лейкин Блока, напрочь убивая все стереотипы о «тупых ментах».

– А когда оно станет явью? – не впал в лирику Савойский.

– Лучше уже сейчас. Сможете подъехать?

– Куда?

– Спортзал «Олимпик». Я вас встречу. А это для затравочки, чтобы вы не зря ехали.

Олег отключился, а телефон призывно пискнул «Телеграмом», выдавая сообщения. Да какие!

Красивые, подробные, четкие фото. Лизы и молодого человека на спортивном снаряде... м-да! Какое нетрадиционное использование! Определенно, у молодого человека широкий кругозор!

Интересно, как это Лейкин сделал?

Пискнуло еще одно сообщение.

«Девушка любит селфи».

Вопросы снялись сами собой. Ну, Л-лиза-подлиза!

* * *

Ровно через двадцать минут Савойский был у клуба.

– День недобрый. Или добрый? – встретил его Лейкин.

– Определенно, недобрый. Так и чувствую, что кальция в организме не хватает, – хмыкнул Борис. – Идем?

– Идем. Побуду вашим регистратором и летописцем. Заодно и видеохронику обеспечу.

– Оплачу по расценкам лучших домов Парижу и Лондона, – пообещал Борис.

– Я всегда говорил, главное не талант, а сюжет, – обрадовался Олег.

С администратором явно была договоренность. Откуда и ключ взялся, и дверь нужная открылась, не скрипнув. Нетрадиционное использование снарядов любовникам уже поднадоело, и они попростому оседлали «козла». Да, как-то многовато козлов в истории...

Борис меланхолично разглядывал голую задницу парня, который ухал так, словно совой родился. Или обезьяной?

Или...

– Э-эй, ухнем! – немелодично (не дал Бог ни слуха, ни голоса) пропел он. – Еще разик, еще раз!

Шаляпин (вот она – сила искусства!) оказал потрясающее воздействие на любовников.

Лиза завизжала так, что с легкостью посрамила бы отечественную бензопилу. Парень ухнул особенно громко – и почему-то схватился за задницу. Лизу он при этом из рук выпустил, и та с «козла» съехала, продолжая визжать.

– Молодой человек, да вы развернитесь, не стесняйтесь, – подбодрил его Лейкин. – Чего ж стесняться-то? Работа... она такая работа!

Парень развернулся. Надо сказать, что тыл и физиономия у него были примерно одного цвета: вареного рака.

– Э-э-э-э... я...

– Сколько у вас час стоит? – уточнил Борис.

– Триста, – сознался вконец ошалелый горе-любовник.

– Чего?

– Евро.

– Что ж вы так, евро нынче неустойчив, – вздохнул Борис, доставая бумажник.

– А доллар тем более.

– Ладно. Вот вам, в рублях по курсу. Всего хорошего.

Парень ловко поймал смятый комочек ассигнаций – и нырнул в раздевалку. Явно оттуда был еще один выход.

Боря разглядывал Лизу. Голую и почему-то очень жалкую. Несмотря на всю ее холеность. Только вот жалости к ней не было, так, одна брезгливость.

– Ты... ты за мной следил?!

– Следующая реплика – как ты смел? – уточнил Борис.

Лиза подавилась заготовкой из дамского журнала. Действительно, что уж тут? Разве что взвыть патетически: «Ты мне не доверяешь?!» Но в голом виде это не звучит как-то...

– Конечно, Лиза. Вот, посмотри...

Боря поднял руку со смартфоном, на экране которого менялись фото в стиле жесткого порно.

– Я не хотел верить. Но проверка показала подлинность. Так что... ты не стесняйся, найди парня и продолжай сеанс, я оплатил. С твоим отцом я сам поговорю.

– Боря!!! – белугой взвыла Лиза, которая поняла, что свадьба отменяется.

– Мне кажется, рога совершенно не мой фасон.

– Я же тебя люблю!

Боря даже говорить ничего не стал. А что тут можно сказать? Позу уточнить? В которой его любить изволили?

– Я... это просто для здоровья! Как вибратор!

– Вибратор я бы тебе простил, – фыркнул Борис. – Но здесь к нему еще слишком много чего приложено.

– Я...

– Всего хорошего, Лиза.

Боря развернулся, вышел – и сразу же набрал Игоря Ивановича.

– Игорь, я к тебе еду. А пока посмотри сообщение.

Лейкин, не будь дурак, перекинул пакет фото на телефон Бориса, а тот сбросил их другу.

– Откуда дровишки?

– Оттуда.

Олег только фыркнул.

Конечно-конечно, если ты делаешь интимные фото и размещаешь их в своем аккаунте, в закрытом доступе, то их никто не откроет. Правда? И не заинтересуется, и не полезет... а что сейчас все телефоны у нас к интернету подключены, лезь не хочу...

Не хотят просто.

А при определенном умении и навыке, считай, ты сам себя заложил. Во всех позах, как Лиза.

Лейкин попросту договорился со специалистом, ломанул ее профили, а потом посмотрел по последним фото и отследил день – время – место. Остальное было несложно.

– Сколько с меня?

– Как договаривались.

– Прогуляемся? – кивнул Борис на здание банка рядом.

– Со всем моим удовольствием.

Чтобы снять нужную сумму через кассу и вручить Олегу, Борис потратил минут пять. И подумал, что дешево отделался.

Свобода – дороже!

А теперь к Игорю.

* * *

Лиза уже примчалась к отцу, который встретил ее ласково – фотографиями по всей морде.

То есть в буквальном смысле. Когда девушка начала рыдать, ее попросту ткнули носом в телефон. Или телефоном в нос... нос был разбит. Телефон тоже.

Лиза пускала жалобные пузыри в гостиную, а Игорь Иванович извинялся перед Борисом.

– Борь, ну ты пойми...

– Да все я понимаю. Но после такого – прости. Не женюсь.

– Я ее воспитаю. Какая измена! Она и слово такое забудет!

– Жестами договариваться будет? – не удержался Борис. – Игорь, я рога носить не хочу. И вообще, рад, что гон... что защитой пользовался. Лиза детей рано не хотела, а я вот кожно-венерических не хочу. Поди еще пролечись...

– Ты думаешь...

– А ты на фотки посмотри! Внимательно! Я тебе еще не все перекинул! Вот тут она с тремя неграми, вот тут, кажется, китайцы, тут кавказцы... я за дружбу народов, но не в таком виде.

Игорь Иванович скрипнул зубами. Крыть было нечем.

– Ты подозревал?

– Мне фотки с неизвестного номера прислали, – не стал скрывать Борис. – Я решил проверить, ну и... убедился. Даже не скажу – на свою голову.

Игорь Иванович только руками развел:

– Борь, прости...

– Гоша, забудь! Работать будем, как и раньше. А насчет свадьбы – это была плохая идея. Может, лет через пять Кирюшка вырастет, вот если Ванька до той поры не женится, так приглядятся. Как раз парень нагуляется...

Игорь Иванович выдохнул. Такого великодушия он не ожидал.

Договоренности, понятно, но тут такой залет! Такая подстава от родимой доченьки!

Он бы на месте Бориса всю посуду побил, всех матом покрыл и снимки в интернет слил. И был бы прав... он бы точно терпеть такое не стал.

Жену не для такого берут. За такое счастье девке с панели заплатить можно, а жена по всем... помойкам таскаться не должна!

– Борь... спасибо.

– Не за что. О причинах разрыва помолчим. И советую с дочерью поговорить, если я характер Лизы правильно понял, она сейчас начнет меня грязью поливать...

– Да пусть поливает, кому это в Англии интересно?

– Даже так? Смотри, дело хозяйское...

– Пусть поживет, поучится... мозгами пользоваться научится. А не только сотовым...

Боря кивнул:

– Ладно. Тогда я откланиваюсь, а ты тут сам разбирайся.

Попрощался и вышел.

Игорь Иванович остался разбираться. Он отлично понимал, что все было не так просто. И не так легко. Но... основа все равно та же, вне зависимости от побуждений.

Лиза гуляла? Да!

Изменяла? Направо и налево. Еще и фотки делала!

Положа руку на сердце, и насчет кожно-венерических Боря был прав. Игорь бы на такой точно не женился. А потому мужчина вернулся в гостиную, размахнулся – и вlepил дочери еще одну затрещину.

– Поедешь в Англию. В пансион.

– Папа!!!

– Посидишь там пару лет, потом посмотрим на твое поведение!

Дура!

Последнее Лиза и сама понимала. Но как же было обидно! Она же уже... вот все-все! И насчет платья поговорила, и примерка на днях, и свадьбу начала планировать, и...

И – все?!

Англия?

С ее мерзкой погодой, дурацкими обычаями и гадкими англичанами? Которые даже умываются не проточной водой, а наливают ее в раковину, затыкают пробку и плещутся в грязи? А пудинг?

Такое же жуткое блюдо, как и его название!

Только и того, что снобизма выше Биг-Бена. А так – на карте не найдешь!

– Папочка, умоляю!!! НЕ НАДО!!!

Игорь Иванович хлопнул дверью и вышел. Брат только головой покачал:

– Ну и дура ж ты, сестренка.

– Да пошел ты!

– Я пошел. А ты поедешь.

Лиза взвыла.

Англия становилась омерзительной реальностью! Ы-ы-ы-ы-ы, да чтоб вас... чтоб вам...

Почему затонула не она, а Атлантида?! Где справедливость?!

– Анечка, поздравь меня, я теперь свободен!

– Поздравляю!

Аня выслушала чуточку хвастливый мужской рассказ о Лизе, но поздравила любимого мужчину совершенно искренне. Лизу ей жалко не было.

Во-первых, ее никто гулять не заставлял.

Во-вторых, ее никто силком замуж не выдавал.

В-третьих, а с Кирой она что сделать хотела?

Так что все правильно, как аукнется, так и откликнется. Ты хотела девочку в интернат сдать, теперь сама туда поедешь.

Только вот...

Борис начал все активнее намекать насчет осени.

А кто был по-настоящему счастлив, так это Кира.

– Минус одна Лиза-подлиза! – сообщила она Смайлику, скармливая на радостях коту здоровущий ломоть хамона. – И чего папа тянул?! Давно бы так!

Кот согласно муркнул.

Конечно, давно бы так!

И вообще, котов можно кормить вкусным мясом без оглядки на разных там подлиз! И побольше, побольше. А уж он отблагодарит как полагается!

Например, мышкой.

Сегодня же принесет и на тапочки положит. Вкусненькую...

Хормельская волость

– ЧТО?!

Никон Иванович аж рот открыл от удивления!

Упырица?!

Сеньку съела?!

– Как Творец един! Так оно и было! – принялся клясться Гришка.

Не всех перестреляла охрана Меншикова, нет, не всех. Одному «счастливчику» уйти удалось, вот он сейчас и отчитывался лично Никону Ивановичу. И выглядело это в его изложении ТАК...

Яна бы собой гордилась!

И когти у нее на руках были черные, длинные, и клыки что те иголки, и кожа голубого оттенка, и волосы-змеи... И вообще, это лично она всех перегрызла!

Сначала заманила, прикинулась такой девицей-красавицей, а потом как... ух! И перекинулась!

Гришка все это время молился, вот и не подействовало на него. А остальные, видать, не так молились. Или не о том. И вообще... вот! У него образок аж с самой Фарафон-горы! Освященный!

Подействовал...

За образок он огреб отдельно.

Никон Иванович отправил идиота чистить нужники. Но обдумать информацию не успел – к нему прилетела Валька.

* * *

Женщины умеют устраивать бурю в стакане воды. А уж когда для нее есть повод...

Валька и устроила. Смысл был в том, что она доверила Никону самое ценное, что у нее было. Нет, не девичью честь!

А племянника!

Любимого и родного!

А тот его и не уберег...

Коли так... и не надо, вот не надо мне про упырей! НЕ ВЕРЮ!!!

А потому... пока ты не узнаешь, что с племянничком моим случилось, пока не отомстишь за него... не видать тебе тела белого!

Хошь стреляй, хошь не стреляй...

«Черт ли сладит с бабой гневной?»

Однозначно, Пушкин знал, о чем писал. Никон чертом не был, даже не представлял, что это такое (не было в местной религии чертей, не на кого было свою дурость списывать), а потому и он не справился.

Напрочь испортив ему настроение, вредная баба удалилась. Никон хлопнул стакан водки и распорядился позвать к себе Фролку Ежа.

* * *

Никон – атаман.

Под ним ходят – податаманы! Ясно же! Вот Фролка и носил чин податамана! А что? Красиво!

– Проходи, Фрол. Присаживайся...

– Благодарю, Никон Иваныч.

– Фрол, помощь мне твоя нужна. Я Сеньку отправлял по границе волости проехаться... так не вернулся ведь! Один парень из всего десятка обратно пришел, и то сам не свой.

– Перестреляли, враги?

– Так если бы! Бормочет про какую-то упырицу, про жуть жуткую...

– Упырицу?

– Вот потому и просьба у меня, Фрол. Возьми своих людей, проедь туда. Посмотри, что там с Сенькой, тело домой привези, ежели есть что везти. Хоть похороним. Валька мне, сам знаешь, плешь проест.

– Знаю, Никон Иванович.

– Вот, возьми того дурачка, он сейчас дерьмо вывозит, да и прокатись. Посмотри, что да как, тебе я доверяю.

– Благодарствую, Никон Иванович!

Уточнить задание Никон не успел, в дом заглянул мальчишка:

– Никон-Ваныч, там, говорят, письмо от енарала!

– Какого еще енарала?

– Валежника...

Никон два и два сложил быстро.

Письмо от Валежного? И что ж мы пишем?

– Беги, скажи, сейчас буду.

– Хорошо, Никон-Ваныч.

И только пятки засверкали.

– Когда выезжать-то? – напомнил о себе Фрол.

– Да хоть бы и завтра с утра.

– Отлично. Как раз в храм зайти успеем.

– Зачем?

Как всякий приличный анархист, Счастливый и в Творца не верил! Понятно ж, оно само все так организовалось! Вот плыли в пространстве атомы, потом надоело им, сложились они – и ать!

Даешь вселенную!

А человек вообще недавно с пальмы слез, как на некоторых посмотришь, так и тянет хвост поискать. Неотброшенный!

Теория вероятности и вероятность подобной случайности? Как водится, пятьдесят процентов. Либо сложилось, либо не сложилось. В данном случае – сложилось.

– Так ежели упырица... хошь не хошь, а святой водицы прихватить надо!

– Глупости то и суеверия!

– Может, и так, Никон Иваныч. Но жить мне больше хочется...

Счастливый нахмурился. Так, с испорченным настроением, и пришел к воротам, за письмом от «енарала Валежника».

Да... никто не совершенен! Даже самые-самые преданные сподвижники – и те... сколько ж еще из людей эту религиозную чушь вытряхивать придется?

Века, не иначе!

* * *

Послание от генерала Счастливый открыл прямо там. В воротах.

Прочитал.

Подумал пару минут.

В принципе все было ясно. Вы нам помощь, а мы все как было. И никакой свободы для Хормельской волости!

Ни рядом, ни боком, ни далеко, ни близко... в лучшем случае чегой-то потом отжалеют. А может, и нет. Все эти «енаралы», белая кость, голубая кровь... А Никон-то из крестьян. По их меркам – быдло.

Значит, что? Ему можно слово дать. Но держать это слово необязательно.

Знает, сталкивался.

Правда, про Валежного говорят, что он честный. И что?

И наплевать!

Счастливый, может, и передумал бы. Но сейчас как-то все одно к одному сложилось. И Сенька, и Фрол, и храм, и Валька, и...

– Взять его!

Речи у Никона всегда хорошо получались, обаятелен был, подлец! А уж сейчас, когда ему дико хотелось выплеснуть раздражение... хоть

на кого...

Гонцу и слова сказать не дали!

Никон разорался так, что в Борхуме небось слышно было. И про права Хормеля.

И про свободы!

И про вечное угнетение, кое Валежным продолжено будет...

И про негодяев, которые такие приказы развозят и не краснеют.

И – в заключение...

– ...за такое только одно наказание и быть может! Повесить негодяя!

Дерево, веревка и мыло – не корона императорская, найти несложно. Мигом и принесли, и петлю сделали, и перекинули...

Хоть и пытался сопротивляться гонец, но куда там! Добавили кастетом по башке, да и сунули в петлю. Мигом душа отлетела.

– Вот наш ответ тирании! – пафосно провозгласил Никон.

И отправился восвояси. Его чуток отпустило.

Село неподалеку от Зараево

– Творец милостивый, спаси и сохрани тору Яну, помоги ей во всех ее начинаниях...

Не просто так Прасковья прошла пешком аж тридцать километров. И обратно столько же пройдет. Было поверье такое, что ежели на день весеннего солнышка помолиться за кого, Творец тебя обязательно услышит. Но Прасковья для верности не поленилась до храма пойти.

Было ей за что Творца благодарить!

Было ей за кого Творца молить.

Как хотите, а тора Яна ей самим Творцом и послана была! Когда б не она, и детей бы Прасковья не сберегла, и подруге не помогла, и вообще...

А так – все она сделала, как тора сказала!

И землянку вырыла, и продуктов запасла, и...

Выжили они! Считай, уже до весны дотянули, скоро и лето, первая зелень пойдет, прокормимся... она и своих детей сберегла, и чужим помогла...

Считай, в деревне почти никто и не помер, так, человек десять. А что по другим делалось, она знала. Целыми деревнями вымирали...

Страшно это.

А потому сейчас Прасковья шептала молитву, упрашивая Творца позаботиться о торе Яне. Которая где бы ни была, а ей помогла... побереги ее, Творец!

Прасковья так никогда и не увидела свою спасительницу. Так никогда и не узнала, кем была странная тора. Но до самой смерти, которая будет еще нескоро, она будет делать две вещи. Каждый год она будет делать запасы – мало ли что?

И каждый год, в этот день, она будет ходить в храм и молиться за тору Яну. Только за нее...

Сама жива, дети живы, что еще надо?

Спасибо тебе, Творец! И ей спасибо...

Валезный, Беркут

Сны Антон Андреевич видел крайне редко. А потому и запоминал их очень хорошо.

Сейчас ему снилось то, чего он не видел никогда. Даже не думал, что такое существует.

Снилось Валезному, что стоит он посреди громадной залы. Да такой, что дворец в Звенигороде хибарой кажется. Облезлой и некрасивой.

А тут все настолько роскошно...

Стекло, белые узоры... или это лед?

Но потрогать Валезный ничего не успел.

Мелькнула белая тень, генерал на мгновение отвлекся, а когда повернулся обратно, рядом с ним стояла женщина.

Даже с большой буквы. Тора.

Явно дворянка, и такая... ну такая...

Никогда Валезный таких потрясающих красавиц не видел! Волосы белые, лицо словно из мрамора, одежда роскошная... а глаза огромные, так и светятся...

– Тор генерал, – шевельнулись розовые губы.

– Тора... – Даже во сне Валежный опустился на одно колено. За что и был вознагражден. Ему протянули белую ручку для поцелуя.

Да, увидь Аделина Шеллес-Альденская и эту красавицу, и ее жест, величественный, изящный, она бы с досады все волосы у себя на голове вырвала. Хоть и хороша она была, но до такого совершенства недотягивала.

– Я рада видеть вас, генерал. Вам кажется сейчас, что это лишь сон, но вы его обязательно вспомните. Верьте мне.

– Это не сон, тора?

– Жрецы говорят о душе. Когда человек спит, его душа покидает тело и путешествует. Иногда по его родному миру, иногда по соседним. Сегодня вы пришли ко мне в гости.

– Это – другой мир?

Вопреки всем представлениям Валежный паниковать не стал.

Сон же! Душа, другой мир... да хоть бы что! Лишь бы еще на эту красоту посмотреть! Все же... война – это тяжело. Кровь, смерть, грязь, поневоле душа устает, ломается в ней что-то важное. А посмотришь на такое совершенство, и легче становится.

Вспоминаешь, что в мире и красота есть, и вдохновение, и... и вообще! Хороша же! До невероятности!

– Это другой мир, – подтвердила красавица. – Не волнуйтесь, тор генерал, с вами ничего не случится.

– За такое и умереть не жалко! – не удержался Валежный. И был вознагражден благосклонной улыбкой и легким жестом, приказывающим встать.

– Мне не нужна ваша смерть, генерал. Мне нужна ваша победа.

– А уж мне-то как нужна, – вздохнул Антон Андреевич, поднимаясь с колена. – Все бы отдал, хоть жизнь, хоть душу...

– Мне ваша душа не нужна, тор генерал. А вот слова мои вы запомните. Я та, кто покровительствовал императорской династии. И ее последняя представительница поклялась мне кровью и жизнью.

Валежный напрягся.

– Так одна из дочерей императора жива?

– Жива, тор. Более того, она наследует трон Русины. Перед смертью отец передал ей наследство, и она приняла – все.

Валежному чуть дурно не сделалось.

– Кто?! Когда?! Где?!

Хелла, а это была именно она, покачала головой:

– Антон Андреевич, я вам сказать ничего не могу. У всех свои ограничения, у всех свои законы. Разве что на Звенигород идти подождите. Подождите в Беркуте.

– А она... придет?

– Тор генерал...

Хелла погрозила тонким пальчиком, и Валежный смирился.

– А долго ли ждать?

– До лета успеете, – прозвенел хрустальный голос. И все начало таять.

Исчезли хрустальные чертоги, исчезла красавица, и последней, появившейся невесть откуда, исчезла из его сна белая сова. Громадная, полярная неясность.

Впрочем, Хелла не обманула.

Проснувшись, Валежный отлично помнил свой сон. И...

Сон?!

Или все-таки в этом что-то есть?

Он не знал ответа. Но... может, и впрямь подождать в Беркуте до лета? Заодно и со «счастливчиками» разобраться?

Тут недалеко, чего спешить? Заодно Логинов по тылам врага пройдет, Алексеев, опять же, закрепится – и чего еще надо?

Подождет он чуточку, не переломится.

Дочерей императора он помнил. Хотя и смутно.

Вроде не красавицы... такие мышки серые... странно даже, в кого? Мать там красота невиданная... то есть уже виданная. До ночного видения Аделине далеко было.

Увидит – узнает?

Авось и узнает. Надо только в женские лица внимательнее вглядываться. А еще...

С утра Валежный вызвал к себе адъютанта и распорядился о двух вещах.

Первая – перепись населения в Беркуте. Поголовная, с регистрацией в комендатуре. Надо ж узнать, какой ущерб населению нанесли освобожденцы. Да и продукты раздавать, опять же, по списку.

И вторая.

Регистрация любого прибывающего в Беркут. В той же комендатуре.

Чтобы у Валежного хоть шансы были встретиться с дочерью императора. Хоть какие...

Яна, Русина

– Смотри какой!

Топыч показывал Гошке и Мишке обыкновенную медведку. Поймал, пока они на привал встали. Весной это несложно, она из нор вылезает, пропитание ищет. Эта, правда, ранняя, но и весна жаркая. Здесь, в Хормеле, всегда тепло.

– Это кто? – удивился городской ребенок Гошка.

– Какой страшный! – Мишке тоже раньше с медведкой сталкиваться не доводилось.

Маша попросту пискнула и убежала к доброй тете Яне. А то ж!

Если кто видел медведку, животное это жутковатое. Крупное, панцирное, и вообще... одни глаза чего стоят! Угрожающе разумные.

Энтомологи таких тварей обожают, но вот остальные...

– Это сверчок-крот! – со знанием дела объяснил Топыч. – Если такой заведется, считай, пропало! У нас-то не было, а вот в деревне за леском, там водились. Там песочек, озеро, вот... когда мы с батей туда ездили, он мне поймал показать.

– А почему крот?

– А вот, смотри, какие лапы! Что у крота!

– А почему сверчок?

– Так поет же!

Гошка поежился.

– Да... такого бы кому за шкурку запустить...

Трое мальчишек переглянулись. И посмотрели туда, где рядом с костром сидела Яна. А рядом с ней...

Вот кто бы сомневался? Жом Михаил!

С недавних пор он Яне просто прохода не давал. Вежливо послать его не получалось, слов он не понимал, а убивать... Яна медленно дозревала до убийства во имя Хеллы, но справедливо опасалась реакции богини. Обидится еще за такой «подарочек».

Яна бы точно обиделась.

Вот и сейчас сидит она у костра, тискает Машку, которая так и ластится, так и лезет к ней на руки, а Михаил нудит рядом.

– Тора Яна, вы самая удивительная женщина из всех, виденных мной! Вы не просто умны и красивы, вы потрясающе находчивы...

И ведь слова-то все правильные, хорошие. Но если бы их говорил кто-то другой!

А сейчас у Яны просто сил не было.

И нудит, и моросит, и словно кислотой по крыше. Скоро разьест ее окончательно... да чтоб тебя!

Мальчишки, вон, носятся, чего-то нашли, разглядывают, а она тут сидит... к ним подойти?

Нет, уже определились, дальше помчались.

Яна бы с удовольствием побегала бы с ними, но куда тут?

– Они жука нашли, – пискнула Маша. – Большого! Стр-рашного!

Букву «р» она научилась произносить совсем недавно, и теперь очень этим гордилась.

– Бывает. – Яна бы тоже на жука посмотрела. Все приятнее, чем на Михаила. Но куда ж деваться?

Обычно готовили на весь день вечером, с утра повар устраивал что-то легкое, вроде вареных яиц, каши, хлеба с мясом. А в обед просто разогревал, что с вечера сварил.

Сегодня это была курица.

Куриный бульон, рис с курицей, пироги, ну и так, всякие заедки по мелочи. С точки зрения Яны – роскошь. Она бы и просто хлеба с молоком пожевала или даже с водой, но когда ты путешествуешь в большой компании...

Ладно! Готовить не ей, мыть посуду тоже не ей, а повар – молодец. У него все получается – тарелку вылижешь. И это на костре! В походно-полевых условиях!

Профессионал, одно слово!

А вот и мальчишки! Их появление заставило Михаила заткнуться, и Яна одарила малышню благодарной улыбкой.

– Что за жука вы нашли?

– Так, мелочь, – отмахнулся Потап. Выглядел он при этом поразительно довольным.

– Дядя Миша, а вы не знаете, как называется такой зеленый жук? – уточнил Миша, ненавязчиво перемещаясь поближе к Михаилу-старшему.

– Какой?

Признаться, что он чего-то не знает, Михаил не мог. Тем более на глазах у Яны. Девушка подозревала, что речь идет об обыкновенной бронзовке, но не рано ли для них? Они вроде как майские... с другой стороны, природа везде разная. Может, и выполз какой жук-шизофреник?

Гошка переместился к Федору Михайловичу и тоже что-то спросил.

Яна наблюдала за всем этим концертом с веселой улыбкой. Вот не сойти ей с этого места, малышня что-то задумала. Но что?

И против кого?

Пусть действуют! Война ли, мир, но дети остаются детьми, и им надо бегать, играть, им надо устраивать шкоды и проказы. Жизнь продолжается, и если дети шалят, она продолжается правильно.

Испуганный ребенок никогда вредничать не будет.

А если начали... оттаивают. Слава богу, страхи и ужасы уходят в прошлое...

Для Яны это было очень важно. Она уйдет. Но ее сын будет жить, радоваться жизни, у него будут друзья... уже есть. Хорошая, слаженная команда, судя по их действиям...

– Давайте вы потом вопросы зададите? Нам обедать пора!

Повар разогрел все, сложил в судки и отправил им на стол. Михаил потянулся к крышке верхнего... Федор Михайлович был занят внуком, Яна – Машкой, а от Михаила как раз отстали, и он решил начать трапезу. Потянулся, снял крышку...

Над привалом пронесся дикий визг.

Прямо на курице, источающей упоительный аромат, сидела крупная медведка. И хлопала на Михаила глазами, ей-ей.

А потом еще и крылья распахнула, и рванула вперед. Жарко все-таки... курица-то горячая.

Михаил дожидаться перелета не стал. Он шарахнулся назад, шлепнулся на спину и быстро-быстро пополз подальше от страшного зверя. Помочь ему, увы, Яна не смогла.

Сама сползла навзничь от хохота.

Она как раз медведок не боялась. На них знаете как рыбачить здорово? Сом на медведку клюет всегда! Если в заводи он есть, конечно. Если он не клюнул, значит, его там просто нет.

Так что...

Яна их и копала, и ловила, и рыбачила с ними... вы копченого сома пробовали? Нет? А зря. Невероятно вкусно, главное, не сообщать никому, что именно сом кушает.

– Гошка!!!

Догадаться, кто именно подсунул сие очаровательное создание в судок, было несложно.

– Мама, она, наверное, сама влезла.

– Так-таки и сама? – Федор Михайлович быстро пришел в себя, понял, что никто не пострадал, и принялся командовать: – Мишка, хватит валяться!

– Я... она... выпороть их всех!!! Немедленно!!!

А вот этого говорить не стоило. Яна прищурилась:

– Любезнейший, вы хотите обвинить в чем-то моего сына? Или моего воспитанника?

Будь Михаил чуточку поумнее или менее балованным, он бы все понял и заткнулся. Но куда там!

– Это они! Это их работа!!!

– Что?

– Это животное!!!

– Это просто жук, – отмахнулась Яна. – Кого еще вы боитесь? Скажите заранее? Мышей? Тараканов?

Конечно, нечестно. Но не отдавать же детей на расправу? И ведь все вместе сработали! Объединились! Дворянин, купеческий сын и крестьянский. Вам не кажется, что в идее Освобождения есть нечто... жизнеутверждающее? Вот что общая цель делает!

Михаил постепенно начинал соображать, понял, что опозорился, но также понял и что детей ему на расправу никто не отдаст. И побагровел.

– Подождите у меня, паршивцы!

– Чего ждать? – наивно спросила Маша. – Я кушать хочу.

– Иди сюда, я тебя покормлю, – махнула рукой Яна. – Мальчики, за стол! И учтите: найду еще одну такую... биодобавку – сами ее съедите!

Мальчишки переглянулись.

– А их едят?

– Едят, – отмахнулась Яна. – Еще и деньги платят.

– За что?! – Теперь и купец заинтересовался.

– Так ее от кровохарканья полезно кушать, – отозвалась Яна. На лекарство они с отцом, кстати, медведок тоже ловили. Они сырые места любят, а собирать их надо не в огороде на навозной куче. И не на поле, которое всеми ядохимикатами полили. Вот и ловили. Кстати, они дорого стоили.

– От кровохарканья?! А как ее пользуют? – Купец аж стойку сделал, что та собака.

А еще целитель рецептом поделился, который Яна и озвучила сейчас. Ведь и верно, туберкулез сейчас практически не лечится! Его антибиотиками травить надо, а какие антибиотики, если их еще не изобрели?

Люди тысячами гибнут! Сотнями тысяч! Это вам не рецепт ядрен-батона, но медведку поймать явно проще. Кому-то да поможет!

– Ее надо поймать, дать ей поголодать несколько дней, потом сварить в кипятке и засушить, только на солнышке. А перед употреблением измельчать в порошок. Хранить в банках с крышкой, чтобы не испортилась. Потом порошок размешивать в меду и три раза в день, за двадцать минут до еды. Так три дня подряд, потом еще через пять дней. И повторять... тут зависит от тяжести болезни. Ее можно хоть каждый день употреблять, вреда не будет.

Людам.

А вот медведке... хана тебе, садовый вредитель! Яна подумала, что при таком раскладе медведку в этом мире еще в Красную книгу занесут. И охранять будут.

Когда там пенициллин изобрели? В сороковые? Плюс-минус?

Вот, еще лет тридцать... да за это время ее народ столько пожрет – ведь, считай, в каждой деревне туберкулезные есть!

Даже Михаил отвлекся.

Федор Михайлович поскреб бороду.

– Ишь ты... а я и не слышал о таком!

– А это мало кто слышал. Старые знания, семейные, – чуточку надавила голосом Яна.

Купец понял и закивал:

– Хорошо. Я запомню, тора!

– И ладно. Давайте обедать?

В судках больше полезных медведок не обнаруживалось. А вот в карете...

И как туда эта зараза попала?

Но Михаил залез первым, уселся на медведку и очень громко возмущался. Пока в карету не влез его отец и сынок не огреб за напрасное раздавливание ценного насекомого ресурса. Ловить надо было! Ловить, а не задом давить!

– Сколько вы их нашли? – поинтересовалась Яна у Топыча.

– Немного. Всего три штуки.

– И где третья?

Ответом ей был нарочито невинный взгляд. Ну совершенно невинный. Яна даже не удивилась, когда третий кротосверчок обнаружился в сундуке того же Михаила. И когда успели, поросята?

С другой стороны, сколько можно занудствовать? Вот дети и развлекаются...

Кстати говоря, третье насекомое Федор Михайлович таки получил, сунул в пустой горшок и решил взять с собой. Мало ли что! Пригодится!

Хороший купец чем хочешь торговать будет, а уж человеческим здоровьем – тем паче.

Генерал Логинов. В тылу врага

Две с половиной тысячи человек.

Три броневых автомобиля.

Сотня пулеметов.

Что еще надо, чтобы доставить врагу неприятности? Только желание, а уж этого у Логинова было с избытком! Анатолий Васильевич получил телеграмму от Валежного и тут же принялся за реорганизацию корпуса. Главным для него стала мобильность. И опять мобильность...

Хорошие лошади плюс крепкие бойцы. Логинов безжалостно отсеял слишком молодых и слишком старых. Первые своей

горячностью что хочешь испортят, вторые могут просто не выдержать темпа. Так что останутся в Ас-Дархане.

А сам он возглавил наступление.

Это было очень буднично. Просто однажды утром корпус вышел из Ас-Дархана и направился к речке Хорьковой, которая сейчас служила негласной границей между позициями имперцев и освобожденцев. Хотя той границы-то...

Вброд перейти, курица ноги не намочит. Но – в сезон.

Летом.

Сейчас пришлось сложнее, конечно, но саперы выручили. Временная переправа – штука хорошая. Понтоны наводятся быстро, разбираются тоже, а если правильно собирать, то течение их само развернет поперек реки. Сложнее пришлось с броневедомобилями, но тут выручили мешки с песком. Кое-какую опору они дали, надолго не хватит, да и не надо! Им только пройти, а уж потом...

Логинов никаких иллюзий не питал, они могут просто не вернуться из рейда. Пламенный не стратег и не тактик, воевать не умеет, но военные на службе у него есть. Главное – расставить их на нужные места, а с этим он как раз справится.

Мутная и грязная от растаявшего снега речка осталась позади, и отряд двинулся в тыл противника.

Вечером первого же дня посланные вперед разведчики притащили языка.

– Тор генерал!

Логинов потер руки.

«Язык» попался хороший, сразу видно – жирный карасик. Такого и допрашивать приятно! Одет хорошо, куртка кожаная, галифе, папаха... это не «счастливики», которые чуть не в бабских ночнушках ходят!

– Ты кто таков? Как зовут?

– Не твое дело, собака императорская!

Пленный явно готов был дорого продавать свою жизнь.

– Давайте, тор генерал, мы его на свой манер поспрашиваем? – предложил один из казаков. – Чего вы на него время-то тратить будете? Он вам через часок все расскажет, даже в какой позе его батька с мамкой делали.

– Твари! Живодеры! – прошипел пленник.

Логинов лишний раз убедился, что птицу ему притащили непростую.

– А поспрашивайте. Как у вас это в станице принято?

– Мы люди простые, – подыграл ему казак. – Берется, значит, лучина, снимаются с пленного штаны, заталкивается щепка спереди и сзади, да и поджигается. Пока еще никто не смолчал!

– А лучину простую берете или в земляном масле вымачиваете? У нас для броневых автомобилей керосин есть, бензин... не хотите ли попробовать?

– Быстро прогорит!

– Так повторить можно!

Пленник переводил глаза с одного садиста на второго. На лбу его набухли крупные капли пота.

– А что! И повторим! – порадовался казак. – Дело хорошее, дело правильное... если лучинки не хватает, мы потолще палочку берем, чтобы подольше горела.

– Если сырую ветку взять, но керосином пропитать?

– Надо попробовать, тор генерал! Мы, сами понимаете, народ темный, а вы с научным подходом...

Подход оказался последней каплей. Пленник заверещал так, что пришлось затрещиной успокаивать. Не то б его в Ас-Дархане слышали.

Оказалось, что это не простой колобок, а вовсе даже железнодорожник. И ехал он не просто так.

О том, что Логинов собирается в рейд, не знали только червяки – у них свои дела были. Все остальные, понятно, знали, в том числе и освобожденцы. И решили подготовиться.

Переслать в эти края по железной дороге эшелон с солдатами.

Ну как – солдатами? Рекрутами. Причем насильно загнанными в войско. По принципу: ты хочешь защитить отечество от врага? Вот тебе ружье, вперед, солдат!

Не хочешь? Ах, ты враг народа?! Мочи его, гада!

Конечно, при таком подходе крестьяне сотнями в войска записывались, жить-то хотелось. А в качестве пушечного мяса они вполне сойдут.

Что будут делать деревни без кормильцев? А что Пламенный будет делать без защиты? Второй вопрос его волновал сильно, а

первый вообще не волновал. Жить захотят – раскорячатся!

Эшелон ожидался послезавтра.

Логинов только руки потер.

Вот, с этого и начнем! Говорите, с утра поезд пройдет? Вроде бы так обещали?

* * *

Рельсы Логинов ломать не стал. Зачем?

Железные дороги имперцам тоже пригодятся! Нечего их разносить в клочья, захватим – и достаточно! А потому на полотно были тщательно уложены два десятка бревен. Срубили сосны, дотащили волоком, с помощью броневиков...

Поди убери!

Намаешься!

А видно издалека, остановиться поезд успеет. И времени на приготовления как раз хватило.

Все произошло именно так, как и задумывал генерал. Увидев на путях неожиданное препятствие, машинист начал тормозить. Сбросил скорость и остановил паровоз примерно метров за двадцать от бревен. И тут же получил пулю.

Нет, не сам машинист.

Но в лобовое стекло паровоза ее снайпер положил с завидной точностью.

А потом, закрепляя успех, и по бокам пулеметы прошлись.

Намек был понятен. Могли ведь и положить беднягу. Просто – зачем? Прошел эшелон, и за ним аккуратно затащили на рельсы еще пару бревен.

Хочешь удрать? Делай, не обессудь.

Дураков не нашлось.

Спустя минуту из окна бронепоезда замахали белой тряпкой, мол, сдаемся. Но сам Логинов не поспешил принимать капитуляцию. Вместо этого он поднес ко рту громкоговоритель:

– Выходим по одному, раздеваемся до исподнего, одежду в одну кучу, оружие в другую! Кто замешкается – стрелять будем!

И никто не сомневался, что он выполнит свою угрозу.

Уже стемнело, когда Логинов закончил сортировку.

Отделить вчерашних крестьян от освобожденцев было несложно. Вторые и одеты лучше, и вооружены, и бежать пытались (восемь трупов), и сопротивлялись (еще три трупа). У имперцев никаких потерь.

У освобожденцев одиннадцать человек.

По результатам Логинов приказал отдать крестьянам одежду и распустить по домам. А командиров допросить по казачьему методу, можно с применением научных новшеств, – и повесить.

Чего не ожидал генерал...

Что крестьяне медленно, прямо у железнодорожного полотна, не думая даже одеваться, будут опускаться на колени и кланяться. Здесь и сейчас они были не просто обязаны ему жизнями – он спасал их семьи. Возвращал им кормильцев. Давал шанс выжить.

Больше они не попадутся. Пусть Пламенный воюет сам, если захочет!

У Анатолия даже ком в горе встал. Но что он еще мог сделать?

Отдать одежду, выдать по рублю на нос, благо в поезде и деньги нашлись, и отпустить. И идти дальше. Вперед и только вперед...

Глава 12. Саван весенний мне время уж свилю

Свободные герцогства

Ида шла на работу, словно на каторгу. Радовал ее только Полкан. До чего ж умный пес!

Люди до него недотягивали. Это уж точно...

Константин уехал, и у Иды все из рук валилось.

Не в госпитале, там девушка собиралась и все делала по возможности четко. Но вот дома...

На кухню она даже заходить перестала, хотя раньше любила что-то приготовить под настроение. Вазу разбила, окно едва уцелело, и слуги дружно умоляли хозяйку посидеть, почитать...

Да, книга тоже порвалась. Случайно...

Костя...

Ида помнила, ЧТО сейчас творится в Русине.

Она волновалась за Яну, за ее сына, а теперь и за Костю. Понимала, что это хищник, а не травоядное, что он сам кого угодно сожрет, что он не последний человек среди освобожденных, а значит, косвенно виновен в гибели ее семьи...

Все Ида понимала.

Но вспоминались его улыбка, его взгляд...

Как же он смотрел на Иду!

Словно на что-то очень чистое и нежное, чему в его жизни и быть-то не полагается! Так смотрят на ромашку, которая выросла на гранитном монолите, и не знают, как подступиться, чтобы не погубить цветок. Может, и не заслужил он Иду.

Но зато отлично осознавал, какое счастье ему Творец послал.

Иде было грустно и тоскливо.

Она сделала шаг, второй, начала переходить улицу...

Ничем бы это хорошим не кончилось, потому что когда Ида ступила на мостовую, из-за угла вывернул высокий фаэтон. Лошади мчались словно безумные...

Ида не успела бы отпрянуть. Успел Полкан. Дернулся, вытолкнул хозяйку из-под копыт, но сам увернуться уже не смог. И упал...

Подкованные конские копыта – страшная вещь, лапа только хрустнула.

– Нет!!!

Иде хватило пары секунд. Вот только что она сидела на мостовой, растерянная, и вот – она уже летит к собаке, наклоняется над ней... фаэтон остановился, но до того ли было Иде?

– Полкан, детка, не умирай...

Лапа сломана.

Артерия разорвана, и льется на мостовую страшный красный поток, быстро уносящий собачью жизнь... НЕТ!!!

Ида доказала, что не зря училась у Станислава. Мигом пережала артерию, затворяя кровь. Но тут же не пережимать, тут шить надо! А долго ей не выдержать... пальцы не такие сильные, им в лечебницу нужно...

– Полкан, родной мой, не умирай, держись... Да помогите же кто-нибудь!!!

– Тора...

Ида даже внимания не обратила сначала на подошедшего к ней молодого человека. Она была слишком занята собакой...

– А?

– Я прошу прощения...

Ида кое-как сконцентрировала на нем взгляд. Сильно мешали слезы, но она справилась. Ради Полкана.

– У вас есть экипаж?

– Д-да...

– Немедленно отвезите нас в лечебницу!!!

– Э-э-э-э-э...

– Вы сможете?!

И как отказаться, когда на тебя смотрят такими невероятными глазами? Небесно-голубыми? Тор Рессаль и не смог отказать.

– Я сейчас подниму собаку. Отойдите...

Ида качнула головой:

– Нет. Я держу артерию. Если отпущу, он умрет. Поднимайте, я встану вместе с вами...

Она едва ли сообразила, что ее заталкивают в тот самый фаэтон, который стал причиной трагедии.

* * *

Тор Армандо Рессаль в Герцогствах был в ссылке.

Ничего плохого он не сделал... ну почти, почти. Но когда наставляешь рога герцогу, тот может и забодать. Увы...

Семья сочла за лучшее сплавить ламермурца куда подальше, пока его не прибили (не вызвали на дуэль раз двадцать подряд). Пусть герцогиня себе нового дурака найдет, пусть герцог успокоится, а то и кого другого забодает, пусть. А Армандо пока попутешествует.

Он так и делал. Но в Герцогствах ему было скучно.

В Герцогствах ничего интересного и достойного нет...

Или – есть?!

Армандо сегодня устраивал гонки.

Есть и такое развлечение у молодых балбесов: собираются они толпой человек в тридцать и ставят деньги. А трое едут из точки «А» в точку «Б». На фаэтонах или в каретах, тут главное что? опередить соперника. Экипажи у всех должны быть одинаковы, ну, более-менее. К примеру, сегодня это три фаэтона. И без пассажира. А позавчера это были кареты с дамами. И дамы потом награждали победителя...

Даже вспомнить приятно.

Армандо был уверен в своем выигрыше и сегодня, но откуда под колесами взялась эта девица?

Пришлось останавливаться.

Из-за проклятой шавки лошади дернулись, фаэтон занесло, и он крепко проехался по стене дома. Лопнула постромка у лошади.

Надо было ее хоть связать... не продолжать же в таком виде гонку. Армандо попрощался с выигрышем, скрипнул зубами и решил для верности еще и с девицей поговорить. Явно ж тора...

Дорогое платье, плащик, кокетливая шляпка... там одни перчатки стоят больших денег!

Нет, скандалы нам не нужны, уже в Ламермуре хватило... Армандо привел в порядок сбрую и шагнул к девушке.

И – пропал.

На него смотрели самые потрясающие голубые глаза в мире.
Герцогиня?!

Кошка она драная против этой девушки. Облезлая. И даже не кошка, а крыса. Страшило жуткое!

– Тора...

Армандо и сам не понял, как погрузил в свой фаэтон какую-то грязную и окровавленную псину. А в фаэтон он даже не каждую даму пускал! И сиденья там обтянуты тисненой телячьей кожей, потом только выкинуть...

А он об этом даже и не подумал, помогая девушке.

Больница?

Какая?

Ида поняла, что мужчина не ориентируется в городе как следует, и отдала указания:

– До конца улицы, у красного двухэтажного дома направо, доехать до синего дома с красными ставнями и крышей и налево. И до конца, там будет лечебница.

Это Армандо понял.

Что ж.

В лечебницу...

* * *

И друзья, и враги познаются в беде.

Ида поняла, что друзей у нее больше, чем врагов, когда вокруг Полкана закипела суэта. Окажись здесь королева Лионесса – и то ей бы подождать пришлось. Все внимание персонала сосредоточилось на собаке.

– Ида, как держишь, так и держи, – приказал Стас. – И рысью в операционную.

– Я сейчас на тебя халатик накину. – Берта крутанулась рядом. – И ножки подними, переобую, чтобы стерильность...

– Сейчас место в палате приготовлю, пусть полежит здесь до вечера, а лучше до завтра, понаблюдаем, – примчалась еще одна сестричка милосердия, смешливая Клара...

Ида едва не расплакалась, но было некогда.

– Полкан, держись, родной мой! Не смей меня оставлять! Я тебя люблю, я тебя никуда не отпущу... никому не отдам! Никакой смерти! Живи, мальчик мой, живи!!!

Ида шептала, и Полкан чуял ее рядом. И держался из последних сил.

Боль – и словно тебя в болото затягивает.

Ледяное, черное, безнадежное. Но ты слышишь рядом ЕЕ голос.

Голос хозяйки.

И идешь на него, словно на огонь, и держишься за него, как за последнюю надежду.

Собакам тоже нужно, чтобы близкий человек был рядом. Полкан знал, что он не один, – и старался выплыть из черноты. И не сдался, нет.

Просто позволил себе расслабиться, когда в нос ударили знакомые запахи хлорки, карболки, лечебницы... здесь ему помощь окажут. Можно довериться людям.

* * *

Из операционной Ида не вышла – выпала.

Но Полкан был вне опасности!

Станислав мог переспать хоть со всеми женщинами герцогства – Иду это уже не волновало, потому что руки у мужчины действительно были золотыми. И кость он сложил, и зашил все, и пообещал Иде, что пес будет отлично бегать, может, даже хромать не будет...

Вот уж что Иду не волновало!

Даже если Полкан останется парализованным до конца своих дней, она его никогда не бросит. Просто – никогда!

Он ей жизнь спас.

Он ее... нет, даже не друг. Друг – это совсем не то слово, друга можно забыть, от друга можно уйти, жизнь может развести вас с другом. Но Полкан стал такой же частью Иды, как рука или нога. Ее кусочком, частью ее семьи, души. Родное существо – и этим все сказано.

Собака?

И что с того? Некоторые люди не то что до собаки – до гусеницы по своим моральным качествам недотягивают! Ида не оставила бы его в одиночестве, но Берта уговорила ее быстренько сбегать, помыть руки, прихватить с собой поесть-попить, все же ей сидеть рядом с собакой, а потом и возвращаться.

Ида вняла мудрому совету и побежала было на кухню...

– Тора, прошу вас...

Ида даже не сразу поняла, что обращаются к ней. Посмотрела удивленно.

– Тора, я надеюсь, с вашей собакой все в порядке?

И вдруг нахлынуло.

Пока надо было спасать Полкана, пока его везли, несли, оперировали, ни о чем другом Ида и думать не могла. Какие там фаэтоны – камертоны?!

А вот сейчас...

Стоит перед ней хлыщ, ростом под два метра, глаза темные, волосы темные, смазливый донельзя, весь холеный, лощеный, ухоженный, и туалетной водой от него разит на километр! Она при дворе таких навидалась...

Стоит, смотрит даже как-то нагло.

И...

– Это был ваш фаэтон.

Молодой человек даже замялся на секунду.

– Позвольте представиться, тора...

– Нет необходимости.

Никогда Ида не говорила так. Но кровь матери проснулась. А в ярости Аделина Шеллес-Альденская была опаснее голодного дракона, это знали все придворные. Кого угодно сожрала бы и косточки выплюнула.

– Простите? – опешил Армандо.

– Почему вы так неслись по городу? – ледяным тоном уточнила Ида. – У вас кто-то умирал?

Армандо даже не успел подумать, о чем соврать. Он был занят.

Узнал, что девушка с собакой – тора, что она бежала из Русины, что у нее громадный талант к медицине, жом Станислав подтверждает, что вроде как у них были отношения... или нет?

Симпатизировали они друг другу, это точно. А потом вроде как и нет? Но точно не пойманы...

– Это было пари, – ляпнул Армандо.

И даже пожалеть о своем длинном языке не успел.

Х-хэсь!

Ручка у Иды была весьма натренированной. Пощечина оказалась не просто увесистой – Армандо почувствовал во рту вкус крови.

– Пари?! – гадюкой прошипела Ида. – Пари?! Ты, тварь, едва не убил меня, ты едва не убил моего друга... если я еще раз тебя увижу – уничтожу!

И прошла мимо, разъяренная донельзя.

Пари!!!

Вы только подумайте!

Эта скотина на пари гоняла по городу! А там дети, старики, ни в чем не повинные люди, у которых нет такого друга, как Полкан... Мало ему еще досталось!

Надо бы и ниже пояса добавить... не сообразила.

А ведь Яна учила!

И как руку складывать, и как бить в нос... Сейчас бы сломала ему нос, вот бы прекрасно было! Тор?

Наплевать! Она тоже не в помойке найдена!

Армандо очень повезло, что он не попался Зинаиде на обратной дороге. Девушка не постеснялась бы добавить ему... ясности в жизнь.

* * *

Куда мог направиться молодой человек после такого афронта?

Только на улицу. Охладиться, покурить... и стоит ли удивляться, что рядом оказался жом Станислав, который тоже вышел перекурить после операции.

Собака?

Можно подумать, с животными легко! Человек часто проще, уж точно – крупнее.

Секунды три Армандо курил и молчал. Потом ламермурский темперамент взял вверх.

– Ну и фурия! Но какая женщина!

Станислав покосился на него:

– Это вы о ком, любезнейший?

Армандо затаился.

– И глаза такие... голубые. Интересно, почему благородная тора работает в этой убогой помойке?

А вот этого ему говорить не стоило.

Стас понимал, что Иду он потерял. Понимал, что сам виноват, что по своей глупости... Ида решила остаться ему другом, приятелем, но не любимой, не близким человеком. Она поможет ему в трудной ситуации, но близко к себе уже не подпустит никогда.

Только вот это не значит, что он уступит ее... вот этому!

Все, что недополучил Армандо от Иды, он получил здесь и сейчас от Стаса.

Будучи доктором, Стас отлично знал и как надо бить, и куда... какие там убогие пинки в пах? Помилуйте...

Армандо и вздохнуть-то не мог, корчился на земле, словно раздавленный червяк после меткого удара в горло.

– Протянешь к ней руки – вырву ноги, – внятно объяснил Стас. Добавил ламермурцу прощального пинка по почкам, развернулся и ушел.

* * *

Армандо смог встать далеко не сразу.

И отправился... куда?

Понятное дело, к Тадеушу Чеславовичу Рукоцкому, который обязан был все это пресечь.

– Я хочу написать жалобу! – с порога выпалил он.

О Рукоцком можно было сказать многое.

Он любил деньги, он любил женщин, он пользовался и тем, что было предложено, и тем, что не предлагали, он воровал, но...

Своих людей он в обиду не давал. Разве что за ОЧЕНЬ большие деньги. Но денег-то Армандо ему и не предлагал! Просто жаловался и требовал... наивный!

– На кого вы хотите написать жалобу, тор? – вежливо уточнил Рукоцкий. – Соблаговолите объяснить мне, что произошло?

Тихий голос и любезные слова успокоили Армандо.

Вот сейчас он решит эту проблему.

И хама, который его ударил, уволят, и про Иду можно будет что-то узнать...

Одним из достоинств жома Рукоцкого было его умение разговаривать кого угодно. Непредвзятого, конечно.

Слово за слово, под рюмочку дубовика Армандо рассказал жому всю утреннюю историю. Тадеуш выслушал, подумал пару минут, а потом коснулся колокольчика.

В кабинет заглянул секретарь.

– Позовите ко мне Михеля и Густава.

– Да, жом.

Секретарь исчез, а жом Рукоцкий нежно, почти влюбленно посмотрел на Армандо. Юноша почувствовал нечто неладное и заерзал.

– Я...

– А теперь вы меня послушайте, тор. Вы из Ламермура, верно?

– Да...

– Так собирайте вещички и отправляйтесь в Ламермур.

– ЧТО?!

– В противном случае...

Дверь не скрипнула. Но в помещении резко подскочила концентрация алкогольного запаха.

Михель и Густав были рабочими на все руки.

Прибить, починить, перенести, а иногда и спеленать больного. Мужики эти были здоровущие, кряжистые, в каждого из них по три Армандо бы влезло и еще местечко осталось. А сейчас они еще были и с похмелья и не лучились дружелюбием.

– А... – Армандо хотел было что-то сказать, но вместо этого позорно вякнул и икнул. От испуга.

Жом Рукоцкий даже подниматься из-за стола не стал. Весомости его словам придавали двое здоровущих мужчин за спиной.

– Если я узнаю, что вы подошли ближе чем на десять метров к моей лечебнице, моим врачам, моим сотрудницам – вами займутся эти ребята. У нас в лечебнице нет отделения для душевнобольных, но ради вас я договорюсь, – мягко произнес начальник. И кивнул Михелю и

Густаву: – Жомы, вот этот тип обидел Рагальского и едва не убил собаку Вороновой. Проводите его, пожалуйста.

Рабочие переглянулись.

Стас регулярно оказывал им медицинскую помощь. Ругался, плевался, материл их, но делал это каждый раз хорошо, руки-то золотые. А что ругается – авось чирей не вскочит. Характер у человека такой, понимать надо!

А Ида...

Это вообще – видение. Хрупкое и нежное. И ее собаку в лечебнице знали.

Армандо подхватили с двух сторон, проволокли по лечебнице – и выкинули за ворота. Последнее – в буквальном смысле.

Носом вперед, размахнувшись и прицелившись в лепешку конского навоза на мостовой.

Вот этот навоз Армандо на себя и собрал. Но ругаться не стал – добавки ему не хотелось. Наглецы отряхнули руки, развернулись и ушли. Последствий они не боялись, Рукоцкий хоть и сволочь, но своих людей прикрывал. Да и... не было ничего!

Точно!

Напился небось тор!

Армандо, сидя у колеса своего фаэтона, ругался, подсчитывая убытки. Сам фаэтон, понятно. Проигранное пари. Ушибы, синяки, зубы... нет, повезло хоть тут, зубы не шатаются. А кровь во рту – губа лопнула. Костюм.

Ида.

Да, Ида, такая очаровательная и загадочная...

Ах, Ида...

Чтобы сбить ламермурца, который вышел на цель, пары подсобных рабочих было мало. Надо бы ядром попробовать. Пушечным.

Армандо обдумывал, как ему найти очаровательную Иду. Это она просто сейчас понервничала, вот и не поняла ничего. А потом поймет...

Не может ведь он упустить такую редкостную красавицу? Никак не может! Его весь Ламермур проклянет! Вот!

– Ну здравствуй, Митя.

Зеленые глаза смотрели остро, холодно.

Митя только зубами скрипнул. Попался, как сопляк! Но кто ж знал? Тигр, сволочь такая, целую сеть осведомителей прикормил! Так что Митю попросту опоили и сдали сонного. С рук на руки, как кулек.

Сволочи!

Вернется он еще в ту таверну, поквитается...

Полетят клочки по закоулочкам (и это не угроза, а прогноз).

– Ну здравствуй, Киса. – Митя решил ни в чем не сознаваться и не прогибаться. Вот еще!

Он свой!

Этого достаточно!

– Я даже рад тебя видеть. – Жом Тигр уселся в кресло и достал тонкую папиросу. – Ты не куришь, я помню.

– И тебе не советую. Говорят, оно для здоровья вредно.

– Помереть здоровым? Приятный выбор. Но смерть от болезни или старости, боюсь, меня минует.

– Вполне возможно, – не стал спорить Митя. – Валежный идет на Звенигород.

Ответом Дмитрию стала невеселая улыбка.

– И может поохотиться на тигров. Это логично. Как ты думаешь, почему я с тобой разговариваю именно здесь? Не в пыточных? Не во дворце?

Митя пожал плечами.

Почему?

Да чего гадать, если ты сам сейчас все скажешь! Верно ведь, разговор происходил в той же самой таверне, в Митиной комнате. Просто увязан был диверсант, что та колбаса. Причем увязан достаточно забавно. Ему спутали ноги в щиколотках – и связали руки спереди. Так, чтобы Тигр видел.

Но могли и наручниками сковать, и веревками обмотать, от ушей до пяток, тогда бы Митя не дернулся. Ан нет... такое ощущение, что связали его... формально?

Даже не так.

Его связали на первое время, чтобы не дергался, пока не поговорит. А уж что там дальше будет? Ну, посмотрим...

И ведь ничего не предвещало, просто выпил вот так молочка на ночь – и уснул. Чутьочку покрепче, чем обычно.

– На чем поймали Хомяка?

– Его еще и ловить надо было? – пожал плечами Тигр. – Зачем? Он прекрасно понимает, куда корм насыпали.

Митя только зубами заскрипел. И верно...

Где можно остановиться в столице? Лучше всего у старых знакомых. В таверне «Боевой хомяк». И да, Хомяком ее хозяина прозвали не только из-за вывески. Уж больно он был... похож.

Не только внешне, но и характером. Толстые щеки, толстое пузо, но еще и желание запихать к себе в закрома все ценное. И побольше, побольше...

А что-то у него выдрать...

А вы у хомяка корм отнимать не пробовали? Рискните, но лучше в латной перчатке. Пальцы могут вам еще пригодиться.

– Впрочем, я рад. Если бы ты не появился, пришлось бы искать другого.

– Если ты хочешь предложить мне работу, зачем так усложнять? Мог бы и просто в гости заглянуть.

Тигр помолчал пару минут.

Легко ли ему было решиться сделать нечто подобное?

О нет!

Но и выбора не было. А жизнью рисковать он с детства привык. Еще когда был Сережей Михеевым.

– Я хочу предложить тебе необычную работу.

– Взорвать Пламенного?

– У тебя это не получится. Сам понимаешь, безопасность мы обеспечили, – отмахнулся Тигр. – Дворец так укреплен, что с налета его и Валежному не взять. И пронести ничего не получится, не обольщайся.

Митя пожал плечами, насколько получилось. Веревки мешали.

Интересно, Тигр понимает, что оскорбляет в нем профессионала? И что бросает вызов?

Все он понимает, сволочь такая. Сидит, смотрит своими зелеными гляделками... так и пристрелил бы! Этот враг поопаснее Пламенного будет. Тому власть глаза застит, тот в какие-то идеалы верит. А этот... кошка и есть!

Кстати, единственное существо, которое убивает для игры. Не для пропитания, просто – позабавиться. И у Тигра это качество тоже присутствует.

– Допустим. Тогда чего вы от меня хотите?

– Поработаешь, – позволил себе улыбку Тигр. – Почтовым голубем.

– ЧТО?!

– Я непонятно выразился?

– Непонятно, – честно сознался Митя.

– Если ты хотел, чтобы твоя работа для Валежного осталась в секрете, надо было не брать подручных.

Митя открыл рот, закрыл.

– Я... банк?

– Да.

– И кто?!

Тигр пожал плечами:

– Я не стану сдавать своих людей. Перебьешься.

– А ты не перебьешься?

– Ромашкин, ты не дурак. Так что... читай. И молча. Хоть слово вслух скажешь – ощиплю.

Митя зло фыркнул, но лист дорогой белой бумаги принял. И начал читать. Про себя.

Только вот рот открывался и открывался. Все шире и шире...

Почтовый голубь?

Да в Митин рот полноценная ворона залететь могла. Потому что Тигр...

Митя не просто так по Звенигороду шатался. Он знал и про несколько поясов обороны, и про тайные ходы из дворца, и про...

Знал он про многое. А Тигр сдавал – все. И известное Мите, и неизвестное. Лист был убористо исписан мелким почерком с двух сторон, и это был смертный приговор.

Даже если бы кто-то его увидел.

– С тебя шкуру сдерут.

– Знаю.

– Что ты хочешь... Валежный?

– Да. Ты сможешь доставить ему мое письмо?

– Да. А ответ?

Тигр пожал плечами:

– Ответ он даст лично. Когда придет в Звенигород.

Митя аж заикаться начал от этой невероятной наглости.

– Т-ты...

– Не стоит тратить слова и время. Ты согласен?

Митя кивнул.

Глупо было бы не соглашаться.

– Ты как раз успеешь добраться до Валежного. Я дам тебе сопровождение. А обратно уже и не потребуется. Валежный сейчас в Беркуте, и, по моим сведениям, он там задержится. Успеешь.

Митя кивнул:

– Да, успею.

– На всякий случай... если тебе что-то понадобится передать через Хомяка, пусть ему отдадут этот перстень. – Тигр снял с пальца простое железное кольцо.

Когда-то они с братом сделали два таких – из звена их оков. Расплавляли цепи, смешали кровь, добавили железо...

Кольцо брата ушло с ним в землю.

Кольцо самого Тигра сейчас отправится вместе с Митей. К Валежному.

– И пароль. Яна.

– Яна?

– Да.

Можно украсть вещь. Но украсть знания? Надо знать, о чем спрашивать. Тигр рисковал, но другого выхода у него не было.

* * *

Отправив Ромашкина из Звенигорода, Тигр позволил себе минуту слабости.

А именно взял бутылку дубовика и напился в одиночестве. Смотрел в огонь камина, наливал в рюмку дубовик и пил. И когда он глядел на огонь через дорогое спиртное, виделись ему не языки пламени.

А теплые карие глаза с золотыми искрами.

Чистые, родные, любимые...

Да, именно такие...

Что ты сделала со мной, Яна? Как получилось, что я предаю своих, и не из страха за свою шкуру? Я ведь не себя спасаю!

Мне нестерпима мысль о том, что ты попадешь в руки Пламенного. Она мучает меня, разъедает разум, словно кислотой... я не хочу!

Я хочу увидеть тебя...

Я знаю, я для тебя никто, лишь приключение по дороге, но... но что со мной происходит?

Тигр не смог бы это сформулировать четко. А тем не менее...

Единственная настолько необычная женщина. Единственная, которая его бросила, единственная, кто обвел его вокруг пальца, кто заставил себя уважать, думать о себе...

Единственная, кто сломал все стереотипы!

Невероятная. Умная, яркая, броская...

Просто – единственная.

Россия, Анна

– Ванечка, ты чего?!

Подруга (однодневка, но вполне приятная на ощупь) потеревила Ваню за рукав. Но парень так уставился на происходящее на улице, что даже не заметил ее усилий. Тряхнул рукой, словно муху сбрасывал, и вякнул что-то неразборчивое:

– А... да...

Иван Игоревич не отрываясь смотрел на мужчину, который помогал женщине выйти из машины.

Да, это были Борис и Анна.

Ваня как раз к Борису и приехал. Поговорить насчет Лизы.

Ну, честно-то говоря, Лиза ему была нужна здесь, в городе. Самому Ване. С сестрой у них было взаимопонимание настолько, насколько это возможно.

Ваня прикрывал Лизины похождения, Лиза – Ванины. Они делились друг с другом деньгами, понимая, что сегодня отец благоволит одному, а завтра второму, они неплохо понимали друг друга, и это неудивительно. Цель-то у них была одна и та же.

Прожить долго, приятно и со всеми возможными удовольствиями. Это ж понятно!

В удовольствия входили секс, алкоголь, а у Вани с некоторых пор еще и наркотики. Лизе пока хватало натуральных ощущений, иногда приправленных травкой или дорожкой, а вот Ваня уже предпочитал что потяжелее. Кокаин ему казался слишком слабым.

Но он – не наркоман!

Он просто для удовольствия, а сам может соскочить в любой момент! Просто пока не хочет... ну, может, через полгода или годик...

Отец деньги для чего зарабатывает? Правильно, чтобы дети их тратили! Вот они и тратили...

Были и минусы. Выйти замуж – жениться им рано или поздно пришлось бы. Лизе, понятно, раньше. Но у девушек меньше времени в запасе, чем у мужчин. Им надо быстрее жизнь устраивать.

Борис Савойский устраивал и Ивана, и Лизу.

В меру лопушастый, чтобы не замечать некоторых шалостей супруги, достаточно щедрый и очень, очень занятый на работе.

Что еще надо? Ивану ничего, а вот Лизе... темперамент у девушки был неумный, и секс ей требовался.

Много, часто, изобретательно. И в разных, скажем так, сочетаниях. Борис ее попросту не удовлетворял. Хотя Лизу и рота солдат не удовлетворила бы. Разве что на денек-другой.

Если бы это вовремя заметили и отволокли девушку на консультацию к сексопатологу, все еще можно было бы исправить. Не заметили.

И Лиза постепенно срывалась «с нарезки».

А сейчас... сейчас отец отправил ее в пансионат в Англии. Или, простыми словами, в тюрьму.

Да, есть там и такие заведения.

Будешь жить, соблюдать режим, а за ограду не выйдешь. Если тот, кто платит, не позволит.

Положа руку на сердце, Лизе это было даже полезно. Медики в таких заведениях зря хлеб не едят, и с ее проблемой тоже справятся. Но Ване-то это объяснить было невозможно!

С его точки зрения, все выглядело намного проще.

Не больная от безнаказанности и вседозволенности девица, которой наконец-то выписали необходимое, хоть и горькое лекарство.

А любимая сестренка, которую заперли в тюрьме.

Из-за Бориса.

Хотя факт измены отрицать было сложно, но тут опять же виноват Савойский. Первое – он сестру не удовлетворял. Второе – сам толкнул ее этим на измены. Третье – вместо того чтобы пить виагру, принялся ловить невесту. Это вообще куда годится?

Так делать решительно нельзя!

Ваня и отправился пообщаться с Савойским.

Если они вместе поговорят с отцом, тот отменит наказание для Лизы. Чего тут непонятного?

Зачем это надо Борису, Ваня даже не задумывался. Надо же сестру выручать?

Надо!

Но вот именно сейчас, глядя на то, как Борис осторожно, нежно даже помогает Анне выбираться из машины, Ваня понял, что неспроста Савойский от Лизы отделался.

Ой, неспроста.

И вот с этой бабой у него все серьезно...

Кажется, она воспиталка его дочери... вот стерва!

А Лизка страдает...

Ну, погоди у меня, зараза! Я с тобой еще разберусь.

Русина, генерал Логинов

Логинов точно знал, что на войне надо вредить противнику.

А потому...

По пути его следования не оставалось ни одного целого телеграфного столба. Что свалили, что сломали, что подожгли. Провода они заботливо срезали и сматывали с собой. Столбы не унесешь, а провод пригодится.

Мосты в обязательном порядке поджигались, разрушались или вообще взрывались. Ибо нечего тут! Логинов собирался максимально затруднять работу своим преследователям. Будь его воля, он бы и дорогу вскопал на метр в глубину. Да вот некогда и нечем.

Несколько раз их таки догоняла кавалерия освобожденцев.

Когда это случилось первый раз, Логинов подумал, что их серьезно атакуют. Потом понял, что ошибся...

Какая там кавалерия? Тьфу, слезы горькие...

Так, комариные укусы, мелкие отрядики человек по двадцать-тридцать, и те – соплячье... налетят, постреляют издали...

В чем-то они были даже полезны! А нечего тут расслабляться!

Его люди и не расслаблялись. Впереди Волчий, а потом и Архарск. Волчий... нельзя сказать, что этот город был важен или особенно нужен имперцам. Но все равно ведь по дороге?

Значит, надо воспользоваться. А Волчьим он был назван потому, что в окрестных лесах водились волки. Много, в иную зиму их сотнями отстреливали...

Логинов планомерно двигался к городу.

Он понимал, что освобожденцы это видят, понимал, что они мечтают его остановить... ну и пусть! Сколько у них людей в Волчьем? Тысяч пятнадцать, по данным разведки?

Много, конечно. Но если там тоже крестьяне, как в том эшелоне...

К Волчьему он подошел на шестой день пути.

Подумал. И выслал парламентаров.

Все просто. Кто сдастся, того отпускаем домой.

Кто сопротивляется – повесим.

Если есть те, кого силой загнали в армию к освобожденцам, бросайте оружие и ложитесь прямо на поле боя, вас не тронут.

Будете стрелять – убьем. Это война.

Освобожденцы в Волчьем оказались хлипкими. Куда им было до Счастливого! Тот приказал казнить посланца.

Эти... эти выслушали – и сдались.

Логинов въехал в город без единого выстрела. Так, пара дурачков попробовала что-то сделать, но их порубили быстрее, чем выяснили, что им нужно. Болваны!

Потом началась работа.

Логинову требовалось: первое – допросить тех, кто занимал у освобожденцев важные посты, узнать, что можно, про их планы, расстановку войск, вооружение, командиров... про все!

Второе – вычистить город от всего лишнего. Такого, как оружие, лошади, фураж... да, и казну не забыть. Логинов не собирался

оставлять освобожденцам даже гнutoго гвоздя от конской подковы.

Третье – отправляться на Архарск.

Там серьезный транспортный узел, его надо захватить, как следует вычистить, а в идеале и удержать.

Сарск, Ас-Дархан, Архарск... это все важные пункты. Кто контролирует их – контролирует Русину. Ее значительную часть.

А еще...

Из Архарска до Звенигорода по железной дороге каких-то шесть часов. Может, чуть больше, но не намного. Ну как тут упустить шанс потрепать нервы Пламенному?

Нельзя, никак нельзя! Так что работаем! Собираем информацию!

Единственное, что раздражало Логинова, – обоз. Скоро надо будет все это добро куда-то пристраивать, а куда?

Бросить – обидно. Тащить за собой – нереально. И что со всем этим делать?

Ас-Дархан. Илья Алексеев

– Илюшенька, возвращайся! Я ждать тебя буду! Я молиться буду!
Я ребеночка тебе рожу!

Маргоша обильно поливала слезами мундир Ильи.

Корпус Алексеева уходил на Шарукан.

Понятно, никто бы с собой бабу не потащил, корпус был до предела мобильным, кавалерия, артиллерия...

Илья неловко погладил женщину по светлым волосам.

– Все в порядке, Маргоша. Ты мне сына роди, а я уж вернусь.

– Как назвать захочешь? Если не успеешь?

Илья даже не думал:

– Петером назови.

– А если девочка будет?

– А девочку – Анной.

Илья не заметил гневной искорки в глазах женщины.

Анной!

Помнит ее! Не забыл...

Но спорить Маргоша не стала, отлично понимая, что Илья уходит на войну. Вернется ли, нет ли...

У нее УЖЕ статус жены офицера. Полковника, может, и генерала. Это важно. Даже если Илья не вернется, пенсию ей платить до конца дней будут.

Опять же, пусть вдова, но молода, очаровательна и прекрасна.

Так что Маргоша висела на супруге и активно рыдала, убеждая его в своем горе.

Наконец Илья вытер ей последний раз лицо и вскочил в седло. Махнул рукой.

Корпус Алексеева уходил из Ас-Дархана в Шарукан. Оттуда?

Куда Валежный прикажет.

И Илья был рад. Воевать ему было легче, чем сидеть на одном месте. Тем более с Маргошей.

* * *

Дед Савва помахал платочком вслед Алексееву, да и подхватил под руку пошатнувшуюся Маргариту.

– Домой пойдете, тора? Не застудитесь бы вам...

– Пойдем, дедушка Савелий, – согласилась Марго.

Старика она любила. И слушалась. Как-никак дедушка еще ее отца воспитывал, для самой Маргоши из кожи вон лез, другого для себя не мыслил, только помогать и ей, и матери, и брату...

И справлялся.

Их вывезли в Ас-Дархан, в комфорте, уюте, обеспечили, Маргошу даже удачно пристроили замуж, а если придется бежать, у деда наверняка и на этот случай все подготовлено.

Маргоша расслабилась и оперлась на руку старика. Коснулась поцелуем его щеки.

– Спасибо тебе, дедушка.

Старик ничего не ответил. Но по его щеке сползла почти незаметная слезинка.

Он понимал, что с Алексеевым поступили не слишком хорошо. И ребенок у Маргоши, может, и не от него. Даже скорее всего.

И свадьба эта...

Не любит он Маргариту и не полюбит никогда. И если б его семья не погибла, они бы никогда не поженились, это уж Алексеев с тоски, с

горя...

С другой стороны, не до чести. Выжить бы... уж он постарается. И сам выползет, и родных людей вытащит... а кому там плохо будет – разве деда Савелия волновало?

Да никогда!

Он ведь не убивает, не крадет, не шантажирует, не...

Он просто чуть-чуть помог. А решения все принимали сами. Вот после войны и будем посмотреть, как кости лягут. А пока...

– Повитуху бы нам сыскать хорошую, тора.

– Поищи, дедушка. Скоро уж...

– Обязательно поищу.

Вот это – важно. А с остальным можно и потом разобраться. Постепенно... и, кстати, повитуху надо надежную. Хорошо бы, чтобы ребенка записать чуть позже родившимся. На недельку, на две... мало ли что?

Чтобы уж точно сомнений в отцовстве ни у кого не было...

Русина, Звенигород

– Вернулся?

Вместо ответа Ураган протянул Тигру руку. Мужчины буквально на миг замерли, взгляделись друг в друга.

– Смотрю, жизнь тебя не балует, – сделал резонный вывод Ураган.

– В отличие от тебя. – Тигр решил не оставаться в долгу. – Посвежел, похорошел... не иначе – влюбился?

Впервые жом Тигр стал свидетелем потрясающего явления. Жом Ураган покраснел.

Медленно, вдохновенно, начиная с ушей...

– Серьезно? – изумился наглый кошачий. – На свадьбу-то пригласишь?

Жом Ураган почти вежливо ответил, что это не тигриное дело. Вообще.

Номер не прошел. Тигр, как и все кошачьи, был свято уверен в своем праве лезть лапами в любые тайны. Особенно в личные и неприкосновенные.

– И кто она? Из наших? Я ее знаю?

– Не. Твое. Дело.

– Значит, не знаю. Ладно, делись. Обещаю никому не рассказывать...

Ураган помолчал пару минут. Но...

В том-то и дело, что война. И случись что, Ида будет его ждать. Он точно знал, что будет.

А его... его уже не будет. И даже некому будет весточку ей подать...

Ураган вспомнил, как они прощались.

– *Я буду ждать. Костя, вернись ко мне.*

– *Обещаю.*

– *Я каждый вечер буду зажигать свечу на окне. Ждать и молиться. Только вернись...*

...когда рыцарь Освобождения уезжал, он не оборачивался. Но дорога помогла ему. Она делала крюк, и Ураган мог бросить взгляд на дом, где жила самая удивительная девушка мира.

В мансардном окне горела свеча.

– Ее зовут Зинаида. Зинаида Петровна Воронова.

Вот не среагировал бы Тигр в другое время на это имя. Нет, не среагировал бы.

Но сейчас...

– Зинаида Петровна?

– Да...

Ураган даже растерялся, когда его невежливо взяли за руку и потащили... куда?

Оказывается – в спальню? И зачем?

За... портретом?

Императорская семья, все семеро, стоят, император впереди, чуть позади и справа Аделина Шеллес-Альденская, потом девушки...

– Творец!

А что еще оставалось сказать несчастному Константину? Если в одной из девушек он узнал...

Ида?!

Смотрел он, правда, на Александру, но это объяснимо. Анна и Лидия были копиями отца. Остальные три сестры походили на мать как две капли воды. Александра-Эсси на момент создания портрета как раз была в возрасте Иды. И семейное сходство было потрясающее.

Разве что волосы темные. Но кого это могло обмануть?

– Я смотрю, тебя можно поздравить? – Иронии в голосе Тигра хватало с избытком.

Ураган медленно положил руку на пистолет. Кажется, у него нет другого выбора? Только убить?

Если Тигр останется в живых, он сдаст Иду Пламенному, а этого никак нельзя допустить. Нет, никак...

– А моя – вот эта.

Пальцы Тигра вдруг погладили портрет в том месте, где была нарисована щека старшей из дочерей.

– ЧТО?! – едва выговорил шокированный жом Ураган.

– Подозреваю, у тебя есть свой кусочек головоломки. Яна упоминала, что у нее есть сестра.

– Яна?

– Да, так получилось, что мы знакомы. Но твоя подруга не стала скрывать фамилию и отчество. А моя предпочла остаться инкогнито. И даже не попрощалась. Найду паршивку – выпорю.

Тигр говорил легко, даже с иронией, но сквозило под ней и что-то более темное, глубокое... словно под гладью безбрежного синего моря – громадный кракен. Не акула, которая заранее оповещает о своем прибытии, нет.

Нечто такое, что не заметишь, пока тебя не схватят.

– Я даже не подозревал...

И верно.

Сколько Вороновых в Русине? Да каждый десятый! Ворон-то много! Никому и в голову не пришло... и Урагану тоже.

– Предлагаю сесть и поговорить.

Спустя час мужчины смотрели друг на друга хоть и не слишком дружелюбно, но убивать собеседника никто из них уже не собирался.

Как-никак родственники.

Эта мысль вызывала у мужчин приступы судорожного смеха.

Они!!!

Братья!!!

Или как называются мужчины, которые женятся на сестрах? Свояки. Естественные союзники превращались в родственников.

Породнились, на свою голову... породнятся, когда женятся. Что думают по этому поводу дамы?

Ида согласна. Предварительно. Яна? Ту пока нет возможности спросить. Но что она молчать не будет, Тигр даже не сомневался. Тут главное – ничего острого и стреляющего ей в руки не давать. И мебель, что ли, убрать из комнаты...

– Костя, молчи. – Тигр впервые назвал соратника не по прозвищу, а по имени, подчеркивая важность сказанного. Если зерно им Пламенный простит, равно как и небольшую игру в свой карман... это нормально, сейчас все так делают, вот жом Броневой вообще счета завел в Ламермуре! И лежит у него там столько, что на три жизни хватит! То девушек...

Про одну из которых не знает никто, про вторую знает Пламенный...

Тигру это не нравилось, но про Иду надо было молчать.

Яна?

Яна отобьется, кто бы сомневался. Если Пламенный ее схватит, это будет история про медведя. И кто кого куда не пустит – большой вопрос. А Ида не справится. Более того, если Яна так рисковала ради сестры...

Если Тигр подставит Иду, Яна потом первая ему голову оторвет.

Но как так-то?! Просто – КАК?!

Нарочно искать будешь, не найдешь, а они сами... хотя вот Тигр и искал сейчас Яну. И найти не мог. Вот ведь... бабы.

Зато остальные новости радовали.

Ураган закупил зерна, и не только. Крупами, мукой он тоже пренебрегать не стал. Скупал эшелонами, кораблями... чего только аренда и охрана складов стоит!

В среднем на человека в год надо двадцать пудов зерна. А населения в Русине порядка ста миллионов. Ураган очень старался. Но закупить несколько миллиардов пудов зерна не смог. Голоду все равно быть...

Но не такому уж кошмарному, правда же?

И не стоит забывать скот, и овощи забывать не стоит...

Мужчины сидели с бумагами, зверея и дурея от громадных цифр, но вывод был неутешителен.

Голоду – быть.

Определенную прослойку они сделали, но этого мало, слишком мало. Надо придумать, что можно сделать еще... Рыба?

Зверье? Птица?

Закупки по другим странам? Так уже везде, где могли... и деньги... денег попросту больше нет.

Что делать дальше?

Мысль у мужчин была только одна. Одна на двоих, совершенно одинаковая. Брать власть. Вытряхивать из верных соратников все, что они уже открысячили, и кое-как, сцепив зубы, вытаскивать страну из некоей аграрной субстанции коричневого цвета.

Но озвучивать ее было рано. Пока еще свояки не дозрели.

Глава 13. Ах, растекусь я рекою отсюда, буду лелеять, носить облака

Анна, Россия

Звонок Ольги Сергеевны застал Анну врасплох. Хотя, казалось бы, зачем ей звонить?

И самой?

Лично?

Не через секретаря?

– Я хочу тебе сообщить, что Сережа умер.

Голос железной леди дрогнул, изломался...

«Да она же плакала», – сообразила Анна.

Она плакала, а потом взяла себя в руки и кое-как позвонила Анне. Только вот что последует дальше?

Боря рассказал ей про Лейкина. И сказал, что договорился с полицейским. Вместо попыток соблазнить Анну тот напишет отчет, из которого будет ясно, что мать Гошки ведет высокоморальный образ жизни. Никаких внебрачных связей, никаких мужчин, а что живут черт-те где... тоже понятно! Продала что могла, только бы сына вылечить.

Бесплатная медицина у нас в стране обходится очень, очень дорого.

– Ольга Сергеевна, держитесь. Хотите, я приеду, помогу вам?

«Свекровь» глубоко вздохнула, явно пытаюсь справиться с голосом. А Анна просто представила.

Вот если бы Гошка...

Если бы он...

Нет, даже язык такое не выговаривает! И думать не хочется. И жутко становится, потому что ей тогда просто незачем бы жить...

– Благодарю. Все организует мой секретарь. Похороны послезавтра, в два. Прощание в Благовещенской церкви.

– Мы обязательно придем.

– ВЫ? – уточнила Ольга Сергеевна.

– Я и сын, – спокойно ответила Анна. – Он имеет на это право.
В телефоне помолчали.

– Никогда не думала, что я так скажу. Приходи.

И понеслись гудки.

Несколько минут Аня смотрела на телефон. А потом махнула рукой и отправилась к Борису. Надо же ей с кем-то посоветоваться?

Надо.

Насколько она поняла характер Цветаевой...

Сейчас ей плохо и больно. Через два часа ей все равно будет плохо и больно, но появится жажда действий. А каких?

Есть подозрение, что Анне они не понравятся.

Сына нет, есть внук, внука надо заполучить тем или иным способом... да все способы хороши в этой войне без правил! Что может сделать Цветаева?

Что угодно.

И Анна всего не предугадает, у нее разум иначе работает. Чутьочку, но иначе. Надо поговорить с тем, кто лучше нее разбирается в реалиях этого мира.

* * *

Савойскому звонок не понравился. Но...

Может, дама решила протянуть оливковую ветвь?

Должно ведь в ней быть хоть что-то человеческое? Ну хоть немного? Хоть огрызком каким... не каждый ведь день родной сын умирает?

Анна в этом сильно сомневалась, но допускала возможность чуда. Хотя вряд ли... Борис подумал и решил ее слова не отвергать. Она этих людей лучше знает.

– Аня, ты как себя чувствуешь?

На Ольгу Сергеевну ему плевать было. А вот Аня – его женщина. Любимая... точно? Определенно. И ее психологический комфорт Борю волновал намного сильнее.

– Сложно, – созналась Анна. – Сергей мне звонил, я просто не рассказывала.

– Мы еще поговорим о твоей неуместной скрытности. Отшлепаю. Чего он от тебя хотел?

Аня подумала пару минут.

– Мне показалось... нет, тогда мне ничего не показалось. А вот сейчас... он прощался.

– Прощался?

– Да. Он так разговаривал, словно не думал, что мы еще увидимся. За сына поблагодарил.

Боря приобнял женщину за плечи.

– Анечка, так случается. Люди от нас уходят, надо просто это принять.

Анна тряхнула головой.

Принять? О, это – запросто! Ей и самой скоро уходить, и она отлично знает, что ТАМ – жизнь. Не страшное небытие, которого так боятся в этом времени и которое так пытаются заговорить. А жизнь, только другая.

Хелла сама об этом сказала, а она уж точно знает.

Значит – ничего страшного. Что Цветаев заслужил, то он и получит. Но вслух она ничего подобного не скажет. Вслух...

– Он сказал, что подсел на наркотики.

И тут память Яны подкинула картинку из прошлого:

– А тогда... Я как раз выходила из института, а он сидел на лавочке и курил. И поздоровался. А я с ним... так и завязалось. Девушка, которую он ждал, опаздывала, и Сергей решил не дожидаться.

– Он получил больше, чем смог оценить. – Боря поцеловал Анну в висок. С удовольствием принюхался. Она не пахла дорогими и сладкими духами, как Лиза. Анна пахла по-домашнему. Мята, лимон, яблоки, корица, еще какие-то пряности... Дом, семья, спокойствие. – Я не в претензии. Я выиграл от его глупости. И... не отпущу тебя одну.

– Боря? Правда?

Это решение Борис принял только что. И, глядя на просиявшее лицо Анны, подумал, что все правильно.

Семья – это и поддержка, и помощь, и плечо, подставленное в трудной ситуации. Аня о себе не думала, когда мчалась выручать Киру в общежитие. Знала, что дело может закончиться плохо, но сделала все, чтобы помочь девочке.

А от него никаких геройств не требуется. Просто потратить часок-другой времени.

– Где состоятся похороны и прощание?

– Вот. – Анна показала эсэмэску, которая пришла ей на телефон. Там было подробно расписано и время, и место, и даже сброшена карта.

Боря демонстративно вычеркнул из ежедневника назначенную встречу, перенес ее на другой день и вписал указанное Аней мероприятие.

– Мы едем вместе.

Анна потерлась щекой о лацкан его пиджака. И заговорила о том, что волновало ее неизмеримо больше, чем Сережа Цветаев. Даже покойный.

Не она же с ним спала? Вот и переживать не стала...

– Боря, у нас еще одна серьезная проблема.

– Какая?

– Скоро у Киры день рождения.

– Это не проблема, подарок я уже купил. – Борис самодовольно улыбнулся. – Как тебе?

Из сейфа было извлечено нечто большое и черное. Коробка... да, красиво!

Анна оценила и серьги с изумрудами, и кольцо с ними же, и даже браслет и кольцо. Почти парюра. Шпилек не хватает, броши, диадемы. Да и колец надо хотя бы пару, лучше три, в одном стиле, но разной массивности, под разные типы рук...

И задумалась. Как бы так выразиться, чтобы и не обидеть, и ее правильно поняли...

– Боря, ты уверен, что Кира это будет носить?

– Конечно!

Анна качнула головой.

Украшения были дорогими. Красивыми, изящными... не для девочки. Для взрослой и уверенной в себе женщины. Кира в них будет смотреться попросту нелепо.

Это не подарок, это вложение денег.

– Боря, мне кажется, Кира для них должна чуточку подрасти. И в школе в кольцо будет неудобно...

Савойский недаром занимался бизнесом. Анины хитрости он раскусил мгновенно.

– Анечка, давай без лишних фраз? Что ты хочешь сказать?

– Что это не подарок для Киры. Она порадуетя, но не оценит по-настоящему. Это не станет для нее радостью. Так... еще одна роскошь. Ей нужно нечто другое. То, что можешь дать ей только ты. Она тебя безумно любит, оттого и все ее фокусы... половина – точно. И если ты пойдешь ей навстречу, ну хоть шажок сделаешь, ребенок будет счастлив.

Боря задумался.

– А что ты предлагаешь?

Аня улыбнулась.

– Подари Кире то, что ей необходимо. Именно ей, по-настоящему.

– Что именно?

– Домашний праздник. Боря, милый, она у тебя очень домашняя девочка. А вот это все... краска, тряпки – это наносное. Ты уже пригласил гостей?

– Пока нет. Но ты понимаешь, все уже в курсе...

Анна кивнула.

Да, есть протокольные мероприятия. А есть семья. И она, как дочь императора, очень жестко это разграничивала. И Киру научит.

– Понимаю. Боря, у меня есть предложение...

* * *

За дверью кабинета кот по кличке Сталин неторопливо облизнул усы.

Странные эти люди! Ясно же – твоя самка! Так чего ты ее не того? Чего вы все ходите друг вокруг друга, все мурлыкаете, поете... давно бы котят завели?

Вот кошкам хорошо, у них в жизни все правильно. Самая красивая кошечка достается самому лучшему коту. К примеру, ему. Кто не согласен – того когтистой лапой. Лучше два-три раза, чтобы дошло. А у людей...

Зачем они так усложняют себе жизнь?

Вот несчастные... пойти им, что ли, крысу поймать? В утешение?

Ведь сейчас говорят-говорят, а на дворе-то что?
Весна!
Тут мяу надо! А не разговоры разговаривать! И котят...
Очень странные эти люди.

Ида, Свободные герцогства

Вот чего не ожидала Зинаида, так это громадного букета белых роз.

– Это что?

Жама Гертруда пожала плечами:

– Не знаю, тора. Тут карточка есть...

Ида коснулась квадратика плотного картона. Поморщилась.

Визитка... как много можно сказать о человеке по этому клочку бумаги? Где она заказана, какой шрифт, какая бумага, даже какие духи...

«Очаровательной торе с извинениями и надеждой на новую встречу. Тор Армандо Рессаль».

Данная визитка была образцово-нуворишеской. Иначе и не скажешь.

Самая дорогая белая бумага с водяными знаками и золотым обрезом.

Самые дорогие чернила.

Затейливые буквы, вензеля, несколько цветов чернил, даже небольшой герб. Дорвались деньги до титула. И выдали всю свою вульгарность. Фу и еще раз фу!

Кстати, у ее матери тоже визитки были. Когда она была еще Шеллес-Альденской.

Ида их видела и помнила.

Плотная сиреневая бумага, черные чернила, герб в правом верхнем углу.

И имя.

Аделина Шеллес-Альденская.

Коротко и ясно.

А тут... не визитка, а вопль больших денег, которым на хвост наступили. Что за семейство эти Рессали? Имя ей было решительно

незнакомо. Фамилия тоже.

– И кто это такой?

Ответил, неожиданно, жом Пауль:

– Он еще про собаку спрашивал.

Ида тут же вспомнила наглого ламермурца и ощетинилась:

– Ах, вот это кто! Жама Гертруда!

– Да, тора?

– Вам эти цветы нравятся?

– Да, тора Ида.

– Можете забрать их себе.

– Что вы, тора!

– Тогда отнесите их в храм. И больше от этого человека никакие цветы не принимать. Никогда!

Слуги переглянулись. Понятно, никто не осмелился потребовать объяснений, но любопытство-то не спрячешь! Ида тоже это осознавала, а потому...

– Это тот самый тип, который гонял по улицам на фаэтоне и сбил Полкана. Если бы пес меня не отбросил, он бы меня сбил.

Большого добавлять не потребовалось. Лица слуг приобрели весьма недобрые выражения. А у жамы Эльзы – так просто злобное.

Полкана кухарка обожала. Особенно после того, как выяснилось, что пес абсолютно лоялен к кошкам. Любимчиком жамы был толстый рыжий кот по имени Финдус.

А когда она видела, как Полкан устраивается поспать перед очагом, а Финдус укладывается прямо на собаку, еще и лапы свешивает...

Чудесная картина!

Сейчас, кстати, Финдус тоже был рядом с Полканом. Ида все время сидела при собаке, но и кота ей выгнать не удалось. Толстое пушистое рыжее чудо лежало бок о бок с псом, и стоило Полкану шелохнуться, он тут же начинал мурчать. Разве что лапами не пихался.

– Букетов больше не принимать, тора. И этого типа в дом не пускать? – уточнил жом Пауль.

– Все верно. Благодарю.

Жама Эльза нахмурилась:

– Тора Ида, проблемы могут быть.

– Разве?

– Да... Рессали – семья богатая, очень богатая...

– Подробности?

Подробности жама Эльза знала из газет, которые тоже обожала. Особенно раздел светской хроники и сплетен.

Рессали – семья богатая, но... не знатная. Совершенно. Купцы, которые разбогатели на поставках оружия. А потом выдали одну из своих за обедневшего тора.

Понятное дело, тот быстро допился до ручки, а может, и подлили чего, и вдовушка осталась с титулом и сыном. Вот этим самым Армандо, который в память об отце был принят везде.

Внешность, деньги, титул... чего б не попользоваться? Он и развлекался, как мог. Бабник, гуляка, картежник, дуэлянт... полный набор светского шалопаю.

– Тем более не пускать, – подтвердила приказ Ида. – Разрешаю гнать всем, что под руку попадет, мне такое в доме не нужно!

Ида не догадывалась, что остановить ламермурца такими мелочами просто нереально. Не пускают в дверь?

Так он в окно залезет!

Не берут букеты?

Так он найдет возможность их передать! Хотя бы закинет в то же окно! И сам за ними влезет...

Иде предстояли тяжелые дни.

Армандо решительно нечего было делать, ему понравилась тора, а полученные отказы только распалили ламермурца.

Влюбленный шел в атаку!

Яна, Русина

Хормельская волость осталась позади, к большому облегчению Яны.

Национализм она не переваривала в любых видах. Гадость жуткая, словно у человека изо рта слизняки выпадают. Жирные такие, отожравшиеся... понятное дело, если вместо головы – кочан капусты, там и слизи водиться будут!

Именно национализм.

Можно и нужно любить свою нацию и свою страну. Но зачем для этого оплевывать чужую? Иногда просто смотреть противно.

Теперь им надо было добраться в Беркут. Оттуда в Сарск, но это все тоже не так просто...

Весна вступала в свои права, снег быстро таял, грязи было – по колено. Но ждать, пока все просохнет?

Нет, нереально. Оставалось только ехать и ругаться.

Но даже самое противное путешествие когда-нибудь да заканчивается. И вот перед ними замаячил Беркут.

Яна с удовольствием рассматривала лежащий в долине город.

Черепичные крыши домов, белые стены... деревья тут было маловато, а вот камня хватало. Камень, песок, глина – из этого и город строился. Золотые купола храмов, горящие на солнце, чистые улицы...

Патрули.

– Стоять! Кто, откуда, зачем?

Яна едва не расплылась в дурацкой улыбке. Но это надо было понимать!

Порядок!

Тем, кто живет в тихой и спокойной стране, этого просто не понять! Их раздражают гаишники, они с презрением смотрят на ППС и рассказывают туповатые истории о полиции.

Но побывав в котле войны и революции, они бы просто бросились на шею первому же постовому. Причем – с поцелуями и слезами радости.

По-ря-док!

Это когда тебя нельзя убить просто за то, что ты живой...

Это самое восхитительное ощущение на свете... почти.

– Меншиков, Федор Михайлович, купец первой гильдии. Следую в Сарск, с семьей... подорожных нет, вот пашпорта.

Это было самым сложным вопросом.

Для Яны нашлись бумаги, но бумаги Марфы Федоровны Меншиковой. Что еще могло оказаться под рукой у купца?

Михаил предлагал вписать Яну в его паспорт как супругу, но тут уж заартачилась сама Яна.

Лучше сестра, чем жена! И вообще, у нее сын... сына – впишем?

Михаил энтузиазма не проявил и был Яной навечно вычеркнут из списка мужчин. Вообще. Так, человекообразное двуногое

прямоходящее. Мужского рода. Но не мужчина.

Любой мужчина рассматривался Яной с точки зрения вероятного отцовства.

Любишь меня? Люби и моего сына. И прими как своего. Тогда и я благодарна буду. И отвечу любовью на любовь. А не так, чтобы ты со мной спал, а сына гнал.

Ни один мужик не стоит того, чтобы ради него родного ребенка предать! Ни один!

Впрочем, Яна на своих убеждениях не настаивала. Она имеет право на убеждения, а все остальные имеют право на заблуждения. Это не ее проблема.

Ее проблема и ее счастье – Гошка.

Кстати, Яне иногда казалось, что жом Тигр, скажи она ему о сыне, принял бы мальчика, и именно как своего. Гонял бы по вертикали, но и любил бы.

Он мог... наверное. Или она идеализирует этого мужчину? Впрочем, сейчас не важно.

За десять минут были проверены паспорта, благо биометрии тут не придумали, а повезет, так и не изобретут, купцу сообщили, что насчет железной дороги надо лично к генералу на прием, а остановиться можно в доходных домах по Ручейной улице, там неплохо. Можно и на Молодежной, и на Лекарской...

Антон Андреич распорядился, город патрулируют, все тихо-спокойно, военный режим.

Вот с продовольствием хуже, дело такое. Освобожденцы, что та саранча, все подожрали, но тор генерал распорядился наладить сообщение. Так что будет хлеб!

Будет!

Яна покопалась в своей памяти, но ничего интересного про Валежного не выкопала. Анна его даже не видела. Это ж не паркетный генерал, а боевой!

– Поехали на Ручейную, – решил купец.

Маленькая процессия двинулась по улицам.

Когда Валежному показали списки приехавших, он глазам своим не поверил.

Меншиков!

Купец!!!

Миллионщик!!!

Да родной же ты мой!!!

Валежный отлично понимал, что надвигаются проблемы. Если уж Тигр и Ураган это понимали... да вся страна осознала, что год будет голодный.

Предотвратить это можно только закупками. А закупки – это деньги, деньги – это купцы. Нет, Валежный не собирался раскулачивать купцов, еще не хватало уподобляться освобожденцам. Но... где купить, у кого купить, за сколько, как не купить втридорога...

Судя по тому, что написал ему Митя, счет Валежного в банке немного попрос. И Антон Андреевич собирался серьезно поговорить с купцом. Ну хоть что-то сделать!

Хоть как-то!

Вот есть такой тор Изюмский, если с ним объединиться... когда Валежный начал наступление, тор Изюмский принял волевое решение и попросту захватил Зараево. Выгнал освобожденных (начал вешать, но не всех догнал), выгреб все, что они натащили в закрома, отписал Валежному и начал искать надежного человека. Чтобы в Чилиане закупиться. А тут и искать не надо!

Сам пришел!

Так что тем же вечером Валежный подъехал к доходному дому жамы Брошевой на Ручейной.

Жама встретила его на пороге.

– Тор генерал! Какая честь! Прошу вас, проходите!

Валежный только вздохнул, ностальгически так...

Жама, кстати, была как раз в его вкусе. Не слишком высокая, крепенькая, как молодой грибок, и с внушительными достоинствами. Хоть спереди, хоть сзади, есть за что подержаться! Идиотской моды на корсеты и скелеты генерал не понимал в принципе. Это не жама, а жаль печальная! На такую... пойдешь в атаку, так пополам сломается! Настоящая женщина должна быть с достоинством... достоинствами... выдающимися такими. Чтобы о кости ничего не стесалось!

– Купец Меншиков у вас остановился?

– А то как же, тор генерал! И сам он, и детки евойные, и внуки...
– Позовите купца, поговорить с ним хочу, – решил не вторгаться в семейную идиллию Валежный. – Я внизу его подожду, в общей гостиной.

* * *

– Какого черта ему понадобилось? – Яна как раз была у Меншикова, когда явилась жама Брошева.

– Вот сейчас и узнаем. Но вы...

– Меня здесь нет.

– Вас здесь нет, тора, – согласился купец. – Мою дочь Валежный не видел... вы не знакомы?

Яна пожала плечами.

Вот хоть убивайте... если сразу память Анны была достаточно легко доступна, то сейчас воспоминания уже поблекли, отодвинулись на задний план... может, и видела. Но не запомнила. Или не придала значения.

Всякое может быть.

– Лучше я тут посижу.

– Посидите, тора. А я пойду, поговорю...

* * *

Все бы у Яны получилось. Но...

Четверо детей! Которые решительно плевали на все планы и расчеты!

– Тот самый генерал Победы? А если подглядеть?

– Так нас в гостиную не пустят?

– А мы на лестнице посидим. А когда он уходит будет, посмотрим? Тихонько...

– Только шуметь не надо.

– Не будет никакого шума. Машка, ты поняла? Молчи!

– Я писять хочу!

Мишка закатил глаза, поражаясь глупости младших сестер, но на горшок показал.

– Делай свои дела – и пойдём! Это ж ферейский герой! Тот самый! С ума сойти!

Малышня услышала, что пожаловал лично генерал Валежный, и, естественно, им захотелось посмотреть на героя! Это ж генерал! Понимать надо!

Как это сделать? Да устроиться на лестнице и посидеть тихо, подсмотреть. Авось не погонят.

Ага, авось...

Если бы Михаила Федоровича на тот момент не понесло на двор.

Полутемная лестница, маленькие дети, которые сжались в клубочки... первое, что сделал Михаил, – это душевно въехал Гошке ногой под ребра.

Гошка заорал от боли, вскочил, Михаил от неожиданности пошатнулся, взмахнул руками – и покатился вниз. Топыч едва успел перехватить Машку, чтобы та не улетела за дядюшкой, а Мишка удержался сам. Но лбом о перила так приложился, что чуть балясину не выбил.

Естественно, все это происходило не беззвучно.

И Машка заревела басом, и Мишка заорал от неожиданности, а Гошка от боли, а уж как комментировал процесс Михаил Федорович, летя вниз головой по лестнице...

Яна вылетела из комнаты, словно ядерная боеголовка.

ДЕТИ?!

ЧТО С ДЕТЬМИ?!

– Мелочь! Вы как?!

Машка повисла у нее на шее и от души разревелась. Яна принялась осматривать всех остальных.

– Гошка?

– Нормально, мам, об меня этот придурок споткнулся!

– А...

– А я от неожиданности заорал, я тоже в порядке... – сознался Мишка-младший.

Яна посмотрела вниз.

– Где там ваш герой? Надо хоть проверить, вдруг убилися?

Федор Михайлович этого бы явно не одобрил. Так что Яна сбежала вниз по лестнице, даже не отцепляя Машку. И...

Дверь гостиной распахнулась.

Естественно, вопли привлекли внимание собеседников. А что не сразу все вылетели, так несолидно как-то... но в результате Яна оказалась почти нос к носу с мужчиной в генеральском мундире.

Свет из гостиной падал на ее лицо.

И...

Яне послышалось ехидное женское хихиканье, когда генерал даже как-то пошатнулся. А потом вдруг опустился на одно колено.

Это Яна его не помнила. А вот он девушку узнал практически сразу. Портреты всех членов императорской семьи были в Русине в ходу. Да и ко двору Валежный являлся пару раз, хотя Яне его и не представляли. Тогда еще Анне...

Не в милости был боевой генерал. Надо бы лизать, а он все гавкал да гавкал, вот и вызывали не для наград, а для разносов. Но на память Валежный не жаловался. Ни возраст, ни прическа, ни непривычная одежда ему не помешали опознать знакомое лицо.

– Ваше...

Хелла там, не Хелла...

Реакция у Яны всегда была отличной, поди поживи без этого в лесу! Так что маленькая рука тут же закрыла рот Валежному.

– Равняйся! Смир-р-р-рна! Ма-а-а-алчать!

Команды вылетели словно сами по себе. И хотя были они несколько нестандартными, Валежный понял. И даже с колена поднялся.

– ВЫ?!

Яна закатила глаза.

Только вот и отрицать было уже поздно. Не получится отказаться, хоть ты мясом наизнанку вывернись. Так что...

– Я, тор генерал.

Лицо Валежного она видела плохо, но, кажется, она попала?

Однозначно и бесповоротно.

Спустя десять минут в той же гостиной сидели уже трое. Десять минут потребовалось Валежному, чтобы свистнуть своих людей, организовать перенос страдающего Михаила Федоровича в его комнату, послать за доктором, приставить к детям еще пятерых людей, чтобы с ними точно ничего не случилось, и отправить малышню по комнатам, запереть всех постояльцев и поставить караул под дверями гостиной. И под окнами – тоже, так, на всякий случай.

И только после этого...

– Ваше высочество, я не верю своим глазам.

Яна вздохнула. И все же попробовала, так, по-детски...

– Антон Андреевич, может, вы меня и не видели?

Куда там! Лицо Валежного было непреклонным.

– Ваше...

– Довольно. – Яна поняла, что не вывернется, и решила сделать общение более комфортным для себя. – Отставить обращения. Тора Яна – вполне достаточно.

– Я не...

– Это приказ, тор генерал.

– Повинуюсь, тора Яна.

Яна кивнула:

– Так лучше. О чем вы собирались говорить с Федором Михайловичем?

– О том, что в стране будет голод, – не стал вилять Валежный. – У меня что-то есть на счете, я хотел просить Федора Михайловича о закупке возможно большего количества провизии за границей. В Чилиане, к примеру.

Яна медленно кивнула.

– Федор Михайлович, возьметесь?

Купец смотрел в пол.

Валежный открыл было рот, но Яна коснулась его руки и взглядом призвала к молчанию. Думал Федор Михайлович долго. Но...

– Возьмусь. И закуплюсь, и склады найду, но в Русину, уж простите, не повезу. И своих денег вкладывать не буду. Что тут получится, мне неизвестно, а только внуки у меня... пока здесь такие беспорядки – я к границе и близко не подъеду.

Валежный даже не разозлился. Понятное дело, Меншиков купец, не епископ. Ему о своей выгоде думать надо, он об этом честно

говорит.

Неблагодарно?

А он и не тор. А предложить титул, так откажется.

Все он правильно делает, сначала Валежному надо добиться победы, а уж потом снова веник по веточке собирать и связывать. Генерал и давить не стал, это уже куда как больше, чем он рассчитывал получить.

– Найдется кому привезти. А большего и не надо. Если согласитесь, мы с вами завтра все обговорим. В подробностях.

– Согласился уже.

– Тогда я за вами солдат пришлю. С утра. И... куда вы из Русины уехать хотели?

– В Герцогства, – пожал плечами Меншиков.

– Вот туда и поедете. Там семью оставите – и в Чилиан. Или... как вы там сами решите. Но покупать надо дешево.

– И не только зерно, – подсказала Яна. – Рис тоже подойдет, сорго, просо, кукуруза... что там еще выращивают? Для бедняков, для скота... вы понимаете, Федор Михайлович?

Купец понимал. И словами не обманывался.

Когда голод... тут и для людей нужно, и для скотины, и вообще – о чем речь? Закупать надо, что дешевле и качественнее! Там потом разберемся!

– Понимаю. И это... мне бы охрану. Хоть человек десять.

– Я с вами отправлю сотню, – махнул рукой Валежный. – Не пригодятся – так вернутся. А пригодиться могут, хоть бы и детей охранять, склады... считайте, мой вклад в наше совместное дело.

Сотне вооруженных и обстрелянных людей купец применение найдет. Это точно. Яна это видела по расчетливым огонькам в глазах купца, по тому, как он перебирал пальцами концы пояса, по задумчивой улыбке.

Верные люди на дороге не валяются.

А если они еще дисциплину знают, да с оружием умеют и совместно действовать обучены...

Сокровище!

Но Яна поставила бы кончик и так урезанной косы, что Валежный даст ему непригодных к строевой людей. Тех, кто не может по какой-то

причине воевать в строю, но прекрасно может воевать на гражданке. Возраст, ранение...

На фронт таких тащить – верная гибель, а в тылу они отлично послужат! Еще и получше молодняка, потому как опытнее!

– За это моя благодарность.

– Одно дело делаем, – отмахнулся Валежный. – Завтра коляску пришлю.

И протянул купцу руку.

Тор. Генерал. Первый.

Протянул купцу руку.

Яна не могла этого оценить по причине наплевательского отношения к сословиям, а вот Меншиков оценил. И руку пожал.

– Мое слово.

– Спасибо, – просто сказал Валежный. – Могу я поговорить с торой Яной? Наедине.

Меншиков напрягся:

– А вот это – только ежели тора захочет.

Валежный удивленно поднял бровь, и купец чуточку нервно пояснил:

– Я торе жизнью внуков два раза обязан, а то и больше. И своей. И волю ее выполняю!

Генерал с интересом посмотрел на Яну:

– Тора?

Было видно, что его аж корежит от этого обращения. Ничего, потерпит! Яна вздохнула:

– Федор Михайлович, вы можете нас оставить. У меня секретов нет, но предполагаю, что у тора генерала они будут.

Благодарны за это решение были оба. И купец, и генерал, хотя и по разным причинам. И Яна осталась один на один с генералом. Огляделась...

– Дубовик будете? Налью...

– Нет, тора. Не хочу.

Яна кивнула. Она тоже не хотела, но предложить стоило. А что тут еще есть – в баре? Только спиртное, а его не хочется. Ладно, водичкой обойдемся, не переломимся. Яна налила себе, подумала и налила генералу.

Валежный с благодарностью принял стакан, сделал несколько глотков.

– Тора... умоляю – расскажите!

Яна только вздохнула.

Пока генерал решал вопросы с купцом, у нее было время все обдумать. И даже свою историю урезать по самое дальше некуда. Иду она не выдаст.

Яна точно знала, что ее игра подходит к концу. Она свое почти отжила. А вот Ида...

Доверчивая, добрая, неопытная... и вы хотите такую бросить в болото с гадюками, кое называется «политика»? Да что там – гадюками! Всех тварей, которые в ней кишат, даже перечислять не хочется – заранее мерзко. Ну нет! Девочку она на съедение не отдаст!

А потому Яна отделалась короткими фразами:

– Нас всех привезли под Зараево. Там мы жили... недолго. А потом пришли освобожденцы. И всех расстреляли. Просто – всех.

– Но вы...

Яна усмехнулась:

– Не переживайте, тор генерал, не порежусь.

Стрелять она не стала – нечего людей пугать. Сейчас полгорода сбежится. А вот с ножом...

Валежный замороженно наблюдал, как в пальцах девушки возникло тонкое лезвие, как Яна ловко перебирала им, как рыбкой скользила вокруг руки холодная сталь, как лезвие метнулось у него перед глазами, а потом Яна кивнула на узор на обоях.

– Третий левый кругляшок. Видите?

Лезвие взблеснуло и вонзилось, куда Яна сказала.

Валежный встал, подошел к ножу, попробовал вытащить его из стены...

М-да. Это не дамская игрушка. И рука, пославшая клинок в цель, не дрожала. Выдернуть сразу не получилось, пошатать пришлось.

– Еще куда метнуть? – уточнила Яна. – И учтите, стреляю я еще лучше.

– К-как? – едва выдавил ошалевший генерал.

Яна пожала плечами:

– А вот так. Георгий – мой сын. От Ильи Ивановича Алексеева. Помните такого?

– П-помню.

Валежный побледнел:

– Тора, так вы...

– Мы не женаты. Но дети появляются не из колец.

Намек получился более чем прозрачным. Валежный пришел в себя.

– Я не о том. Просто...

– Он умер? – «угадала» Яна.

– Н-нет. Женился.

Яна едва не фыркнула. Вот уж на Алексеева ей плевать было шесть тысяч раз! Даже если бы она с ним переспала по пьянке! И то – наплевать!

Она Цветаева из своей жизни вычеркнула, а такого, как Алексеев, она бы просто кислотой пролила! Чтобы и следа не осталось.

Пакошь какая... даром что в погонах! Анька, бедная, только на безрыбье с таким и свяжешься!

Женился?

Совет, любовь и слава богу! Это она и высказала... почти.

– И что? Совет да любовь! Но дело не в этом. Илья, когда мы с ним были вместе, учил меня. И стрелять, и с ножом управляться...

И только попробуй не подтверди, зараза! На тебе же операцию и проведу! Все равно подтвердишь, но уже фальцетом!

Валежный выдохнул:

– Вот как...

– От меня не ждали сопротивления. Я достала оружие, я смогла убить негодяев, я ушла за сыном.

– Вот так просто?!

Валежный догадывался, что не так уж легко и просто. Но если великая княжна молчит, то, может, и лезть не надо? Главное-то он знает!

– Ну... почти.

Яна думала, сказать или нет, но потом решила не скрывать.

– Вот...

Черный камень блеснул на тонкой руке.

И Валежный опять вывалился из кресла, опустился на колени, уже на оба.

– Ваше императорское величество!!!

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем Яна подняла генерала, отряхнула, привела более-менее в чувство. Да, такого Валежный не ожидал.

На блюдечке.

И императрицу, и наследника... и вот тут Яна предсказуемо взвилась.

– Какого-растакого наследника?!

– Ваш сын...

О познаниях императрицы в области русского (русинского) народного языка Валежного тоже осведомили. Очень конкретно.

– Вы... и...?!

Валежный уже более-менее оправился и соображал достаточно быстро.

– Ваше...

– Тора. Яна.

Сказано было увесисто. Но – не выплыло.

– Ваше. Императорское. Величество.

Два взгляда скрестились. Сталь звякнула?

Да там две пулеметные очереди полетели! На Яниной стороне были молодость, напор, да и в живых она остаться не чаяла.

Но и Валежному нечего было терять. За ним – Русина. Гаврюшу на трон?! Сведения о его смерти до Валежного еще не дошли, а потому Гавриил в наследовании учитывался.

Так вот! Только через Гаврюшин труп!

Несколько минут собеседники молчали. Давили друг друга взглядами, едва не скрипя зубами. И... Яна все же дрогнула. Отступила.

Она не боялась бы за себя. Но за сына? За мальчика, которого Валежный, не дрогнув, потащит на трон, а вот что будет дальше? Если что, малолетний монарх при регенте – кукла. А доживет ли он до совершеннолетия? Доживет ли нормальным, здоровым, не наркоманом, не алкоголиком, не...

Вариантов тут может быть масса. Яны рядом не будет, а советчики... Гошка еще ребенок. И ему очень легко потрафить, польстить, подбить его на что-то плохое...

Чтобы ее сын повторил судьбу Петера?!

Ни-ког-да!

– Ваше императорское величество, – уже мягче произнес Валежный, понимая, что победил в первом раунде. – Вы – наш единственный шанс.

Яна от души фыркнула.

Шанс?

Да во времена оны, в ее мире, у Романовых таких шансов было по самое это самое! От князя Кирилла (тьфу, пакость) до лже-Анастасии. И кончали все претенденты печально.

Здесь будет то же самое.

– Тор генерал, – печально отозвалась она. – Петера Воронова свергала не только толпа. Напомнить вам, чьи подписи стоят на его отречении? Кто его привез?

– Я к этому непричастен.

– Поэтому я с вами и разговариваю. Только поэтому.

Валежный вздохнул:

– Тора Яна.

– Так лучше. Мало ли кто и что услышит.

– Тора Яна, вы молоды. И... я полагал, что вы знаете законы престолонаследия?

– С этого места подробнее?

Вот не сойти Яне аккурат с этого места, если там нет подлянки.

Хелла, зараза! Твоя работа?!

Если да... ну, погоди! Прикажу строить тебе храмы и все молитвы в них читать в форме рэпа! Первая взвоешь!!!

– Я думал, о таких вещах должен рассказывать отец.

Яна едва не лягнула, что с отцом бы они обо всем побеседовали. Петр Воронов с Яной проводил беседы на любые темы, которые затрагивала дочь. От месячных до венерических заболеваний. Краснел, смущался, пользовался анатомическим атласом, но не отступал. Понимал, что лучше объяснить и предостеречь самому, чем положиться невесте на кого.

Школу? Улицу? Социум?

Ага-ага, помогает, верим!

Сколько твердят о вреде наркотиков? И все равно находятся самоубийцы! А Петя просто свозил Яну в психбольницу. Да провел по

отделению. Главврач получил копченый кабаньей окорок и оленью шкуру, Петр – душевное спокойствие, Яна – науку на будущее.

Травку она покурить пробовала. Но ничего более тяжелого себе уже не позволила, в отличие от того же Сережи Цветаева!

Так что...

Петр провел бы беседу о чем угодно.

А Петер? Постеснялся, зараза?

Ладно, валим все на мать Анны, пусть протестует через спиритическое блюдечко, если ей что-то не понравится!

– Вы были знакомы с Аделиной Шеллес-Альденской, тор генерал?

Тор генерал был знаком. Но...

– Она многое считала... глупостями. А нас, девушек, старалась не посвящать ни во что.

Валежный сказал нечто непечатное.

– Тора Яна, я... я даже не знаю, как сказать. Вот это кольцо на вашей руке... император вам что-то сказал, когда его отдавал?

Яна выдохнула.

Вспомнила...

Выстрелы вспомнила, свою радость от оружия в руках, трупы, благословение Хеллы.

И...

– Ан... на...

– Я жива. Сейчас разберусь с подонками.

– Ос...

– Остальные? Прости, пап. Не успела. – Яна говорила, как привыкла, но император не удивлялся. Сейчас, наверное, его бы и Господь Бог не удивил, разве что воскресить изволил бы.

– Моя воля. – Император говорил почти шепотом, невнятно. – Кольцо... наследуй...

Кольцо на нем было только одно.

Здоровуций перстень – черный камень в звериных лапах. Что за камень?

А кто ж его знает?

Яна коснулась его руки.

– Клянусь. Они не уйдут безнаказанными.

Они и не ушли.

Яна приняла наследство, Яна принесла жертву именем Хеллы... строго говоря, она выполнила условие. Разве что ночь в храме не провела, но богиня была не особенно пристрастна. Они с Яной и так пообщались. Ей хватило.

Яна помнила смерть Вороновых так четко, словно оно вчера было. Так Валежному и сказала. Генерал покачал головой:

– Тора Яна. На руке у вас не просто символ власти. На руке у вас ваше право на трон. Ваш отец сказал вам наследовать, вы приняли и поклялись...

– Я не о том клялась!

Ну да! Яна-то говорила, что убийцы не уйдут от возмездия! Но толковать можно было двояко. Что принимаю. А убийцы – да, она всех положила...

– Тогда надо было формулировать точно, – ехидно отозвался Валежный.

Получалось весело.

Петер отдал ей наследство. Русину.

Яна взяла, да еще и поклялась, что берет. И подтвердила – кровью негодяев. Фактически совершила жертвоприношение.

Таким образом, трон Русины принадлежит – ей. Наследуйте, не обляпайтесь.

– Отказаться никак нельзя? – мрачно уточнила женщина.

– Передать другому наследнику? Возможно. Но в нем или – в ней – должна быть ваша кровь.

Яна заскрипела зубами.

Жеванные мухоморы!!!

Вот как, КАК она так вляпалась?! И кому эту пакость передать можно?

– Вашему сыну. Он одной крови с вами.

Яна сделала шаг к Валежному. Второй. Третий.

И двигалась она так, что генерал даже попятился. За себя Яна еще подумает, сражаться или отступить. За сына – перегрызет горло. Ногтями перервет!

– Мой сын уедет из Русины. И это не обсуждается.

– Но вы – останетесь?

Яна медленно кивнула.

Валежный не позволил себе улыбнуться, но и он, и Яна равно знали, что улыбка – была.

Гошка. В том-то и дело, что Гошка...

Будь Яна одна, она бы кого угодно послала в любые дали. Она – с сыном. И сына можно задержать, увезти, можно ее шантажировать, можно...

Что угодно – можно.

Если она упрется, это будет подходящий рычаг давления на Яну.

Если она со всем согласится...

Про Иду никто не знает. Яна сможет договориться с купцом, пусть уезжает, забрав с собой всех детей, а потом, на свободе, в Герцогствах, он сможет защитить или спрятать и Гошку, и Топыча. Яна в этом была уверена.

Федору Меншикову игры рядом с тронном даром не нужны. Там точно не уцелеешь...

– Я – останусь. И советую подумать о супруге для меня.

– Тора Яна?

Валежный аж опешил. Он-то думал, что Яну придется долго уговаривать, умолять, объяснять. Ан нет? А почему?

– Я поясню свою позицию. Мой сын незаконнорожденный. Он не может сидеть на троне. – Кажется, было что-то такое в законах. А может, и нет. Лично зная Хеллу, Яна была уверена – для нее штамп в паспорте не причина и не повод. Наплевать ей на те штампы, ей кровь важна!

– Так...

– Его право спорно. Но если я удачно выйду замуж, мы получим и союзников, и поддержку, и помощь... вы меня поняли?

Еще бы Валежный не понял.

– Тогда... могу я объявить о вашем возвращении?

Яна подумала пару минут.

– Пока – нет. Сначала мой сын покинет пределы Русины и я в этом удостоверюсь.

Валежный даже спорить не стал.

– Как прикажете... тора Яна.

Пока – тора Яна. А потом?

Яна с трудом подавила горький всхлип.

Сволочи, СВОЛОЧИ!!!

Ей меньше полугода с сыном осталось, но и этого времени ее лишают! Даже этого!!!

ЗА ЧТО?! Просто – почему?! В чем таком она провинилась?! Это несправедливо!!! Нечестно, подло, гадко!!!

– Тора Яна, возможно, вы захотите проводить сына до границы?

Валежный тоже понимал, что где-то надо идти на уступки.

Яна медленно опустила голову.

– Захочу. И мой приезд из Зараево будет выглядеть более... логичным, не так ли?

– Легенду мы разработаем. Допустим, вас спасли...

– Партизаны?

– Мы обговорим этот вопрос, – решил Валежный. – Найдем людей, выясним место...

Яна кивнула:

– Хорошо. Давайте так и сделаем.

Забавно. Она сделала круг и опять возвращается туда, откуда прибыла. В Зараево...

Но зато ее сын уедет за границу. А она сможет еще какое-то время побыть с детьми.

Так мало...

Так много...

* * *

Поздно ночью Яна лежала в кровати. Гошка сопел рядом с ней, уткнувшись носом ей в подмышку. Мама рядом. Все хорошо.

Одному ему спать было немного страшновато. Или он просто притворялся, возможно и такое. Но Яна не возражала.

Пусть ее сын запомнит это ощущение тепла. Пусть у него будет хотя бы память. Твердое знание, что мама его любила. И любит, и будет любить. И беречь будет.

Может, удастся договориться с Хеллой?

Яна и в волчьей шкуре бы побегала, лишь бы рядом с сыном...

Она знала, что доходный дом окружен в три кольца людьми Валежного. Ее берегут. И стерегут тоже...

Ничего, вытерпим.

А Илья, значит, женился. Забавно. Интересно, на ком? Не слишком-то долго он печалился... да и какая ей разница? Если они встретятся, Яна с ним даже ругаться не станет – не хватало еще время тратить. Да тьфу на него три раза!

Гошка пробормотал что-то сонное и повернулся на другой бочок. Яна крепче притянула сына к себе.

Маленький мой...

Однажды я пренебрегла твоими интересами. Подвела тебя и едва не потеряла. Больше я так не поступлю.

Яна понимала: она могла бы отказать и отказаться, могла бы устроить скандал... кто ее заставит? Валежный?

А кто ей помешает заорать, что она какая-нибудь Фекла Сидорова из деревеньки Гадюкинка? Кто ей помешает объявить себя самозванкой?

Но тогда Валежный может взяться за Гошку. С Ильей он договорится быстро – приказ отдаст, и готово. Илья... память Анны подсказывала, что править он не сможет. Полком командовать – и то не очень получится. Но гонора...

Но сомненья...

И сам пропадет, и сына подведет. Определенно.

Нет, доверять Гошку Илье нельзя решительно. Его надо спрятать. И нельзя отдавать в руки хоть освобожденцев, хоть имперцев наивную Зинаиду.

Нельзя...

Яне остается только принести себя в жертву.

Объявить о возвращении государя... простите, императрицы, предъявить кольцо... кого возьмем на роль Сэма Скромби? Топыча? Он пойдет... А Голлум?

Разве можно, чтобы Кольцо – и без Голлума?!

Моя прелес-с-с-сть!

Яна прикусила губу, чтобы не фыркнуть.

Интересно, родится ли Мэтр в этом мире? Было бы у нее больше времени... хотя и так она рассказывала детям сказки. В том числе и про хоббита, народ-то самый подходящий! Трое мальчишек! Может, кто и напишет пораньше чудесную историю?

Прости меня, Гошка.

Дура я, конечно. Надо было как-то замаскироваться. Но кто ж знал? Валежный даже не ради меня приехал, ради Меншикова. А что я под руку попалась – сама виновата.

Я справлюсь, конечно. Поморочу всем голову, выйду замуж, если понадобится, и уйду.

А ты останешься. И будешь жить тихо и спокойно. Своей жизнью. Не навязанной тебе.

И Зинаида будет жить, как она пожелает. Замуж выйдет, детей нарожает...

Корона – это ведь только в сказках благо. А так – кошмар ужасный. Только вот мало кто это понимает. Ну да ладно! Все устаканится и сложится... и как-то да улежится в дороге.

Хелла, ты учти! Версия с рэпом еще не отброшена! Опять же, благовония подобрать, которые реально... вония, например духи «Пуазон», а еще рассказать иконописцам про кубизм и авангардизм. Из того, что Яна сама помнит!

И в этот раз Яна была уверена, что ей не послышалось.

Тихий, но очень ядовитый смешок. Где-то там, на пределе слышимости, взорвавшийся ледяными осколками. Богов забавляли человеческие игры...

Глава 14. Ах, не нужно зеленого чуда – небу я буду верна

Анна, Россия

Когда Анна под руку с Борисом Викторовичем и в компании Киры с Гошкой вошла в зал церкви...

Даже у нее дух перехватило.

Не по духовным причинам, а по вполне физическим и материальным.

Свечи, цветы, благовония.

А еще пот, духи присутствующих, запах морга...

Все вместе это составляло такой букет, что Кира пошатнулась и стала оседать навзничь. Анна тут же сунула ей под нос склянку с нашатырем.

– Ф-фу-у-у-у! Спасибо!

– Держи у себя и дыши, если что, – распорядилась тихо Анна.

В ее время нюхательные соли были обязательной принадлежностью каждой дамы. Вот и здесь она... озаботилась.

– Ага...

– И говори мне. Твое самочувствие мне дороже, поняла?

Кира кивнула.

– Мы уйдем в любой момент, не смей терпеть ничего ради меня. Вы с Гошкой мне важнее всего остального, поняла?

Боря тоже это услышал и едва заметно коснулся пальцев Анны. На людях он себе ничего не позволит. Но дома...

Кажется, ему повезло найти женщину, которая стала не только его любовью. Анна стала настоящей матерью, подругой, примером для его дочери.

Идеал женщины. Просто – идеал.

– Мам...

– Гоша, солнышко, давай мы попросимся с дядей. Он мне был дорог.

Гроб с телом Сергея уже стоял посреди зала. Анна поудобнее перехватила две алые розы. Сделала шаг, другой...

– Ты все-таки пришла!

Ольга Сергеевна словно из воздуха материализовалась.

Высокая, бледная, вся в черном, словно воплощение скорби... а есть ли скорбь?

Анна внимательно посмотрела на женщину. И поежилась. Таким холодом от нее веяло, такой неукротимой яростью, словно снежный буран кружил здесь, в маленьком помещении, вымораживая все вокруг себя.

Скорбь?

О нет! Злость, негодование, недовольство... наглая судьба нарушила ее планы! Наглая смерть забрала сына! Наглая девица не отдает внука!

Но если на смерть и на судьбу кричи, не кричи – не поможет, то с девицей можно и потягаться, и справиться.

Догадайтесь, кто был назначен крайним?

– Добрый день, Ольга Сергеевна.

Борис выступил вперед.

– Господин Савойский?

– Госпожа Цветаева, – спокойно отозвался Борис. – Это ужасное горе. Я вам очень сочувствую.

Вежливые, красивые слова. И – предупреждение.

Я тебе сочувствую. Но советую на моем пути не попадаться.

Ольга Сергеевна ответила недобрым взглядом.

– Так Анна Петровна ваш наемный работник?

Если ты с ней спишь, не думай, что она в безопасности.

– Анечка – близкий и дорогой мне человек.

Порву, если протянешь руки.

– Всеу и всегда есть цена, не так ли?

А на каждую силу есть другая сила.

Высокие договаривающиеся стороны обменялись понимающими взглядами. А то ж! Анна подумала, что потом обязательно расшифрует это все для Киры. Пусть девочка учится. А потом взяла Гошку за руку и пошла к гробу.

Тело было совершенно не похоже на Сергея.

Его лицо, его губы, его волосы, разве что чуточку поредевшие. Но вот жизни в нем больше нет. Жизнь есть в цветах, которые умирают рядом с его телом. Умирают и наполняют воздух ароматом своей смерти.

Анна положила розы, перевитые черной лентой, в изножье гроба.

– Спи спокойно, Сережа. И спасибо тебе.

Вслед за ней положил цветы и Гошка. Боря демонстративно цветы не брал, равно как и Кира. Они здесь не для выражения соболезнований. Они – с Анной!

– Мам, а кто этот дядя?

– Ты ему не сказала? Это твой отец, Георгий. А ты – мой внук.

Императорский театр без размышлений принял бы Ольгу Сергеевну в свои ряды. Поймать нужный момент ей удалось филигранно!

Но и Анна была не лыком шита.

Если Ольга Сергеевна рассчитывала, что Анна станет оправдываться, спорить, что-то мямлить... Такие при дворе не выживают. Анна и не подумала замедлиться с ответом.

– Ольга Сергеевна, я сочувствую вашему горю, но с вашим сыном... училось еще много... девушек.

Паузы были точно рассчитаны.

Здесь можно спать с кем угодно до свадьбы, здесь это не порок. А потому свою репутацию Анна не губила. А вот присутствующие точно поняли... ну да, что-то у них было. Но разве это значит, что мальчик – обязательно сын Сережи?

Горе у его матери, понятно. Но зачем же на людей нападать?

Ольга Сергеевна сдаваться не захотела.

– Учились многие, но родила от него только ты. Или ты будешь это отрицать?

– Буду, – равнодушно подтвердила Анна. Мало ли кто от него еще родил?

– Мам... эта тетя говорит, что мой папа умер? А она моя бабушка?

Гошка соображал быстро. Только поди вставь слово в битву двух фурий!

– Георгий Петрович. – Анна намеренно назвала сына полным именем. – Ольга Сергеевна расстроена. И говорить она может о чем угодно. Поверь, словам, сказанным в горе, верить нельзя.

– Ладно...

– А если тебе так нужен папа, может, и я подойду? – Борис демонстративно обогнул Ольгу Сергеевну, приблизился и опустился на колени перед мальчиком. – Вы с Анечкой мне родные...

– Это же не взаправду. – Гошка и про похороны забыл, и про все на свете. Дядю Борю он знал, любил, принял как родного.

И вдруг...

Папа?!

Дядя Боря будет его ПАПОЙ?!

А так можно?!

– Так будет взаправду. Вот поженимся с твоей мамой – и все будет хорошо.

– Мама? Правда?

Анна посмотрела на Савойского без малейшей приязни. Ее просто загнали в ловушку. И за это еще благодарить надо? Ну знаете ли!

Второй огненный взгляд последовал от Ольги Сергеевны. А любопытных сколько было!

Хоть ты соли! Хоть ты заквась!

Такое развлечение! Это ж сколько потом обсуждать можно... кто-то и камеры на телефоне включил! Пиар на костях, он такой, популярный!

– Правда, солнышко!

Только атмосфера похорон помешала Кире завизжать от восторга.

Она! Это! Сделала!!!

Они поженятся!!!

УРА!!!

– Полагаю, сейчас не время и не место для ваших матримониальных планов, – прошипела Ольга Сергеевна.

– Я тоже так полагаю, – отозвался Савойский и поднялся с колен. Подхватил Гошку, усадил к себе на шею, наплевав на дорогой плащ и грязные ботиночки.

– Держишься?

– Да.

– Вот и отлично. Соболезнования мы выразили, цветы положили, народ развлекли! Дамы и господа, кланяться не буду, желаю вам печально оставаться. Анна, Кира – за мной!

И развернулся к двери.

Стоит ли сомневаться, что дамы последовали за ним?

Ольга Сергеевна стояла посреди зала и кусала губы.

Сволочи!!!

Все – СВОЛОЧИ!!!

Такая была хорошая идея! При всех заставить Анну признаться, что ее сын – от Сергея. А там и еще что-нибудь продавить. А так-то стала бы она сюда тело везти! Захоронили бы в Швейцарии, рядом с клиникой!

А что в результате?

Эта стерва выходит замуж за Савойского! И Ольга сама, своими руками их свела. Прямо над гробом сына. Нарочно так не придумашь...

ГАДЫ!!!

Вы у меня попляшете еще!!!

И показалось на миг Ольге Сергеевне...

Словно где-то, далеко, на миг качнулись хрустальные колокольчики, рассыпая мелодичный звон. Или кто-то рассмеялся? Или Снежная Королева расколотила свое зеркало?

* * *

Городской воздух после церковных ароматов показался всем упоительно вкусным. Опьяняющим...

Кира схватила за руки и Бориса, и Анну...

– Ну-ка, еще раз? Вы хотите пожениться?!

– Я – хочу. А вот что Аня мне ответит, не знаю, – ловко вывернулся любящий отец.

– Я не уверена, что сейчас подходящее время, – проямлила Анна.

– А когда оно будет подходящим? Когда будет нужное сочетание звезд Сад-ад-Забих?^[30]

Анна опустила глаза.

С ее точки зрения, это было подло и нечестно. Она может выйти замуж за Борю. Но дальше-то что? Она же умрет через полгода! Просто – умрет! А он останется с ее сыном и ее проблемами?

Это – как?!

Порядочный поступок? Достойный?!

Женщина подняла глаза от асфальта. И поняла, что ее возражения и плевка не стоят. Потому что на нее смотрели три пары родных глаз.

Гошка, ее любовь и радость, ее сын. С надеждой и ожиданием. Правда, мам? Ведь можно? Они наша семья? Ты согласишься?!

Кира. Ее воспитанница. Ее родная девочка, ее сестренка. Почти дочка. И тоже – с надеждой. Яростной, искренней... такой нельзя отказывать. Она всю душу в нее вкладывает. Если Анна сейчас скажет нет, Кира ее простит. Но Аня причинит девочке очень сильную боль.

Правильно ли это будет?

Боря. Ее... да, ее любовь. Как и когда она расцвела? Анна и сама не знала.

Просто сначала ей хотелось помочь, убрать пропасть между отцом и дочерью. Потом ей захотелось сделать так, чтобы Борис Викторович улыбнулся. А потом его улыбка вдруг стала самой важной на свете.

Почти. После Гошки и Киры...

И Анна поняла, что любит.

А Боря смотрел. Серьезно, испытующе. И столько сомнений было в его глазах, столько... любви. Если она откажет, он примет ее отказ. Но ему будет очень больно.

Стоят ли Анины принципы боли ее родных и близких?

Ответ она знала.

К лешему в лес те принципы! И поглубже, под корягой закопать!

Она любит, ее любят. Пусть полгода счастья, но эти полгода будут для ее родных самыми лучшими! Она из кожи вон вылезет, но все для них сделает!

Вот!!!

Анна улыбнулась:

– Я полагаю, сначала мы отпразднуем Кириин день рождения. А потом все вместе сядем и выберем подходящее расположение звезд.

– Ты – согласна? – уточнил Савойский.

И подумал, что надо бы Цветаевой цветочки послать. Что она хотела получить – понятно.

А вот чего добилась...

Так бы он Анечку еще год не уломал! А Цветаева за пять минут справилась! Вот... мать-героиня!

– Согласна, – улыбнулась Анна. – Я вас всех слишком люблю, чтобы отказывать!

– Ну так пойдем ко мне, в келью. Побеседуем... ты чаек любишь?
С чабрецом?

Чай Валежный любил. А уж когда на столе еще и мед оказался...

– Откуда, отче?

– Нашлись неравнодушные люди. Мы сейчас медком и травами
братию от болезней спасаем. Но ради хорошего человека...

– Так не надо тогда бы...

– Душу тоже целить надобно, – покачал головой Даниил. – Иногда
лекари над телом бьются, а без толку. Почему? Так человек себя сам
поедом ест, грызней изводит. А снял бы с души груз, так и выжил бы.
И других вытянул... это нам кажется иногда, что совесть придавлена и
прикопана. А она все равно есть. И человек всегда знает, хорошо он
поступил или плохо. Хоть ты сотню епитимий выполни и тысячу
индальгенций оплати, все одно – добра не будет.

– Может, и так, отче...

За этим разговором они и дошли до кельи. И Даниил повернулся к
Валежному, закрывая дверь. Плотнo, не подслушаешь.

– Так что случилось-то, Антон Андреевич?

– То и случилось. По вашему слову и сбылось...

Даниил только ахнул:

– Неужто...

– Да. Права была... Хелла.

Имя Валежный выговорил с трудом. И смотрел почти умоляюще.
Даниил даже его не понял сначала. Все же сбылось? И хорошо, и
замечательно...

– Так в чем же беда, сыне?

– Ну так Хелла же!

Даниил качнул головой:

– И что же?

– К добру ли?

Ответом ему был смешок епископа.

– Ты, сыне, пей чаек да своей головой думай. Не писанием.
Понятно, какой-нибудь фанатик тебе сейчас наплетет сорок верст до
небес, да все лесом. Но и я издали зайду. Чай, люди твои врага
убивали? И не исповедались, и не причащались... бывало?

– Да.

– А в рай все одно попадут.

– Да. – В этом Валежный даже не сомневался.

– Так у убитых ими и братья есть, и матери. И жены с детьми... добро ли это?

– Нет.

– А все ж дело доброе – за свою родину стоять... как это совместить?

Валежный пожал плечами:

– Не много ли вы от меня хотите?

– Так и Творец от нас хочет многого. Ты сам подумай, сыне. Нет ничего однозначно черного или однозначно белого. Не бывает так в жизни...

– Ну да.

– Так почему же, когда вам говорят, что Творец – добро, а Хелла – зло, вы так легко в это верите?

Валежный посмотрел на епископа большими квадратными глазами. Ну так вы ж и говорите, нет?

– И что? – не стал дожидаться логичного вопроса епископ. – Ты ребенку как объяснять будешь, доходчиво – или целиком и полностью? Ежели он руку в костер сунет... ты ему о физике расскажешь или просто про «горячо»?

– Понятно, что второе.

– Вот. А когда ребенок взрослеет, вопросами задаваться начинает, можно уже и про физику. Пойми, чадо, Хелла – не зло, равно как и Творец – не добро. Они – часть чуда Творения, и не нам их судить или лезть в их мотивы.

– Но считается, что Хелла посылает испытания?

– А как ты без испытаний расти будешь? Если тебе в рот будут булки падать, так ведь и штаны носить незачем? Говорят, за морями есть земли, где людям не надо трудиться. Они и не развиваются, им и не надо ничего. А зачем?

– Ну... да. А мне-то что делать?

Епископ пожал плечами:

– Я бы сказал так: делай, чадо, то, что должен. А будь – что будет.

– Неубедительно, – покривился Валежный. – Вот нашел я императрицу. Думаете, она рада?

– Нет?

– Не с чего ей радоваться. Она вообще хотела покинуть Русину. А тут я... чего-то требую... шантажировать пришлось. Добро ли это?

– Ты ж не деньги просил, чадо. И не для себя – для Русины.

Валежный вздохнул:

– Так-то да. Но ей ведь ничего не надо. И... Анна права. Мы в чем-то предали ее отца. Мы этому позволили свершиться. Я был на фронте, но я знал. Знал, понимаете, отче? И ничего не сделал!

– А что бы ты мог сделать, сыне?

– Хоть предупредить...

– Для спасения – или для очистки совести? Сам же знаешь, что Петер, упокой Творец его душу, никогда бы и никого не послушал...

Знал.

И что? От этого легче становится?

– С императрицей я поговорю, сыне. Завтра же приду... куда надобно?

– Я сам ее к вам привезу, отче, – решил не рассекречивать всех тайн Яны Валежный. Про сына как-то... наверное, не стоит о таком говорить. Пусть императрица сама скажет, если пожелает.

– Привози. Я рад буду. Только никому не говори, кого привез. Пусть она сама решает.

Валежный кивнул.

– Спасибо, отче. Значит, не во зло?

– Хелла – не зло. Равно как и Творец не чистейшее добро, иначе бы и жить-то было нельзя. Есть день, есть ночь, есть свет и есть тени, и не бывает одного без второго. А если будет... кабы это не было хуже любого зла.

Валежный медленно опустил голову. Он понял.

– Мы приедем. Спасибо вам, отче.

– Не стоит благодарности, сыне. Дело наше такое – души вести. Помогать, плечо подставлять.

– А десятину собирать? – подколот Валлежный, отлично понимая, что епископ не обидится. Скорее ответит насмешкой на насмешку.

Так и есть. Улыбается.

– Молитва не масло, на хлеб не намажешь. А той святости, что у избранных, в нас нет, медом и акридами не пропитаемся. Это уж точно...

– Да столько акрид по Русине и не наберется.

– Попробовать-то можно, сыне. И крестьянам польза... да вот только пока переловишь, времени на молитвы и не останется, – подшучивал епископ, блестя глазами. Улыбался он сейчас от души.

И Валежный подумал, что да. Императрица не зло и не во зло. Когда у человека надежда появляется, у него одним махом двадцать лет с плеч падает.

– Мы, сыне, души поддерживаем, но и о земных телах стараемся не забывать. Главное, чтобы в мирское перевеса не было.

– А если будет?

– Тогда это уже не храм будет, а министерство.

Валежный оценил и рассмеялся. Из храма он уходил спокойный и довольный. Определенно, завтра он сюда привезет императрицу. Как же нужны такие люди, как епископ. Не при дворе, не в мирное время, там они решительно неудобны подхалимам и лизоблюдам. Но вот так, в тяжелые года...

Им цены нет. Не люди – искры Творца. За что ему и громадное спасибо!

Анна, Россия

Кира была счастлива.

Она летала как на крыльях, она готова была танцевать, она едва не пела...

Победа!!!

Папа бросил противную Лизку и женится на Анечке! Разве это не повод для счастья?

– Кира, ты сейчас не занята?

Гошка смотрел на старшую подругу серьезно и внимательно. Частенько он спрашивал совета именно у нее. Взрослые...

Да, это хорошо, но они именно что взрослые. Они так много не понимают! Иногда даже страшно становится, сколько им недоступно! А вот Кира может объяснить, может посочувствовать, может помочь...

А Кире мальчишка давно не был в тягость.

Дети бывают разные, понятно же! И никто не любит всех детей подряд, это уже болезнь! Но если ребенок умненький, послушный,

воспитанный... а Гошке еще и рано повзрослеть пришлось из-за болезни...

Кира даже удовольствие получала от общения.

Оказывается, это прикольно – чему-то учить мелких! Интересно так... когда ты вкладываешь знания, а они потом на тебя вываливаются...

Она Ане об этом сказала. И получила в ответ поцелуй в кончик носа.

– Сообразила, почему мне с тобой интересно?

Кира попробовала надуться от такого сравнения, но даже этого у нее не вышло. Это ж Аня! Хорошо, что папа все сообразил! А то Кира уже продумывала страшные планы. К примеру, сбежать...

И написать записку, что ее похитили...

А что? В каком-то кино оно сработало... правда, была опасность, что в нашей непродвинутой стране умного школьника за такие выходки выдерут как сидорову козу. В Америке проще, у них там демократия. А у нас, в России, крапива растет.

Совершенно нетолерантное растение!

– Что случилось, Гоша?

– Кира, а если твой папа и моя мама поженятся, мы станем родными?

– Да! Ты будешь моим братом?

Почему-то Кире вдруг важно стало услышать ответ на этот вопрос.

– Буду. Это хорошо. А у них потом еще дети появятся?

– Наверное. – Об этом Кира уже меньше задумывалась.

– А мы им будем нужны? Потом?

Вот на этот вопрос Кира точно знала ответ. Это подлизке она не была бы нужна! А Ане – очень!

– Конечно, будем! Это же папа... и...

– И мама... а мне можно будет твоего папу – папой называть? У меня же папы нет... ты не обидишься?

– Можно, конечно!

– А ты мою маму будешь звать мамой?

Кира задумалась.

Психологи развили бы на эту тему кучу теорий. Может, еще и болезни нашли бы, и еще чего...

Кира ведь мать толком и не знала. Той не до дочери было – какая дочь? Зачем дочь, если есть водка? Вместо матери у Киры была бабушка. Но это все же немножко другое.

Потом появлялись мачехи. Каждая из них старалась стать женой. Любовницей, содержанкой... ни одна не собиралась становиться матерью для Киры. Ни одна.

Аня ей матерью не была. Но... именно с ней Кира впервые получила тепло, любовь, заботу. Впервые поняла, как это, когда ты можешь доверить человеку даже самый страшный свой секрет.

Как это бывает, когда за тобой примчатся куда угодно. Пусть потом тебе надерут уши, но сначала тебя молча и без разговоров вытащат из любой беды. А уж потом...

Потом ты получишь за все и сразу.

И за то, что заставила людей волноваться. Любящих тебя людей. Искренне любящих.

Если это не мать, то кто тогда Аня? И все же, все же...

– Гоша, я не знаю. Я хотела бы попробовать...

– Кира, а тот тип... ну, мы ходили тогда на похороны...

– Да, Гоша?

– Это был мой папа?

Кира покусала губы.

– А у Ани ты не спрашивал?

– Я не хочу маму расстраивать. Та бешеная бабка так орала...

Кира прокусила губу до крови и не почувствовала. А что тут ответишь? Хотя она знает – что.

– Гоша, родители – это не просто две клетки. Родители... они любить должны. А если человек тебя не любил, не знал, не видел... разве он отец?

– Да... наверное, не отец.

– Вот папа женится на маме, и у тебя отец будет.

– Это будет хорошо. Кира, а ты брата или сестренку хочешь?

– Брат у меня уже есть. А вот от сестренки я бы не отказалась?

– Есть? А кто? – удивился Гошка.

Кира притянула мальчишку к себе. И растрепала ему светлые волосы.

– Ты, глупый. Ты мой брат.

* * *

– Поехали.

– Куда?

– Аня, солнышко, рыбка, зайка... пожалей мои нервы!

Аня подняла брови. Совершенно нехарактерны для мужчины были эти жалобно-шутливые интонации.

– Боря, что случилось?

– Давай вместе купим тебе кольцо на помолвку. И обручальные выберем?

Аня качнула головой:

– Боря, ты ведь и сам справишься...

Хотя суть проблемы она уже поняла. А вдруг не угодит?

А вдруг ей не понравится?

И вообще, зачем мучиться, если можно просто взять женщину с собой и дать ей право выбора.

Неограниченное, денег на счете хватит.

– Есть еще Кира! Вдруг ты ей подарок приглядишь?

Против этого довода Анна не устояла. Хотя и поворчала немножко.

– Боря, вот так загонять меня в угол было очень некрасиво.

– Зато эта гадина от тебя отвяжется.

– Нет. Скорее она привяжется к тебе.

– Плевать! Женимся, я усыновляю Гошку, и пусть хоть своим ядом отравится!

Аня промолчала.

Чувствовала она себя предательницей. Но – что поделать?

* * *

Вопреки всем предположениям Борис не повез Аню в большие ювелирные магазины. Роман остановил джип у небольшого дома старой постройки.

Вывеска «Ювелирный салон» там присутствовала, но аккуратная, маленькая. Почти – для своих.

Внутри тоже было не особо роскошно. Аня осмотрела прилавки и тихо вздохнула про себя.

Да, это не Фаренье...

Знаменитый ламермурец Фаренье, который делал украшения для императорской семьи... что-то сейчас с ним стало? Может, уже и в живых нет...

Аня помнила украшения его работы. И у нее была веточка ландыша.

Как ему удалось так подобрать жемчужины?

Как удалось так их оправить?

Но веточку даже в руки брать было боязно, казалось, лишь тронь – и стечет на пол невесомая роса бриллиантов, посыплются хрупкие белые чашечки цветов...

– Боря? Какими судьбами?

Из задней комнаты вышел пожилой мужчина лет семидесяти. В Русине Аня сказала бы – старик. Здесь и сейчас – просто пожил человек. Но умирать даже не собирается. Сухощавый, крепкий, с венчиком седых волос и яркими веселыми глазами.

– Дядя Веня, здравствуйте!

– И тебе не хворать, сынок. Так что ищешь?

– Невесту привез.

– Невесту?

Яркие карие глаза впились в Анну. Ненадолго.

– Хм... а интересная девочка, Боря. Не такая, как твои прежние. С Лизкой что? Кончено?

– Дурак был. Что поделаться?

– Теперь уже можно ничего и не делать. А если от той гадючки избавился, значит, не такой уж ты и дурак. Как вас зовут, девушка?

– Анна.

– Анна. Ах, какое красивое имя. Ах, разрешите мне звать вас просто Анной...

– Я не Анна Австрийская, потому – разрешаю, – отшутилась Анна.

– И не надо. Наглая баба была, между нами говоря, хоть и королева. Скажите, пожалуйста, что вам подобрать?

– Кольца на помолвку. И на свадьбу, – распорядился Боря.

– И, может быть, что-то для Киры? – вставила Анна.

– Да, конечно. У малявки день рождения.

– Изумруды оказались нехороши?

Анна подняла брови:

– Это ваши?

– Мои.

– И вы их продали для юной девушки? Не верю!

– Правильно не верите. Я как раз приболел, а вот мой помощник и продал... болван. А вы бы что для нее посоветовали?

– Пока не знаю. Из того, что я тут видела, – ничего.

– Так-таки и ничего?

Анна прошлась взглядом по витринам еще раз.

– Не обижайтесь, но даже изумруды были сделаны лучше. А это...

– Ширпотреб?

– Не совсем. Но сделано не мастером, а ремесленником.

– Девушка, да вы разбираетесь? Ну, пройдемте...

Задняя комната была как бы не в два раза больше собственно магазина. Ювелир («Вениамин Аркадьевич, но для вас, юная дама, как и для Бори, дядя Веня») усадил Бориса и Анну в удобные кресла, предложил воды и светски осведомился:

– С чего начнем?

– С жемчуга, – спокойно сказала Анна, понимая, что это экзамен для нее.

– С чего, простите?

– С жемчуга. Для Киры, на день рождения. Полагаю, нужно кольцо и браслет. Сережки лучше капельками, но тут смотря что у вас есть. Боря, можно?

– Мы с тобой об этом уже говорили.

Анна послала ему улыбку.

И последовательно отвергла шесть комплектов из жемчуга. Красивых, спору нет. Но слишком тяжеловесных. Не для девушки, не то, не так...

Ювелир смотрел все более внимательно. Потом подмигнул Боре так, чтобы Анна не заметила, и вытащил из сейфа еще одну коробку.

Открыл – и Анна не удержалась от хлопка в ладоши.

– Идеально!

Набор был обманчиво простым.

Коротенькая нитка жемчуга, браслет, сережки. Ни колец, ни брошей, но есть заколка, украшенная тем же жемчугом. Скорее даже длинная шпилька, которая крепится в прическу.

Некрупный, бледно-розовый натуральный жемчуг. Оттенок едва проснувшейся зари...

Ничего тяжелого, аляповатого, броского. А вот застежки – шикарные. Но это для тех, кто может оценить.

Жемчуг очень хорошо сочетался с простым розовым кварцем. Из кварца и были вырезаны несколько цветков. Маленьких, аккуратных, очень изящных. На застежке колье, браслета, на шпильке. Сережки как раз были простыми жемчужными капельками.

– Вот это она точно носить будет. А изумруды – хорошее вложение капитала.

– А как вам этот камень? – Ювелир мягко, словно кошачьей лапкой, положил перед Анной маленький бархатный мешочек.

Анна спокойно вытряхнула себе на ладонь несколько камней, играющих всеми переливами цветов.

– Опалы? Минуту... – Всмотрелась, качнула головой: – Подделка? Какое хорошее качество.

– А как вы это определили?

Анна подняла ладонь так, чтобы через камни прошел солнечный луч.

– Опал... опалесцирует. А где искры? Они должны быть...

– Вы так хорошо разбираетесь в драгоценностях?

Анна пожала плечами.

Хорошо? Нет, просто она жила среди этого. И опалов видела как бы не больше, чем этот милый ювелир. И других драгоценностей...

– Не очень.

– Если это не очень... У меня помощник принес, по случаю достались. Это синтетика, верно. Но качественная.

– Никогда бы не сказал, – покачал головой Савойский.

– А вот девушка сразу поняла. Не хотите у меня на полставочки поработать?

– Дядя Веня!

Анна покосилась на Бориса, но отказала решительно:

– Благодарю вас, мне и так неплохо.

– Если что – вакансия открыта. Теперь давайте разберемся с помолвочным кольцом. Какое берем? С бриллиантом?

– Да, – решительно утвердил Борис.

– Но выбирать будет девушка?

– Да.

И пытка началась снова.

Анне пришлось пересмотреть примерно сотню колец с бриллиантами, прежде чем она увидела именно то, что нужно.

Небольшой бриллиант, всего в три карата, такого же оттенка, как и ее глаза. И он был утвержден единогласно. Просто камень в лапках зажима. Ни лишних украшений, ни виньеток, ни прихотливых изгибов. Просто, скромно, достойно, дорого.

Очень дорого.

Кстати, еще с десятков камней Анна отвергла по причине дефектов. Пятен, вкраплений, трещинок...

Вениамин Аркадьевич только головой качал, глядя, как девушка легко выносит суждения, едва взглянув на кольца, серьги, браслеты...

Знал он цену такой легкости. Для нее надо с бриллиантами с детства рядом быть. Тут не просто опыт, тут... даже и не поймешь – что именно? Она из семьи ювелиров? Похоже на то... или из очень богатой семьи.

Он ведь еще и в глаза ее смотрел. И не видел там ни алчности, ни жадности, ни желания владеть... Анна была равнодушна. Не блестели ее глаза от драгоценностей. А вот на Бориса она смотрела намного теплее. Повезло парню. Определенно...

* * *

– Ты так хорошо разбираешься в драгоценностях?

Анна не стала отпираться.

– Да, я могу.

– Откуда?

– У нас в гостях бывали самые разные люди, – не стала врать больше необходимого Анна. – Научили.

– Как этот ваш... Сеня-антиквар?

– И как он – тоже. Я всегда любила узнавать нечто новое...

А еще Аделина считала, что женщина должна разбираться в украшениях. А как иначе она определит, что купить, что ей муж дарит? Поэтому все ее дочери в обязательном порядке бывали в мастерской у Фаренье. Диди даже эскизы для него рисовала, и он украшения для Лидии делал... где теперь и Диди, и эскизы?

– Ты у меня сокровище.

Аня с улыбкой потерлась о плечо любимого мужчины. Прижалась, вдохнула его запах. И на миг, только на миг ощутила себя защищенной.

Любимой, важной, нужной...

Хелла, спасибо тебе! Хотя бы миг!

Но – мой!

Глава 15. Мимо, мимо идите, вечные, тонкие нити

Яна, Русина

– Вы что-то позабыли, тор генерал?

Яна была не в настроении.

Планы побега она строила ночью, утром, даже частично днем, строила их, умываясь, расчесываясь, даже топая туда, куда и император пешком ходил...

Фиг там вам! Фиг там нам!

Одна она бы и не задумалась. И удрала бы, и ручкой махать на прощание не стала. И не догнали бы! Глупости какие!

Но с Гошкой...

Нет, нереально. А доверить сына купцу?

Уйди она – и мальчик тут же окажется заложником. Потаци она его с собой...

Яна – взрослая и умная. И то она может заболеть, сломать ногу, повстречаться с волком... вариантов – прорва. А это ее сын.

Ее мальчик.

Нет, удрать – нереально. Но хорошего настроения ей этот факт не прибавлял. И появление Валежного она встретила без малейшего восторга.

Генерала это не смутило. Вот если бы гранатой или из пистолета в упор... а внешнее недовольство?

Три раза ха! Его таким не пронять, он не герой романов!

– Тора Яна, я не просто так, я по делу.

– Слушаю вас?

– Вы же не думаете, что я нашел вас случайно?

– Нет? – мигом заинтересовалась Яна. Есть возможность на ком-то сорвать дурное настроение? Немедленно покажите мне этот стрессоотводчик!!! Я сейчас на нем... я ему все... сорву! Или оторву!

– Тора Яна, я хотел бы пригласить вас в гости к человеку, который посоветовал мне дождаться вас.

– Одну минуту, – отреагировала Яна. – Только... подкрашусь!
Она хотела взять пистолет. Еще один, на всякий случай.

Понятно, чтобы убить негодяя, ей пистолет не понадобится. Но...
вдруг?

Валежный хмыкнул, но настаивать не стал. Пусть делает, что пожелает. Лишь бы поговорила с умным человеком. Как-то у него сложно получалось с женщинами. Врагов убивать можно! А как ты убедишь в чем-то даму?

Ее-то убить... можно. Но зачем тогда убеждали?

Эх, тяжело жить на свете белом...

* * *

На епископа Яна посмотрела без малейшей приязни.

Под благословение не подошла, прищурилась и
поинтересовалась:

– Ваша работа?

– Смотря что, чадо.

– Я вам не чадо, – огрызнулась Яна. И, в принципе, была права.

– Как пожелаете... Анна Петровна?

– Можно просто – тора Яна.

– Хорошо, тора Яна. Проходите, располагайтесь, я вас чайком
угощу.

– Всю жизнь мечтала.

– Вот ваша мечта и сбудется...

Яна посмотрела с подозрением. Но решила сразу этого тролля в
рясе не убивать. Ишь ты... мечта у нее сбудется! Как бы у тебя
инфаркт не приключился!

Убивать ради своего удовольствия Яне еще не доводилось, но ведь
любой новый опыт полезен? Так, кажется, пишут в гламурных
журналах? Или они что-то другое имели в виду?

Валежный посмотрел на Яну, от которой можно было спички
поджигать. На епископа, который колдовал над чайничком,
дружелюбно улыбаясь.

И предпринял тактическое отступление.

– Я... мне надо... я вернусь через полчаса.

И улетучился за дверь. Там оно безопаснее будет...

* * *

Несколько минут Яна молчала. А потом решила не играть в сложные игры.

– Генерал сказал, что он нашел меня благодаря вам.

– Да, тора Яна.

– Откуда вы знали о моем приезде?

– Хелла сказала.

Яна тоже сказала. Мысленно.

То, что не стоило бы говорить о богине. Получилось восьмизатжно...

– Хелла, значит...

– Мне было видение. И я поделился им с тором генералом, полагая, что так будет лучше для всех.

– Не для меня. – Яна понимала, что ее вызывают на разговор, но у нее-то цель была схожей! Хоть злость сорвать!

Руки с утра подрагивали от сдерживаемой ярости, это нехорошо. А епископа все одно не жалко. За дело огребет!

– Тора Яна, воля Творца никому не известна. Мы можем либо принимать ее, либо протестовать. А результат один и тот же будет. Покорного судьба влечет, непокорного тащит^[31].

Яна аж зубами щелкнула от неожиданности.

– Допустим. Но это вы вмешались в мою судьбу.

– Полагаю, Хелла в нее вмешалась куда как раньше.

Не в бровь, а в глаз. Но сознаваться Яна не стала.

– Я просто хотела уехать. И не вмешиваться. Ни во что.

– И даже на это вы права не имеете, тора Яна.

– Я не имею?

– Вы приняли Русину.

– И что? – искренне не поняла Яна. – Русина до меня стояла и без меня простоит! Что с ней станется?

– Безвластие, тора Яна, время страшное.

– Не я это за людей выбрала.

– Это верно. И за своего отца вы не в ответе. И за его слабости, и за его выбор...

– Вы так не думаете.

Яна со вздохом взяла чашку, покрутила ее в руках. И чуточку отступила назад.

Есть два вида священников. Одни крепят веру в душах. Другие – имидж церкви. Одни несут слово Божие, и не мечом и огнем, а добротой и любовью. Работают в больницах, копаются в грязи... был такой архиепископ Лука! Встретишь – и уверуешь.

А вторые торгуют отпущением грехов. Открывают церковные лавки и ездят на «Мерседесах», наивно полагая, что служат Богу. Хотя да, богу-то они служат. Маммоне, наверное...

Этот священник явно был настоящим. И мозоли на его руках наглядно свидетельствовали: батюшка не только лоб разбивает на молитве. Серьезный человечиче.

– Думаю, тора Яна. Только вот... слаб я, как и всякий человек. Русина – это ноша тяжелая, каторжная, не для ваших плеч. Но и принять ее больше некому. Вы и сами понимаете, стержень нужен, идея нужна...

– У Пламенного – есть.

– Вы сами видите, какой кровью его идеи оборачиваются.

Яна видела. Но справедливости ради...

– В появлении Пламенного тоже виноват мой отец. Страну довел он, Пламенный лишь расхлебывает заваренную им кашу.

– Я это понимаю. А народ – поймет?

Яна качнула головой. Отпила чай, не чувствуя вкуса, положила ложку меда, размешала... как на кордоне привыкла.

Вредно?

Да наплевать!

– Народ не поймет. Людям стабильность нужна, а не дележка власти.

Только вот стабильности им Яна и не даст. Помрет потому как... Но в ее силах дать легитимность следующему монарху. Вот это – реально.

– Тора Яна, почему-то мне кажется, что вы для себя уже многое решили. Только произносить не хотите. Не нравится вам ваше решение...

Яна сжала пальцами горячую чашку – и сорвалась.

– А кому, кому это понравится?! Меня чудом не убили... сколько раз – я не считаю! И от меня требуют, опять требуют... да почему я не могу просто жить?! Не оглядываясь ни на кого? Почему?!

– Потому что вы человек?

– Неужели?

– Тора Яна, вы же и сами все понимаете. Чем человек от животного отличается? Хвостом?

– Шерстью.

– А еще тем, что животное думает о себе, а человек – о других.

Яна и возражать не стала. И не все животные, и не всегда о себе, но... в этом ли был смысл? Что толку спорить о зоологии?

– Все я понимаю. Но мне это безумно не нравится...

– Знаю.

– А знаете, что в итоге меня убьют? – не удержалась Яна.

– Воля Творца для нас неисповедима...

– Так на моей могилке и напишите. Считайте завещанием.

Епископ опустил глаза.

– Не надо о плохом, тора Яна. Я молиться за вас буду.

Сволочизм? Не без того. Яна поставила чашку и посмотрела на епископа ледяными глазами.

– Хорошо, любезнейший. Если от меня это время требует нелегких решений, то и от вас не меньше того! Слово мне дайте.

– О чем?

– Если меня убьют до конца этого года, то вы придете на мою могилку и службу там отслужите.

Епископ поднял на Яну глаза. Усталые, с покрасневшими веками, полопавшимися сосудиками. Нелегко ему пришлось. И еще веселее придется, только жалости у Яны не было. Перебьется! Кто его за язык тянул?!

– Обещаю... тора Яна.

– И второе мое условие. Хелла, говорите?

– Да, тора Яна.

– Над моей могилкой будет стоять часовенка Хеллы. И никто чтобы ее не трогал из ваших... долгополых.

– Это указ издать надо. Императорский.

Яна скрипнула зубами.

– Одно другому не мешает. Иконописцу расскажете, какой вы богиню видели. И все для того сделаете, чтобы ее правильно изобразили...

– Тора Яна, кажется мне или вы больше знаете... о моем видении?

Яна фыркнула:

– А вот этот вопрос касается только императорской династии.

Все она понимала, боги играют людьми, но...

Но злость все одно брала!

Выгодно – поменяем девчонок местами. Выгодно – подставим!
Выгодно – положим... так, Хелла?! Да?!

Ответа не было. А вот злость была. Но уже не кипящая, а глухая, безнадежная, тоскливая...

Яна попрощалась и вышла на улицу. Валежный ждал ее там.

– Тора Яна?

– А что, я с утра поменялась? Все в силе, тор генерал, – вздохнула Яна. – Ирольск, Зараево, а там и подумаем, как и что. И вы подумайте. Кто сможет удержать страну? Кроме Пламенного, конечно, мне он просто не нравится.

Валежный посмотрел на тоскливую императрицу. А потом окончательно попрали этикет и коснулся тонкой женской кисти.

– Тора Яна, ну не звери ж мы... хотите, я вас отпущу?

– Хочу. Но вы так не поступите.

– Да.

Говорить было больше не о чем.

Если бы Яна рассчитывала прожить больше полугода, разговор сложился бы иначе. Положить жизнь на то, чтобы обеспечить чье-то процветание?

Вляпаться во власть?!

Жеванные мухоморы! В этом отношении Яна была полностью копией отца, который обожал свой кордон и свою работу.

Начальство?

Закон – тайга, прокурор – медведь. Как поймаешь, так и жалуйся. Кто ж тебе мешает-то? Тут и волки бегают, только не позорные, а самые настоящие, и тоже кушать хотят. Так что не стесняйся, страдай, родимый!

Яна обладала такой же непереносимостью начальства. И если бы она планировала жить долго и счастливо, она бы из шкуры вылезла, но

ситуацию постаралась решить по-другому.

Она точно знала, что скоро умрет. А раз так... надо потратить это время с пользой для окружающих. Пристроить сына, сестру, обеспечить их благосостояние...

А потом можно и о Русине подумать.

К примеру, рассказать Валежному все, что она помнит из своей истории. И про НЭП, и про колхозы, и про демократию, не к ночи будь помянута. Яна-то помрет – и все. А им еще страну на ноги ставить... вот, пусть хоть каких-то ошибок не совершают! Может, МТС сделают, может, еще что...

Везде были и свои плюсы, и свои минусы.

Ладно уж. Если Яна поделится информацией, никакого вреда ей это не принесет. А людей жалко...

По улицам Беркута бок о бок ехали мужчина и женщина, связанные крепче любой цепи. Чувством долга.

Ида, Свободные герцогства

– Тора, умоляю! Минуту внимания!

Ида аж зубами закрипела.

Несколько дней она сидела дома, с Полканом. Пока собака болела, Ида от него и на шаг не отходила. Сама поила, кормила, гладила, сама помогала дойти до палисадника – как настоящий мужик, Полкан отказывался делать свои черные дела на пеленку. Но ты поди задержи лапу, если стоять приходится уже не на трех, а на двух? Псу приходилось помогать, опираться на раненую лапу несколько дней ему было попросту больно.

Спала Ида тоже рядом с собакой. И спалось ей, кстати, замечательно! Ни кошмары не мучили, ни бессонница. Так вот уляжешься, пальцы в шерсть зароешь – и словно теплым одеялом накрывает. А то в аптеках таблеточками кормят! От которых то не уснешь, то не проснешься, то попросту не выживешь! То ли дело – Полкан? Но собак в аптеках не продавали и не предлагали, особенно в качестве снотворного.

Хорошо еще, на Полкане все заживало как на собаке. Через несколько дней он уже вставал сам, потом ходить начал, а потом Ида

решила дойти в лечебницу. Хоть посмотреть, как там дела.

И Полкана посмотрят.

Так-то Стас предлагал прийти к ней на дом, но Ида отказалась. Ее квалификации уже хватало проследить за заживлением раны. А что-то более серьезное – вот. Сейчас они сядут в экипаж и доедут.

Ага, куда там!

Явился, зануда надоедая!

Армандо за неделю умудрился достать ее больше, чем все освобожденцы разом! Он был активен, как бешеный таракан, и назойлив, как целое стадо его сородичей.

Он пытался просочиться в дом, он присылал цветы и сладости, он писал письма, дежурил под окнами...

Яна сказала бы: «секс-террорист». Ида таких слов не знала и просто мечтала. О гранате.

Кинуть – и нет никакого назойливого типа! В Русине она бы так и сделала...

Или Яна бы его пристрелила... есть и свои хорошие стороны в безвластии? Определенно... Законными методами с Армандо ничего нельзя было поделать. Полиция?

Он уплатил штраф и вернулся.

Полкан?

Собака пока еще болела. А и выздоровеет – Ида его натравливать не станет. Все же тор... если он повредит Полкану... ведь может! Она не станет рисковать другом! А что еще можно сделать с негодяем?

Сейчас она пыталась не обращать на него внимания.

– Тора, неужели вы так и пройдете мимо? Умоляю вас, снизойдите к очарованному вашей красотой несчастному...

Ида скрипнула зубами и опять промолчала.

Зря.

Армандо от слов перешел к действиям и попробовал взять девушку за локоть.

Ида дернулась, но пальцы впились, словно клещи.

– Пустите!

– Тора, вы не хотите меня видеть! Но я перед вами ни в чем не виноват... что мне сделать, чтобы заслужить вашу благосклонность?

Предложить сдохнуть Ида не успела.

Полкан дураком не был. Бродячая жизнь очень способствует естественному отбору, и дураки на улице не выживают. Переводя на человеческие звания, по сообразительности Полкан мог бы посостязаться с иным академиком.

Лапа у него постепенно заживала, наступать он на нее мог, хромым не останется, хотя его и так не выгонят... уж хозяйку он сопровождать в лечебницу мог.

Он понимал и что хозяйка нервничает, и причину видел, и...

И очень удачно они идут мимо водоотводной канавы.

– Гр-р, – сказал Полкан, ставя лапы на пальто наглого типа.

– Тьфу! Брысь!

Страхом от типа не пахло, но и не надо. Главное ведь что?

Что хозяйку он отпустил. А дальше и усилий прилагать не требуется. Только убрать лапы, обежать гадкого нахала – и подтолкнуть. Головой под колени.

Армандо и мяукнуть не успел, как отправился в канаву.

Ида посмотрела на галантного кавалера. На Полкана.

И погладила собаку.

– Пойдем скорее, хороший мой. Нам на работу опаздывать никак нельзя...

Из экипажа Полкан посмотрел на Армандо. Блестящий кавалер обтекал – в буквальном смысле слова. Сидел в канаве и соображал, куда он попал. Кажется, при падении он немножечко головой ударился, вот и смотрел, как неизвестно что!

– А... э... тора, подождите, прошу вас!

Да, некоторым канавы явно недостаточно.

Анна, Россия

Кира проснулась без будильника. Потянулась.

Повернулась.

И едва с кровати не слетела.

– Смайлик! Ты... ты просто Сталин!

– Мур-р-рм!

Кот не понял сути претензий!

Зато он отлично понял, что у молодой самочки праздник. Коты ведь существа умные и серьезные. А потому... ей собираются дарить подарки?

Вот и он подарит...

Вы знаете, как сложно наохотить хорошую большую крысу? Особенно если в доме есть хороший охотничий кот?

Между прочим, он к соседям за ней путешествовал! И не только за крысой, кошечка там тоже очень симпатичная живет... правда, стерилизованная, котят не будет! Но когда это мешало получать удовольствие?

Вот Сталин его и получил.

И от охоты, и от кошки... мур-р-рм!

И что?

Его добычу критикуют?!

МЯУ!!!

Кира поняла и устыдилась.

– Прости, пожалуйста. Я потом съем.

– Мур-р-рм, – успокоился кот. Если потом – это понятно. Крыса – это хорошее мясо. А у людей есть такие специальные штуки, в которых оно может храниться долго.

– Спасибо тебе, умничка моя!

– А нам?

Анна постучалась, но ответа дожидаться не успела. В дверь пролез Гошка.

– Ур-р-р-ря-а-а-а!!! С днем рождения, Кира!!!

– С днем рождения, дочка!

– С днем рождения, Киреньш... – Анна пока остановилась на этой форме обращения. Пусть Кира сама решает, как близко она подпустит к себе Анну. Это только ее право.

И на кровать к Кире приземлились подарки.

– Посмотри. Вдруг понравится?

Кира потеряла руки и взялась за свертки. Сначала за маленькие.

Жемчуг вызвал одобрение.

– Класс! Обязательно носить буду! Ваще круто! Папс, спасибо!

– Какая ты уже взрослая стала! И красавица!

Кира взялась за второй сверток.

– Ох-х-х!

Платье было... чудесным!

Легким, летящим, вполне современным. Кира понимала, что надень она такое... да куда угодно! На дискотеку? Запросто! На прогулку? Душно, наверное...

– Там две юбки, – подсказала Анна.

Да, шила она сама. Вот еще... сложностей! Купить материал, раскроить и сшить! На современной швейной машинке это не работа, а сплошное удовольствие.

Да, это великая княжна тоже умела. Шить, вышивать, в том числе и бисером, и золотом, плести кружева... единственное, чего не одобряла Аделина, – вязание. Так простонародно... фу! Вот еще не хватало! Вязать Анна не умела, но платье сшила – не задумалась. Женщина должна выглядеть хорошо, а как она это сделает, если модистка ей что хочешь навяжет?

Надо учить, вот девочки и учились.

– Аня, это...

Следующий подарок был от Гошки. Казалось бы – что может подарить мальчик? Ан нет! Гошка честно брал у Романа уроки выжигания по дереву – и теперь преподнес Кире шкатулку с ее выжженным именем. Получилось красиво.

– Я туда жемчуг положу! – пообещала Кира.

И в носу у нее что-то защипало... она не одна. У нее семья есть... такое давно забытое чувство. Такое невероятное и теплое...

– Киреныш, ты одевайся – и мы тебя ждем внизу, – сообщила Анна.

– А...

– Вот одежда, я все заранее подготовила. Поверь – это правильно.

Кира посмотрела на джинсы – потертые, мягкие, почти белого цвета, на штормовку, на теплый свитер...

– Это куда мы едем?

– Ты все там увидишь!

После такого отказываться и не получилось. Кира мгновенно стрескала горячий бутерброд, запила его чашкой горячего же шоколада и впрыгнула в обновки.

Джип уже ждал четвертого пассажира.

– Так куда мы?

– Увидишь...

И Кира увидела!

Небольшой домик в сосновом лесу был привлекателен в любое время года. Большая гостиная, веранда, на которой так уютно сидеть в кресле-качалке, мангал, шашлыки...

Борис сам решил пожарить мясо.

Гошка подумал – и вызвал Киру поиграть в настольный теннис, благо стол для него был и все снасти были. Кира не отказалась. Взрослые возились с мясом, Анна накрывала стол...

Для Киры это был чудесный день.

Когда отключены все телефоны, когда есть только она и ее близкие... жаль, Смайлика с собой не взяли, его остро не хватало! Они играли в настольные игры, сидели перед камином, пили горячий грог, Кира там, перед камином, и уснула, на пару с Гошкой. И уже сквозь сон чувствовала, как отец несет ее на второй этаж и тихонько, чтобы не разбудить, устраивает под одеялом и целует в кончик носа. Как когда-то в детстве.

Потом рядом с ней устроили Гошку, дети прижались друг к другу поближе и засопели. Они были рядом друг с другом. Все было хорошо...

* * *

Внизу, перед огромным камином сидели Анна и Борис. Сидели, молчали...

И – нет. Не занимались они никаким сексом на медвежьей шкуре. Если кто решится – учтите, линяют те шкуры, как заразы. А дети изволят спускаться в самый неподходящий момент, карма такая у детей. Так что все утехи решено было оставить до спальни.

А вот просто посидеть рядом...

В обнимку, глядя на огонь, потягивая грог из больших кружек, в теплом и уютном молчании...

Разговаривать можно с кем угодно. Молчать – только с очень близкими людьми. Здесь и сейчас все было хорошо и спокойно, тепло и уютно...

И Анна была счастлива. По-настоящему.

Так, как никогда еще у нее не было.

– Спасибо тебе за дочку, Анечка.

Понять было несложно. Боря видел, какая счастливая у него Кира, а он, болван, еще хотел глупостями заняться! Народ собрать или вообще малышку в клуб отправить...

Дурак!

– Она очень домашняя девочка, – не стала скромничать Анна. – Просто ей было тяжело...

– Когда дома не было. Я понимаю.

Анна коснулась ладонью щеки мужчины.

– У нее есть дом. У нее есть ты.

– И ты тоже. И Георгий.

– Теперь – да.

И за оставшееся время Анна даст Кире столько любви, сколько у нее получится. Чудесный ведь ребенок! Добрый, умный, ласковый...

Как же тяжело уходить!

Как неохота их оставлять!

Это будет потом. А сейчас есть она. И есть Боря. И их соединенные руки. И спящие на втором этаже дети.

И пусть весь мир подождет!

Яна, Русина

– Валежный, с тобой встретиться попросту нереально!

– Еще раз нечто такое выкинешь – и мы с тобой у Хеллы встретимся, – парировал Валежный.

Митя фыркнул.

Еще бы!

Вот как тут пересечься с Валежным?

Когда он то в одном конце города, то в другом, и поди отлови его, и охрана близко к нему никого не подпускает? Бегать и орать?

Вот еще не хватало! Хотя насчет поорать – идея хорошая!

Так что Митя влез на пьедестал пред дворянским собранием и принялся громко и противно орать, призывая Валежного. А как еще?

Взорвать тут все к растакой-то матери? Это он запросто, но есть подозрения, что Валежный не одобрит. А вот поорать было в удовольствие.

Когда еще удастся так поразвлечься?

Все работа да работа, взрывы да убийства, диверсии да экссы. А жить когда? А радоваться жизни?

– Ну, ежели дама против не будет...

– Дама не будет.

Яна как раз приехала к Валежному уточнить насчет отъезда. А тут это чудо в перьях нарисовалось. И... вот хоть стреляйте, не могла его Яна всерьез воспринимать!

Да, взрослый мужик лет сорока! Явно битый-перебитый, прошедший и огонь, и воду, и триста метров канализации, пары зубов нет, волосы седые, стрижены коротким ежиком, глаза такие...

С такими даже не убивают.

С такими не считают жертвы... зачем, после первой-то тысячи? И неинтересно как-то...

При этом явный тор, высокий, изящный, тонкокостный... и с самым препакостным выражением лица. И как-то даже его возраст размывается...

Так и хочется воспринимать его как сверстника.

Яна понимала, что это обманчивое впечатление, что опасен этот милый человек как три голодных гюрзы, которых хвостами склеили, но поделаться с собой ничего не могла.

Так и тянуло улыбнуться.

– Это вы о себе – или о Хелле?

– Мы обе – женщины.

– Я надеюсь, вы все же моложе, тора?

– Немножечко моложе, – усмехнулась Яна. – Совсем чуть-чуть... мне вас оставить, торы?

– Да, тора Яна. Если вас не затруднит.

– Яна? – вдруг напрягся Митя.

– Вы обо мне слышали?

– Ну... если вам знакомы некие хвостато-полосатые...

Кольнуло за грудиной так, что Яна произвольно потеряла область сердца.

– Жом Тигр? Вы... вы его знаете?

– Более того, я как раз от него.

– И как он?

Яна понимала, что это глупо. Что Тигр о ней забыл уж сорок раз. Но... сердцу не прикажешь. Что-то ныло, свербело... любовь?

Да какая уж тут любовь?! Чушь это и глупости...

Но если бы Яна могла кого-то полюбить, вот в Тигра она бы влюбилась несомненно. Мужчина был такой... куда там несчастным стокгольмским синдромам и бэдээсэмщикам?

Для них все игра и романчики, а тут... тут реальная сила. Власть над жизнью и смертью. И когти в крови по самые уши.

Но не это привлекательно. Нет.

Просто рядом с Тигром ни одна другая беда к тебе подойти не осмелится. Сам он, может, и сожрет. Но никто другой до тебя даже волоском не дотронется.

– Жив, здоров, чего и вам желает. А тебе письмо прислал. Надеюсь, это не признание в любви.

Митя чуточку скабрёзно подмигнул Валежному и извлек откуда-то из глубин плаща, из подпоротого шва, небольшой конверт. Даже не запечатанный.

– Тигр тебе так доверяет?

– Я бы точно по пути с текстом ознакомился. А что?

Яна подумала, что и она бы ознакомилась. Дадут?

Все же титул императрицы имеет свои плюсы.

Валежный читал недолго. Подумал, протянул письмо Яне:

– Читайте, тора.

Яна кивнула и побежала глазами по строчкам.

Примерно на десятой ей стало плохо.

– Это... это же...

– Его смертный приговор. Или мой. – Митя был серьезен. – Если вы заметили, подписи нет.

– У него и так характерный почерк, – тихо произнесла Яна. – Пламенному других доказательств и нужно не будет.

– Вы знаете его почерк, тора?

– Знаю. Очень хорошо знаю.

Яна помнила тихие вечера в поезде, помнила, как Тигр работал с документами, быстро пролистывая одни, раздирая в клочья вторые, отмечая что-то в третьих... она честно старалась усмирить любопытство, но...

Это ж живая история!

При ней!

Как тут устоять? И она спрашивала, где-то Тигр ей объяснял все, где-то отказывал, о чем-то они спорили до хрипоты, а потом споры заканчивались в постели. И это тоже было хорошо...

Да, поезд...

Распространяться о своем знакомстве Яна не стала. Но Митя был бесцеремонен до крайности.

– Кстати говоря, жом Тигр выбрал ваше имя паролем для связи. Видимо, у вас очень длительное и близкое знакомство?

Тут уж и Валежный не выдержал. Такое знакомство – это уже не личный вопрос, а государственный.

– Тора Яна?

– И что? – огрызнулась Яна, которая вообще не любила делиться такими подробностями. – Ну было у нас! Было! И я ни о чем не жалею!

– Тигр тоже, – вставил свои три медяка Митя.

– Но... как?!

У Валежного случился полный разрыв всех шаблонов.

Болезненный и абсолютный.

В его понимании после расстрела всей семьи приличной императрице надо было бежать куда поглубже в дикие леса, молясь, чтоб не догнали, а при виде освобожденца – орать и тоже молиться. Или хотя бы отстреливаться.

Нахалка, которая отправилась в Звенигород в эшелоне этих самых освобожденцев, да еще умудрилась по дороге Тигра за... хвост потаскать, вообще в его голове не укладывалась. Никак.

Яна только руками развела. А что она может сказать на этот счет? Ей что – пешком идти было? До Звенигорода? Ее сын ждал, еще она тут время зря не тратила. И Тигр...

Во-первых, они квиты, она-то тоже всех убила. А во-вторых, удовольствие было обоюдным. Вон, до сих пор забыть не может...

Приятно?

Еще как!

Яна довольно улыбнулась и плотоядно так посмотрела на Митю.

– Дмитрий, а вы можете ему тоже письмо передать?

– От девушки?

Яна фыркнула:

– А вот правда... с одной стороны, я не замужем. С другой – давно уже не девушка. Анатомически. Как это называется?

– Тора Яна! – почти взмолился Валежный.

Яна фыркнула:

– Ладно-ладно, все в порядке, я молчу. Так как, Дмитрий, – передадите?

– Разумеется, тора Яна.

Яну посетило громадное желание написать три слова (нет, не «мейд ин Чайна», а про любовь) и запечатать их своим кольцом. Семейным и фирменным.

Но... это уж точно приговор.

Даже эта пара листов – не приговор. Хотя Тигр и расписал, сколько у них людей и на каких направлениях, безжалостно сдавая своих. Хоть он и написал о некоем сотруднике Лионесского посольства... тор Дрейл?

Запомним, куда ж ты денешься.

И тор Вэлрайо?

Подождите, ваше величество Элоиза, пока я жива, я вам еще за всю семью предъявлю! Вы у меня и не отпишетесь, и не расплатитесь, и не отмоетесь! Это в том мире англичанам вслед за подставу не плевали, потому как у всех рыло в пуху было. По самый затылок!

А в этом будут! Само ваше имя станет синонимом мрази!

Еще как будут! Сами напросились! Потому как сначала обещать приют и защиту, а потом развести руками и сказать: перебежься, – это в любом мире паскудство! И точка!

А что тогда можно написать Тигру?

Почему-то в голову навязчиво лезли те же три слова.

Яна решительно выставила их обратно и принялась подбирать... Нет, не синонимы. А события, упоминание о которых заставит Тигра поверить в ее авторство.

Именно события.

Особые приметы она тоже помнила, но писать мужчине о его родинке... аккуратно вот там...

По нынешним временам такой эпистолярный жанр не в чести. Это уж точно... разве что нарисовать? Но есть подозрения, что не поймет Валежный. Ладно. Словами обойдемся.

Глава 16. Солнце меня не обманет, сердце меня не затянет

Генерал Логинов, Архарск

Логинов хотел...

Эх, чего только не хотелось генералу!

Жрать! Вежливо кушать он хотел еще на марше, но было просто некогда. Армия должна двигаться, а не вытирать сопли главнокомандующему... можно бы и приказать организовать ему бивак, но у Логинова язык не поворачивался. Есть горячее, когда солдаты до вечера ничего не получают?

Кому как, а ему совесть не позволяла.

Все тяготы войны Логинов принципиально разделял со своими людьми.

Перекусить на ходу...

Это, конечно, можно. Когда есть чем. И сухарь Логинов честно сгрыз. Что такое этот сухарь на марше для здорового мужика... так, желудок подразнить.

Хотелось спать. Все время похода Логинов спал вполглаза. Он отвечает за всех этих людей. Именно он. Поэтому отсыпаться он себе позволял только в городах. И то не слишком много. Последний раз он отсыпался еще в Волчьем, но оттуда они ушли дня три назад.

Чего он еще хотел, так это убивать.

Вот этого хотели все его люди, чего уж там...

Убивать освобожденных. Медленно, мучительно...

Ладно, на быстро и качественно они бы тоже согласились. Потому как шли по стране, шли и видели, во что превращалась Русина.

Не то чтобы цветущая и ухоженная, но ведь и до такого состояния страну довести – еще умудриться надо!

У казачьих полков хомячий инстинкт был неистребим. Логинову так казалось до недавнего времени.

Совсем недавнего...

И казаки вели себя привычным образом, в городах они гребли в ранцы все, что подворачивалось под руку, аргументируя простой фразой: «Что с бою взято – то свято». Логинов не возражал.

Обоз, который тащился за войском, увеличивался и рос. Причем прирастал обоз не только вещами, но и людьми. Понятно, казаки грузили все, что не приколочено, оружие, продукты, материальные ценности...

Но еще к войску присоединялись люди.

Те самые, которых освобожденцы считали вредными для себя. И искореняли самыми зверскими способами. Одних детей хватило бы на полноценный кадетский корпус.

Монахи, всех сортов и видов, торы, купцы, ученые... Кто-то на телеге, кто-то в карете, кто-то пешком... обоз тоже стал для Логинова источником проблем. И генерал мечтал сплавить его хоть кому.

Врагу?

Ладно, врагу не надо, все ж там живые люди, которые как раз от этого врага стремятся удрать. Но вот Валежному, который втравил его в этот рейд по тылам...

Валежному, наверное, икалось часто, так душевно вспоминал его генерал Логинов. Например, вчера, когда купец первой гильдии (а все одно дурак!) прорвался к генералу и начал качать права. Мол, почему это к нему в карету троих детей посадили?

Логинов и правда так распорядился.

Случалось...

Родителей-то убивали однозначно, а детей иногда спасти удавалось. Когда их соседи укрывали, когда родители прятали, когда еще что... и этих сирот потом тащили к Логинову, справедливо рассудив, что домашние-балованные дети на улице или в крестьянской избе попросту погибнут. Да и лишний рот в такие годы никому не нужен.

А тут хоть шанс у них появится. Все ж лучше, чем в канаве сдохнуть...

Первых детей Логинов навсегда запомнил. И крестьянку лет сорока, такую мощную, что на ней даже голод не сказался. Там одна грудь была – мамонта на скаку свалит и по нему пройдет! На одну положить, второй прихлопнуть...

В другое время генерал бы облизнулся, но когда крестьянка тащит за собой девчонку лет четырнадцати, а та крепко держит за руку мальчика лет семи...

Дети.

Крестьянка оказалась кормилицей, она и девчонку выкормила, и мальчишку, сама-то тора Беренесьева то по заграницам, то по водам, то еще куда... понятно, когда началось, дуру попросту крестьяне растерзали, как и ее муженька подкаблучного. А вот детей кормилице отбить удалось.

Логинов в это верил. Там один голос чего стоил... наверняка удалось.

Но в деревне-то их не оставишь? Девчонка уже взрослая, на нее парни заглядываться начинают, а сеновал ей ни к чему. Замуж-то ее не возьмут, не приспособлена такая для деревни. Не те руки, не та стать... И мальчишка ни для чего не приспособлен – одно слово, барчук!

А потому...

Они – торы, и ты, генерал, – тор. Вот и забирай. Есть возражения?

Возражения у Логинова были, но, взглянув в испуганные и несчастные лица детей, он только рукой махнул. Авось справятся. Не дойдут, так доведем! На телеге!

Таких найденышей было уже больше сотни. Поэтому Логинов распорядился подсаживать их ко всем. В кареты, на телеги... да хоть на коня пусть возьмут! Ежели лошадь потянет, а человек в седле не строевой – чего б не взять? У детей ведь еще и обувки нормальной нет, частенько выскакивали в том, что на них было...

Купец вздумал пенять генералу, мол, нехорошо это, оборванцев, да к нему...

Генерал разбираться не стал. Приказал по-простому. Наглеца в плети – и пусть идет потом пешком. А в его карету детей – сколько поместится. Не нравится?

Так казаки еще раз объяснят, у них проблем нет... это у купца потом будут. Жевать-то нечем...

А вот потом они шли мимо деревень...

И обоз все худел и худел... Логинов даже не распорядился. Ни к чему.

Но видя прозрачных от голода людей, видя крестьянские избы, видя умирающих детей, которые готовы были кору с деревьев жевать,

как зайцы...

Люди в обозе оставались. А вот добро...

Даже самых жадных пронимало до печенок.

Ладно. Доберется Логинов до Архарска, посадит всю эту ораву в поезда и отправит в Сарск! Благо оттуда дорога прямая...

Пусть катятся! А вот что делать ему?

Хотя это и так понятно.

Отоспаться пару дней, поесть и удерживать за собой Архарск. Оттуда уж больно удобно на Звенигород идти...

Яна, Русина, Беркут

Случайности?

Да, именно они правят миром. Ну и еще отдельные боги и богини, которые развлекаются, как им угодно.

Лучше б в этот мир бразильские сериалы завезли!

Во всяком случае, именно это подумала Яна, когда...

– Гошка! Это что такое?!

Шок – это по-нашему!

А увидеть на ладони у сына перстень, который ей был хорошо знаком? Да Гаврюша с ним практически не расставался, лишь в последнее время снимал на ночь. Сам брату жаловался: постарел, погрузнел, пальцы отекают начали... так он с утра не за штаны хватался, а за свои побрякушки!

– ОТКУДА?!

Гошка потупился:

– Мам, я это...

Яна едва не рывкнула на половину доходного дома. Но потом решила не давить на ребенка. Еще расплачется или вилять начнет.

– Гоша, солнышко мое родное, я не сержусь. Просто я не ожидала увидеть это кольцо – здесь.

Если что – кольцо было самое простое на вид. Золотой ободок, черный треугольный камень, на нем – белый круг. В юности великий князь Гавриил слегка увлекался масонством.

Понятно, ни к чему это не привело, но перстень был ему дорог как память.

Второе кольцо ему подарил отец на совершеннолетие.

Вот то уже было более дорогим, звездчатый сапфир, оправа – червонное золото и бриллианты...

Вот сейчас Яна видела в руках у Гошки первое колечко. Черное, простенькое.

– Мне его Пашка на нож сменял.

– Просто на нож? – прищурилась Яна.

– Ну, еще я ему десять рублей золотом дал. – Гошка потупился.

Яна кивнула.

Ей и в голову не приходило прятать от сына деньги. Или от того же Топыча...

Глупости какие!

Надо мальчишкам – пусть берут, мало ли что? Просто потом скажут... вот Гошка и сказал.

– Хорошо. А Пашка – это кто?

– Он племянник жамы Фени... она здесь кухаркой работает.

– Та-ак... а почему он тут? Родители... погибли?

– Нет, мам. Родители его сюда отослали, говорят, в деревне голодно...

– А деревня как называется?

– Гавриловка.

Яна медленно кивнула своим мыслям. Гавриловкой деревня была названа вот совершенно не просто так. А по причине своего местонахождения. Рядом с резиденцией великого князя... Гаврюша ее лично переименовал лет десять тому назад, дозволения у брата просил, это ж надо во все реестры внести...

– Радость моя, а могу я поговорить с Пашкой?

– Если он домой еще не ушел... он жаме Фене помогает. Котлы трет, говорил, трубы прочищал...

– Позовешь?

– Да, мам. Ты точно не сердишься?

– Нет, не сержусь. И новый нож тебе закажу обязательно. Или купим подходящий. По руке.

– Ур-р-ра-а-а!

Гошка и так не боялся взбучки. Но приятно ведь понимать, что твоя мама – лучшая?

Очень приятно...

Пашку долго ждать не пришлось.

Мальчик выглядел едва ли не младше Гошки. Тощий, что та селедка, бледный весь, какой-то блеклый... волосы светлые, черты лица невыразительные. Но даже сейчас Яна видела, что он гибкий. И ловкий, это тоже ясно по тому, как мальчишка двигается.

Что ж, поговорим...

– Пашенька, здравствуй.

– И вам не хворать, тора.

– Гоша тебе сказал, что я не стану ругаться?

– Сказал, тора...

После того происшествия отец отправил Пашку к тетке. Подумал – и отправил.

Мало ли что... а все ж ребенок! Так вот языком болтанет, и прощай – жизнь родимая. А в Беркуте пусть болтает... кто там кого знает?

Пашка и поехал.

А кольца с собой взял. И сейчас ругательски ругал себя, что решился на мену. Но десять рублей золотом! Это ж... ого! И мамке передать можно... ежели тятке, когда тот приедет, по-тихому в подкладку тулупа зашить... придумает он, как передать! Но это ж деньги!

Да такие, каких мальчишка в жизни в руках не держал...

Яна медленно достала кошелек.

И на стол легли десять десятков, сияя золотом.

– Паша, так получилось, что я знаю владельца этого кольца. Ты можешь мне рассказать, как оно к тебе попало?

– А...

– Мы так поступим. Ты сейчас возьмешь эти деньги и спрячешь. А еще возьмешь вот эту монету, – на стол легло серебро. – И скажешь тетке, что я тебе заплатила за игру с моим сыном. Знаешь, так детей берут и платят им...

– Знаю, тора.

– Золото спрячь, а тетке скажи, что я тебя наняла. Как приятеля для Гошки. И буду платить столько же каждый день.

– Тора?

– И буду. А если ты решишь рассказать мне, откуда у тебя это кольцо, подойдешь и расскажешь. Только так, чтобы никто не видел и не слышал.

Пашка судорожно сглотнул.

Золото притягивало, манило мягким блеском... он не выдержал. Да и кто бы устоял на его месте?

Мальчишка сгреб монеты и выскочил за дверь.

Прятать побежал...

Яна проводила его насмешливым взглядом. Она все сделала правильно. Завоевать доверие этого звереныша? Да за пару дней?

Это нереально...

Но деньги очень хорошо отбивают и разум, и недоверчивость... посмотрим, что получится.

* * *

Пашка смотрел на состояние в своих руках. Для его возраста, для его времени – состояние. Он спрятал деньги в потайное место, серебро отдал тетке и задумался.

А ведь тора добрая...

Ладно, не особо добрая, это видно. Но хотя бы честная. А коли так...

Нужны ему те кольца? Нет.

Ему золото нужно, а колечки только опасность принесут. И если он торе расскажет, как там и что было...

Расскажет?

Наверняка.

Она не просто может заплатить.

Она – заплатит.

Пашка еще раздумывал, но второе кольцо уже вытащил. И в пояс штанов завязал покрепче, чтобы не потерять.

Завтра он пойдет к торе Яне...

Анна, Россия

– Вот ты стерва!

Кира подняла глаза от тетради и посмотрела на говорящую.

Олеся Рябченко, признанная первая красавица класса, некогда восхищала Киру.

Давным-давно...

Сейчас она смотрела и не понимала своего восхищения.

Чем?

Обесцвеченными тусклыми волосами? Попугайскими одежками? Кучей драгоценностей, которые не соответствуют возрасту?

Макияжем, которым только ирокезов распугивать?

Чем, чем она восхищалась?!

Не понять...

– В чем дело, Рябченко? – нелюбезно осведомилась Кира.

– Витя... твоя работа?!

Кира подняла брови. Она еще этого не понимала, но действовала, как Анна. Так же улыбалась, так же двигалась, так же не собиралась ввязываться в базарные склоки... вот еще не хватало!

– Моя? В самом деле?

Класс (хоть и небольшой) прислушивался со всем вниманием.

– Мне Витя все написал! Все-все... пока у него телефон был!

– Слушаю.

Рябченко аж стушеввалась немного. Ненадолго, правда. Она ожидала, что Кира будет оправдываться, объясняться, но не так вот...

– Витя мне сказал, что ты тоже была в общежитии!

– Была. И его отец в курсе.

– Его отец в пансион закатал! Считаю, посадил на пять лет!

Кира вздохнула:

– Рябченко, тебя интересует, что было в общежитии? Что тебе мог рассказать Витя, который сразу же набухался и напирался?

– Он сказал, что ты его бросила и сбежала!

– А должна была на себе тащить? Рябченко, я вешу вдвое меньше, чем Витя! Я бы его даже волоком не утащила!

Среди одноклассников послышались смешки. Кира голоса не повысила.

– Рябченко, только ради тебя я расскажу, что там было – в общежитии. Первый и последний раз. А Витюшу можешь забирать, с моего благословения.

– Ах ты...

– Мне такое даром не надо! Он меня в общагу пригласил, он меня напоить пытался, он меня наркотой угостить пытался... если б я поддалась, я бы не здесь сидела, а в реанимации лежала. Или на кладбище. Гулянка в общаге среди негров, арабов, среди невесть кого... это бы добром не закончилось. Поняв, что Витя неадекватен и защитить меня не сможет, я ушла.

– Вот просто так? – ядовито ухмыльнулась Олеся.

– Нет. Не просто. Я спряталась в комнате, позвонила подруге, она за мной приехала и увезла.

– Две бабы? – Рябченко еще сопротивлялась, понимая, что теряет главенство в разговоре.

Кира не соизволила даже бровью повести.

– Ане было сложно, но она приехала. И вытащила меня. И даже уши не надрала. Витю мы вытаскивать не стали, это было нереально. В том, что какие-то типы помереть изволили, я тоже не виновата. Там наркоты было... и водки – жуть. Это смешивать не рекомендуется. То, что Витин отец не хочет получить сына-наркомана, тоже понятно. С чего ты предъявляешь мне какие-то претензии?

Крыть Рябченко было нечем, но когда это останавливало женщин?

– Это ты так все рассказываешь!

– Можешь посмотреть протоколы, – парировала Кира. – Мне скрывать нечего, у меня проблем нет.

– А Витя...

– Рябченко, ты глухая? Это ОН пригласил МЕНЯ. Не я его, не наоборот. Окажись здесь твой Витюша, я б ему морду расцарапала.

– Ах ты...

Олеся собралась было поправить Кире прическу, но настроение на подлете сбил вошедший в класс учитель.

– Рябченко! Опять начинаешь?

Олеся сдулась и зашагала к своей парте. Математик был весьма злопамятным и авторитетов не признавал.

Кира встала из-за парты и подняла руку:

– Сергей Иванович, разрешите все же прояснить этот вопрос для класса, чтобы не осталось непонимания?

Она-то математика заметила еще минут пять назад. И – да! Учителя не подслушивают. Учителя осведомляются.

Математик пожал плечами и кивнул:

– Хорошо, Савойская. Слушаем.

Кира молча прошла к доске и написала телефон.

– Савойская?

– Это телефон отделения. Да-да, того самого, в которое забрали и Витюшу. Не сомневаюсь, желающие смогут навести справки. А ко мне претензий не имели ни полиция, ни Витин отец. Что касается самого Вити – тут понятно. Ему не хочется расставаться с вольной жизнью. Зато и с жизнью не расстанется. Спасибо за внимание.

И промаршировала обратно к своей парте.

А как еще?

Витя, гад, тебе мало было меня подставить? У тебя еще есть претензии за то, что я выжила?

Вот козел!

* * *

На этом история не закончилась. После уроков Киру вызвали к завучу.

Что такое завуч? Заведующий учебным процессом. И Раиса Максимовна Иванихина им действительно заведовала.

В дела материальные она не лезла, денег на покупку штор – замков – пособий никогда не выпрашивала. Но в каждом классе точно знала, кто и чем дышит, кто чем занимается, кто с кем дружит...

Если где-то обнаруживался паук, она точно знала, что его выпустил, к примеру, Гриша Иванов, потому что он как раз увлекается экзотами, а паук достаточно редкий и дорогой.

Если случайно (это всегда случайность) взрывался кабинет химии – и тут Раиса Максимовна отлично знала, что виновата Таня Зайкина. Не из баловства. Но девочке очень нравилась химия, причем прикладная. Вот она и прикладывала к ней ручки шаловливые...

Кира у нее тоже бывала пару раз, в основном из-за своей одежды и манеры поведения. Но обычно завуч относилась к девочке достаточно лояльно.

– Добрый день! – Кира решила быть вежливой. Хотя бы пока ей не начнут хамить.

– Добрый день, Кира. Как у тебя дела?

– Более-менее.

– Как самочувствие?

– Тоже неплохо. Раиса Максимовна, может, давайте о деле? – решила Кира. Вот не сойти ей с этого места, но завучу было неуютно. Некомфортно ей было...

И все эти танцы – тоже фикция. Она просто не знала, как начать разговор, вот и все...

– Кирочка, я даже не знаю, как начать...

– Я вас внимательно слушаю. – Кира изображала доброжелательность и понимание.

– Сегодня Олеся позволила себе... определенное хамство по отношению к тебе.

– Да. И что?

– Я знаю, что случилось. Витя поступил гадко, а ты молодец и умничка. И я буду всем об этом говорить.

– Но?

– А ты повзрослела, Кира.

– Мне повезло с учительницей. – Девочка улыбнулась. И подумала, что раньше она бы и разговаривать не стала. Или не так восприняла бы. Или...

Вариантов много.

Но Анна смогла как-то научить ее... сдержанности? Или ввести в рамки?

Кира и сама не знала. Но результат неожиданно нравился даже ей самой.

– Я бы хотела тебя предупредить, что возможны и еще подобные инциденты.

– Почему?

– Умничка. Потому что Витя был красивым, ярким, компанейским, потому что он легко заводил друзей, потому что друзья любили развлекаться за его счет, потому что он предпочел не заявить о своей подлости, а выставить виноватой тебя...

Кира подумала пару минут.

– Вы меня предупреждаете об этом, чтобы я забрала документы? Или поговорила с отцом?

Раиса Максимовна качнула головой:

– Выводы не совсем верны, Кирочка. Я не хочу, чтобы ты забирала документы, ты умненькая и ответственная девочка. А у нас дают хорошее образование. В другом месте тебе будет сложнее... не потому, что ты не справишься. Но ты потратишь кучу времени на ассимиляцию вместо учебы. И успеваемость неизбежно снизится. Кроме того, у нас хорошие преподаватели. А в других местах – не всегда.

– Понятно. А чего вы хотите?

– Чтобы ты была готова к любой ситуации и никому особенно не доверяла. Поговори с отцом, если он решит перевести тебя в другую школу, я пойму. Хотя полагаю, что это ничего не исправит.

– Почему?

– Соцсети и прочая пакость. Раньше информацию было сложнее распространить и в чем-то легче проверить. А сейчас... делается грязный вброс, и потом человеку очень сложно отмыться.

– Согласна, – кивнула Кира.

Она вспомнила интервью с одной из актрис. Ту обвинили в национализме. За что?

За какую-то глупую фразу, на которую сто лет никто бы и внимания не обратил. Но вот поди ж ты! И обвинили, и скандал раскрутили, и едва карьеру бедолаге не поломали...

За что?

Ни за что. Просто так.

– Я на твоей стороне. И весь преподавательский состав – тоже.

– Спасибо.

– Но не забывай, что таких, как Олеся, – много.

Кира кивнула:

– Спасибо. Я и с отцом поговорю, и сама... буду осторожнее.

– Это я и хотела услышать.

– Спасибо, – повторила еще раз Кира. – Можно мне идти?

– Конечно. До свидания.

– До свидания.

Кира вышла из кабинета.

Завуч посмотрела ей вслед и подумала, что все не так уж и плохо в мире. Если есть такое подрастающее поколение.

Определенно, мир будет жить!

Он ведь не на трех китах держится, а вот на таких детях. И плевать на все постулаты философии. Как в свое время писал Светлов:

*Трусов плодила наша планета,
Все же ей выпала честь:
Есть мушкетеры, есть мушкетеры,
Есть мушкетеры, есть!*^[32]

Кира – не мушкетер?

А это как посмотреть! Свою честь и репутацию приходится отстаивать во все времена. И сейчас даже сложнее, чем при Людовике XIII. Там они могли полагаться на шпагу. А сейчас на что?

Фехтование на мобильных?

Дуэль на айпадах?

М-да. Что-то у нас всерьез недоработано.

Русина, Звенигород

– Жом Пламенный! Нам надо поговорить! Немедленно!!!

– Я слушаю вас, жом Михаил.

Мишель поморщился.

Простонародное обращение резало ему уши, но на что только не пойдешь, чтобы получить трон! В последнее время он даже одеваться стал, как эти лапотники! В галифе и косоворотку! Даже сапоги почти не чистил... слуга просто рыдал! Элитная вакса, на основе шампанского, оставалась невостребованной!

Русина стоит определенных жертв.

– Это очень важно...

Пламенный лично поднялся, проверил двери кабинета и воззрился на Мишеля:

– Что именно?

– Мне телеграфировал один из моих друзей. Он сейчас находится рядом с Валежным...

– В штабе?

– Штаба, как такового, нет. Решения Валежный принимает практически единолично, и повлиять на них возможным не представляется, – поморщился Мишель.

Его бы устроило, что Валежный идет на Звенигород. И победа его порадует... но надо бы чуть помедленнее! Не то жом Мишель не успеет набрать нужную популярность!

– Тогда?..

Вместо ответа Мишель бросил на стол небольшой бланк.

Пламенный взял его. Прочитал. И...

Разразился таким потоком брани, что даже гусары могли бы у него поучиться. А всего-то и есть пять слов.

«Анна В. здесь. С ним. Любовь».

Прочти это кто посторонний, может, и не понял бы. Но Мишель и Пламенный не были посторонними.

Анна?

Да, великая княжна Анна Петровна Воронова. Она рядом с Валежным и нашла с ним общий язык. Это очевидно.

– Это точно? – закончил материться Пламенный.

– Григори... – При именовании Григорий, но это такое простонародное имя, с таким в наше время просто неприлично жить! – Он бывал при дворе. Отлично знает всю семью, ухаживал за Диди...

Других пояснений Пламенному не потребовалось.

– Ошибка исключена?

– Да.

– Что ж... это плохо. Но с другой стороны... наследницу престола нашли. Это хорошо...

Мишель кивнул.

– Напишите другу, жом Мишель. Напишите... надо знать, какие у нее есть... уязвимые места.

– О таком запросто не напишешь.

– Я не сомневаюсь, вы что-то придумаете. С вашим умом и талантом, – не особенно тонко польстил Пламенный. Хотя чего там ловчить? Что Миша, что Гаврюша – оба были настолько самовлюбленными, что даже страшно становилось.

Можно особенно и усилий не прикладывать, эти любой крючок сожрут, да еще и благодарны будут.

Вот и слопал молодой человек приманку.

– Я напишу. Но что мы можем сделать?

– А это предоставьте мне. Вам не кажется, что корона на вашем челе будет смотреться весьма... уместно?

Мишелю не казалось. Он был уверен. Хотя, возможно, его уверенность сильно поколебалась бы, знай он, куда направился после беседы с ним жом Пламенный.

А именно – в посольство Лионесса.

* * *

Пламенный – это вам не Зарайский. Того можно и подождать заставить, и лакея к нему послать, и уважения особого не выказывать. Таких на службе у Лионесса много.

А вот Пламенный...

Умные и харизматичные люди, готовые идти и вести за собой, всегда в цене. Пламенный был ценным приобретением. А потому тор Вэлрайо не заставил его ждать. И вышел лично.

– Жом Пламенный.

– Тор Вэлрайо. Мое почтение.

Мужчины обменялись улыбками и рукопожатием и удобно расположились в креслах.

Благородный, тридцатилетней выдержки, дубовик, сигары, улыбки, огонь в камине, дружелюбные жесты...

Кому скажи – соратники и друзья. А на самом деле между ними идет дуэль. Жестокая, беспощадная, страшная... друзья? Да они друг друга в нужнике бы утопили. Медленно, по миллиметру...

Но пока вынуждены держаться вместе, увы...

Первым начал жом Пламенный:

– Тор Вэлрайо, у нас появилась общая проблема.

– Которая из проблем стала для вас столь важна? – светски уточнил тор.

«Я знаю, что проблем у вас хватает. Но мы – не благотворительная организация. И ваши проблемы решим только за

ваши деньги».

– Как я уже сказал, это наша проблема, – не дал себя сбить Пламенный. – Имя ей – Анна Петровна Воронова.

«Проблема общая. Не дам ни медяка!»

Несколько минут тор Вэлрайо молчал, вспоминая, кто это такая. И жом Пламенный решил добить. Понял, что без титула мужчине сложно ориентироваться...

– Ее высочество, великая княжна Воронова. Старшая дочь Петера. А вот теперь – дошло. Тор Вэлрайо даже дубовик расплескал.

– Вы... как?!

– Я в курсе ее местонахождения. И считаю это очень серьезной проблемой.

Тор Вэлрайо был полностью согласен. При условии смерти императорской семьи они получали определенные проблемы. Не столь большие.

При условии воскрешения хоть кого-то...

О, это не проблема! Это болото с дерьмом, из которого Лионесс не выплывет! Если Анна Воронова захочет его топить, конечно...

– Это проблема, – признал тор. – Что вы предлагаете, жом Пламенный?

Пламенный пожал плечами и мило улыбнулся. А потом обронил всего лишь одно слово:

– Легитимность.

Тор Вэлрайо размышлял несколько минут.

– Полагаете, получится?

– Почему бы не попробовать? Если тора Анна окажется в Звенигороде, я сумею ее убедить. Не сомневаюсь, она примет мое предложение. Выгодное...

Тор Вэлрайо в этом также не сомневался. Примет, если жить захочет.

– Мне нужно знать, где она. Тогда я смогу сказать... более конкретно.

– В ставке Валежного, – проинформировал Пламенный.

– Беркут? – проявил осведомленность тор Вэлрайо.

– Да.

– Хм... Я дам знать своим людям. Есть методы...

Жом Пламенный прищурился:

– Надеюсь, вы понимаете, что у меня также есть свои люди. И свои методы?

– Да, жом. И... мы намерены продолжать наше сотрудничество дальше.

Жом Пламенный кивнул.

Самое важное было сказано. Оставалось обговорить детали. Хотя кто сказал, что им придется просто? Но ставка в игре – Русина!

А Русина стоит брака!

Только надо придумать, что делать с Тигром. Вот не сойти Пламенному с этого места, у наглого котяры наверняка есть свои планы. Надо бы ему усы-то и укоротить. Заранее.

Яна, Русина

Яне было искренне интересно – придет мальчик, не придет...

Расскажет, не расскажет, покажет, не покажет...

Пашка затягивать не стал. Явился на следующее утро и выложил на стол второе кольцо. Как раз то самое.

– Вот, тора...

Яна вздохнула:

– А теперь расскажи, как к тебе попали эти кольца.

На стол медленно опустилась стопка золотых десятков. Рядом с ней легла стопка ассигнаций. Понятно, потоньше, но купюры в ней были сплошь крупными, уж деньги-то Пашка считать умел.

Но хватать и пересчитывать он ничего не стал. А вместо этого уселся, повинувшись кивку торы, получил пирог и кружку с взваром и принялся рассказывать ей о том, чему был свидетелем.

Яна даже не удивилась.

– Мишель, значит...

– Тора?

– Это так, мысли вслух. Ты продолжай, Пашенька, продолжай...

А продолжать-то особо было нечего. Что тут расскажешь? Как батя испугался, да и отправил сына к тетке, от греха подальше?

Это как-то и неинтересно...

Тора, впрочем, выслушала очень внимательно. Покивала.

– Паша, ты можешь то же самое рассказать Валежному?

– Тору генералу?
– Да.
– Могу...
– Вот и отлично. Посиди тут, поиграй с моими ребятами, пожалуйста. А я отправлю генералу весточку. Да, и деньги прибереги.
– Благодарствую, тора.
– Если будешь тратить – начни с ассигнаций. Золото в цене не потеряет никогда.
– Понял, тора.
Яна кивнула и вышла из комнаты. Надо было написать Валежному.

* * *

Примерно через три часа Яна сидела уже напротив Валежного. Тот кривился, словно от запаха дерьма, и рассматривал бумагу с откровенным омерзением.

Яна смотрела на стену, на которой висела карта. И булавками с белыми головками отмечалось продвижение Валежного к Звенигороду.

Головок было много.

Карта казалась запорошенной снегом.

– Белая весна, – шепнула девушка. – Белая...

Словно дворец Хеллы...

Ты довольна, богиня? Столько крови обозначено этими белыми флажками. Столько боли, смертей, горя и отчаяния...

Отозваться та не успела, заговорил Валежный:

– Грош ей цена, конечно...

– С кольцами?

– С кольцами, понятно, дороже. Но все одно – отопрутся от всего.

Яна качнула головой:

– Отцеубийца? Это клеймо. Тварь, которая подняла руку на родителей, жить недостойна.

– Смотри какие родители.

– К Гаврюше это не относится. Антон Андреевич, Гаврюша был отвратительным братом, но хорошим отцом. Несмотря ни на что. Сына он любил и корону хотел не столько для себя, сколько для него.

– Вот она – благодарность...

– Хочу заметить, что Гаврюша был чрезвычайно целеустремлен. Он должен был узнать что-то... основопотрясающее, чтобы запить, – чуточку коряво выразилась Яна. Но получилось доходчиво.

– Что это могло быть?

– Что угодно.

– Хм...

– Интересно, подпишет ли Мишель бумагу, что убили Гаврюшу лионессцы?

– В обмен на эту? Легко!

Валежный посмотрел на Яну. И прочитал в ее глазах веселый вызов.

Помиловать подонка?

Да и пусть, его в ответ жизнь не помилует! Так вломит, что уши в череп уйдут. Опять же, Гаврюша предал брата и был предан сыном. Есть в этом печальная, но справедливость.

А Лионесс...

Эти гады им жизнь еще попортят. Да и виноваты они в происходящем, хотя и косвенно. Ну ничего, и на них управа найдется.

– Вы полагаете – справимся, тора Яна?

– Обеспечьте охрану и мальчику, и его семье. Нам сильно повезло, тор генерал, не хотелось бы разменять эту удачу.

– Да, тора Яна.

– Сколько мы еще пробудем в Беркуте?

– Сутки, тора Яна.

– Отлично.

Почему-то Яне казалось, что ей надо уезжать. Вот и поедет. Только письма напишет, кому надо...

Да. И ЕМУ в том числе.

Вот ведь... встретила на свою голову! Нарочно такое не придумаешь, но жизнь любит затейливые вензеля.

Ида, Свободные герцогства

– Опять сидит.

Жом Пауль без малейшего одобрения посмотрел в окно. Жама Эльза покривилась:

– Вот ведь... лында^[33].

– И чего ему от торы нужно? Такая девочка хорошая, умненькая, серьезная, – продолжал ворчать жом Пауль.

Это верно. Хозяйку слуги полюбили искренне. А что такого?

Девочка серьезная, домашняя, гулянок не устраивает, мужиков не принимает строем, учится, работает в лечебнице... сначала-то слуги думали, мол, блажь, перебесится да успокоится, для дамы ж что положено? В парке гулять, цветочки вышивать, мужем-детьми обзавестись...

Потом посмотрели внимательнее и поняли – такое не пройдет. Тора Ида фанатично училась медицине. И на плече у нее шрам был.

Грубоватый, корявый...

Она как-то обмолвилась, что сестра ее спасла. А остальных не смогла – там насмерть...

Слуги все поняли. И девушку начали уважать. Когда она своего врача выхаживала, заколебались было... все бабы одним миром мазаны! Как ни верти, а натура свое возьмет. Не могут они хвостом не крутануть, так-то...

Нет?

Опять нет...

А вот жом Константин, который несколько раз появлялся в доме...

Он обещал писать, и несколько раз от него приходили письма, которые жама Эльза совершенно случайно видела. Нет-нет, она почти ничего не знает по-русински. Но кое-что поняла...

Любовь, да.

Но все строго, не для блуда, а для семьи.

Жома Константина обсудили со всех сторон, признали достойным и решили, что ему можно «доверить девочку». А вот этого... лынду, как охарактеризовала Армандо жама Эльза... нет, ему никто и никого не доверит. Вот еще!

– Чего нужно – то и Полкану понятно. А вот что с ним делать-то? – задала резонный вопрос жама Гертруда.

– А что тут сделаешь? Он все ж тор...

Женщина нахмурилась. Жама Эльза ее опередила:

– Тор он или торт, а с моей стряпни он неделю с горшка не слезет!

– Это нужно, чтобы тора его пригласила. А она не хочет.

– Зато этот лымарь^[34] хочет. И сидит, и сидит, и провожает ее всюду, разве что за руки не хватает... сплетни уж поползли!

Сплетни и правда поползли. Армандо был задет и собирался достойно отомстить негодяйке. А именно – забраться к Иде в постель.

Жениться?

Что вы, такое его семья не одобрит! Он все же тор... она, конечно, тоже не из простонародья, но беженка из Русины? Ф-фу-у-у...

Второй сорт не брак. То есть – не для брака. Как потом посмотрят на его семью? Его детей? Нет-нет, это совершенно нереально. Вот интрижку закрутить – другое дело. Это и приятно, и необременительно... Репутация дамы?

Вы вообще о чем?

Какая репутация?

Она же работает в лечебнице! Живет одна! Бежала из Русины... от репутации там такие лохмотья, что ты хоть и роту солдат у себя принимай! Уже ничего не повредит!

И Армандо пошел на штурм.

В просвещенном двадцать первом веке это называется красивым словом «сталкинг». Еще может быть синдром Адели. Но реально борются с этим только в Англии. И то скорее это местное законодательство.

А пока докажешь, пока покажешь... поверьте, рехнешься раньше, чем дело до суда дойдет. В других странах и законов-то таких нет, преследуй на здоровье! И жертва получается беззащитной перед подонком. Убьют, побьют – тогда и приходи. Идеальная позиция! А если негодяй навязчив? Если не понимает слова «нет»? Если он последовательно разрушает человеческую жизнь, не останавливаясь ни перед чем? Да, пока не применяется насилие, но это ведь – пока!

Иде было в чем-то проще. Рядом с ней Полкан. И то... мало ли что? Собаку можно отвлечь, отравить, застрелить...

А родных у нее нет. И близких тоже.

Константину она писать об этом не стала. Не хотелось... ему и так тяжело. У него жуткая ситуация, он под смертью ходит, а Ида ему напишет, мол, так и так, мне тут мелкотравчатый мерзавец прохода не дает...

Это неправильно.

Но и что делать, она не представляла. Жалобы в полицию результатов не давали. Оставалось только терпеть, ждать и надеяться, что Армандо это самому надоест. Но пока цветы ей доставляли ежедневно.

И провожал ее Армандо до здания госпиталя тоже ежедневно. Разве что обратно не провожал – нереально. Слишком большая территория...

Но кто знает, что будет дальше?

Ида нервничала, бледнела и худела.

Армандо нервничал и наливался злостью, словно спелое яблоко соком.

Нарыв должен был прорваться, так или иначе...

Эпилог. Ветер развеял слова... Хочет молчать тишина. Это настала весна

Анна, Россия

Почему телефонные звонки всегда раздаются неожиданно?

Только сейчас Анна поняла отца, который все телефоны приказал вынести в одно помещение и приставить к ним специального лакея. Нескольких лакеев.

Пока телефонируют, пока выслушают новость, пока донесут до Петера...

Конечно, это плохо, когда надо реагировать незамедлительно. Но на памяти Анны ее отец ни разу так не поступал.

Зато он и не чувствовал себя мишенью для дротиков.

Затрезвонил телефон – и Анна аж дернулась, как от впившейся иголки.

Прогресс несет и свои минусы, ты чувствуешь себя собачкой на поводке, за который в любой момент могут дернуть.

– Слушаю?

– Госпожа Анна Петровна Воронофф?

Голос говорящего звучал чуточку глухо, да и слова он произносил своеобразно. С акцентом.

– Да.

– Мое имя вам ничего не скажет. И вам его знать не надо.

– Почему?

– Госпожа Воронофф, у вас есть почтовый ящик?

– Да...

– Электронный?

Анна послушно продиктовала сочетание цифр и букв. Это ж не карта Сбербанка?

– Благодарю вас, Анна. Всего вам хорошего.

– И вам тоже...

Анна в недоумении посмотрела на телефон. Но – ненадолго.
В почтовый ящик прилетело сообщение.
Анна коснулась значка на панели и принялась читать.

*«Госпожа Воронова.
Господин Цветаев лечился в нашей клинике.
Он завещал переслать этот файл вам. И попросить прощения.
Я выполняю последнюю волю умершего и прошу вас ничего не сообщать его матери.
Скачайте файл себе, я через два дня уничтожу все следы отправления.*

С уважением».

Ни имени, ни отчества...
Анна подумала – и отправилась к Кире.

* * *

Кира и Гошка террорили каких-то зеленых мутантов на мониторе. Визг стоял на половину особняка. Анна отозвала Киру в сторону и показала ей сообщение.

– Киреныш, с этим можно что-то сделать?

– Логин и пароль на базу, – отозвалась Кира.

Анна порылась в памяти и назвала. Благо Яна себя не утруждала и паролем была Гошкина дата рождения.

– Отлично. Щас качнем...

На скачивание ушло несколько минут, потом Кира утащила Гошку на кухню лопать крыжовенное суфле, а Анна осталась один на один с видеозаписью.

Открыла, взглянула – и даже поморщилась от отвращения.

Нехорошо?

Наплевать!

Сергея Цветаев изменился жутко. Был красавец мужчина, спортивный, не слишком худощавый, пропорциональный, кудрявый, а сейчас...

Сейчас на мониторе был виден... а, некоторые зомби куда как симпатичнее выглядят.

Весь серый, глаза запали, щеки провалились, части зубов нет, выглядит лет на семьдесят... говорят о печати смерти?

Говорят...

А Анна ее отчетливо видела. Жуть – жуткая.

Не человек. Живой труп.

– Янка, привет. Привет, рысь лесная. Надеюсь, у тебя все хорошо. И сейчас, и будет. Знаешь, дураком я был...

Два часа Анна не отрывалась от монитора.

Два часа исповеди.

Надежды, мечты, планы, детские воспоминания... Сережа все свалил в кучу. Не ради Яны.

Ради сына.

И лишний раз не уставал подчеркнуть, что бабке мальчика доверять нельзя – изуродует. Как самого Сергея.

Некоторые моменты были – хоть сейчас в суде прокручивай... откровенно жуткие. Как мать при сыне приводила в дом любовников, как пила с бандитами, как заказала отца Сережи...

Да, Сергей и это знал. Доказательств у него не было, но кому они сейчас нужны? Этой записи с лихвой достанет, чтобы похоронить Цветаеву в суде!

Для себя Сережа просил только об одном. Дать эту запись посмотреть Гошке. Не сейчас, нет. Когда мальчик достаточно вырастет.

– ...я понимаю, я вообще ему отцом не был. И прошу о том, на что права не имею. Но Янка, мне бы хотелось, чтобы сын меня знал... ну хоть чуточку. Я пойму, если ты откажешься, но ты всегда была сильнее меня. И благороднее...

Анна подумала, что не откажет.

Сохранила запись на нескольких носителях, не считая жесткого диска, и отправилась вниз. Благо вся семья, включая Борю, была уже в столовой. Ждали только Анну.

* * *

Она рассказала обо всем за обедом.

О звонке, о записи... Борис задумчиво кивнул:

– Скинешь запись мне. Я посмотрю и Яше скину. Авось да пригодится.

– Хорошо.

– Не вполне, значит, парень мозги проколол. Хотя перед смертью многие в ум входят...

Анна вздохнула:

– Да, Сергей был хорошим. Неглупым, но слабым.

Гошка даже внимания на это не обращал. Он был занят важным делом, подкармливал со стола Смайлика. Котище с достоинством принимал из его рук ветчину.

Пока взрослые отвлеклись на свои неинтересные разговоры – оно ж самое время!

– Пригодится. Я и так вас буду защищать от Цветаевой, но лишняя запись – лишней не будет, – усмехнулся Боря.

– А когда вы поженитесь?

Анна аж соком подавилась.

– Кира?

– А что такого? Папс, ты Ане предложение не сделал?

– Сделал. Она взяла время на размышления...

– Так вы бы размышляли, а мы готовились? К примеру, к осени?

Анна вздохнула.

Осени...

Осенью она будет уже мертва.

Свадьба...

Это подлость получается. Настоящая подлость. Но...

Она видела глаза Цветаевой.

Кем надо быть, чтобы гроб с телом сына использовать в своих интересах? КЕМ?!

Ольга Сергеевна даже не монстр, она хуже. А Анне надо защитить сына. Поэтому...

– Киреньш, предлагаю сделать так. Мы ходим и подадим заявление, если твой папа не будет против. А там посмотрим, сколько времени нам дадут.

– УР-Р-Р-РА-А-А-А!!! – заорала Кира. И кинулась Анне на шею.

Потом отцу.

– Вот! Я же говорила, что надо просто спросить! Словами, через рот...

– И когда пойдём? – решил не упускать шанса Борис Викторович. Анна чуть растерянно улыбнулась.

– А когда у меня выходной?

– Моей волей – завтра, – тут же решил мужчина.

– Значит, завтра. – Анна развела руками. – Пусть это будет летняя свадьба?

– Пусть так.

Кира счастливо улыбалась.

Главное ж что? Что у нее все получилось! А вы не верили!

Гошка, иди сюда, братан! Я тебя тискать буду! О, и Сталина заодно! Хорошая ведь семья получается, правда?

Тьфу, зараза!

Я все понимаю, кот, но зачем ты приволок ящерицу? Крысы не нашел? Отметить захотелось? Рано еще...

У кота на это было свое мнение. Ничего и не рано, а очень даже вовремя. Он же знает, что в кладовой висят целых две свиных ноги... а свадьба...

Это когда еще будет! Хамон точно раньше съедят!

Яна, Русина

– Читайте, тор генерал.

– Благодарю за доверие, тора Яна.

Яна только что рукой махнула. Какое там доверие? Проще не усложнять и отдаться добром. Все собираются, готовятся к отъезду, она взвыла и решила хоть ненадолго сбежать к Валежному.

Генералу тоже, видимо, вить хотелось, потому что Антон Андреевич приказал заложить лошадей. И они с Яной поехали за город.

Хоть погулять недолго... ну хоть часок! Весна же!

Весна пришла, а они... они даже ничего не замечают на своей войне!

Травка пробивается, солнышко пригревает по-весеннему, переплавляя лучами островки снега в грязные лужицы, птицы

чирикают, словно взбесившиеся...

Валежный читал письмо Яны к жому Тигру.

«Дорогой друг!

Полагаю, наше совместное путешествие и определенные интимные моменты дают мне право называть вас другом?

Генерал Валежный о вас очень хорошего мнения. Поэтому я не стану вилять и скажу прямо.

Те, кто перейдет на мою сторону, получают полное прощение. Более того, мне не справиться без кабинета министров, в который войдут самые умные, сильные и грамотные личности из имеющихся в Русине. Без оглядки на происхождение и прошлое.

Гражданская война плоха тем, что виноваты в ней обе стороны. Обе стороны умываются кровью, обе стороны виновны в гибели женщин и детей, обе стороны заляпывают себя грязью так, что свиньи позавидуют. Радуются этому соседи.

А если виноваты обе стороны, какая разница между теми и этими?

Не буду отрицать, прощение получают лишь те, кто добровольно сложит оружие. Те, кто желает лить родную кровь, могут получить лишь веревку на шею.

Утопия?

Но генерал уверенно идет на Звенигород. И когда мы будем в столице...

Признаюсь, я надеюсь на нашу встречу.

Следующее письмо вам передаст тот же человек. Надеюсь, вы на него не в обиде?

Я очень беспокоилась о вас.

Тора Яна».

Банг!

Дзонг!

Бэнг!

Пока Валежный читал письмо, Яна присмотрела подходящую мишень – и не удержалась. Всадила шесть пуль в ствол поваленного дерева. Аккурат в сучок на стволе.

– Тора Яна?

– Простите, не удержалась. Больно уж мишень хороша... была. Валежный посмотрел на разломаченное дерево.

Все шесть пуль Яна положила практически в одну точку. И теперь перезаряжала револьвер. Сопровождающие держались в отдалении.

– Бывает, – решил не заострять внимания Валежный. – Вы думаете, этого будет достаточно?

Яна хмыкнула:

– О некоторых моментах знаем только я и он.

О гражданской войне, к примеру. Они говорили о ней в постели. Так что дискуссия получилась весьма легкомысленной.

– Писать нечто большее попросту рано.

Валежный медленно кивнул.

– Я написал Изюмскому. К моменту нашего прибытия у него все будет уже готово. И репортеры, и прочее...

Даешь пропаганду! Два раза и посильнее!

Яна кивнула. Она слушала, руки занимались своим делом, привычно перезаряжали револьвер... по нынешнему времени незаряженное оружие – почти самоубийство.

– Кандидаты на роль моего супруга определены?

– Тора Яна, это немного сложно...

– Сразу хочу оговорить – Мишеля не предлагайте. Прибью.

Валежный печально улыбнулся:

– Как прикажете, тора Яна. Но думаю, у жома нет никакой возможности подчинить себе торов.

Яна едва не фыркнула. Тут дело не в жомах, не в торах, а в том, у кого «колокольчики» крепче. Знала она такие примеры из отечественной истории.

– Тор генерал, я понимаю, что это сложная задача. Но ее надо решить уже сейчас. И быстро. Чтобы объединить две половины Русины. Я бы за Пламенного замуж вышла – он под себя кого только не подмял! Так ведь женат, подлец!

Валежный рассмеялся.

Получилось как-то невесело, неприятно.

– Повешу я Пламенного! Творец видит, повешу! Если войдем в Звенигород... за все!

Яна не стала заострять внимание на этом вопросе. Хочешь? Вешай! Хоть два раза! Хоть у себя на воротах приколоты, она и слова не скажет, и по вполне уважительной причине. Она к тому времени уже помрет...

– Ваше величество...

Яна хотела было рявкнуть, чтобы ее так не называли, но поняла, что Валежный не оговорился. Ему хотелось подчеркнуть серьезность вопроса.

– Да, тор генерал? – таким же официальным тоном отозвалась она.

– Мне докладывали, что тор Алексеев женат. Возможно, у вас есть кто-то... кандидат... – Валежный запнулся, вздохнул – и рубанул сплеча: – За кого вы сами хотите замуж выйти? Чтобы потом возражений не было?!

Яна пожала плечами:

– У меня много требований, тор генерал.

Валежный закатил глаза.

Ну, так он и знал, вечно эти бабы... сначала – кто угодно, лишь бы делу помогло, а потом... глаза не того цвета, нос не той формы, а фигура... начинается...

– Я вас слушаю, ваше императорское величество.

– Первое – это должен быть человек образованный. Другой не справится. Он должен быть достаточно жестоким, не бояться лить кровь, обязан найти с вами общий язык. Если он не будет благородного происхождения – это тоже не страшно, Пламенный, кажется, не тор?

– Его деду было даровано личное дворянство. Но отцу уже нет...

– Я уже говорила, Пламенный подошел бы. – Яна подумала, что такую сволочь ей не жалко, можно и замуж выйти, пусть плачет. – И есть еще один вопрос. Возраст.

– Возраст, ваше величество?

– Престолонаследие. Будет некрасиво выйти замуж за одного и заводить детей от другого.

А еще хорошо бы, чтобы из выбранного кандидата песок не сыпался. Потому как ему править.

Яна даже усмехнулась, подумав о размере подложенной свиньи. Она-то скоро умрет (Хелла, кажется, с меня причитается?), а

Валежному оставаться здесь и расхлебывать все это варево. Поэтому для кого она выбирает мужа – еще большой вопрос.

– А... остальное?

– Что – остальное?

– Внешность... может быть, какие-то навыки...

Яна прикусила язык чуть не до крови. Интересно, если она ляпнет про знание «Камасутры», Валежный лично каждого экзаменовать будет?

Яна представила себе это собеседование. Почему-то воображение подкинуло ей Илью, который сидит за столом напротив Валежного и отчитывается: «Прочитал до сорок пятой страницы, решил попробовать, когда распутали, решил больше не рисковать...» Тьфу! Сгинь, зараза!

Не надо так издеваться над собой, это вредно для здоровья. Психического. Потому что следующим воображение подкинуло Тигра.

Который не читатель. А писатель и исследователь...

Так!

Цыц!!!

– Тор генерал, – голос Яны звучал устало, – что меня интересует, я вам перечислила. Жены, дети, любовницы – безразлично, лишь бы сейчас кандидат был свободен. Да, насчет образования... оно должно быть получено в Русине. Не за границей.

– Почему, тора Яна?

– Потому что за границей человеку прививают любовь к загранице.

В своем времени она такого насмотрелась. Приехала одна Сережкина подружка из Англии, как начала губы кривить... ах, вот тут плохо, тут ужасно... а вот у нас в Англии...

Яна тогда не выдержала и вlepила ей поперек силикона. В Англии? Да, но у НИХ! А ты там навсегда останешься суматранской макакой! И прапраправнукам твоим попомнят!

Валежный остановился. Взял Яну за плечи, пристально взгляделся ей в глаза, нарушая при этом все установления и этикеты разом. Отпустил.

– Простите, ваше... тора Яна.

– Творец простит, а Хелла не осудит.

– Я не ожидал. Скажу вам честно, я не ожидал...

– А чего вы ждали? Что я буду капризничать в таком вопросе?

Валежный отвел глаза в сторону. И после некоторых внутренних колебаний выдавил из себя всего два слова:

– Ваш отец...

Яна только что глаза закатила. Да, знала она эту историю. С безумной любовью Петера к девочке-эльфу, такой очаровательной, возвышенной и неземной...

Влюбился он в Аделину еще в щенячьем возрасте. И родители, вместо того чтобы разрешить, – запретили! Встречаться, переписываться... им бы проявить либеральность и подсунуть Петеру бордель-мадам поопытнее. Глядишь, и вырос бы нормальный мужик, в меру циничный, в меру приличный. Так нет! Развели на пустом месте романтику...

– Тор генерал! Мой отец позволил себе поддаться чувствам. И в результате погубил все. Себя. Семью. Страну. Человеческое доверие. Достижения Русины за последние пятьсот лет... а сколько людей по его милости уже в землю легло? За такое убивать надо. Вы мне предлагаете повторить за ним?

Валежный замотал головой.

Нет, не предлагал и был откровенно рад.

– Я не ожидал, тора Яна.

Яна огляделась вокруг.

– Смотрите, генерал. Сон-трава...

И верно, на пропелсине упрямо пробивались, тянулись вверх, к солнцу лиловые цветы. Девушка подошла, медленно опустилась перед ними на колени...

– Красивые, правда?

– Да.

– А если я их сорву, простоят всего сутки. Может, чуть больше. – Яна обнаружила, что в левой руке у нее так и зажаты гильзы, и медленно раскрыла пальцы. Гильзы посыпались рядом с цветами. Красивые, золотистые...

Сочетание – хоть ты сейчас бери и картину пиши... символизма будет – не отгрести лопатой. И весенние цветы, и оружие, и кровь...

Валежный тоже смотрел на это. Молча смотрел.

– Понимаете меня, тор генерал?

– Понимаю, ваше императорское величество.

– Тогда помогите мне. Помогите правильно выбрать человека, который сможет повести за собой Русину.

– Я его уже выбрал, ваше величество. Ее...

Яна качнула головой:

– Нет, тор генерал. Я не смогу. Не сумею. Не хватит сил, знаний, жестокости... я просто не справлюсь. Я это точно знаю.

Яна знала историю, и не так уж плохо. Но знать, где страна ошибалась, – и править самой? Это не фэнтези, где каждый баран, попадая в другой мир, становится бароном и начинает чем-то управлять! И ведь неплохо управляет!

Яна не обольщалась.

Ее потолок – Индиана Джонс. Одинокий рейнджер, наконец. А чтобы править страной, нужны другие навыки, умения, знания...

Нет, она не справится.

– Давайте поторопимся, тор генерал. Уже весна. Я хочу летнюю свадьбу. В Звенигороде.

– Я приложу все усилия, чтобы выполнить ваше пожелание, ваше величество.

Яна взяла его под локоть.

– Приложите, тор генерал. Я настаиваю.

Только вот и настаивать не надо. Валежный доволен, Яна довольна...

Успеют ли они? Определенно успеют. Обойдется Русина без революции... авось у них тут лучше получится?

Пусть хотя бы попробуют...

Жом Зарайский. Беркут

Алоиз Зарайский прибыл в Беркут поздно вечером.

Как же он устал!

Безумно, безудержно, это какая-то гонка на выживание... особенно через Хормель. Кошмар какой-то! Алоиз напоминал себе крысу в лабиринте.

Он мечется, носится, а добраться до цели не может и не может... да что ж такое?!

Может, и догнал бы он всю эту купеческую компанию, но в Кареве свалился малым не на две недели. Простуда никого не щадит! Тем более зима... а кашель трепал мужчину с невероятной жестокостью.

Какие уж тут поездки?

Какие преследования?

До нужника бы доползти! И в дырку не свалиться...

Хорошо еще, деньги были, но и так спал Алоиз только с пистолетом под подушкой и нападения ожидал ежечасно. А это никак не способствует выздоровлению.

Ладно, кое-как оправился. Нашел попутчиков, уехал... не одному же по этим дорогам путешествовать? Так и до могилы-то не доедешь!

Добрался до Беркута.

И что он слышит?

Был здесь такой Меншиков, был! Уехал вместе с Валежным, благодетелем нашим.

Куда?

Так в Ирпольск! А оттуда, наверное, в Зараево...

Не сволочь, а?! Слов у Алоиза не было, даже нецензурных!

Вот как, ну как так можно?!

Кто был с Меншиковым? Дети, внуки... дочь? Да, дочь была... такая, красивая, кареглазая. Яной зовут.

Вот, кстати говоря, к ней тор генерал особое внимание проявлял...

Монеты, отданные в нужные руки, творят чудеса. И Алоиз уже знал, что для купца выделили два купе, что ради него... так-то вроде как ради Валежного, но ведь с ним в бронепоезде и купец с семьей поехал! Хотя такой поступок для Валежного нехарактерен, не уважал генерал торгашей...

Нет, не понять...

Знает генерал – или не знает?

И если знает, то что будет делать?

Надо это выяснить...

Алоиз отчетливо понимал, что это безумие, что он может просто... да убьют его, вот и вся недолга! Но – вдруг повезет?

И он уже столько проехал! И все бросить?

И конечно же... из Ирпольска ближе до Герцогств... а уезжать лучше туда.

Решено!

Едем в Ирольск! А дальше будет видно!

notes

Примечания

1

Все названия глав взяты из стихотворения Аделаиды Герцык «Весна». (*Прим. авт.*)

Возможно, у кого-то игры в ножички назывались иначе. Автор не претендует, но в детстве – обожала! С полного разрешения родителей.
(Прим. авт.)

Искаженный французский, перевод: «Мы ехали, на нас напали, мои люди храбро сражались...» ОЧЕНЬ искаженный французский.
(Прим. авт.)

4

Котомка, кошелка. (*Прим. авт.*)

Фильтр для сигарет был изобретен в 1925 году, автор – Б. Айваж. В массовое производство пошел в 1927 году, но в Русине чуточку пораньше. (*Прим. авт.*)

Композитор А. А. Алябьев, стихи А. А. Дельвига. (*Прим. авт.*)

А. В. Суворов. (*Прим. авт.*)

Первые броневые автомобили имели кучу недостатков, но поверьте, это действительно были крепости на колесах, способные сравниться с иными танками тех времен. *(Прим. авт.)*

«Жизнь, как смертельная болезнь, передающаяся половым путем» – польско-французский фильм, режиссер Кшиштоф Занусси. Автор его не смотрела, так что сказать о качестве не может ничего. А вообще подобным образом высказывались еще с 1656 года, а то и раньше (Эйбрахам Каули). *(Прим. авт.)*

Кстати, Николая II тоже ни разу не большевики свергали. Там Временное правительство подсуенилось, Родзянко, Гучков, Керенский, октябристы, националисты, кстати, практически все войска были ЗА его отречение, так он всех достал. И вот ни одного большевика. (*Прим. авт.*)

Шекспира в этом мире не было. Но леди Макбет – образ, идущий
сквозь миры. (*Прим. авт.*)

Для тех, кто интересуется: Ида разыгрывает бессмертную партию образца 1851 года, между Андерсеном и Кизерицким. (*Прим. авт.*)

480 год до н. э. В результате действий боевых пловцов пострадал флот персидского царя Ксеркса. Греки постарались. (*Прим. авт.*)

Греческий огонь. Сделать его в тех условиях было вполне реально. (*Прим. авт.*)

Название, певец и текст взяты автором с потолка после тщательного изучения текстов песен о любви 2020 года. (*Прим. авт.*)

Окно Овертона – тип нейро-лингвистического программирования, методика воздействия на разум общества. Включает в себя несколько этапов. (*Прим. авт.*)

Изобретатель канцелярской кнопки – И. Кирстен, 1903 год, патент на нее взял П. Линдштедт в 1904 году и стал миллионером. (*Прим. авт.*)

«Как быть мужиком», 2013 год, «Моя жизнь», 1993 год. (*Прим. авт.*)

Автор не придумывает, автор преуменьшает. Сильно. (*Прим. авт.*)

Поезд не в смысле по железной дороге и с вагонами, а вот именно что вереница экипажей. До сих пор встречается как «свадебный поезд». (*Прим. авт.*)

Жаргонное «гомосексуалист». Россия, XVIII–XIX век.
Оскорбительное. (*Прим. авт.*)

В те времена синоним феминистки. Кстати – презрительный, ибо доэмансипировались, дуры, до шпалоукладчиц. (*Прим. авт.*)

Лично наблюдала подобные «отстойники» в детских садиках, школах и институтах. Организовано по-разному, но смысл один и тот же. Все проблемные элементы собираются в одну группу, или кучку, или класс – и там их становится проще отслеживать. *(Прим. авт.)*

Увы. Тоже лично наблюдала. (*Прим. авт.*)

В Коране сказано сторониться одурманивающего. Но прямого запрета нет. Про спиртное четко (и то оправдание про закат слышала от знакомого мусульманина), а вот про одурманивающее слегка размыто и допускает... вольное толкование, увы. (*Прим. авт.*)

Я делала, когда готовить училась. Вкусно, но на любителя или на окрошку, долго возиться не надо. (*Прим. авт.*)

Автор не утрирует, такое тоже бывало. «Свадьба в Малиновке» не показатель, но пример яркий и почти без вранья. (*Прим. авт.*)

Правильно – «Устав гарнизонной и караульной службы Вооруженных Сил Российской Федерации». *(Прим. авт.)*

Блок А. Заклятие огнем и мраком. В школе не проходят – считается слишком сложным, дети не поймут (цитируя учителя литературы). (*Прим. авт.*)

Соловьев Л. Повесть о Ходже Насреддине. (*Прим. авт.*)

Ducunt volentem fata, nolentem trahunt («Желающего судьба ведет, нежелающего тащит») – изречение греческого философа Клеанфа, переведено на латынь Сенекой. (*Прим. авт.*)

Песня мушкетеров. Слова М. Светлова, музыка М. Карминского.
(Прим. авт.)

Бездельник. *(Прим. авт.)*

Синоним слова «лында», лодырь. (*Прим. авт.*)